

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2020

№ 2

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Московский государственный университет, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Московский государственный университет, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Роккилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Карагеоргий*, University of Oxford Alumna, Институт этнологии и антропологии (Российская академия наук), Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Moscow State University, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Moscow State University, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Novosibirsk State University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Oxford, UK

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Karageorgii*, University of Oxford Alumna, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Russia

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЯ ПАНДЕМИИ

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование	6
--	---

АНТРОПОЛОГИЯ СКОРОСТИ

(отв. ред. специальной темы номера – М.А. Никитин)

Никитин М.А. Скорость и ускорение в антропологических исследованиях	41
Eriksen T.H. Synchronisation and de-synchronisation in the era of the smartphone	46
Головнёв А.В. Скорость в антропологии движения	57
Склез В.М. «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона в контексте теорий исторического времени	79

ВРЕМЯ, ЗАСТЫВШЕЕ В МЕТАЛЛЕ

(отв. ред. специальной темы номера – О.В. Зайцева)

Зайцева О.В. Введение к специальной теме номера: возможности и методы современной археометаллургии	87
Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Ремесленное производство на сельских памятниках Древней Руси в свете новых археометаллографических данных	91
Ширин Ю.В., Асочакова Е.М. Морфология и геохимия кузнечных шлаков Горной Шории	111
Водясов Е.В., Зайцева О.В. Древнейшие памятники черной металлургии в Горном Алтае: новые данные из долины р. Юстыд	125
Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Абрамзон М.Г., Новичихин А.М., Смекалова Т.Н. Исследование серебряных античных монет методами рентгенофлуоресцентного анализа и изотопного состава свинца (фонды Анапского археологического музея)	148
Водясов Е.В., Асочакова Е.М. В поисках железных рудников: георхеологический взгляд	170

MISCELLANEA

Медникова М.Б., Слепченко С.М., Бужилова А.П. Морфологические особенности палеолитической бедренной кости из Усть-Ишима	189
Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь. Интервью с О. Манджиевым	212
Опарин Д.А. Воспоминания о чудесах и камланиях эскимосского шамана: современная атомизация ритуальной жизни и постсоветская ностальгия	229
Харитоновна В.И. Трансформации шаманизма в современной России, или Куда идем мы с чудачком?	251
Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С. «Ключ от дома бабушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти	276

РЕЦЕНЗИИ

Мочалова М.А. Как говорить о нематериальном культурном наследии?	298
Рожкова Ю.В. Антропология будущего. Ориентации исследований	305
Илизарова В.В. Родственные связи под влиянием цифровых технологий	309
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	313
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	319

CONTENTS

THE ANTHROPOLOGY OF THE PANDEMIC

Fedenok Ju.N., Burkova V.N. Social distancing as altruism in the context of the coronavirus pandemic: A cross-cultural study	6
---	---

THE ANTHROPOLOGY OF SPEED

(Guest Editor Maksim A. Nikitin)

Nikitin M.A. Speed and acceleration in cultural anthropology (introduction to the special theme)	41
Eriksen T.H. Synchronisation and de-synchronisation in the era of the smartphone	46
Golovnev A.V. Speed in the anthropology of movement	57
Sklez V.M. “Imagined communities” by Benedict Anderson and theories of historical time	79

TIME FROZEN IN THE METAL

(Guest Editor Olga V. Zaitceva)

Zaitceva O.V. Introduction to the theme: the potential and methods of contemporary archaeometallurgy	87
Zavyalov V.I., Terekhova N.N. Rural crafts on Ancient Rus’ archaeological sites in light of new archaeometallographic data	91
Shirin Yu.V., Asochakova E.M. The morphology and geochemistry of blacksmithing slag from Mountain Shoria	111
Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The earliest iron smelting sites in the Altai Republic: New data from the Yustyd River valley	125
Saprykina I.A., Chugaev A.V., Abramzon M.G., Novichikhin A.M., Smekalova T.N. Investigating ancient silver coins via XRF analysis and Pb-isotopic method (Anapa Archaeological Museum collections)	148
Vodyasov E.V., Asochakova E.M. In search of iron ore mines: a geo-archaeological perspective	170

MISCELLANEA

Mednikova M.B., Slepchenko S.M., Buzhilova A.P. Morphological characteristics of the Palaeolithic Ust-Ishim femur	189
Guchinova E.-B.M. Everyone has their own Siberia: Interview with Oleg Mandzhiev	212
Oparin D.A. Memories of the miracles and ecstatic séances of the Siberian Yupik shaman: Contemporary atomization of ritual life and post-soviet nostalgia	229
Kharitonova V.I. Transformations of shamanism in contemporary Russia, or where are we heading with the freak?	251
Morozov I.A., Sleptsova (Kyzlasova) I.S. “Grandfather’s house key”: Subject-based and visual narratives in the space of family memory	276

REVIEWS

Mochalova M.A. How can one speak of intangible cultural heritage?	298
Rozhkova Y.V. The anthropology of the future. Research directions	305
Ilizarova V.V. Kinship and digital technologies	309
ABOUT THE AUTHORS	313
INFORMATION FOR AUTHORS	319

АНТРОПОЛОГИЯ ПАНДЕМИИ

УДК 394.9, 613.87

DOI: 10.17223/2312461X/28/1

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ КАК АЛЬТРУИЗМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Юлия Николаевна Феденок,
Валентина Николаевна Буркова

Аннотация. 11 марта 2020 г. Всемирная организации здравоохранения заявила, что ситуацию с распространением COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. Наступила эпоха «социального дистанцирования», охарактеризованная как сведение к минимуму контактов между людьми и поддержание расстояния в 1–2 м между индивидами. Сокращение межличностных контактов и увеличение межличностной дистанции общения является частью поведенческой адаптации к эпидемиям в процессе эволюции человека и в данной статье рассматривается как акт альтруизма по отношению к своим согражданам. Обществу столкнулось с очередной нравственной дилеммой – COVID-19 представляет небольшой риск для здорового человека, при этом социальное дистанцирование и пребывание дома налагают на каждого личные расходы. Преимущества мер предосторожности важны для наиболее подверженных риску групп, и сообщество в целом получает большую выгоду, уменьшая вероятность большой вспышки заболевания. Данное исследование было проведено среди русскоязычных респондентов, на момент вспышки и распространения коронавируса проживающих или пребывающих в различных зарубежных странах, а также на территории России. Мы использовали комплекс методов: полуструктурированное глубинное интервью, анкетирование, метод «снежного кома», фотофиксация элементов поведения людей в условиях пандемии, а также контент-анализ новостных сюжетов СМИ. Всего была собрана 371 анкета (48 мужчин и 323 женщины) из 33 стран мира. Полученные нами данные показывают, что на индивидуальное поведение людей в условиях пандемии COVID-19 влияют такие факторы, как страна проживания, пол респондента, уровень стресса, доверие власти, осведомленность о предписанных правилах поведения, культурные нормы и традиции. Причем данные факторы влияют как на восприятие ситуации, так и на исполнение рекомендаций властей.

Ключевые слова: социальное дистанцирование, дистанция общения, межличностные контакты, альтруизм, пандемия, COVID-19, индивидуализм, коллективизм

* Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

...улицы были там полны народу,
однако люди шли прямо по середине мостовой,
потому, полагаю, что не хотели
приближаться к выходящим из домов
или пропитываться зловонными запахами
домов, быть может, несущими заразу.

Д. Дефо «Дневник чумного города»

Введение

Сокращение межличностных контактов и увеличение межличностной дистанции общения является частью поведенческой адаптации к эпидемиям в процессе эволюции человека (Fenichel 2013). Приматолог Дж. Гудолл обнаружила, что у человекообразных обезьян присутствует механизм избегания особей с явными физическими недостатками (Goodall 1986). Боязнь заразиться каким-либо инфекционным заболеванием провоцирует уклонение от общения и избегание лиц с признаками болезни или какими-либо внешними особенностями (Park, Faulkner, Schaller 2003). Люди, видя человека с физическим недостатком на лице (родимое пятно, шрам, обезображивающий рубец) стремятся увеличить дистанцию или встать с той стороны лица, где данная особенность не заметна (Rumsey, Bull, Gahagan 1982). Выбор дистанции общения с людьми с явными признаками какого-либо заболевания зависит от пола, возраста, социальных установок, личностных особенностей и наличия заболевания у самого индивида, подходящего к больному человеку (Буркова, Феденок, Бутовская 2019; Феденок, Буркова, Бутовская 2020). Вместе с тем наблюдения за приматами и данные палеоантропологии указывают на значительный потенциал милосердия и альтруизма у *Homo sapiens* (Бутовская 1988).

История человечества знает примеры социального дистанцирования в эпохи пандемий, подсказанные здравым смыслом и наблюдениями. Государственная политика в периоды эпидемий направлена на то, чтобы искусственно вызвать изменения в поведении людей, в частности стимулируются сокращения межличностных контактов и социальной дистанции (Fenichel 2013). Так, в Венеции в XIV в., когда по всей Европе бушевала пандемия чумы, властями был введен карантин. Городской совет обязал каждое судно, прибывшее в порт, простоять в море на якоре 40 дней, прежде чем его экипажу разрешат сойти на берег. Позже для карантина построили специальные бараки на островах Лазоретто и Повеглия. Это правило, обязательное для всех морских гостей, назвали «quarantino», от итальянского слова «сорок». Предполагают, что цифра связана с 40 днями, которые Иисус, согласно Новому Завету, провел в одиночестве в пустыне (История карантина 2020).

Известны и другие яркие примеры карантина и социального дистанцирования для предотвращения массового заражения населения. В «Декамероне» Дж. Боккаччо, описывающем эпидемию чумы 1348 г.,

указано: «Не станем говорить о том, что один горожанин избегал другого, что сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг друга редко, или никогда, или виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя племянника, сестра брата и нередко жена мужа; более того и невероятнее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети» (Боккаччо 1970: 38). Также упоминания о социальном дистанцировании встречаются и при описании Д. Дефо Великой лондонской чумы 1665–1666 гг.: «Это самое запирающее домов впервые применили, насколько я знаю, во время чумы 1603 г., разразившейся в год вступления на престол Якова I; а право запираеть людей в их же собственных домах было дано парламентским указом, называвшимся “Указ о милосердной помощи и содержании людей, заразившихся чумой”» (Дефо 1997).

Исследования в регионах, которые исторически страдали от высокого уровня инфекционных заболеваний, показали, что люди там менее экстравертны и открыты (Schaller, Murray 2008). В недавнем масштабном кросс-культурном исследовании персональной дистанции общения, проведенном в 42 странах, отмечено, что межличностная дистанция может быть одним из важных факторов предотвращения распространения патогенов, так как поддержание более дальнего расстояния между людьми может снизить потенциальный риск заражения (Sorokowska et al. 2017).

Принимаемые правительствами разных стран ограничения дифференцируются от полностью контролируемого социального взаимодействия между людьми до небольших ограничений без четкого контроля. При этом большая ответственность в части выполнения предписаний ложится на плечи людей. Часто пренебрегаемое поведение выздоровевших и / или невосприимчивых к болезни людей становится крайне важным фактором благосостояния и здоровья остальных групп населения.

Согласно совместному заявлению исследователей из Оксфордского университета, Имперского колледжа Лондона (Великобритания), Утрехтского университета и Национального института здравоохранения и окружающей среды (Нидерланды) **реакция каждого человека** на советы правительств стран мира по предотвращению распространения заболевания COVID-19 **будет не менее важной, чем предпринимаемые этими правительствами действия** (Individual response... 2020). Результаты моделирования возможных вариантов распространения эпидемии коронавируса были опубликованы 6 марта 2020 г. (Anderson et al. 2020). Один из авторов данной работы, проф. Д. Холлингсворт отметила, что «полностью предотвратить инфекцию и смертность невозможно, поэтому речь идет о смягчении последствий... пройдет не менее года, прежде чем вакцина может быть произведена серийно... Следовательно, **социальное дистанцирование является наиболее важной мерой, опреде-**

ляющей поведение человека» (здесь и далее выделено нами. – Ю.Ф., В.Б.) (Individual response... 2020). Целью дистанцирования являются «выравнивание кривой» инфекции, замедление ее распространения и попытка избежать огромного пика новых случаев заражения (Индивидуальные действия... 2020). Выравнивание кривой в перспективе поможет уменьшить перегруженность медицинских служб, сохранить экономику на приемлемом уровне и выиграть больше времени для разработки и производства эффективных вакцин и методов лечения (Anderson et al. 2020). Чем больше сокращается непосредственное взаимодействие между людьми, тем длиннее и ровнее кривая эпидемии (рис. 1).

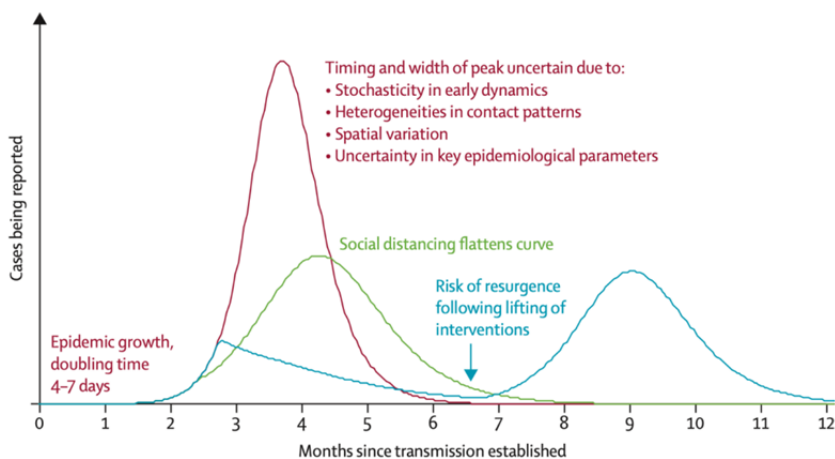

Рис. 1. Иллюстративное моделирование модели распространения COVID-19: базовое моделирование только с изоляцией зараженных (красная линия); моделирование с социальным дистанцированием в месте эпидемии (зеленая); моделирование с более эффективным социальным дистанцированием в месте эпидемии в течение ограниченного периода, обычно сопровождаемое возрождающейся эпидемией, когда социальное дистанцирование прекращается (синяя) (цит. по: Anderson et al. 2020).

11 марта 2020 г. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) д-р Т.А. Гебрейесус (Tedros Adhanom Ghebreyesus) заявил, что ситуацию с распространением COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию (ВОЗ 2020). Директор Европейского регионального бюро ВОЗ д-р Х.Х.П. Крюге (Hans Henri P. Kluge) заявил: «Тот факт, что мы называем эту ситуацию пандемией, свидетельствует о том, что странам необходимо наращивать свои усилия, стараясь обеспечить оптимальный баланс между защитой здоровья населения, предотвращением экономической и социальной дестабилизации и соблюдением прав человека. Я признаю, что для органов государственной власти это зачастую связано с принятием трудных решений. Хотя каждая страна самостоятельно определяет характер и время

введения мер, направленных на профилактику или снижение темпов передачи вируса, ЕРБ ВОЗ считает, что **меры социального дистанцирования** и карантинные меры нужно вводить на своевременной основе и их необходимо тщательно соблюдать» (ВОЗ 2020).

Наступила эпоха «социального дистанцирования», которую газета «The New York Times» охарактеризовала как «сведение к минимуму контактов между людьми и поддержание расстояния как минимум в 6 футов (1,8 м) между индивидами. В этот период рекомендуется избегать пользоваться общественным транспортом, свести к минимуму поездки, не продиктованные острой необходимостью, работать дистанционно и избегать мест скопления людей. Эта стратегия спасла тысячи жизней как во время пандемии “испанки” в 1918 г., так и во время эпидемии гриппа в 2009 г. в Мехико» (Последствия... 2020). Как отметил эпидемиолог Дж. Мартин, **социальное дистанцирование сейчас – один из величайших призывов к альтруизму** (Baі 2020).

Социальное дистанцирование – это набор действий для замедления распространения инфекций, в основе которого лежит сокращение близких контактов с людьми и самоизоляция. В отличие от закрытия границ, общественных заведений и принудительного карантина, эти меры люди соблюдают по собственной воле, а не по указу властей. В основе концепции социального дистанцирования – не только собственная безопасность, но и снижение риска инфицирования для других. Таким образом, это относится и к здоровым людям тоже: во-первых, есть риск, что человек уже болен COVID-19 и, не зная этого, распространяет его во время бессимптомной стадии, во-вторых, при контакте с большим количеством людей можно заразиться вирусом и передать его дальше (Социальное дистанцирование 2020).

Хотя термин звучит как «социальное дистанцирование», подразумевается именно «физическое дистанцирование» от социального общения. «Мы все еще можем быть социальными, просто по-разному. Воспользуйтесь социальными сетями и видеоприложениями, чтобы поддерживать друг друга, смеяться вместе и заботиться друг о друге, пока вирус не окажется под контролем» (Coronavirus... 2020).

На момент подачи данной статьи насчитывалось уже 3 208 138 клинически определенных случаев заболевших коронавирусом COVID-19, вирус унес жизни 227 549 человек (актуальная информация по всем регионам несколько раз в сутки обновляется и публикуется на электронном ресурсе <https://www.worldometers.info/coronavirus>).

Методы и участники исследования

Данное исследование было проведено среди русскоязычных респондентов, на момент вспышки и распространения коронавируса прожи-

вающих или пребывающих в различных зарубежных странах, а также на территории России. Мы использовали комплекс методов: полуструктурированное глубинное интервью, анкетирование, метод «снежного кома», фотофиксация элементов поведения людей в условиях пандемии, а также контент-анализ новостных сюжетов СМИ. Для анкеты была использована специально созданная Google-форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов. У части опрошенных были взяты глубинные полуструктурированные интервью. Из государственных источников была взята информация о предписаниях и ограничениях в поведении людей для борьбы с пандемией.

Всего была собрана 371 анкета (48 мужчин и 323 женщины), возраст варьировал от 19 до 71 года (86% респондентов в возрасте от 25 до 48 лет). В нашу выборку попали русскоязычные граждане из 33 стран мира, подробная информация о численности респондентов представлена в табл. 1. На Россию приходится 65,5% (239 чел.) выборки, остальные 34,5% (125 чел.) – респонденты из других стран. Данные собраны за период с 23 марта по 20 апреля 2020 г. Исследование проводилось на добровольной и анонимной основе. Все сведения были внесены в базу данных, при статистической обработке использован пакет программ SPSS-23.

Результаты

27 февраля 2020 г. ВОЗ опубликовала временное руководство по рациональному использованию средств индивидуальной защиты от коронавирусной инфекции 2019 г. (COVID-19), в котором указало меры профилактики, в частности частую гигиеническую обработку рук средством на спиртовой основе или мылом; избегание прикосновений к глазам, носу и рту; респираторную гигиену, в том числе кашель или чихание в сгиб рукава одежды или платок с последующей немедленной утилизацией платка; использование медицинской маски при наличии респираторных симптомов и сохранение дистанции (не менее 1 м) при общении с людьми с респираторными симптомами (ВОЗ объявила... 2020 г.). В соответствии с данными рекомендациями, каждая страна выработала свою тактику борьбы с пандемией. В табл. 1 представлены предписанная государственными органами дистанция общения между людьми в общественных местах в каждой из стран, источник предписания и форма информирования, которую указывали респонденты. Большая часть опрошенных нами респондентов знала точно – 131 чел. (35%), или хотя бы слышала – 144 чел. (39%), о предписанной дистанции общения, а 96 чел. (26%) отметили, что ничего об этом не знают.

Количество опрошенных респондентов по странам и предписанная государственным органами дистанция общения между людьми в общественных местах

№ п/п	Страна	Количество опрошенных, чел.	Дистанция, м	Источник предписания (со слов респондентов)	Форма информирования граждан
	ВОЗ		Не менее 1 м	Сайт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ объявила 2020 г.)	Инструкции, рекомендации, видеоролики, плакаты
1	Австрия	1	2 м	Парламент выпустил соответствующие законы ¹	
2	Арабские Эмираты	1	Нет	Нет рекомендаций	
3	Армения	3	Нет данных	Речь премьер-министра	ТВ, плакаты на работе, раздача буклетов на улицах, ТВ, медиа, соц. сети, выступление премьера и парета
4	Беларусь	18	1,5–2 метра	Минздрав отсылает к ВОЗ	ТВ
5	Болгария	4	не менее 2 м	Министерство здравоохранения при этом указывает в официальных документах: не менее 1 м от чихающих и кашляющих людей ²	ТВ, объявления на витринах магазинов, объявления по громкоговорителям в магазинах
6	Великобритания	4	1,5–2 м	Указ премьер-министра ³	Ежедневное обращение премьер-министра и все гос. сайты, газеты
7	Вьетнам	1	Нет данных	Решение Кабинета министров	Нет данных
8	Германия	11	1,5–2 м	Распоряжение городских властей, Постановление правительства федеральных земель	СМИ

¹ Bundesministerium. Coronavirus – Aktuelle Maßnahmen. URL: <https://www.sozialministerium.at/Informationen-zum-Coronavirus/Coronavirus-Aktuelle-Maßnahmen.html> (2020).

² URL: <https://www.nh.govt.bg/informaciya-za-grazhdani/informaciya-otnosno-noviya-koronavirus-2019-ncov/>

³ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-address-to-the-nation-on-coronavirus-23-march->

9	Греция	2	Нет данных	Нет данных	Нет данных
10	Грузия	3	Не менее 1 м	Национальный центр по контролю заболеваний и здравоохранения ¹	Нет данных
11	Дания	2	Нет данных	Нет данных	ТВ
12	Израиль	6	Нет	Заявление от премьер-министра Израиля на официальных гос. сайтах	Интернет
13	Испания	5	1–1,5 м	Указ Минисгерства здравоохранения ²	СМИ, объявления в домах, интернет
14	Италия	2	1 м	Министерство здравоохранения ³ , Декрет от 9 марта	Информирование через телевидение, объявления на витринах магазинов
15	Казахстан	10	Нет. Заниматься бегом на расстоянии 10 м друг от друга	Закон, речь премьер-министра, указ мэра, сайт Роспотребнадзора	ТВ, интернет, социальные сети, плакаты на рабочих местах, волонтеры раздавали буклеты на улицах
16	Кипр	2	Не более 1 человека на 8 кв. м	Выступление президента страны в эфире телеканала	Нет данных
17	Киргизия	2	Нет данных	Указ	СМИ
18	Китай	5	1,5 м	Нет данных	Смс-оповещение
19	Латвия	2	2 м	Решение Кабинета министров	Нет данных
20	Малайзия	1	1 м	Речь главы правительства	Нет данных
21	Нидерланды	2	1,5 м в общественных местах	Распоряжение премьер-министра	
22	Польша	4	1,5–2 м	Рекомендация правительства и Министерства здравоохранения, указ премьера о карантине	

¹ URL: <https://www.ncdc.gov/Pages/User/News.aspx?ID=66254a4e-6c23-49ef-9157-4fce247db00c>

² URL: <https://www.mschs.gov.es/gabinete/notasPrensa.do?id=4806>

³ URL: <http://www.salute.gov.it/portale/nuovocoronavirus/dettaglioIo>

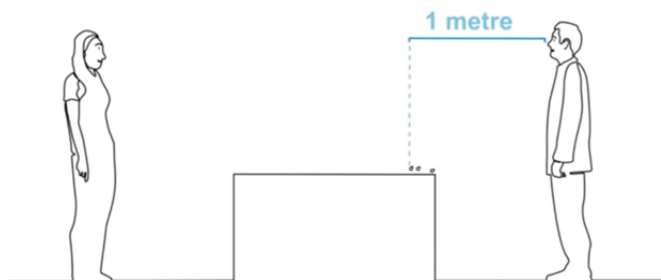
№ п/п	Страна	Количество опрошенных, чел.	Дистанция, м	Источник предписания (со слов респондентов)	Форма информирования граждан
23	Россия	242	Не менее 1 м от больных 1,5 м в общественных местах, 2 м для людей старше 60 лет, 2 м в ряде регионов	Роспотребнадзор ¹ , Минздрав, Центральные пригородные пассажирские кассы (ЦПКП), указ мэра г. Москвы, локальные акты и указы	Сайт Роспотребнадзора, интернет, центральное ТВ
24	Сингапур	2	1 м	В письменной форме, по ТВ, в интернете	Нет данных
25	США	4	1,8 м (6 футов) 1,5–2 м	The president's coronavirus guidelines for America ² . Распоряжение губернатора	Информирование через телевидение
26	Танзания	3	1,5 м	Рекомендация правительства	СМИ
27	Турция	1	1,5 м	Приказ на гос. уровне	СМИ
28	Узбекистан	1	1,5 м	Рекомендация для граждан	
29	Украина	16	1–2 м	Указ	СМИ
30	Франция	4	Нет данных	Официальное постановление правительства	Нет данных
31	Чехия	5	1–2 м	Постановление правительства о чрезвычайной ситуации, указ президента	Нет данных
32	Швеция	1	Нет	Рекомендация ограничить контакты и работать дома ³	СМИ
33	Эстония	1	2 м	Нет данных	Нет данных
ВСЕГО					371

¹ URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news_time/news_details.php?ELEMENT_ID=13566

² URL: <https://www.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/prepare/prevention.html>

³ URL: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=7430511>

Многие страны используют материалы ВОЗ для осведомления населения о мерах профилактики, переводя их на национальные языки, например в Болгарии или Грузии (рис. 2).

წვეთები საკმაოდ მძიმეა იმისათვის რომ ჰაერში, შორ მანძილზე გაგრძელდეს - ისინი დაახლოებით 1 მეტრის რადიუსში ვრცელდებიან და სწრაფად ეშვებიან ზედაპირებზე.

Рис. 2. Выдержка из видеоролика с рекомендациями ВОЗ, транслируемого во многих странах на национальных языках (в данном случае – грузинский): «Капли, содержащие вирус, слишком тяжелые для длительного перемещения по воздуху, они перемещаются в воздухе на расстояние 1 м и далее оседают на поверхности»¹

Дистанция общения

Науку, изучающую, как человек структурирует пространство вокруг себя, называют проксемикой, а нормы пространственного поведения – проксемическими (Hall 1966). Персональное пространство человека является механизмом, регулирующим его границы с границами других людей в процессе взаимодействия. Этот механизм обладает двумя функциями – функцией защиты от потенциальных эмоциональных и физических угроз и коммуникативной функцией (дистанция, которую мы устанавливаем при общении с другими, определяет, какой канал сенсорной коммуникации – ольфакторный, тактильный, визуальный или другой – наиболее важен в данном случае) (Бутовская 2004). Основными параметрами пространственного поведения человека являются дистанция общения (в том числе социальная), ориентация тела, тактильные и визуальные контакты (Феденок 2012). Межличностная дистанция определяется как среднее минимальное расстояние, на которое человек подпускает к себе любого другого. При его уменьшении индивид испытывает дискомфорт, или реагирует агрессивно, или отступает (Marler 1956).

¹ URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/novel-coronavirus-2019-ncov_old

Индивидуальная дистанция – это радиус психологической территории, перемещаемой вместе со своим хозяином так же, как и его социальный статус (Лоренц 2008). Вторжение в личное пространство человека вызывает чувство дискомфорта, физиологическое возбуждение и тревогу как у человека, чьи границы нарушили, так и у того, кто их нарушил. Однако **неоправданно большая дистанция при общении также приводит к дискомфорту** (Aiello, Thompson 1979).

Известно, что нарушение оптимальной дистанции общения воспринимается партнерами негативно, и они пытаются ее изменить, что приводит к возникновению «эффекта движущегося общения». Последний представляет собой своеобразный «танец», в рамках которого на каждую попытку одного из партнеров сократить дистанцию немедленно следует ответный ход другого, направленный на ее увеличение (Samovar, Porter, Stefani 1998).

Благодаря работам этологов и социальных антропологов известна средняя дистанция общения, которую люди в каждой изученной культуре предпочитают поддерживать друг с другом (табл. 2). Принятые в культуре нормы социальной дистанции дети усваивают в процессе инкультурации и социализации, а к старшему подростковому возрасту начинают воспроизводить и транслировать невербальное поведение (Феденок 2012; Aiello, Aiello 1974). При этом культуры довольно сильно различаются по предписанным нормам приемлемого расстояния между людьми. На дистанцию общения влияет множество факторов: пол, возраст, рост и вес, темперамент, этничность, социо-культурная среда, здоровье, климат, степень знакомства, индивидуальные психологические особенности и др. (Бутовская 2004; Буркова, Бутовская 2008; Буркова, Феденок, Бутовская 2010; Феденок 2011; Феденок, Буркова, Бутовская 2011; Феденок, Буркова, Бутовская 2014; Altman, Chemers 1980; Remland, Jones, Brinkman 1995; Sorokowska et al. 2017).

Таблица 2

**Средние предпочитаемые дистанции общения
с представителями своей культуры, см**

Этнос	Средняя дистанция на уровне торса	Источник
Осетины	23,1	Буркова и др. 2010; Феденок 2012
Ирландцы	26	Remland et al. 1995
Шотландцы	29,92	Remland et al. 1995
Датчане	32,9	Remland et al. 1995
Греки	34,65	Remland et al. 1995
Итальянцы	35,45	Remland et al. 1995
Французы	36,83	Remland et al. 1995
Русские	37,5	Борисова, Бутовская 2004; Буркова и др. 2010; Феденок 2012
Англичане	38,5	Remland et al. 1995
Болгары	44	Феденок 2012

Наши современники, проживающие в разных уголках планеты и являющиеся носителями различных проксемических норм, никогда еще не сталкивались с такой проблемой, как предписанное социальное дистанцирование от своих соотечественников в рекомендуемом диапазоне 1,5–2 м. Ниже мы рассмотрим, как люди, проживающие в разных странах мира, воспринимают данную ситуацию.

Социальная дистанция и пол респондентов

Линейный регрессионный анализ (с оценкой достоверности и адекватности модели на основании однофакторного дисперсионного анализа по критерию Фишера) для целой выборки показал значимый отрицательный эффект пола на указанную респондентами предписанную социальную дистанцию ($F = 8,891$; $B = -0,523$; $p = 0,003$). Под социальной дистанцией мы подразумевали четкое указание властей государства на необходимое расстояние общения между людьми, т.е. респондент, ссылаясь на какие-либо официальные источники, указал конкретную дистанцию в метрах, на которой дано предписание людям общаться. Женщины, независимо от страны проживания респондентов, намного чаще указывали меньшую дистанцию (рис. 3).

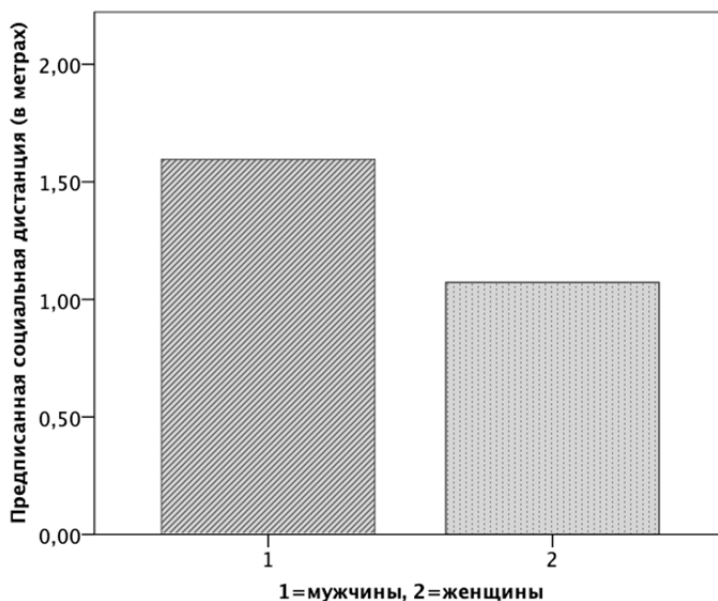

Рис. 3. Гендерные различия указываемой респондентами социальной дистанции в условиях пандемии коронавируса (общая выборка)

Стресс и социальное дистанцирование

Чтобы оценить степень стрессированности респондентов нами, был задан вопрос: «Испытываете ли вы стресс в связи с распространением коронавируса?» Ответы на данный вопрос были распределены по 5-балльной шкале, где 1 = совершенно нет и 5 = совершенно да. Т-тест для независимых выборок с использованием критерия Стьюдента показал наличие значимых половых различий по данному показателю ($t = -4,713$; $df = 368$; $p = 0,000$). Женщины были более стрессированы по сравнению с мужчинами (рис. 4).

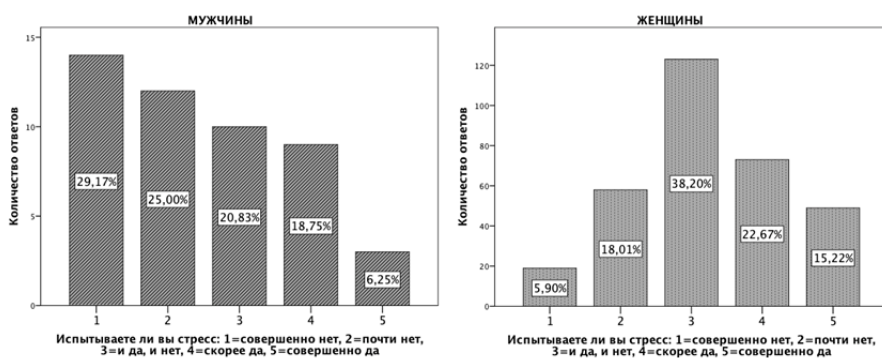

Рис. 4. Гендерные различия уровня стрессированности респондентов в условиях пандемии коронавируса (общая выборка)

Линейный регрессионный анализ показал у женщин положительный эффект уровня стресса на предписываемую дистанцию общения с другими людьми, хотя эффект был на нижнем пороге значимости ($F = 3,859$; $B = -0,112$; $p = 0,044$): женщины, отметившие, что в данный момент они более стрессированы, указывают более длинную социальную дистанцию (рис. 5). Для мужчин стресс не был предиктором для социальной дистанции в условиях пандемии.

Линейный регрессионный анализ также показал у женщин, но не у мужчин значимый положительный эффект уровня стресса на осведомленность о предписанной дистанции общения ($F = 5,135$; $B = -0,091$; $p = 0,024$). Женщины, не осведомленные о предписаниях в отношении дистанции, оценивали себя менее стрессированными (рис. 6). На вопрос «испытываете ли Вы стресс?» «совершенно да» ответило по 6,21% женщин, знающих точно или только что-то слышавших о предписаниях правительства дистанцироваться, и только 2,8% – не знающих о таких предписаниях.

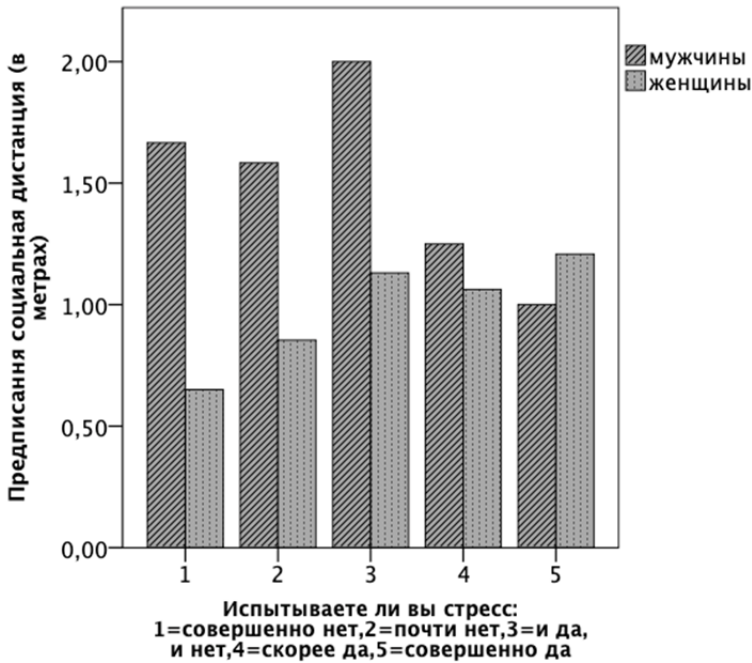

Рис. 5. Гендерные различия самооценок стрессированности респондентов в условиях пандемии коронавируса (общая выборка)

Рис. 6. Осведомленность о предписанной дистанции общения и уровень стресса у женщин

На другом полюсе ответы «совершенно нет» распределились следующим образом: только 1,55 и 1,24% женщин не испытывают стресс из тех, кто знает точно или что-то слышал о предписаниях, и 3,11% – из тех, которые ничего не слышали (рис. 6). Таким образом, женщины, которые точно знают или что-то слышали о предписанных правилах и требованиях социального дистанцирования в условиях пандемии, оценивают себя как более стрессированных.

Осведомленность о предписанной социальной дистанции

Источники осведомленности местного населения о предписанной дистанции распределились следующим образом: подавляющая часть респондентов (57,22%) узнали от заявлений представителей официальной власти, гораздо меньше – из социальных сетей (15,83%) и средств массовой информации (9,72%), незначительное количество – из слухов (6,67%), смс-уведомлений от властей (4,17%) и письменных объявлений в общественных местах (2,5%), и единицы респондентов указали, что предписания не даны (1,94%) или о них не знают (1,94%) (рис. 7).

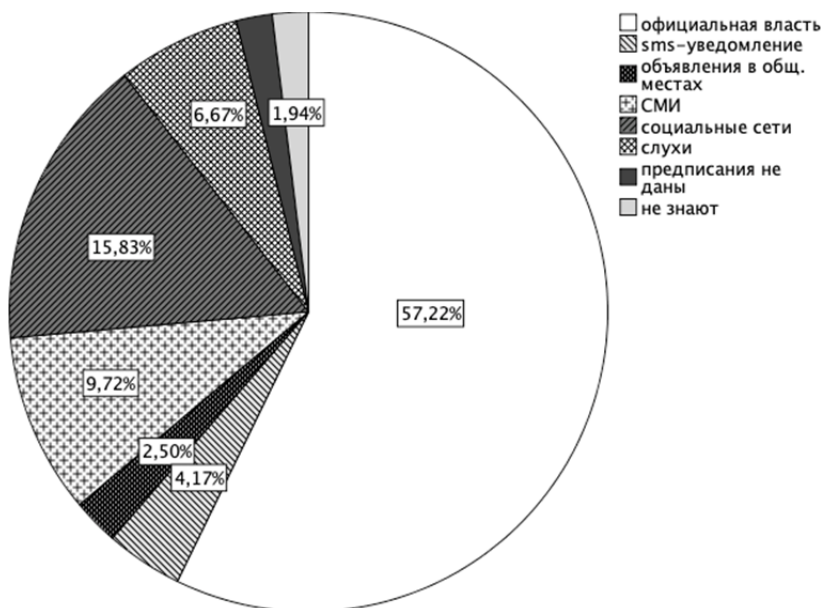

Рис. 7. Распределение источников информирования о предписанной дистанции общения местных жителей (общая выборка)

Сравнение мужской и женской выборок с использованием критерия Стьюдента (Т-тест) для независимых выборок показало, что женщины

статистически значимо меньше осведомлены по сравнению с мужчинами ($t = -2,806$; $df = 368$; $p = 0,007$). В процентном соотношении 44% мужчин и 34% женщин точно знают о необходимой дистанции, 46% мужчин и 37% женщин что-то слышали о предписаниях, и 10% мужчин и 30% женщин не знают ничего ($t = -3,152$; $df = 369$; $p = 0,002$). В ситуации глобальной пандемии людям приходится выбирать такое поведение, которое максимально обеспечивает безопасность для себя и семьи. Согласно другим исследованиям мужчины в отличие от женщин более автономны в достижении безопасности и больше доверяют своей информированности и осведомленности (Харламенкова 2015). По всей видимости, лучшая осведомленность мужчин связана с тем, что они испытывают меньший стресс при получении информации о предписаниях в связи с пандемией и не избегают таких новостных сообщений. Тогда как женщины, как показывают приведенные выше данные, напротив, стрессированы больше при большем количестве информации (см. рис. 6).

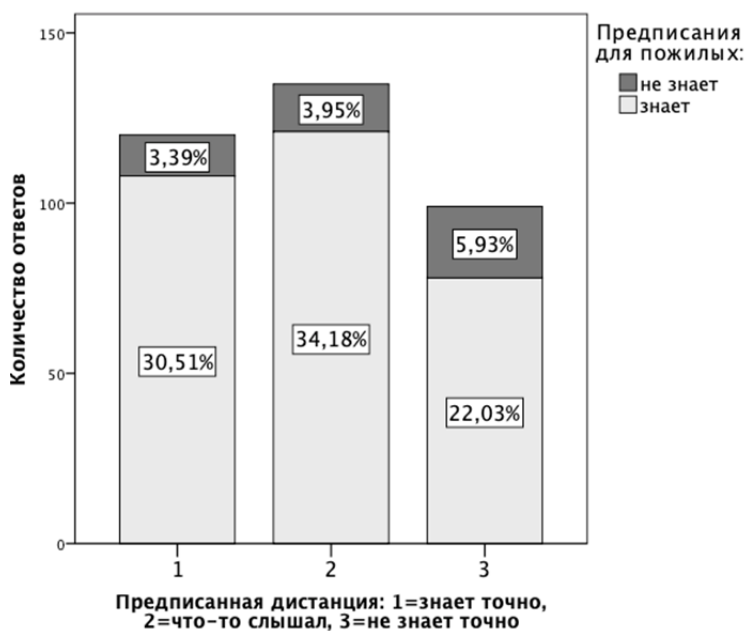

Рис. 8. Степень осведомленности местных жителей о предписанной дистанции общения и особых предписания для пожилых людей (общая выборка)

Респонденты, которые лучше осведомлены о предписаниях правительства о рекомендуемой социальной дистанции, также чаще указывали, что знают об особых рекомендациях для пожилых людей ($r = -0,123$; $p = 0,021$). По-видимому, речь идет об общей степени осве-

домленности респондентов о ситуации с коронавирусом в стране их местонахождения. Ответов, попавших в категорию «знает» о предписаниях для пожилых людей, было большинство в категориях «знает точно» и «что-то слышал» о предписанной дистанции общения (30,51 и 34,18% соответственно) против 22,03% в категории «не знает» о предписаниях для пожилых людей (см. рис. 8).

Доверие к власти и социальная дистанция

Далее мы задали вопрос с целью определения степени доверия официальной информации: «Доверяют ли местные жители информации, идущей из официальных источников (правительству)?» Корреляционный анализ с контролем по стране проживания респондента показал значимую отрицательную связь степени доверия к власти (нет / да) и осведомленности местных жителей о предписанной социальной дистанции (знает точно, что-то слышал, не слышал точно) ($r = -0,167$; $p = 0,010$). Таким образом, при наличии доверия к власти люди демонстрируют лучшую осведомленность о предписанной дистанции общения в ситуации пандемии COVID-19: 41,73% респондентов знают точно о предписаниях и доверяющих власти против 19,78% недоверяющих власти (рис. 9). При этом получена также положительная корреляция между доверием к власти и социальной дистанцией в метрах ($r = -0,236$; $p = 0,025$), что показывающая, что при доверии к власти люди указывают на более длинную дистанцию общения.

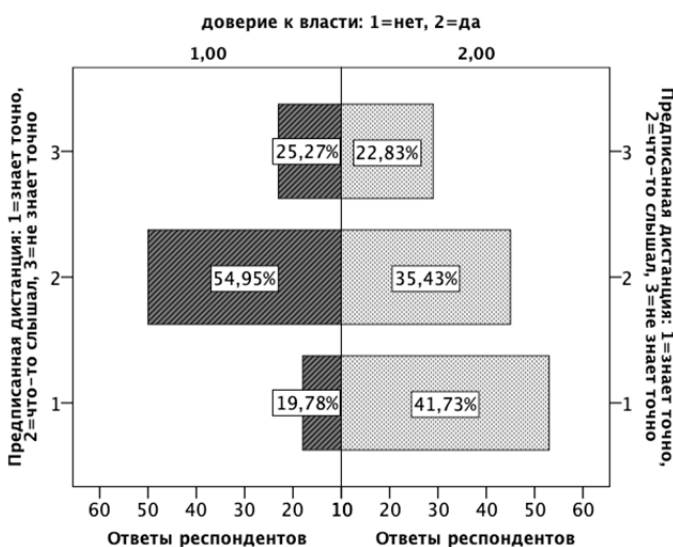

Рис. 9. Доверие к власти и степень осведомленности местных жителей о предписанной дистанции общения (общая выборка)

Ношение медицинской маски и социальное дистанцирование

Анализ взаимосвязи между использованием медицинских масок и социальной дистанцией показал значимую положительную корреляцию с контролем по стране пребывания ($r = 0,267$; $p = 0,000$). Отсюда следует, что по мере увеличения дистанции общения (от 1 до 3 м) увеличивается и частота использования масок (ответы от «не используют» до «используют повсеместно»). Респонденты из тех стран, в которых население поголовно носит маски как средство индивидуальной защиты, также были лучше информированы о предписании соблюдать социальную дистанцию по сравнению с респондентами из тех стран, где люди массово не носят маски ($r = -0,198$; $p = 0,000$).

Культурные различия

Линейный регрессионный анализ показал небольшой, но значимый положительный эффект страны местонахождения респондента ($B = -0,015$; $p = 0,049$) на указанную респондентами социальную дистанцию в метрах. Поскольку часть стран представлены малым количеством респондентов, а некоторые намного численно превосходят, статистический анализ культурных различий не представляется возможным. В связи с этим хорошие возможности дает качественный анализ ответов.

То, как люди в разных странах соблюдают предписания властей о дистанцировании, на наш взгляд, демонстрирует культурные различия и со стороны населения, и со стороны властей. Так, например, люди из стран Европы, России и СНГ и жители Китая совершенно по-разному отреагировали на предписания. «На улицах Пекина не было людей, все сидели дома на изоляции. Улицы были пустынными. Если я шла по улице и видела человека, идущего мне навстречу, то *мы расходились на максимально возможном расстоянии друг от друга...*» (ПМА, сообщение женщины 37 лет, г. Пекин, Китай). Тогда как на вопрос, есть ли предписания правительства о социальном дистанцировании, житель Германии ответил: «Есть вроде, но точно не помню. Просто держусь на расстоянии, которое считаю для себя безопасным» (ПМА, сообщение мужчины 36 лет, г. Берлин, Германия). И если «Китай среагировал на эту эпидемию как один единый организм. Людям было сказано, как себя вести, и никто не посмел ослушаться» (ПМА, сообщение женщины 37 лет, г. Пекин, Китай), то в России «дистанцию в электричке и метро никто не держит, для этого надо в 5 утра выезжать» (ПМА, сообщение женщины 41 года, г. Лобня, Россия). Многие респонденты из стран СНГ отметили, что «расстояние не поддается регулировке, никто не соблюдает» (ПМА, сообщение женщины 70 лет, г. Алма-Ата, Казах-

стан) и что «никто не соблюдает эти предписания» (ПМА, сообщение женщины 34 лет, г. Винница, Украина).

Соблюдение или несоблюдение мер дистанцирования зависит и от действий работников сфер обслуживания. Например, «в магазинах (только продуктовых, другие закрыты) обязательны одноразовые перчатки, санитайзер и не больше 1 человека на 8 м². Сотрудники помогают соблюдать это требование» (ПМА, сообщение женщины 37 лет, г. Лондон, Великобритания). В то же время на двери пункта приема и выдачи одежды из химчистки в г. Москва повесили объявление, что вход строго по одному. Поскольку внутри уже находился клиент, наша информантка осталась ждать на улице. Впоследствии сотрудник химчистки удивилась: «Зачем же Вы стояли на улице? Нас обязали повесить такое объявление, но это ничего не значит» (ПМА, сообщение женщины 41 года, г. Москва, Россия). В Болгарии «перед каждым входом в магазин охранник выдает покупателям одноразовые целлофановые перчатки, салфетку с дезинфектором для протирки ручки тележки, а по громкоговорителям каждые 10–15 минут объявляют о необходимости держать в магазине дистанцию в 2 м» (ПМА, сообщение женщины 38 лет, г. София, Болгария). Так же и в некоторых российских магазинах стали выкладывать одноразовые целлофановые перчатки для посетителей на входе (ПМА, сообщение женщины 65 лет, г. Копейск, РФ).

Большое значение имеет наличие или отсутствие опыта каких-либо ограничений в стране, связанных с распространением заболеваний. Страны Азии, столкнувшиеся в 2002–2003 гг. с подобной эпидемией ТОРС (тяжелый острый респираторный синдром, или атипичная пневмония), выработали определенные схемы ликвидации и предотвращения распространения вирусных респираторных инфекций, и власти устанавливают гораздо более жесткие формы контроля за социальным дистанцированием населения, особенно потенциально зараженного. Например, в Гонконге «у тех, кто сидят на карантине, есть браслет на руке, по которому отслеживают передвижения» (ПМА, сообщение женщины 33 лет, Гонконг), а в Китае «некоторых принудительно сажали на карантин, им врезали замок и закрывали дома!!!¹» (ПМА, сообщение женщины 37 лет, г. Пекин, Китай). Ряд других стран также использует полицию и военных для контроля за предписанной социальной дистанцией: «Полиция следит за тем, чтобы на улицах гуляли или занимались спортом не больше двух человек» (ПМА, сообщение женщины 37 лет, г. Берлин, Германия).

В других странах большее значение имеет народный контроль, когда окружающие могут указывать другим на необходимость социального дистанцирования. «Самоконтроль») Люди делают замечание другим,

¹ Здесь и далее соблюдена авторская орфография респондентов.

плюс есть потрульные» (ПМА, сообщение женщины 25 лет, Алмаатинская обл., Казахстан); «достаточно камер наблюдения и людей» (ПМА, сообщение мужчины 44 лет, г. Варшава, Польша); «страна маленькая, отслеживать легко. Вранье легко вскрывается. Так же люди здесь привыкли “стучать” друг на друга и это тут приветствуется, не считается чем-то зазорным, наоборот, это прививается со школы» (ПМА, сообщение женщины 40 лет, г. Варшава, Польша); «граждане доверяют правительству и делают замечание тем, кто не выполняет» (ПМА, сообщение женщины 30 лет, г. Хошимин, Вьетнам).

Респонденты отмечают также, что в основном люди все же стараются соблюдать рекомендуемые правила поведения: «В нашем населенном пункте выполняются все предписания. Но человеческий фактор никто не отменял. Я ничего не вижу по причине того, что не нарушаю предписаний» (ПМА, сообщение женщины 42 лет, кибуц в пустыне Негев, Израиль). Респонденты отмечают, что проверки не проходят «для граждан в магазине никак, все и так стали держать дистанцию» (ПМА, сообщение женщины 33 лет, г. Ташкент, Узбекистан); «полиция, дружинники и сознательность местных жителей» (ПМА, сообщение мужчины 33 лет, г. Пекин, Китай).

Таким образом, в разных странах намеренно или непреднамеренно используют разные способы контроля соблюдения гражданами рекомендуемой ВОЗ социальной дистанции для предотвращения респираторной передачи частиц коронавируса. На выполнение этих требований, помимо личных характеристик самих людей, влияют принятые нормы поведения в данной культуре, политический фактор (наличие или отсутствие жесткого контроля поведения людей со стороны властей), социальный фактор (наличие гражданской ответственности и самосознания населения), наличие личного и группового опыта борьбы с подобными эпидемиологическими ситуациями.

Обсуждение

Люди, проживающие в разных странах мира, являются носителями разных проксемических норм. Вот уже более ста лет со времен испанского гриппа («испанки») 1918 г. на планете не было столь масштабной пандемии. А с предписанием социального дистанцирования от своих соотечественников в рекомендуемом диапазоне 1,5–2 метра население планеты не сталкивалось никогда. Такое событие планетарного масштаба, несомненно, приводит к депривации¹ населения, особенно в тех странах, в которых принято общаться на коротких дистанциях (см. табл. 2).

¹ Лишение человека привычных качеств жизни, в том числе удовлетворения значимых потребностей.

То, как люди в разных странах соблюдают предписания властей поддерживать определенную социальную дистанцию, указывает на культурные различия. Одной из причин итальянского сценария может быть традиция собираться большими группами друзей и родственников с большим количеством тактильных коммуникаций (объятия, поцелуи) (Andersen 1998; Shuter 1977). Тогда как одной из причин жестких мер, предпринятых в Китае, может быть то, что у китайцев понятие личного пространства как таковое отсутствует, а между людьми приняты тесные контакты на очень коротких дистанциях общения (по сообщению наших респондентов).

С антропологической точки зрения уместно вспомнить теорию классификации культур «индивидуализм-коллективизм», предложенную Дж. Хофстедом и модифицированную другими исследователями (Hofstede 2001; House et al. 2004). Средние показатели личностных характеристик, полученные по 33 странам, связаны с такими культурными аспектами, как индивидуализм, дистанция власти, мужественность и избегание неопределенности. Люди из коллективистских культур в значительной степени полагаются на тесные внутригрупповые отношения, тогда как люди из индивидуалистических обществ очень независимы и испытывают сильное чувство автономии внутри группы (Hofstede 2001). «Индивидуализм означает общество, в котором связи между людьми ослаблены: каждый должен заботиться только о своей семье. Коллективизм означает общество, в котором люди от рождения и далее объединяются в сильные, сплоченные группы, которые на протяжении всей жизни людей продолжают защищать их в обмен на беспорную лояльность» (2001: 225). Таким образом, коллективистские общества скорее исходят из применимости какого-либо поведения как общественного блага, тогда как индивидуалистские культуры в первую очередь ориентированы на благо одного человека.

С начала вспышки коронавируса жители одних стран приняли жесткие ограничительные меры, например, в Китае (в том числе в Гонконге), Тайланде, Японии, Тайвани, Южной Корее. В других странах – России, Европе, США, Австралии – до сих пор вполне приемлемо ходить без средств защиты, в некоторых странах не введено особых ограничительных мер (Швеция, Беларусь). Согласно вышеуказанной классификации первые страны относятся к коллективистским обществам, в особенности в них наблюдаются очень высокие оценки по институциональному коллективизму (или дистанцированности власти)¹, а вторые – к индивидуалистским (Javidan, Dastmalchian 2009). Наши респонденты

¹ Степень, с которой облеченные меньшей властью члены организаций и институционализированных групп принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства.

четко дифференцируют эту разницу: «Китай среагировал на эту эпидемию как один единый организм. Людям было сказано, как себя вести, и никто не посмел ослушаться. Может, за редким исключением, поскольку было сказано, что за сокрытие симптомов или нарушение карантина будет уголовное наказание» (ПМА, сообщение женщины 37 лет, г. Пекин, Китай). Важной составляющей борьбы с коронавирусом в Южной Корее является относительно высокий уровень гражданской ответственности и коллективизма – корейцы очень исполнительны в отношении мер, рекомендуемых министерством здравоохранения в период эпидемии, в целом более ответственно относятся к своему здоровью, что в конечном счете содействует общему выздоровлению населения. В свою очередь, правительство Южной Кореи последовательно придерживается принципа прозрачности в части информирования граждан об эпидемии, повышая тем самым доверие и взаимопонимание между властью и обществом (Ким 2020). В западных демократиях имеются очевидные проблемы в этом направлении. Полузащитник «Монако» и сборной Испании Сеск Фабрегас возмутился поведением французов во время пандемии коронавируса. По его словам, жители страны посещают общественные места без перчаток или масок, тем самым подвергая себя повышенной опасности и увеличивая риск заражения инфекцией (Фабрегас 2020). Согласно имеющимся исследованиям, Россия представляет собой синкретиз ценностей коллективизма, а также русского и западного типов индивидуализма (Войтенко и др., 2019). Интересно, что Россия входит в число стран с одним из самых высоких показателей в рейтинге «дистанцированность власти» (Хофстеде 2014; Javidan, Dastmalchian 2009).

В рамках оценки институционального коллективизма (дистанцированность власти) можно интерпретировать и полученные нами данные по взаимосвязи социального дистанцирования и степени доверия к власти местных жителей. При наличии доверия к власти люди демонстрируют лучшую осведомленность о предписанной дистанции общения в ситуации пандемии и указывают на более длинную дистанцию общения. По мере увеличения дистанции общения (от 1 до 3 м) также увеличивается и частота использования масок. А повсеместное использование масок, в свою очередь связано с лучшей информированностью о предписанной дистанции общения. По всей видимости, оценка ситуации респондентами, указавшими большую дистанцию и повсеместное использование масок, демонстрирует более серьезное отношение властей к принимаемым на государственном уровне ограничительным мерам, и, как следствие, показывает и большую осторожность населения – они носят медицинские маски чаще. В данном случае мы видим эффект транслируемых через государственные источники официальных решений на реальное поведение людей – при более серьезных мерах со сто-

роны правительства люди ответственнее относятся к вводимым мерам профилактики и лучше их исполняют (подробнее см.: Буркова, Феденок 2020). Пренебрежение средствами профилактики в России может быть следствием недоверия к власти, прежде всего, к официальной информации. «Толком непонятные предписания. Многие не работают, а ярмарки при поддержке госсоветов устраивают!» (сообщение женщины 35 лет, г. Симферополь, РФ), «Насколько я понимаю, избегать скопления людей, больше времени проводить дома. Но что это – указ, предписание, “одна бабка напела” – не знаю» (сообщение женщины 34 лет, г. Чехов, РФ), «Не уверена. В метро говорят о дистанции, но предписаний правительства не было, насколько мне известно» (сообщение женщины 32 лет, г. Москва, РФ).

По мере того как каждая из стран переходит к фазе «сдерживания» в управлении эпидемией COVID-19, изменение поведения людей как метод сглаживания пика эпидемии становится все более актуальным (Michie, West, Amlôt 2020). Ретроспективный анализ мер Китая по контролю распространения COVID-19 показал, что при социальном дистанцировании ежедневные контакты были сокращены в 7–9 раз и этого было достаточно для контроля заболеваемости и снижения эпидемиологического пика (Zhang et al. 2020). Согласно одному из исследований в 11 странах Европы принятые меры по социальному дистанцированию оценены как вклад от 2 до 30% в предотвращение трансмиссии вируса в зависимости от страны исследования (Flaxman et al. 2020). Меры контроля, такие как социальное дистанцирование, интенсивное тестирование и отслеживание контактов, в Сингапуре и Южной Корее снизили уровень заболеваемости (Ferguson et al. 2020). Более ранние и жесткие меры изоляции, применяемые китайским правительством, были значительно эффективней в борьбе с негативным воздействием COVID-19, чем более разрешительные меры, принятые в начале эпидемии в Италии и США (Dong et al. 2020). Более того, в одном из исследований показано, что меры, принятые против распространения COVID-19, в том числе социальное дистанцирование, способствовали снижению случаев заболевания гриппом и смертности от него в Китае, Италии и США (Young et al. 2020). По оценкам, число «спасенных жизней» от гриппа (59%, 3 992) в результате политики социального дистанцирования в Китае сопоставимо с зарегистрированным количеством смертей от COVID-19 (3 338), по состоянию на апрель 2020 г. В Италии аналогичный процент (51%) жизней был «спасен», но фактическое количество (168) было намного ниже (2020). Моделирование развития эпидемии в Швеции, где в отличие от других европейских стран правительство использует довольно мягкую стратегию без введения мер изоляции и карантина, показывает, что прогнозируемый уровень смертности чрезвычайно высок, и если модель верна, следует опа-

саться, что число случаев заражения в Швеции может быть намного выше, чем сообщается сегодня, и может потребоваться введение срочных мер (Qi et al. 2020). Целевое социальное дистанцирование для наиболее подверженных риску групп может быть наиболее эффективным способом снижения заболеваемости и сопутствующей смертности.

С другой стороны, известно, что неоправданно большая дистанция при общении приводит к дискомфорту (Aiello, Thompson 1979). Очевидно, что пандемия COVID-19 будет иметь не только экономические и политические последствия, но и психологические. Эпидемия несет не только риск смерти от инфекции, но и невыносимое психологическое давление. Ситуация борьбы с пандемией с нормами социальной дистанции в 1,5–2 метра (вкуче с ограничением тактильных контактов) приведет к повышению стресса. Искусственные ограничения дистанции общения нарушают статусные вертикали между индивидуумами. Кроме того, окружающие начинают восприниматься как потенциальная угроза (носитель вируса). Многие исследования показали, что тревога является основной составляющей стрессового синдрома, что проявляется в том числе и на физиологическом уровне (Hendricks et al. 2003; Praag 1998). Женщины, по сравнению с мужчинами, демонстрируют более высокие показатели тревожности (Буркова, Феденок, Бутовская 2019; Ahmed, Bader 2004; Feingold 1994). Исследование, проведенное среди китайских студентов в январе–феврале 2020 г., показало, что 25% опрошенных испытывали тревогу на фоне пандемии COVID-19 (Cao et al. 2020). Ожидается, что продолжающееся распространение эпидемии, строгие меры изоляции и задержки обучения в школах, колледжах и университетах по всей стране повлияют на психическое здоровье учащихся. Китайские исследователи указывают на сообщения о психологическом воздействии эпидемии на население, пациентов, медицинский персонал, детей и пожилых людей (Cao et al. 2020; Chen et al. 2020; Li et al. 2020; Yang et al., 2020).

Наши данные показывают, что женщины в условиях пандемии более стрессированы, чем мужчины. В этом ключе важным аспектом становится охрана здоровья женщин, испытывающих повышенные психофизиологические нагрузки в условиях стресса. Поскольку высокая информированность женщин приводит к повышенному стрессу, необходима, на наш взгляд, информационная гигиена. СМИ обязаны передавать информацию о ситуации пандемии точно и ответственно. Их истории и даже выбор слов могут помочь или помешать усилиям общественного здравоохранения (Sokol 2020). Мужчины в отличие от женщин более автономны в достижении своей безопасности и больше доверяют своей информированности и осведомленности (Харламенкова 2015). Наши данные показали, что женщины, по сравнению с мужчинами, значимо меньше осведомлены о предписанных правилах поведе-

ния, данных властями каждой страны в связи с пандемией COVID-19. По всей видимости, лучшая информированность мужчин связана с тем, что они испытывают меньший стресс при получении информации о предписаниях в связи с пандемией и не избегают таких новостных сообщений. О более высоком уровне тревожности женщин говорит следующий факт: отметившие, что в данный момент они более стрессированы, указывали на более длинную социальную дистанцию, тем самым подсознательно используя избегание как средство защиты. В условиях постоянного стресса люди склонны увеличивать дистанцию общения и отгораживаться от социальной среды – подобные исследования проводились среди профессиональных групп, по роду деятельности часто находящихся в стрессовом состоянии (Бобрищев 2016; Цветков 2011). Данные по китайским студентам также указывают на большую стрессированность женщин (Сао et al. 2020). Сдерживающими факторами развития стресса китайские исследователи указывают проживание в городе с большей доступностью к различным ресурсам (медицинским, образовательным, продовольственным), проживание с родителями и экономическую стабильность (2020).

В некоторых странах определенными защитными факторами от стресса выступают сложившиеся социально-экономические «традиции». Например, в Скандинавских странах еще до пандемии был один из самых высоких уровней использования режима удаленной работы (в Дании – 9% работающих из дома, 10% часто работающих вне офиса в различных местах, 15–18% работающих удаленно время от времени, в Швеции – 5, 10 и 18% соответственно) (MOT 2017), что в текущей ситуации снижает количество пассажиров в часы пик в общественном транспорте и в целом уменьшает уровень стресса у людей, привыкших к меньшим взаимодействиям и контактам хотя бы на рабочем уровне. Тогда как наименьший уровень удаленной работы наблюдается в Чехии (2, 3 и 5%), Греции (2, 3 и 4%) и Италии (1, 2 и 6%) (MOT 2017), что может способствовать увеличению количества зараженных индивидов.

Социальное дистанцирование (как и другие методы профилактики распространения вируса) рассматривается рядом авторов как альтруизм по отношению к своим согражданам: увеличивая дистанцию общения и сокращая количество контактов, каждый способствует снижению количества заболевших людей, уменьшению нагрузки на систему здравоохранения и, в конечном итоге, на выживаемость большего числа соотечественников (Anderson et al. 2020; Bai 2020; Johnson et al. 2020). Общество столкнулось с очередной нравственной дилеммой – COVID-19 представляет небольшой риск для здорового человека, при этом социальное дистанцирование и пребывание дома налагают на каждого личные расходы. Преимущества мер предосторожности важны для наиболее подверженных риску групп, и сообщество в целом получает

большую выгоду, уменьшая вероятность вспышки заболевания (Ruogan et al. 2020). Принимая во внимание эти личные расходы и общественные выгоды, люди сталкиваются с соблазном прожить свою жизнь как обычно, в то время как другие оплачивают расходы, связанные с пребыванием дома или социальным дистанцированием (Johnson et al. 2020). По мере того как социальное дистанцирование распространяется, вероятность распространения COVID-19 уменьшается, что побуждает людей покидать свои дома, в то время как другие остаются в изоляции. Если все потворствуют этому «искушению», то темпы передачи вируса снова возрастут. Таким образом, для общей выгоды лучше, когда все повсеместно остаются дома, однако личные стимулы зачастую заставляют людей действовать против группы (2020). Механизм социальных дилемм исследован довольно хорошо – в течение примерно семидесяти лет антропологи, биологи, экономисты, политологи, психологи и социологи изучают варианты социальной дилеммы, чтобы понять, почему сотрудничество все же происходит, несмотря на возникающие против него личные стимулы (Ростовцева, Бутовская 2018; Dawes 1980; Nowak, Highfield 2011; Johnson et al. 2020). В конечном счете, исследования, лежащие в основе этих открытий, показали, что разрешение социальных дилемм человечества привело к его процветанию (Bowles, Gintis 2011; Fischbacher, Fehr 2003; Nowak, Highfield 2011; Johnson et al. 2020).

Заключение

Полученные нами данные показывают, что на индивидуальное поведение людей в условиях пандемии COVID-19 влияют такие факторы, как страна проживания, пол респондента, уровень стресса, доверие власти, осведомленность о предписанных правилах поведения, культурные нормы и традиции. Эти данные могут быть использованы представителями государственных органов и здравоохранения для более адресного составления рекомендаций о правилах поведения во время вспышек респираторных заболеваний и мерах профилактики, представляющих серьезную угрозу населению. При составлении таких обращений к населению необходимо учитывать гендерные различия в восприятии и исполнении рекомендаций, степень доверия населения власти в конкретном регионе, гендерные различия уровня стресса, влияющие как на понимание, так и на исполнение рекомендаций. Эти данные могут быть использованы СМИ для трансляции информации населению в наиболее доступной и наименее стрессогенной формах.

Исследования антропологов, этологов, психологов могут внести большой вклад в борьбу с COVID-19. Механизмы поведения человека, в том числе исследования социальной дилеммы могут служить руко-

водством для государственной власти в решении социальных проблем, связанных с распространением вируса. С одной стороны, они должны побуждать людей доверять своим врожденным стратегиям поведения в их социальной реакции на болезнь, направляя к сотрудничеству. С другой стороны, должны быть приняты экономические меры защиты населения. Внутри сообщества должны продвигаться общие идеи групповой идентичности, а также стратегии поощрения кооперации и сотрудничества.

Литература

- Бобрищев А.А. Взаимосвязь уровня субъективного контроля со стресс-преодолевающим поведением сотрудников государственной противопожарной службы мчс россии с различным уровнем адаптированности // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2016. № 1. С. 92–97.
- Боккаччо Дж. Декамерон. М.: Художественная литература, 1970.
- Борисова Л.В., Бутовская М.Л. Пространственное поведение в современной русской городской культуре: возрастные и гендерные аспекты // Этология человека и смежные дисциплины. Современные методы исследования. М., 2004. С. 13–20.
- Буркова В., Бутовская М. Персональное пространство и агрессивное поведение у российских подростков: этологический анализ // Развитие личности. 2008. № 3. С. 119–135.
- Буркова В.Н., Феденок Ю.Н. Медицинская маска как средство индивидуальной и коллективной защиты в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Гигиена и санитария. 2020 (в печати).
- Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 77–91.
- Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Эмпатия и интолерантность российской молодежи в отношении инвалидов: половые и личностные различия // Экспериментальная психология. 2019. Вып. 12, № 1. С. 53–69.
- Бутовская М.Л. Перспективы использования этологических материалов и методов в антропологии и этнографии // Советская этнография. 1988. № 5. С. 26–37.
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004.
- Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 71–77.
- Дефо Д. Дневник чумного года. М.: Наука, 1997.
- Лоренц К. Так называемое зло. К естественной теории агрессии. М.: Культурная революция, 2008.
- Ростовцева В.В., Бутовская М.Л. Этнический парохизм в кооперативном поведении: экспериментальное исследование среди русских и бурят // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 66–84.
- Феденок Ю.Н. Пространственное поведение детей и подростков в полиэтничных коллективах: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Феденок Ю.Н. Коммуникативное поведение русских школьников // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 119–138.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Влияние морфологических характеристик человека на дистанцию общения // Историко-культурное наследие и современная этнология. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 184–195.

- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение и его связь с особенностями черт личности у российских детей и подростков // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика. Томск, 2014. С. 304–306.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Дистанция общения с инвалидами: некоторые факторы при отборе медицинского персонала // Медицинские идентичности: сб. науч. трудов / под ред. А.Н. Мануйлова. М.: РНИМУ им. Н.И. Пирогова, 2020. С. 69–89.
- Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
- Харламенкова Н.Е. Половые и гендерные различия в представлениях о психологической безопасности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 2. С. 51–60.
- Цветков В.Л. Влияние феномена социальной поддержки и ее субъективного восприятия на формирование копинг-поведения подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, допускающих антиобщественное поведение, и его использование в деятельности сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 23–28.
- Aiello J.R., Aiello T. The development of personal space: proxemic behavior of children from 6 to 16 // Human Ecology. 1974. Vol. 2. P. 177–189.
- Aiello J.R., Thompson D.E. Personal space, crowding, and spatial behavior in a cultural context // Environment and Culture. Human Behavior and Environment (Advances in Theory and Research) / I. Altman, A. Rapoport, J.F. Wohlwill (eds). Boston, MA: Springer, 1979. Vol 4. DOI: 10.1007/978-1-4899-0451-5_5
- Ahmed M., Bader M.A. Gender differences in anxiety among undergraduates from ten Arab countries // Social Behavior and Personality: an international journal. 2004. № 32 (7). P. 649–655. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.7.649
- Altman I., Chemers M. Culture and environment. Monterey, Calif.: Brooks/Cole, 1980.
- Andersen P.A. International Patterns of Interpersonal Tactile Communication: A Field Study // Journal of nonverbal Behavior. 1998. Vol. 22 (1). P. 59–75.
- Anderson R.M., Heesterbeek H., Klinkenberg D., Hollingsworth T.D. How will country-based mitigation measures influence the course of the COVID-19 epidemic? // The Lancet. 2020. № 395 (10228). P. 931–934.
- Bowles S., Gintis H. A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Cao W., Fang Z., Hou G., Han M., Xu X., Dong J., Zheng J. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China // Psychiatry research. 2020. Vol. 287. Art. no. 112934. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.112934
- Chen Q., Liang M., Li Y., Guo J., Fei D., Wang L., Wang J. Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak // The Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7 (4). P. e15–e16.
- Dawes R.M. Social dilemmas // Annual Review of Psychology. 1980. Vol. 31. P. 169–193.
- Dong J., Zhou Y., Zhang Y., Franz D. A Validation Study for the Successful Isolation Policy in China: a Meta-Analysis in COVID-19 // 2020. MedRxiv. The preprint server for health sciences. DOI: 10.1101/2020.04.15.20065102
- Goodall J. Social rejection, exclusion, and shunning among the Gombe chimpanzees // Ethology and Sociobiology. 1986. Vol. 7. P. 227–236.
- Feingold A. Gender differences in personality: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1994. Vol. 116 (3). P. 429–456. DOI: 10.1037/0033-2909.116.3.429
- Fenichel E.P. Economic considerations for social distancing and behavioral based policies during an epidemic // Journal of Health Economics. 2013. Vol. 32. P. 440–451. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2013.01.002
- Ferguson N., Laydon B., Nedjati-Gilani G., Ghani A.C. Impact of non-pharmaceutical interventions (NPIs) to reduce COVID-19 mortality and healthcare demand (Report 9). URL:

- <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/sph/ide/gida-fellowships/Imperial-College-COVID19-NPI-modelling-16-03-2020.pdf>
- Fischbacher U., Fehr E.* The nature of human altruism // *Nature*. 2003. Vol. 425 (6960). P. 785–791.
- Flaxman S., Mishra S., Gandy A., Unwin H., Coupland H., Mellan T., Schmit N.* Report 13: Estimating the number of infections and the impact of non-pharmaceutical interventions on COVID-19 in 11 European countries. 2020. URL: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/mrc-gida/2020-03-30-COVID19-Report-13.pdf>
- Javidan M., Dastmalchian A.* Managerial implications of the GLOBE project: A study of 62 societies // *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2009. Vol. 47 (1). P. 41–58.
- Johnson T., Dawes C., Fowler J., Smirnov O.* Slowing COVID-19 transmission as a social dilemma: Lessons for government officials from interdisciplinary research on cooperation // *Journal of Behavioral Public Administration*. 2020. Vol. 3(1).
- Hall E.T.* *The Hidden Dimension*. N.Y.: Anchor Books. Doudleya, 1966.
- Hendricks T.J., Fyodorov D.V., Wegman L.J., Lelutiu N.B., Pehek E.A., Yamamoto B., Silver J., Weeber E.J., Sweatt J.D., Deneris E.S.* Pet-1 ETS gene plays a critical role in 5-HT neuron development and is required for normal anxiety-like and aggressive behavior // *Neuron*. 2003. Vol. 37, № 2. P. 233–247. DOI: 10.1016/S0896-6273(02)01167-4
- Hofstede G.* *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousands Oaks, CA: SAGE, 2001.
- House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V.* (eds). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage publications, 2004.
- Li S.W., Wang Y., Yang Y.Y., Lei X.M., Yang Y.F.* Analysis of influencing factors of anxiety and emotional disorders in children and adolescents during home isolation during the epidemic of novel coronavirus pneumonia // *Chinese Journal of Child Health*. 2020. P. 1–9.
- Marler P.* Behaviour of the chaffinch, *Fringilla coelebs* // *Behaviour*. 1956. № 5. P. 184.
- Michie S., West R., Amlôt R.* Behavioural strategies for reducing COVID-19 transmission in the general population // *BMJ Opinion*, March 3rd 2020. URL: <https://blogs.bmj.com/bmj/2020/03/03/behavioural-strategies-for-reducing-covid-19-transmission-in-the-general-population/>
- Nowak M.A., Highfield R.* *Supercooperators*. New York: Free Press, 2011.
- Park J.H., Faulkner J., Schaller M.* Evolved Disease-Avoidance Processes and Contemporary Anti-Social Behavior: Prejudicial Attitudes and Avoidance of People with Physical Disabilities // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2003. Vol. 27 (2). P. 65–87.
- Praag H.M.* Anxiety and increased aggression as pacemakers of depression // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1998. Vol. 98, № s393. P. 81–88. DOI: 10.1111/j.1600-0447.1998.tb05971.x
- Qi C., Karlsson D., Sallmen K., Wyss R.* Model studies on the COVID-19 pandemic in Sweden. 2020. URL: <https://arxiv.org/abs/2004.01575>
- Remland M.S., Jones T.S., Brinkman H.* Interpersonal distance, body orientation and touch: Effect of Culture, Gender and Age // *Journal of Social Psychology*. 1995. Vol. 135. P. 281–297.
- Rumsey N., Bull R., Gahagan D.* The Effect of Facial Disfigurement on the Proxemic Behavior of the General Public // *Journal of Applied Social Psychology*. 1982. Vol. 12 (2). P. 137–150.
- Ruoran L., Rivers C., Tan Q., Murray M.B., Toner E., Lipsitch M.* The Demand for Inpatient and ICU Beds for COVID-19 in the US: Lessons From Chinese Cities // *Harvard University DASH Repository*. 2020. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:42599304>
- Samovar L.A., Porter R.E., Stefani L.A.* *Communication Between Cultures*. Belmont et al.: Wadsworth Publishing Company, 1998.
- Schaller M., Murray D.R.* Pathogens, personality, and culture: Disease prevalence predicts worldwide variability in sociosexuality, extraversion, and openness to experience // *Jour-*

- nal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95 (1). P. 212–221. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.1.212>
- Shuter R. A field study of nonverbal communication in Germany, Italy and the United States // *Communication Monographs*. 1977. Vol. 44. P. 298–305.
- Sokol D. Ethics in these pandemic times may require us to endure sacrifices on our personal freedom or comfort // *the BMJ Opinion* 17.03.2020. URL: <https://blogs.bmj.com/bmj/2020/03/17/daniel-sokol-ethics-in-these-pandemic-times-may-require-us-to-endure-sacrifices-on-our-personal-freedom-or-comfort/>
- Sorokowska A., Sorokowski P., Hilpert P., Cantarero K., Frackowiak T., Ahmadi K., Blumenthal S. Preferred interpersonal distances: a global comparison // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. Vol. 48 (4). P. 577–592. DOI: 10.1177/0022022117698039
- Yang Y., Li W., Zhang Q., Zhang L., Cheung T., Xiang Y.T. (2020). Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak // *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7(4). e19.
- Young G.M., Peng X., Rebaza A., Bermejo S., Chang D., Sharma L., Cruz C.D. Social Distancing and Personal Protective Measures Decrease Influenza Morbidity and Mortality // *MedRxiv*. The preprint server for health sciences. 2020. DOI: 10.1101/2020.04.17.20070102
- Zhang J., Litvinova M., Liang Y., Wang Y., Wang W., Zhao S., Wu Q., Merler S., Viboud C., Vespignani A., Ajelli M., Yu H. Age profile of susceptibility, mixing, and social distancing shape the dynamics of the novel coronavirus disease 2019 outbreak in China // *MedRxiv*. The preprint server for health sciences. 2020. DOI: 10.1101/2020.03.19.20039107

Интернет-источники

- ВОЗ 2020. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/corona-virus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic> (дата обращения: 23.03.2020).
- ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic> (дата обращения% 23.03.2020).
- Индивидуальные действия при COVID-19 2020 // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 22.03.2020. URL: https://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14083 (дата обращения: 24.03.2020).
- История карантина 2020 – История карантина – самого старого и эффективного средства от эпидемий <https://bigpicture.ru/?p=1273175> (дата обращения: 30.03.2020).
- Ким Н. Уличные тесты и СМС-рассылки: как Южная Корея взяла под контроль эпидемию коронавируса. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/395939-ulichnye-testy-i-sms-rassylki-kak-yuzhnaya-koreya-vzyala-pod-kontrol-epidemiyu> (дата обращения: 25.03.2020).
- МОТ 2017 – Новый доклад МОТ о возможностях и проблемах, связанных с ростом масштабов удаленной работы. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_544723/lang--ru/index.htm
- Последствия «социального дистанцирования» в Нью-Йорке становятся болезненными. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8022569> (дата обращения: 21.03.2020).
- Социальное дистанцирование и самоизоляция во время коронавируса – почему это важно и как его переживает интернет // 16 марта 2020. URL: <https://tjournal.ru/internet/150555-socialnoe-distancirovanie-i-samoizolyaciya-vo-vre-mya-koronavirusa-pochemu-eto-vazhno-i-kak-ego-perezhiwaet-internet> (дата обращения: 21.03.2020).
- Фабрекас 2020 – Фабрекас возмутился поведением французов во время пандемии коронавируса. URL: https://www.gazeta.ru/sport/news/2020/03/25/n_14203081.shtml (дата обращения: 25.03.2020).

- Bai N. Why Experts Are Urging Social Distancing to Combat Coronavirus Outbreak // Patient Care. March 14. 2020. URL: <https://www.ucsf.edu/news/2020/03/416906/why-experts-are-urging-social-distancing-combat-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 21.03.2020).
- Coronavirus: Social Distancing With Children // Coronavirus (COVID-19): Social Distancing With Children. URL: <https://kidshealth.org/en/parents/coronavirus-social-distancing.html> (дата обращения: 23.03.2020).
- Individual response to COVID-19 'as important' as government action // University of Oxford 9 MAR 2020. URL: <http://www.ox.ac.uk/news/2020-03-09-individual-response-covid-19-important-government-action> (дата обращения: 24.03.2020).

Источники

ИМА – полевые материалы авторов Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., март–апрель 2020 г.

Статья поступила в редакцию 1 мая 2020 г.

Fedenok Julia N. and Burkova Valentina N.

SOCIAL DISTANCING AS ALTRUISM IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC: A CROSS-CULTURAL STUDY*

DOI: 10.17223/2312461X/28/1

Abstract. 11 March 2020. COVID-19 is declared a pandemic. The era of “social distance” has come, characterized as minimizing contacts between people and maintaining the one-to-two meter distance between individuals. Reduction of interpersonal contacts and increased social distance are part of behavioural adaptation to epidemics in the human evolution. In this article we consider social distance as an act of altruism toward fellow citizens. The society found itself facing a moral dilemma – COVID-19 poses little risk to healthy persons, while social distance and isolation impose limits on everyone. The benefits of keeping precautionary measures in place are vital for the groups most at risk, and the community as a whole benefits greatly by reducing the likelihood of a large-scale outbreak.

This study was conducted among Russian-speaking respondents living or staying in various countries, as well as in Russia, at the time of the outbreak and spread of the coronavirus. We used a set of methods: semi-structured in-depth interview, questionnaires, the “snowball” method, photographing elements of people’s behaviour during the pandemic, as well as content analysis of news stories in the media. A total of 371 profiles (48 men and 323 women) from 33 countries were collected.

Our data show that individual behaviour in the context of the COVID-19 pandemic is influenced by factors such as country of residence, sex, level of stress, trust in authorities, awareness of the prescribed rules of behaviour, cultural norms, and traditions. Moreover, these factors affect both the perception of the situation and the implementation of the authorities’ recommendations.

Keywords: social distancing, communication distance, interpersonal contacts, altruism, pandemic, COVID-19, individualism, collectivism

*The article is written as part of implementation of the research programme at the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences).

References

- Bobrishchev A.A. Vzaimosv'яз' urovnia sub"ektivnogo kontrolya so stress-preodolevaiushchim povedeniym sotrudnikov gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby mchs rossii s razlichnym urovнем adaptirovannosti [The relationship between subjective control and resilience in MChS Fire Service personnel’s behaviour], *Mediko-*

- biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh* [Medical-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations], 2016, no. 1, pp. 92-97.
- Boccaccio G. *The Decameron*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1970.
- Borisova L.V., Butovskaia M.L. Prostranstvennoe povedenie v sovremennoi russkoi gorodskoi kul'ture: vozrastnye i gendernye aspekty [Spatial behaviour in the contemporary Russian urban culture: aspects of age and gender]. In: *Etologiya cheloveka i smezhnye distsipliny. Sovremennye metody issledovaniia* [Human ethology and kindred disciplines. Contemporary research methods]. Moscow, 2004, pp. 13-20.
- Burkova V., Butovskaia M. Personal'noe prostranstvo i agressivnoe povedenie u rossiiskikh podrostkov: etologicheskii analiz [Personal space and aggressive behaviour in Russian youth: an ethological analysis], *Razvitie lichnosti*, 2008, no. 3, pp. 119-135.
- Burkova V.N., Fedenok Ju.N. Meditsinskaia maska kak sredstvo individual'noi i kollektivnoi zashchity v usloviakh pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Medical mask as a means of individual and collective protection in the coronavirus pandemic: a cross-cultural study], *Gigiya i sanitaria*, 2020. (in print).
- Burkova V.N., Fedenok Ju.N., Butovskaia M.L. Prostranstvennoe povedenie u detei i podrostkov (na primere russkikh i osetin) [Spatial behaviour of children and adolescents (the case of Russians and Ossetians)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 3, pp. 77-91.
- Burkova V.N., Fedenok Ju.N., Butovskaia M.L. Empatiia i intolerantnost' rossiiskoi molodezhi v otnoshenii invalidov: polovye i lichnostnye razlichia [Empathy and intolerance of Russian youth towards people with disabilities: gender and personality differences], *Ekspiermental'naia psikhologiya*, 2019, Vol. 12, no. 1, pp. 53-69.
- Butovskaia M.L. Perspektivy ispol'zovaniia etologicheskikh materialov i metodov v antropologii i etnografii [The potential of using ethological perspectives and methods in anthropology and ethnography], *Sovetskaia etnografiia*, 1988, no. 5, pp. 26-37.
- Butovskaia M.L. *Iazyk tela: priroda i kul'tura (evoliutsionnye i kross-kul'turnye osnovy neverbal'noi kommunikatsii cheloveka)* [Body language: nature and culture]. Moscow: Nauchnyi mir, 2004.
- Voitenko V. P., Sokolov V. A., Lubskaia R. A. Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoi refleksii [Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection], *Filosofiya prava*, 2019, no. 3 (90), pp. 71-77.
- Defoe D. *A Journal of the Plague Year*. Moscow: Nauka, 1997.
- Lorents K. *Tak nazyvaemoe zlo. K estestvennoi teorii agressii* [The so-called evil. Toward a natural theory of aggression]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia, 2008.
- Rostovtseva V.V., Butovskaia M.L. Etnicheskii parokhializm v kooperativnom povedenii: eksperimental'noe issledovanie sredi russkikh i buriat [Ethnic parochialism in cooperative behaviour: an experimental study among the Russians and Buryats], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, no. 4, pp. 66-84.
- Fedenok Ju.N. *Prostranstvennoe povedenie detei i podrostkov v polietnichnykh kolektivakh: dis. ... kand. ist. nauk* [Spatial behaviour in children and adolescents in multiethnic groups: Cand. Sc. (History) Dissertation]. Moscow, 2011.
- Fedenok Ju.N. Kommunikativnoe povedenie russkikh shkol'nikov [Communicative behaviour of Russian school children], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 5, pp. 119-138.
- Fedenok Ju.N., Burkova V.N., Butovskaia M.L. Vlianie morfologicheskikh kharakteristik cheloveka na distantsiiu obshcheniia [The impact of human morphological characteristics on the physical distance between communicating individuals]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaia etnologiya* [Historical and cultural heritage and contemporary ethology]. Moscow: IEA RAN, 2011, pp. 184-195.
- Fedenok Ju.N., Burkova V.N., Butovskaia M.L. Prostranstvennoe povedenie i ego sviaz' s osobennostiami chert lichnosti u rossiiskikh detei i podrostkov [Spatial behaviour and its association with personality traits in Russian children and adolescents]. In: *Chelovek v meniaiushchemsia mire. Problemy identichnosti i sotsial'noi adaptatsii v istorii i sov-*

- remenosti: metodologiya, metodika i praktika: Programma i tezisy* [Man in a changing world. Identity and social adaptation: past and present. Methodologies, methods, and practices. Programme and theses]. Tomsk: TGU, 2014, pp. 304-306.
- Fedenok Ju.N., Burkova V.N., Butovskaia M.L. Distantsiia obshcheniia s invalidami: nekotorye faktory pri otbore meditsinskogo personala [Interpersonal distances with people with disabilities: Some factors in the selection of medical personnel], *Meditsinskie identichnosti: Sb. nauchnykh trudov / pod red. A.N. Manuilova* [Medical identities: A collection of research papers edited by A.N. Manuilov]. M.: RNIMU im. N.I. Pirogova, 2020, pp. 69-89.
- Hofstede G. Model' Khofstede v kontekste: parametry kolichestvennoi kharakteristiki kul'tur [Dimensionalizing cultures: the Hofstede model in context], *Iazyk, kommunikatsiia i sotsial'naia sreda*, 2014, no. 12, pp. 9-49.
- Kharlamenkova N.E. Polovye i gendernye razlichii v predstavleniiah o psikhologicheskoi bezopasnosti [Sex and gender differences in representations of psychological safety], *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo*, 2015, Vol. 6, no. 2, pp. 51-60.
- Tsvetkov V.L. Vliianie fenomena sotsial'noi podderzhki i ee sub"ektivnogo vospriiatiia na formirovanie koping-povedeniia podrostkov, ne dostigshikh vozrasta ugolovnoi otvetstvennosti, dopuskaiushchikh antiobshchestvennoe povedenie, i ego ispol'zovanie v deiatel'nosti sotrudnikov OVD [The impact of social support and of its subjective perception on the development of coping strategies by adolescents under the age of criminal responsibility, who demonstrate antisocial behaviour, and its implications for the work of Internal Affairs Service personnel], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2011, no. 7, pp. 23-28.
- Aiello J.R., Aiello T. The development of personal space: proxemic behavior of children from 6 to 16, *Human Ecology*, 1974, Vol. 2, pp. 177-189.
- Aiello J.R., Thompson D.E. Personal space, crowding, and spatial behavior in a cultural context. In: Altman I., Rapoport A., Wohlwill J.F. (eds) *Environment and Culture. Human Behavior and Environment (Advances in Theory and Research)*, vol 4. Springer, Boston, MA, 1980. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0451-5_5
- Ahmed M., Bader M. Alansari. Gender differences in anxiety among undergraduates from ten Arab countries, *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2004, no. 32 (7), pp. 649-655. DOI:10.2224/sbp.2004.32.7.649
- Altman I., Chemers M. *Culture and environment*. Monterey, Calif.: Brooks/Cole, 1980.
- Andersen P.A. International Patterns of Interpersonal Tactile Communication: A Field Study, *Journal of nonverbal Behavior*, 1998, Vol. 22 (1), pp. 59-75.
- Anderson R.M., Heesterbeek H., Klinkenberg D., Hollingsworth T.D. How will country-based mitigation measures influence the course of the COVID-19 epidemic? *The Lancet*, 2020, no. 395 (10228), pp. 931-934.
- Bowles S., Gintis H. *A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Cao W., Fang Z., Hou G., Han M., Xu X., Dong J., Zheng J. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China, *Psychiatry research*, 2020, Vol. 287, Art. no. 112934. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112934>
- Chen Q., Liang M., Li Y., Guo J., Fei D., Wang L., ... & Wang J. Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak, *The Lancet Psychiatry*, 2020, Vol. 7(4), pp. e15-e16.
- Dawes R.M. Social dilemmas, *Annual Review of Psychology*, 1980, Vol. 31, pp. 169-193.
- Dong J., Zhou Y., Zhang Y., Franz D. A Validation Study for the Successful Isolation Policy in China: a Meta-Analysis in COVID-19, *MedRxiv. The preprint server for health sciences*. 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.04.15.20065102>
- Goodall J. Social rejection, exclusion, and shunning among the Gombe chimpanzees, *Ethology and Sociobiology*, 1986, Vol. 7, pp. 227-236.

- Feingold A. Gender differences in personality: A meta-analysis, *Psychological Bulletin*, 1994, Vol. 116(3), pp. 429-456. <http://dx.doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.429>
- Fenichel E. P. Economic considerations for social distancing and behavioral based policies during an epidemic, *Journal of Health Economics*, 2013, Vol. 32, pp. 440-451. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.01.002>
- Ferguson N., Laydon B., Nedjati-Gilani G., ... Ghani A.C. *Impact of non-pharmaceutical interventions (NPIs) to reduce COVID-19 mortality and healthcare demand (Report 9)*. URL: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/sph/ide/gida-fellowships/Imperial-College-COVID19-NPI-modelling-16-03-2020.pdf>
- Fischbacher U., Fehr E. The nature of human altruism, *Nature*, 2003, Vol. 425(6960), pp. 785-791.
- Flaxman S., Mishra S., Gandy A., Unwin H., Coupland H., Mellan T., ... & Schmit N. *Report 13: Estimating the number of infections and the impact of non-pharmaceutical interventions on COVID-19 in 11 European countries*. 2020. URL: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/mrc-gida/2020-03-30-COVID19-Report-13.pdf>
- Javidan M., Dastmalchian A. Managerial implications of the GLOBE project: A study of 62 societies, *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 2009, Vol. 47 (1), pp. 41-58.
- Johnson T., Dawes C., Fowler J., Smirnov O. Slowing COVID-19 transmission as a social dilemma: Lessons for government officials from interdisciplinary research on cooperation, *Journal of Behavioral Public Administration*, 2020, Vol. 3(1).
- Hall E.T. *The Hidden Dimension*. N.Y.: Anchor Books. Doudleday, 1966.
- Hendricks T.J., Fyodorov D.V., Wegman L.J., Lelutiu N.B., Pehek E.A., Yamamoto B., Silver J., Weeber E.J., Sweatt J.D., Deneris E.S. Pet-1 ETS gene plays a critical role in 5-HT neuron development and is required for normal anxiety-like and aggressive behavior, *Neuron*, 2003, Vol. 37, no. 2, pp. 233-247. DOI:10.1016/S0896-6273(02)01167-4
- Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousands Oaks, CA: SAGE, 2001.
- House, R. J., Hanges, P. J., Javidan, M., Dorfman, P. W., Gupta, V. (Eds.). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage publications, 2004.
- Li S.W., Wang Y., Yang Y.Y., Lei X.M., Yang Y.F. Analysis of influencing factors of anxiety and emotional disorders in children and adolescents during home isolation during the epidemic of novel coronavirus pneumonia, *Chinese Journal of Child Health*, 2020, pp. 1-9.
- Marler P. Behaviour of the chaffinch, *Fringilla coelebs*, *Behaviour*, 1956, no. 5, pp. 184.
- Michie S, West R, Amlôt R. Behavioural strategies for reducing COVID-19 transmission in the general population, *BMJ Opinion*, March 3rd 2020. URL: <https://blogs.bmj.com/bmj/2020/03/03/behavioural-strategies-for-reducing-covid-19-transmission-in-the-general-population/>
- Nowak M.A., Highfield R. *Supercooperators*. New York: Free Press, 2011.
- Park J.H., Faulkner J., Schaller M. Evolved Disease-Avoidance Processes and Contemporary Anti-Social Behavior: Prejudicial Attitudes and Avoidance of People with Physical Disabilities, *Journal of Nonverbal Behavior*, 2003, Vol. 27 (2), pp. 65-87.
- Praag H.M. Anxiety and increased aggression as pacemakers of depression, *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 1998, Vol. 98, no. s393, pp. 81-88. DOI:10.1111/j.1600-0447.1998.tb05971.x
- Qi C., Karlsson D., Sallmen K., Wyss, R. *Model studies on the COVID-19 pandemic in Sweden*. 2020. URL: <https://arxiv.org/abs/2004.01575>
- Remland M.S., Jones T.S., Brinkman H. Interpersonal distance, body orientation and touch: Effect of Culture, Gender and Age, *Journal of Social Psychology*, 1995, Vol. 135, pp. 281-297.
- Rumsey N., Bull R., Gahagan D. The Effect of Facial Disfigurement on the Proxemic Behavior of the General Public, *Journal of Applied Social Psychology*, 1982, Vol. 12(2), pp. 137-150.

- Ruoran L., Rivers C., Tan Q., Murray M.B., Toner E., Lipsitch M. The Demand for Inpatient and ICU Beds for COVID-19 in the US: Lessons From Chinese Cities, *Harvard University DASH Repository*. 2020. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:42599304>
- Samovar L.A., Porter R.E., Stefani L.A. *Communication Between Cultures*. Belmont et al.: Wadsworth Publishing Company, 1998.
- Schaller, M., Murray, D. R. Pathogens, personality, and culture: Disease prevalence predicts worldwide variability in sociosexuality, extraversion, and openness to experience, *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, Vol. 95 (1), pp. 212-221. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.1.212>
- Shuter R. A field study of nonverbal communication in Germany, Italy and the United States, *Communication Monographs*, 1977, Vol. 44, pp. 298-305.
- Sokol D. Ethics in these pandemic times may require us to endure sacrifices on our personal freedom or comfort, *the BMJ Opinion* 17.03.2020. URL: <https://blogs.bmj.com/bmj/2020/03/17/daniel-sokol-ethics-in-these-pandemic-times-may-require-us-to-endure-sacrifices-on-our-personal-freedom-or-comfort/>
- Sorokowska A., Sorokowski P., Hilpert P., Cantarero K., Frackowiak T., Ahmadi K., Blumen S. Preferred interpersonal distances: a global comparison, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017, Vol. 48 (4), pp. 577-592. <https://doi.org/10.1177/0022022117698039>
- Yang Y., Li W., Zhang Q., Zhang L., Cheung T., Xiang Y.T. (2020). Mental health services for older adults in China during the COVID-19 outbreak, *The Lancet Psychiatry*, 2020, Vol. 7(4), e19.
- Young G.M., Peng X., Rebaza A., Bermejo S., Chang D., Sharma L., Cruz C.D. Social Distancing and Personal Protective Measures Decrease Influenza Morbidity and Mortality, *MedRxiv. The preprint server for health sciences*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.04.17.20070102>
- Zhang J., Litvinova M., Liang Y., Wang Y., Wang W., Zhao S., Wu Q., Merler S., Viboud C., Vespignani A., Ajelli M., Yu H. Age profile of susceptibility, mixing, and social distancing shape the dynamics of the novel coronavirus disease 2019 outbreak in China, *MedRxiv. The preprint server for health sciences*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.03.19.20039107>

АНТРОПОЛОГИЯ СКОРОСТИ

(отв. ред. специальной темы номера – М.А. Никитин)

УДК 930.85

DOI: 10.17223/2312461X/28/2

СКОРОСТЬ И УСКОРЕНИЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (введение к специальной теме номера)*

Максим Александрович Никитин

Аннотация. Статья является введением к специальной теме номера «Понятие скорости в культурной антропологии». В нем представлены статьи авторов, которые много лет занимаются теоретической антропологией в контексте движения, акселерации и темпоральности. Большинство статей написано в период глобального карантина. Пандемия нашла отражение в текстах в виде живых рефлексий ученых. Планетарный «эксперимент» по замедлению социально-экономических процессов стал наглядным примером фундаментального значения акселерации для человечества и предоставил исследователям опытный материал.

Ключевые слова: антропологическая скорость, антропология движения, пандемия, COVID-19, акселерация, экспериментальная антропология

There is more to life than increasing its speed.
Mahatma Gandhi

То, что предположительно должно было стать одой скорости в итоге превратилось в прозу осмысленного ускорения. Пандемия и успешные меры, предпринятые по управлению динамикой распространения вируса, доказали возможность и необходимость администрирования акселерационных процессов в обществе. Привычные ритмы и циклы были поставлены на паузу. Перегрузки, которым были подвержены люди, сравнимы с экспоненциальным ускорением. Режим самоизоляции позволил особенно остро ощутить динамику, которую человек достиг в Новейшее время и которой внезапно лишился. Социально-экономическая жизнь перетекла в онлайн-сферу, где, по словам А.В. Голловнёва, скорость, пространство и время «обнуляются».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Ледяное сердце Урала: ледники и мерзлота в системе жизнеобеспечения коренного населения Приполярного Урала» (№ 18-49-860006 p_a).

Авторы по-разному интерпретировали понятия «антропологическая скорость», «антропологическая акселерация», «темпоральность». Общее, что объединяет их подходы, – это демегафоризация перечисленных дефиниций. «Ускорение» мира в последнее время стало притчей во языцех. На акселерацию как на один из основных векторов развития указывают ученые, политики, экономисты с середины прошлого века. Несмотря на популярность тезиса об ускорении, акселерационный анализ в исследованиях применяется довольно редко. Как правило, его делают эксперты, политики, предприниматели и экономисты, занимающиеся реальными проектами, нацеленными на конкретный результат. То есть будущее заставляет считаться с меняющейся динамикой, а прошлое и настоящее? Наглядный пример акселерационного анализа – это модели распространения COVID-19. В средние века чума распространялась между странами и континентами годами. Например, до Бергена она дошла в 1349 г. спустя 2 года после появления в Европе. До Сицилии и до Риги она шла 3 года (Эриксен 2003: 69). COVID захватил большую часть мира и все умы за 2–3 месяца. Медиа-эффекты вируса (инфодемия) несут потенциальные риски распространения паники и страхов в обществе, сопоставимые по ущербу с самим COVID, по словам А.В. Головнёва. Пандемия породила невероятное количество мифов и суеверий и необратимо меняет нашу «нормальность», повседневность. Акселерационный анализ позволяет определять динамику подобных трансформаций.

В конце XX в. ускорение социально-экономического развития обеспечивалось интернетом и мобильной связью. Их последующий симбиоз произвел очередную мини-революцию в человечестве, с одной стороны, сделав его более статичным, а с другой – невероятно быстрым, о чем подробно рассказывает в статье «Synchronisation and desynchronisation in the era of the smartphone» Т.Х. Эриксен.

А.В. Головнёв, в свою очередь, считает, что скорость играет одну из определяющих ролей в становлении человека с момента его происхождения. Но она не единственное условие прогресса. Исследователь замечает, что человек изначально был далеко не самым быстрым по сравнению с некоторыми животными, однако выигрывал у них в выносливости.

Скорость не всегда является критерием выбора культурных альтернатив. QWERTY-экономисты¹ доказывают на примерах, что наиболее эффективные культурные формы иногда проигрывают менее производительным. Кстати, Нобелевскую премию по экономике 1993 г. дали за клиометрические работы, авторы которых подвергли сомнению значение транспортной революции в США. Применяв количественные методы, авторы концепции установили, что в случае отсутствия железных дорог в США ВВП уменьшилось бы незначительно. Несмотря на премию, их работа подверглась критике. Например, Ровелли считает, что

железнодорожное сообщение сыграло решающую роль в синхронизации времени разных штатов США (Rovelli 2018).

По мнению Т.Х. Эриксона, «история нашего времени – это история акселерации» (Эриксен 2003: 69). Согласно его концепции культурной акселерации и перегрева человечество в начале XXI в. достигло критических уровней динамики и должно взять ускорение под контроль (Eriksen 2016).

Неужели мы приблизились к лимитам развития?! До сих пор увеличение скорости было одним из основных признаков прогресса. Или ускорение – это всего лишь одна из моделей развития человечества? Акселерация достигается за счет экстенсивного освоения природы, которая приводит к деградации экосистемы и нарушению циклических процессов в природе и катаклизмам (перегреву).

Высокая скорость изменений может стать причиной не только страха, но и нервозности, депрессий и других страданий. Некоторые исследователи даже поставили вопрос о способности человечества выжить в условиях экспоненциальной акселерации (Duclos et al. 2017).

Каждый раз после появления очередной эффективной технологии, доведенной до массового применения, появляется особо острое ощущение прогресса и «ускорения бытия», с одной стороны, и страх перед будущим, сливающимся с настоящим, – с другой. Скорость появления новых культурных форм во второй половине XX в. настолько возросла, что *стала* отдельным предметом исследования обществоведов и культурологов. Яркими проявлениями этого являются философское научное направление дромология П. Вирильо и концепция футурошока Э. Тоффлера, о которых упоминает в своей статье «Скорость в антропологии движения» А.В. Головнёв. По его мнению, благодаря Hi-tech среде, скорость в традиционном физическом представлении «обнуляется» вслед за временем и пространством. Может быть, это та скорость, которая стала доступна благодаря Hi-tech, преодолела пространство и подарила нам время!?

Несмотря на разработанные концепции социокультурного ускорения, в гуманитарных науках скорость обычно представляется метафорой. Многие процессы в них проходят на «геологических» скоростях и не имеют прямой связи с технологическим развитием. Но это не исключает возможностей эффективного анализа динамики процессов².

Т.Х. Эриксен пишет о беженцах и роли смартфона в их жизни. Она для них практически замерла в моменте, в холодном лагере, в полугальном статусе на неопределенное время. В смартфоне они хранят свое дорогое сердцу прошлое, а будущего у них несколько вариантов. Как и у всех, конечно. Но какой наглядной становится скорость, когда понимаешь, что в этом застывшем моменте наш нелегальный герой так же, как и «коренные европейцы», убивает время в развлекательном

приложении. «Смартфон сжимает время, помогает преодолеть временной разрыв», – пишет Эриксен. «Природа мобильного телефона такова, что подстрекает “здесь и сейчас” за счет возможностей завтрашнего дня».

Это наглядный пример антропологической скорости и возможного варианта ее формулы, которая складывается из минут сегодняшнего дня, потраченных ради завтрашнего, и минут «убитых» сегодня ценой завтрашнего. И так для каждого из нас с вами. То есть антропологическая скорость в данном контексте – это развитие потенциала за счет эффективности момента. Она подразумевает социально-экономическое развитие индивида, его интеграцию в общество.

Второй момент, который отмечает Эриксен, – это различие антропологической скорости в разных обществах. В развитых странах не удивительно слышать жалобы о чрезмерной скорости изменений вокруг, о рассеянности внимания.

С другой стороны, отмечает Хюлланд, есть множество стран, где жизнь течёт неспешно и появление ускорителя в виде смартфона приносит сильнейший импульс в распорядок дня. Таксисты могли стоять сутки напролёт в ожидании пассажиров, проводя время за болтовней с коллегами. Появление Uber или подобной технологии вносит динамику в их жизнь, делает день продуктивнее, а экономику богаче. Их проблема – это не акселерация и стресс, а, наоборот, слишком тягучая размеренность.

«Как правило, наименее перегретые страны являются наиболее жаркими в климатическом отношении». Скорость в обеспеченном обществе теперь ограничена не скоростью соединения или наличием аппарата, а человеческой природой. Мы подошли к новому пределу. Наш мозг не успевает за темпом жизни. Эриксен говорит: «Быстрые ритмы, даруемые технологиями, сталкиваются с медленными ритмами, регулирующими природные и физические процессы».

Означает ли это, что мы достигли предельного ускорения и более не получаем эффекта от «ускорителей» как общества стран третьего мира? В перегретом мире появляются новые запросы на скорость. В моде биохакнинг и другие способы увеличить свою эффективность.

В публикуемой здесь же статье В.М. Склез представлены особенности категорий времени, находящихся в основании концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Анализируется генеалогия этих категорий и их роль в формировании национального воображения. Рассматриваемая темпоральная структура соотносится с исследованиями современного представления об истории в работах Райнхарта Козеллека, в частности в его анализе категории «настоящего». Показано, что отличительная черта структуры исторического субъекта эпохи современности связана с особым качеством категории «настоящего», сочетающей в себе модусы различного порядка.

Примечания

¹ QWERTY-экономика изучает примеры и причины выбора неэффективных экономических решений. Названа в честь хрестоматийного примера 150-летнего бытования одноименной клавиатуры, которая отличается далеко не самым быстрым набором текста.

² Один из примеров – глоттохронология.

Литература

- Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003.
Duclos V., Sanchez T., Vinh-Kim C. Nguyen. Speed: An Introduction // *Cultural Anthropology*. 2017 (February). Vol. 32, is. 1. P. 1–11.
Eriksen Th.H. *Overheating: An Anthropology of Accelerated Change*. Pluto Press, 2016.
Rovelli C. *The Order of Time*. Riverhead Books, 2018.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2020 г.

Nikitin Maksim A.

SPEED AND ACCELERATION IN CULTURAL ANTHROPOLOGY (INTRODUCTION TO THE SPECIAL THEME)*

DOI: 10.17223/2312461X/28/2

Abstract. The article presents the journal's special theme 'Speed and acceleration in cultural anthropology'. It gives a glimpse of some of the contributions made to the topic by the authors, who have written extensively on the anthropology of movement, modernity and globalisation. Most of the articles in this section were written during the COVID-19 pandemic and reflect the global lockdown, slowdown, and other measures taken by the governments worldwide to stop the spread of the virus.

Keywords: anthropological speed, anthropology of movement, pandemic, COVID-19, acceleration, experimental anthropology

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI), project No. 18-49-860006 p_a, titled 'The icy heart of the Urals: Glaciers and permafrost in the life of local indigenous peoples'.

References

- Duclos V., Sanchez T., Vinh-Kim C. Nguyen. Speed: An introduction, *Cultural Anthropology*, 2017 (February), Vol. 32, is. 1, pp. 1–11.
Eriksen T.H. *Overheating: An anthropology of accelerated change*. Pluto Press, 2016.
Eriksen T.H. *Tiraniia momenta. Vremia v epokhu informatsii* [Tyranny of the moment: Fast and slow time in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2003.
Rovelli C. *The order of time*. Riverhead Books, 2018.

UDC 39

DOI: 10.17223/2312461X/28/3

SYNCHRONISATION AND DE-SYNCHRONISATION IN THE ERA OF THE SMARTPHONE

Thomas Hylland Eriksen

Abstract. Speed has a financial significance, it is always a reason for investment. But still many innovations were abandoned because high speed doesn't always mean success. Smartphone rapidly conquers the world. People managed their lives perfectly well before they were colonised by the smartphone. Yet life had a different rhythm then. Our social interaction doesn't change much, but smartphone lets us run multiple processes at the same time. Smartphone compresses and destabilises time and space, but it also has a potential to expand space and make time more flexible. Smartphone makes consumption, communication and production more efficient. But it can also reduce the pace. Speed differs by country. Acceleration, fragmented time, and addiction to speed make stress. This is a problem in affluent classes in overheated countries. On the other hand, slowness and too many gaps are in least overheated regions. Contribution of the smartphone to the economy and overall speed is huge. But not everything accelerates: family organisation, religious values, cooking practices may not have changed at all. The fast rhythms required by the smartphone clashes with the slow rhythms in the natural and physical world. Life is polyrhythmic, and the smartphone can only synchronise a few slices of it.

Keywords: anthropology of time, smartphone, pandemic, social synchronisation, anthropology and globalisation

It just took a little over a decade for the smartphone to conquer the world following its introduction in the world market in 2007. By now, this ubiquitous gadget has virtually become an extension of the body for hundreds of millions of people. Everybody seems to have anecdotes about the time the mobile ran out of battery, they accidentally dropped it in the water or lost their network connection. Small social catastrophes happened every time. In the space of just a few years around the turn of the century, social life was reorganised by the (pre-smart) mobile phone, and it happened in such a frictionless and comfortable way that most of us barely noticed it, until, that is, we discovered how unpractical and unpleasant it was to leave it at home – or, conversely, what a relief it could be to spend a few hours without the pressures entailed by the mobile.

This essay concerns some of the ways in which temporality has been affected by the penetration of the smartphone into people's life-worlds. I am well aware of the fact that there are very substantial variations, but on this occasion, the focus is on generic, structural features of the smartphone, which apply in comparable ways everywhere, although they are obviously

expressed in specific, locally embedded ways in different societies. I shall show both facets: the diversity and the commonalities.

How on earth did we manage without it? This rhetorical question has become commonplace, often accompanied by a self-ironic smile. It is an empirical fact that people managed their lives perfectly well before they were colonised by this new piece of mobile technology. Yet life had a different rhythm then. Appointments were fixed days or weeks ahead. No micro-adjustment was possible, whereas it is now common, and has entered into everyday routines, to send a text from a bus or tram if one is a little late for a meeting. Before this possibility existed, there needed to be more flexibility. Conversely, you were free when you were not in and available, and allowed to fill the temporal gaps with anything or nothing. The temporal flexibility was, in other words, greater before the mobile internet, while the spatial flexibility has increased.

Before the mobile revolution, many relied on coin-operated payphones. They always carried coins (today, many societies are moving towards the cash-free economy). Besides, for many years, only a minority of the households had their own landline in a great number of societies.

The rhythms of life were different then. On holiday, people might buy a stack of postcards on the first day, write them during the next couple of days, buy stamps, and post them. There was always some excitement as to whether the cards would reach the addressee before the sender returned from holiday.

The postcard was phased out slowly, and it still exists, although it is unlikely that many of the cards which are purchased now are actually sent. In its time, the postcard nevertheless represented acceleration and enhanced efficiency. Writing and sending it was faster than writing a letter, and one got a pretty and evocative photo on the back as a bonus. Other future-oriented technologies were rendered obsolescent more quickly, frequently because they were replaced by other inventions that performed the same tasks with increased speed and efficiency. The airship may have been the most spectacular of these. Zeppelins have been compared with dinosaurs, with the lighter and more flexible aeroplanes playing the metaphoric part of the mammals that got lucky after the meteor strike 65 million years ago. The comparison is imperfect. A long succession of dinosaur families and species dominated life on the planet for several hundred million years, while the airship was a brief interlude, a poorer alternative to the aeroplane.

Less familiar and more easily forgotten, but no less promising in its time, was pneumatic mail. This technology consisted in a network of underground tubes through which cylindrical containers, which could contain up to 600 letters, were transported hydraulically. The speed could be as much as 50 kilometres per hour. Pneumatic mail was developed soon after the telegraph, and helped teaching modern people the art of impatience. Extensive networks were built in Paris, London, New York, Philadelphia, Osaka and a

number of other cities. Tubes connecting stock exchanges to telegraph offices were immediately of financial significance, and in Aberdeen, a tube connected the fish market to the post office, accelerating trade in a commodity with a limited timespan.

As pointed out by Jason Farman (2018), who describes the era of the hydraulic tube, a culture committed to speed never seems to get enough of it. The great advantage of the pneumatic tube system, and the reason why many cities in Europe, North America and Japan invested in the infrastructure, was its speed; it was substantially faster than the horsecarriage, especially in the increasingly cramped streets of growing cities. It helped create an addiction to speed. When you got used to connecting with your business partners in Brooklyn through pneumatic mail, the old postal system suddenly became intolerably slow. Similarly, a passenger used to travelling with Japanese shinkansen (bullet trains) would find the Oslo–Bergen railway connecting the largest cities in Norway comically slow; and an office worker accustomed to a powerful, current desktop computer would find it difficult to work with a Windows computer from the late 1980s.

In accordance with this argument, the pneumatic tube network was abandoned because it was too slow; it mainly connected post offices, and did not extend to private homes. You still had to get to the post office to send your letter or parcel, and the next post office still had to deliver to home addresses. In the same way as short- to medium-distance flights take less time than the transport to and from airports and the waiting in lounges, the time budgets for pneumatic mail did not add up satisfactorily. Although there is a lot of traffic in London's West End and on Manhattan, the car, bicycle or motorbike is, in sum, a faster mode of transportation. When pneumatic mail was introduced in the mid-nineteenth century, the alternatives were walking (or running) couriers and the horsecarriage. Today, naturally, the physical letter has also largely been phased out by faster alternatives, just as the postcard has been replaced by online messaging services.

* * *

In the expanding global middle class, the smartphone is – among many other things – an entertainment machine, a bottomless and endless source of encyclopedic knowledge, a news service, an atlas and a weather forecaster. This aspect of the smartphone, which concerns information, can make it appear as a younger, shrunk and deterritorialised relative of the newspaper, the cinema and the television. It miniaturises, simplifies and accelerates.

To refugees who find themselves in one of their liminal phases, the smartphone is to a greater extent a descendant of the landline and the phone booth, the letter, the postcard and the physical meeting at the railway station or one of the other sites where newly arrived male migrants typically con-

gregate. It has turned sockets and free wifi into coveted, scarce resources, precisely because it is a multifaceted lifeline.

What these two otherwise very different groups have in common is that the smartphone in both cases contributes to the destabilisation of time and space. It produces simultaneity and instantaneity, it compresses time and space, but it also has the potential to expand space and make time more flexible. It enables new forms of personal freedom and offers a birds' eye view of the relevant social world, holding out the potential of a fluid, horizontal network society as an alternative to the hierarchical, more static society. It becomes important as a means to maintenance and expansion of personal networks for people who may have had a passive and indifferent relationship to the mobile before they were forced to flee, in this resembling a retired fisherman in England, who told researchers that he had used his smartphone a lot while his daughter lived in Australia, but now that she had moved back, the mobile was rarely used.

The difference between the way the temporalities of refugees and settled Europeans is affected by the smartphone should not be exaggerated. Much of the time, both groups simply use the phone to fill temporal gaps with games, music, social media or websites helping them to fight boredom.

In addition to all this, the mobile functions as a storage room and archive for refugees, since it makes it possible to freeze valuable moments in the past and store half-forgotten memories, a possibility which is enormously valuable to people who have been forced to leave everything behind and flee not only from places, but also from people they are close to. The smartphone is not a phone; it is a miniaturised, powerful time capsule that makes it possible to store, expand, and shrink time.

The world of the smartphone has brought time and space out of kilter. Networks, knowledge and consumption have been appified – if you can't get it into an app, it ceases to exist – and in this world, no borders are absolute, and everything becomes comparable with everything else in so far as it can be squeezed into an app.

It is possible that the sociologist John Urry (2001) is right in stating that sociology no longer should keep society as its central concept, but replace it with mobility; but it is probably more accurate to state that all that is solid melts into air, as Marx famously said: the concrete and tangible becomes abstract and invisible. This concerns time just as much as space.

Roughly in the same way as word processing erased the boundary between the first draft and the final version, and the electronic newspaper did away with the deadline – in a not too distant past, the deadline was at three-thirty in the afternoon; it is now continuous – there is no longer a definite 'before' and 'after' regarding appointments. They can now be adjusted until the very end, often in the form of the group chat or 'micro-coordination 2.0' (Ling & Lai 2016), as a continuous flow of adjustments, suggestions and so on.

In many areas, we continue to do what we used to before the coming of the smartphone. We exchange gossip about others and comments on the weather, ask each other for favours, buy services from others, ask how people are and brag about our children, criticise our boss or teacher, order books and pay bills. A main difference is that we can now carry out all these tasks, and many more, any time and anywhere, instantaneously and without friction. Far more people than before are now knowledgeable about each others' private affairs as the boundary between the private and the public has become indistinct, but the compression of time and space is perhaps even more striking than the changes in social interaction.

There is something uncannily unnatural about this way of relating to other people, as many came to realise fully only during the Coronavirus crisis, which forced great chunks of social interaction to migrate online. It can be compared to the way air travel compresses time and space. You go into a metal tube, take a seat, watch a film, eat and drink, read your book, chat with the sideman, ask for a cognac with your coffee, take a nap; and when you wake up, drowsily staggering out of the tube, you find yourself thousands of kilometers from home, in a different climatic zone, where people speak an incomprehensible language, engulfed by an unfamiliar smell of diesel, orchids, sweat and hot tarmac. Or you lie on a hotel bed in a faraway country, pull out your smartphone from your jeans pocket and update yourself on football results and text messages from home. You are nevertheless reminded of your location far from home because of the time difference. Once my phone rang at four in the morning while I was fast asleep in Malaysia. It turned out to be a colleague from home, who naturally had no idea that I was eight hours ahead of him. The world has become not only one place owing to global integration, but also one synchronised time, regardless of time zones.

Refugees en route spend a lot of their time waiting, often for indeterminate periods of time. Whether squeezed together in a dilapidated boat or spending their days in tented camps built by volunteers or by an NGO on a Greek island, or if they spend their days on the streets of Nijmegen, their situation is a permanent state of exception. They develop new concepts of place and distance, but time is also changed by the gadget in their pocket. Refugees without a formal legal status are typically seen as liminal, in a limbo state, between a past they have been forced to leave behind and several possible futures. In their case, it is highly pertinent to ask about the specificities of 'the future': when is it? The possible futures imagined by refugees waiting for their applications to be processed are paused, open-ended and indeed actively sabotaged by bureaucratic sluggishness and institutions of Kafkaesque impenetrability and Byzantine complexity.

Usually, refugees have smartphones, whether they are from Afghanistan, Mali or Syria. Waiting for the paperwork to be completed in a camp or waiting for their application for residence to be decided, they use the phone to

build and maintain social networks, communicating with family members at home or elsewhere, and obtain information enabling them to lay plans in both the short and the longer term. Their dependence on the smartphone was graphically illustrated in a photo taken in the main railway station in Budapest in the summer of 2015 and reproduced on news sites across the world. The photo depicted a long row of men, lying on makeshift mattresses near a wall and trying to rest while their faces were illuminated by the flickering, bluish light from the small screens.

The significance of the smartphone for temporal coordination can barely be overestimated. In a not too distant past, when *le transport* did not come in time (the ‘people smugglers’), you had no other choice than wait in the designated meeting place for them to arrive. You may now ask the driver or captain in real time why he is late. You can later use GPS to locate yourself accurately, send a message to your uncle in Munich about being on your way, ask your cousin in Düsseldorf whether he still has a job for you in the informal sector, and update yourself on the kind of border control you might expect along European borders, which parts of the Mediterranean are least militarised and where it may be safe to cross the border. This form of access to immediate contact with the outside world has enormous significance for people who cannot rely on formal channels for coordination and information sharing.

Time and space are compressed in this way. Where you happen to be does not interfere with your online activity, and this is highly significant for people who are on the move and rarely sleep two nights in a row in the same place. A landline would have been useless for them. To refugees, moreover, the smartphone functions as an archive and a personal museum. It is not just used to fill the present and plan the future, but also to sequence and memorise the past. Just consider what your electronic address book says about your life. Getting their hands on it would be a major scoop for your future biographer, but if you are an undocumented migrant, it is also highly interesting for the police in a country where the state has an expressed ambition to know as much as possible about those who find themselves within its boundaries. This ambition has become even more urgent following the outbreak of the Corona pandemic in spring 2020.

The online person shrinks and compresses time, spreads it out (as when we wait for a day or two before responding to electronic messages), watch an entire season of a TV series at a single sitting rather than watching one installment a week, and micro-coordinates with friends and family to preclude the need of shoehorning meetings in-between existing appointments. In sum, the smartphone makes consumption, communication and production more efficient. It is a generous gift to global capitalism, relying as it does on increasing speed and efficiency.

It is therefore worth reminding oneself of the fact that the smartphone can also contribute to reducing the pace, as when you sit abandoned and cold in a

refugee camp on a Greek island, killing time by watching music videos from your youth or reading and re-reading messages from friends, NGOs, relatives and others; you may play old games or read about the poet Rumi on the Farsi version of Wikipedia. The nature of the mobile phone encourages the here and now at the expense of the there and then. It strengthens the tyranny of the moment (Eriksen 2001), but it can also be used to draw long lines backwards, sideways and forwards in time.

* * *

Having said this, it is necessary to add that the Internet enabled touch-phone gives the pride of place to the here and now, whether you urgently need to know Beethoven's date of birth, when the driver will take you to Tamanrasset, or feel a sudden urge to speak with a friend who is in a distant place. When a friend of mine moved from England to the USA some years ago, he commented that our relationship would remain fairly unchanged. We saw each other physically just once or twice a year anyway, and on the Internet, it matters little where you are.

Synchronisation and acceleration are some of the most important effects of the smartphone, whether you are a refugee or safely settled, rich or poor, old or young. It is not least an indispensable tool for anyone who is engaged in an economic activity which requires coordination with others, especially in countries where the formal sector of the economy is weakly developed. In the market in Lusaka, Zambia, the women who buy and sell anything from vegetables to fabrics have recently discovered that the smartphone increases their productivity. Like one might expect, they may spend some of the quiet moments of the day chatting with friends and calling their mother, but they are also able to stay in contact with customers and suppliers in real time with the new gadget, which has spread in Zambia, like in many other African countries, lightning fast since around 2015 (worldinternetstats.com). Assume that you run a vegetable stall and have run out of asparagus beans before lunch. Just a few years ago, you would have to wait for the delivery boy to pass by on his rickety scooter some time tomorrow morning. You may now text the wholesaler and promise a 20% bonus if he can deliver the beans within an hour. Turnover increases for both parties, and the farmer who supplies the wholesaler has an incentive to weed and fertilise a bit more than usual.

In the affluent classes, complaints about excessive speed are common. Everything is too fast, it is said; it becomes difficult to concentrate on one thing at the time; life is already too overheated, and there is a great demand for brakes such as meditation centres, courses in mindfulness and apps (*sic*) which tell people to stand still and breathe slowly once an hour. This is not the case in a country like Gambia, where the rhythm of production, distribution and consumption is still leisurely. When I visited the country some years

ago, I noticed that at any time, a fleet of yellow taxis were parked in a large tarmac desert, while their proprietors were smoking, chatting, and waiting for customers. Most had been standing there all day. Before these services were appified in European cities, we also had to phone the switchboard, wait half an hour for a response and another half hour for the taxi to show up. We now press our touchscreen a couple of times and wait for about five minutes before the taxi appears. With a similar app, the Gambian cabdrivers could receive bookings instantly, and when there were none, they could have spent the unproductive time helping their uncle in the peanut field or sold soft drinks to tourists on the beach. Their problem is not acceleration and stress, but rather that there is too much slowness and too many gaps. As a rule, some of the least overheated countries are the hottest ones.

Calculating the contribution of the smartphone to the economy in different countries would have been an impossible task, not least because much of the increased productivity takes place in the informal sector, thus passing under the radar of those who measure GDP. Its economic contribution is nevertheless, beyond doubt, very considerable where it is implemented, owing to improved logistics and increased overall speed.

* * *

Although the smartphone articulates temporalities differently in different societies, there are some important similarities in that it makes networks denser and lubricates activities with increased speed and efficiency. Allow me a sorting exercise.

First, there are differences in the ways the smartphone influences temporal rhythms. To most Africans, for example, smartphone use is staccato. Networks can be unreliable, and people run out of money. There are also differences in cultural styles and preferences (Protestants are likely to respond more promptly than Catholics, etc.). The time of the clock and the calendar is absolute in theory, but flexible in practice. On the mobile Internet, you are instantly available, but only when you wish so.

Secondly, different temporal regimes are brought to bear on different social relationships. Perhaps cousins can wait, but mothers cannot. And perhaps we may say that the North Atlantic Protestant cultures, fuelled by bad conscience and a puritan work ethic, are affected by the instantaneous temporality of the smartphone to a greater extent than the rhythm typically found in the bazaar of Marrakesh. Of course, a similar diversity of temporalities may be found within societies as well, not just between them. The retired fisherman in Norfolk is less harassed by interruptions and less stressed by fragmented time than his son, who works as a stockbroker in the City. It would nevertheless be interesting to see a systematic comparison between the rhythms of electronic communication in, let's say, Japanese society (re-

nowned for its efficiency) and the less accelerated Ghanaian bureaucracy. (Shortly before the Coronavirus lockdown, I visited a Ghanaian research institute. There were some newspapers in the common room. They were three months old.)

Clashes between temporal regimes are made visible when all in theory are synchronised, contemporary, here and now, at the same moment. When simultaneity is expected, differences between temporal rhythms are made immediately visible. For example, if an ambitious, efficient American scholar edits a book with a more laidback, but no less scholarly Portuguese colleague, she soon discovers how differently the two live in time. She sends him updates, place documents in their shared dropbox, reads drafts, stays in contact with publishers and sends out emails to contributors, and he responds... after some time. This kind of asynchronicity, as the reader will appreciate, foments conflict in addition to making temporal diversity visible.

When the Coronavirus pandemic brought the world to a sudden halt in March 2020, we were reminded of the importance of synchronisation in an economic system depending on just in time deliveries of goods and services. The supply chain is never stronger than its weakest link; the flow of logistics cannot be faster than its slowest node. Delays ramified, and recession was a fact. When the entire world is expected to be online simultaneously, we are constantly reminded that we are not perfectly synchronised. There are still gaps, delays and interludes.

Not everything accelerates in the era of the smartphone, not even in theory. Different parts of a culture change at different speeds, Margaret Mead wrote in a study of cultural change in Melanesia following the Second World War (Mead 1956). During the war, both Americans and Japanese came, on opposing sides of the frontline, with air cargo, clocks, electricity and a monetised economy. Certain parts of the Melanesian societies, accordingly, changed very fast. Other aspects, such as family organisation, religious values or cooking practices, may not have changed at all.

An important question to raise in this context concerns which parts of a culture remain relatively unaffected by the smartphone's inherent demand for simultaneity and accessibility. In large parts of the world it has become easier to transfer money, book restaurant tables, organise public meetings online or offline, coordinate the working day and stay in touch with children and spouses. At the same time, it is easy to see that certain important social institutions have not been deeply affected by the technology of simultaneity. Certain things can only be done slowly. A lecture at the university still lasts for 2x45 minutes, and there are still a few professors left who insist on using chalk and blackboard. Studies also indicate that on the whole, we do not seem to sleep less than before the smartphone either (Gershuny & Sullivan 2019).

The philosopher John Gray (2003) once said that when it came to science and technology, humanity had indisputably made great progress since antiq-

uity. However, regarding moral thought and ideas about the good life and the good society, it was as if Plato and Aristotle were our contemporaries. Development is neither unilinear nor universal; the term ‘progress’ is not always appropriate when we consider the great accelerations of modernity (Eriksen 2016). Food production can be accelerated perceptibly through the use of chemical fertiliser, hormone-enriched fodder and so on, but not indefinitely. A pregnancy still lasts for nine months. A tree still needs at least ten years to grow sufficiently large for a child to climb it. The fast rhythms required by the smartphone to justify its central place clashes with the slow rhythms regulating processes in the natural and physical world. As academics, we often experience the conflict between two temporal regimes placing contradictory demands on us: the pressure to produce more this year than last year, and the expectation that we should do a good and thorough job.

The clash between the immediacy, miniaturisation and compression of the smartphone, on the one hand, and the other, often slower rhythms in which we lead our lives, on the other hand, are not just expressed in differences between societies, but in the lives of individuals, as the example of the troubled academic shows. You may update your social media accounts several times a day, fill micro-gaps by communicating in real time within your primary network, and access facts in an instant while your dictionaries and bound encyclopedia are gathering dust. But perhaps you also cook slow Indian or Italian food, play the piano or listen to Bach; or you spend two hours a day in rush traffic while listening to slow media such as podcasts; or you water your plants, look after children or ageing parents, read Dickens and come to realise that learning how to think can only be achieved slowly, just as was the case before the electronic revolution.

The smartphone is synchronising in that it makes us all contemporaries, living in the same time-space which is disembodied from physical time and space. Precisely for this reason, it is also desynchronising – or, rather, it is a constant reminder that people will never be perfectly synchronised, since the disparate rhythms of life can never be uniform like marching soldiers or North Korean schoolchildren on the national day. Life is polyrhythmic, and the smartphone can only synchronise a few slices of it.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2020 г.

References

- Eriksen T.H. *Tyranny of the moment: Fast and slow time in the information age*. London: Pluto, 2001.
- Eriksen T.H. *Overheating: An anthropology of accelerated change*. London: Pluto, 2016.
- Farman J. *Delayed response: The art of waiting from the Ancient to the instant world*. New Haven: Yale University Press, 2018.
- Gershuny J. & Sullivan O. *What we really do all day: Insights from the centre for time use research*. London: Pelican Books, 2019.

- Gray J. *Al Qaeda and what it means to be modern*. New York: New Press, 2005.
- Ling R. & Lai C.-H. Microcoordination 2.0: Social coordination in the age of smartphones and messaging apps. *Journal of Communication*, 2016, no. 66, pp. 834–856.
- Mead M. *New lives for old – cultural transformations, Manus 1928–1953*. New York: Harper Collins, 1956.
- Urry J. *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge, 2001.

Эриксен Томас Хюлланд

ВРЕМЯ: (А)СИНХРОННОСТЬ В ЭПОХУ СМАРТФОНОВ

DOI: 10.17223/2312461X/28/3

Аннотация. Скорость имеет финансовое значение, она всегда была причиной инвестиций. Тем не менее многие инновации провалились, потому что большая скорость не всегда означает успех. Смартфон стремительно покоряет мир. Люди прекрасно управляли своей жизнью, пока их не колонизировал смартфон. Но тогда у жизни был другой темп. Наше социальное взаимодействие не сильно изменилось, но смартфон позволяет нам запускать несколько процессов одновременно. Смартфон сжимает и дестабилизирует время и пространство, но он также может расширить пространство и сделать время более гибким. Смартфон делает потребление, связь и производство более эффективными. Но он также может снизить темп. Скорость в разных странах отличается. Ускорение, раздробленное время, зависимость от скорости создают стресс. Это проблема богатых классов в перегретых странах. С другой стороны – медлительность и слишком большое количество простоев в наименее перегретых регионах. Вклад смартфона в экономику и общую скорость огромен. Но ускоряется не все: организация семьи, религиозные ценности, приготовление пищи могут вообще не меняться. Быстрые ритмы, требуемые смартфоном, конфликтуют с медленными ритмами в естественном и физическом мире. Жизнь полиритмична, и смартфон может синхронизировать только несколько ее фрагментов.

Ключевые слова: антропология времени, смартфон, пандемия, социальная синхронизация, антропология и глобализация

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/28/4

СКОРОСТЬ В АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ*

Андрей Владимирович Головнёв

Аннотация. Скорость обладает свойством преобразовывать явления и создавать новые. Под воздействием скорости, вернее набора разных скоростей, преобразуются вещи, сообщества, пространство, время, а также их функции и взаимосвязи. Это положение иллюстрируется в статье сюжетами глубокой древности (становлением явлений мобильности, глобализации культа скорости), которые повторяются в последующие эпохи, создавая впечатление новшеств. Скорость, вернее набор скоростей, определяет этническое своеобразие разных сообществ, что видно на примерах кочевников степей и тундр. Главные координаты скорости, пространство и время, не всегда соответствовали их характеристике в классической физике: объективность, независимость друг от друга и от наблюдателя. В ментальности кочевников (и, вероятно, древнего *homo mobilis*) обнаруживается модель слитного и субъективного времени-пространства. На соотносимых принципах основана общая теория относительности. Новейшей инкарнацией слитного *времяпространства* стал кибермир. Существенную роль в возрождении древней матрицы сыграл кинематограф, выработавший технологии сжатия времени и пространства – экранное время отличается от реального тем, что позволяет втиснуть в минуту годы и столетия и то же самое сделать с пространством. В виртуальности иная, чем в реальности, скорость сообщений, реакций, решений, действий. Киберскорость позволяет сжимать до мгновений гигантские пространства и массивы времени, при этом скорость ускользает за пределы человеческих ощущений и контроля. Мы ощущаем ее только по натяжению «силовых линий» и температуре «точек нагрева» Сети.

Ключевые слова: скорость, антропология движения, мобильность, *homo mobilis*, кочевники, кибер-мир

Скорость в антропологии движения

Относительность – ключевая характеристика скорости. Она служит мерой движения, соотносимой с понятиями «быстрота», «гонка», «спешка», «темп», «ритм». Понятие скорости применимо ко всему многообразию человеческой жизни – от ритма танца до манеры речи, от миграции до эволюции. Для одних это показатель пространственного перемещения, для других – технического прогресса, для третьих – течения событий. При кажущейся тривиальности скорость – понятие глубоко экзистенциальное, связывающее феномен всеобщего движения (жизни) с субстанцией абсолютного покоя (смерти); социальные стандарты движе-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-78-10077 «Виртуальная этничность и киберэтнография: новация на фоне традиции» (рук. С.Ю. Белоруссова).

ния и покоя не перекрывают сугубо личного восприятия и переживания скорости, в чем состоит еще одна грань ее относительности.

Скорость обладает волшебством превращения. В этом состоит сила и таится угроза. Без этого свойства она осталась бы рутинным мерилем, вроде массы или размера. Скорость преобразует вещи, явления, людей, сообщества, пространство, время; или если не сами вещи, то их динамичные связи и роли. Скорость как преобразователь движения не только оживляет сцены, но и связывает их в сценарии.

Как мера движения скорость пригодна для характеристики действий (функций, орбит, траекторий) людей, вещей, идей в безбрежном диапазоне. Чтобы как-то расчертить этот океан явлений, удобно задать ряд *ad hoc* ракурсов, например историографический, исторический, этнографический и технологический, не забывая об их условности и необходимости удаления из сознания сразу после использования. Иными словами, структурирование в этой статье применяется не для того, чтобы заковать живые явления в научные категории, а для удобства наблюдения и называния. Эссе задумано не как строгий синтез, а как свободный наигрыш разных тем, изменчивых, как все, что связано с движением.

Дромология Поля Вирильо

Французский архитектор и философ Поль Вирильо (1932–2018) – первый теоретик социальной скорости – назвал свою науку (логику) дромологией (от гр. *δρόμος* – «гонка», «гоночный трек»). В книге «Скорость и политика», вышедшей в 1977 г. и переизданной в 1986 и 2006 гг., он представил толкование истории и политики в проекции скорости, которая выступает главным фактором и мерилем прогресса, а ведущие фигуранты описываемых событий называются дромоманьяками. В этом свете английская промышленная революция предстает «дромократической революцией», а демократия – «дромократией». По Вирильо, «статика есть смерть», а сила жизни концентрируется «в местах интенсивной циркуляции» (Virilio 2006: 69, 89).

В исследовании движения и скорости Вирильо исходит не из физики, а из геополитики, аура которой видна в ссылках на Х.Дж. Макиндера и размышлениях о связи понятия скорости с «морской силой», включая метафору: идея скорости «вышла из моря, подобно Венере». Сюжет происхождения «дромократической идеи» от мореплавания содержит фазу, когда «право на море» обернулось «правом на преступление» и на месте «открытого моря» образовалась «морская империя». Затем идея преломляется в новом виде движения, настроенном на перемещение в пространстве и времени «без конечных пунктов назначения». Иллюстрацией такого движения служит стратегическая атомная субмарина, которая не следует из пункта в пункт, а осуществляет кон-

троль моря, оставаясь невидимой. Ей свойствен «абсолютный, непрерывный, циркулярный вояж без точек отправления и прибытия», напоминающий «петлю не-возвращения». Стратегическую ценность, взамен географической локализации, приобретает делокализованное перманентное движение – воздушное, наземное, подземное, подводное, – характеризующееся скоростью движущегося тела и неопределенностью его пути (Virilio 2006: 64–68, 151).

Море породило особое отношение не только к пространству, но и ко времени, поскольку именно в море явственно различимы космические механизмы. Англичане долго оставались лучшими часовщиками в мире, ибо «господство над морем требовало господства над временем» и требовало умения, так сказать, «стрелять по Луне» (Virilio 2006: 68).

Власть над временем предполагала скорость получения информации. В XV в. именно быстрота доставки новостей посредством голубиной почты дала Жаку Керу шанс разбогатеть на фондовой бирже, в том числе за счет морской торговли (Virilio 2006: 106). В этом отношении Вирильо вторит размышлениям Фернана Броделя о росте богатства за счет скорости получения информации, как это удавалось евреям с их умением «торговать деньгами» – самым быстрым из товаров – в XVII–XVIII вв. на биржах Амстердама и Лондона. Так, гаагский еврей Жуасо однажды поделился с французским послом рецептом заработка ста тысяч экю в день: для этого нужно было получить известие о кончине бездетного испанского короля Карла II на 5–6 часов раньше остальных игроков на бирже Амстердама. Подобной тактики придерживался разбогатевший на Лондонской бирже еврей Медина, нашедший общий язык с предприимчивым герцогом Мальборо, которому платил 6 тыс. фунтов стерлингов в год за право первым узнать исход очередной битвы за испанское наследство (при Бленхейме – 1704 г., Рамийи – 1706 г., Ауденарде – 1708 г.); сходным образом «известие о Ватерлоо послужило к выгоде Ротшильдов» (Бродель 1988: 35, 90, 94, 571).

Война, богатство, экономика тесно сплетены друг с другом и с идеей скорости – «войной Времени». Будучи страной флота, Англия концентрирует свои усилия на технических инновациях в транспорте, в частности на скоростных двигателях. Следствием этого было не только экономическое, но и идеологическое первенство: став великой индустриальной нацией, моделью для подражания, Англия приобрела «чувство технического превосходства, смешанное с чувством общего превосходства» (Virilio 2006: 69).

«Скорость – надежда Запада», – обобщает Вирильо. Доминирование западного человека на планете было достигнуто, несмотря на низкую демографию, именно за счет скорости. Его успехи в «колониальном геноциде и этноциде» определялись сверхбыстротой (*super-quick, sur vif*). Французское слово *vif* (оживленный) не случайно сочетает в себе

по меньшей мере три значения: «быстрота», «живость», «сила». С развитием дромократии человечество разделилось на две категории: «люди надежды» (от тезиса «Скорость – надежда Запада»), наделенные способностью реализовать свои проекты и решения за счет аккумулярованной скорости, и «люди отчаяния», заблокированные низким уровнем их транспортных технологий и запертых в ограниченной нише (Virilio 2006: 70, 78).

Скорость – двигатель революции, и в то же время революция – генератор скорости. События 1789 г. во Франции были восстанием против «принуждения к имобильности» – создаваемой феодальной зависимостью «обязанности жить на одном месте». Правда, завоеванная «свобода приходит и уходит» вскоре переросла в обязанность, а затем и в диктатуру движения: «Массовое восстание 1793 г. впервые установило диктатуру движения, незаметно заместившую свободу движения первых дней революции». Этому предшествовали хождения санкюлотов – дромоманьяков, “разносчиков террора”, вышедших на парижские тротуары. Эта «новая армия, массовая армия» сокрушала противников «своим постоянным наступлением под мелодию Марсельезы». Кстати, эта песня, ставшая национальным гимном, по сути представляет собой дорожную песню, механику марша. По воспоминаниям очевидца, жители Франции никогда прежде не пели так много, а ныне «песни стали мощным революционным средством, “Марсельеза” электролизовала народные массы... Революционная песня есть кинетическая энергия, бросающая массы в битву» (Virilio 2006: 45–53).

Помимо песен, были и другие средства «вульгарной стимуляции» толпы (армии) дромоманьяков (рабочих), доверявших революционным вождям, по выражению Сен-Жюста, «вести их в атаку, как стаю псов». Пролетаризация по происхождению связана с миграцией, и революционный контингент достигает своей идеальной формы не на производстве, а на улице, где перестает служить винтиком технической машины и становится мотором (машиной атаки) революции – другими словами, «производителем скорости». На улице генерируется «кинетическая энергия революционных масс», а в целом «революция есть движение», причем ускоряющееся (Virilio 2006: 29–32, 43, 48).

По наблюдениям Вирильо, во всех тоталитарных движениях повторяется сценарий первоначального заполнения улиц революционными массами, только в XVIII в. их можно было различить по длинным брюкам *sans-culottes*, а в XX в. – по коричневым рубашкам *Sturmabteilung*. О значении улицы в революции со знанием дела говорил в 1931 г. Йозеф Геббельс: «Кто сумеет покорить улицу, тот покорит и государство!» Толпы дромоманьяков-коричневорубашечников «захватывают Германию, город за городом, точнее, улицу за улицей, а затем и шоссе за шоссе, ведущие к соседним странам»; и эти «приведенные в движе-

ние» германские массы уже невозможно остановить. «Фашизм тоталитарен поскольку дромократичен», – заключает Вирильо (Virilio 2006: 45, 48, 133).

Очевидец тех же событий Карл Юнг различил в движении нацистов германский коллективно-бессознательный архетип Вотана: «Мы увидели его возрождение в обличье германского молодежного движения, когда в его честь была пролита кровь нескольких жертвенных агнцев. Верных адептов блуждающего бога, белокурых юношей, а иногда и девушек с ранцами за плечами и лютнями можно было встретить на всех дорогах от Нордкапа до Сицилии. Уже позже, в последние годы Веймарской Республики, в странников превратились тысячи безработных, бесцельно бредущих от города к городу и от села к селу. К 1933 г. странствия прекратились, и перед нами возникли сотни марширующих стройными рядами. Гитлеровское движение захватило буквально всю Германию – от пятилетних детей до стариков – и породило образ нации, которая пришла в движение. Бог Вотан начал свои странствия» (Юнг 2004: 362).

Вирильо видит в этом движении-брожении универсальный феномен, выходящий за рамки этнических архетипов и стереотипов. Комментируя высказывание лидера португальской «революции гвоздик» генерала Кошты Гомиша «революция движется быстрее людей», он заключает, что «западные так называемые революции делались не людьми, а военными институтами» (Virilio 2006: 136).

Революция, война, экономика, богатство – все эти явления проецируемы через движение и скорость. Вирильо смело обобщает: «На самом деле история развивается со скоростью систем вооружения». «Скорость – суть войны», цитирует он мудрость Сун Цу, дополняя ее определениями Наполеона: «Способность к войне есть способность к движению»; а «сила армии измеряется, как в механике, ее массой, умноженной на скорость». Именно скорость поддерживает мораль в армии, «делает войну приемлемой», а преграды преодолимыми, в том числе посредством технологичного транспорта (Virilio 2006: 47, 78, 90, 149).

Гонка вооружений – на самом деле «вооружение гонки». При этом если раньше ядерный взрыв подразумевал «войну в пространстве», то сейчас – «войну во времени». Карибский кризис 1962 г. стал моментом истины относительно скорости. Прежде две сверхдержавы располагали примерно равным пятнадцатиминутным ресурсом реагирования на ракетный удар (после оповещения систем предупреждения). Установка советских ракет на Кубе грозила сокращением этого ресурса для Америки до 30 секунд. Для разрешения кризиса была проложена «горячая линия» между главами сверхдержав, сократившая переговоры до мгновенных реакций (Virilio 2006: 152, 155).

У оружия есть свойство «насилия скоростью», без которого оно было бы не столь устрашающим. Сущность стратегии предупреждения,

опережения и отражения ракетно-ядерного удара состоит ныне в скорости и исчисляется в долях секунды. Сегодня мы столкнулись лицом к лицу с фактом: «Скорость есть война, последняя война», – полагает Вирильо. Она истощает естественные ресурсы, флору и фауну, натуральную экономику; «дромократический интеллект осуществляет перманентный натиск на мир, и через него на природу человека» (Virilio 2006: 86, 153, 155). Дромология Вирильо, включавшая размышления о факторах геополитики, войны, революции, экономики и, в конечном счете, истории, стала не только импульсом мобильного поворота в науках, но и тревожным предупреждением о неосознанном пока потенциале скорости.

Батискаф истории

Прошлое удобно для исследования, поскольку существует в остановленном историческом времени. Погружение на любую глубину этого времени не означает включенности в реальную атмосферу исторической эпохи, остающейся будто за иллюминатором батискафа, в котором совершается погружение. Сходный эффект отстраненности от реальности достигается при подъеме в стратосферу будущего, откуда, будто из гондолы стратостата (Огюст Пиккар изобрел оба аппарата в 1930–1940-е гг. один за другим, в развитие одной и той же идеи), мир выглядит нарисованным. Даже если в глубинах истории и праистории видны следы тектонических подвижек, вроде великих миграций или завоеваний, через иллюминатор они кажутся не происходящими и не происходившими, а происшедшими – не столько событиями, сколько их запечатленными образами. Впрочем, время от времени они будто оживают, повторяясь в другие эпохи и воспроизводясь в современности. Это значит, старая матрица наполняется свежей кровью, хотя многим кажется, что в мире происходит нечто новое. Речь идет по меньшей мере о трех явлениях глубокой древности, которые нашими современниками воспринимаются как символы модерна или постмодерна: это мобильность, глобализация и культ скорости.

Найгель Трифт считал мобильность «структурой чувств, появившейся в эпоху модерна и обновившейся накануне XXI в.» вследствие развития технологий и «машинных комплексов» от дилижанса до интернета (Thrift 1994: 212). Выразителей этого современного качества называют «новым мобилитетом» (Makimoto, Manners 1997). Между тем человек мобилен давно – с момента своего происхождения: судя по костям стопы обнаруженного в Олдувайском ущелье прачеловека, он больше бегал, чем ходил (Кларк 1977: 51). Бег, никогда не фигурировавший в списке факторов эволюции, заслуживает повышенного внимания, поскольку «выносливость на длинных дистанциях», фиксируе-

мая по костным останкам рода *homo* на протяжении двух миллионов лет, могла играть решающую роль не только в эволюции человеческого тела (Bramble, Lieberman 2004), но и в покорении планеты. Именно *homo mobilis* (человек движущийся) не только произошел, но и прошел (или пробежал) всю планету, создав ойкумену. Осело человечество много позже, с появлением в неолите городов, государств и крепостных стен.

Жители Восточно-Африканского рифта, откуда стартовала *homo*-колонизация Земли, до сих пор остаются лучшими в мире стайерами – спортсмены из Кении и Эфиопии прочно удерживают мировое лидерство в беге на длинные дистанции. К югу от них живут бушмены, которые обладали способностью бегом загнать антилопу до изнеможения. Создается впечатление, что с праисторических времен африканский очаг скорости остался на месте, а расселившееся по планете человечество сбавило темп бега, подыскав ему технические альтернативы (от метательных снарядов до транспортных средств). Африканский опыт показывает, что длинные ноги и выносливость играют важную роль в мобильном контроле над пространством. Впрочем, длина ног, доньяне культивируемая в эстетике, – лишь частность в стратегии мобильности. Гепард быстрее человека, но не он покорила планету. Это удалось человеку за счет особого рода скорости – гибкого чередования адаптивных схем и сценариев контроля над временем-пространством. Таким образом, скоростной ресурс прачеловека дал ему качество *mobilis*, имевшее далеко идущие (бегущие) последствия. Это первое «превращение», ставшее опорным для множества последующих преобразований.

Здесь я прошу читателя притормозить. Обычно мои слушатели охотно воспринимают информацию о подвижности наших прапредков в сравнении с сегодняшней сидячестью (днем) и лежачестью (ночью), но на предложение сменить точку мировосприятия с оседлости на мобильность отвечают недоумением. Это значит, что мы не прочь полюбоваться динамикой со стороны, будто глядя с дивана на экран, или вглубь веков из исторического батискафа, но не готовы выйти в открытую стихию. Однако именно в этот момент следует произвести ментальное насилие и повернуть в мозгу маховик мобильности, представив, что именно в пространстве движения, а не в пещерном уюте, рождалась и развивалась человеческая культура и технология.

В отличие от нас, пользователей исторического батискафа, праисторический *homo mobilis* вышел в открытое пространство планеты и покорила его. Уже в палеолите Земля стала планетой людей и тем самым случилась глобализация человека, или очеловечивание планеты. Распространение биологических видов на обширных пространствах обычно завершается локальным видообразованием. Расселение людей по планете, напротив, привело к глобальному видовому единству, основанному как на физиологической интерфертильности, так и на соци-

альной интеркультурности – способности к диалогу и взаимной адаптации. Очевидно, человек выделяется в природном окружении системой коммуникации, включающей технологии общения (в том числе слово и изображение), сложную социальность (родство, свойство, иерархичность), особые профили деятельности (дипломатия, политика, торговля), а также гиперсексуальность. Последнее (по порядку, но не по значению) свойство сыграло особую роль, поскольку благоприобретенная человеком свобода от природных репродуктивных циклов была фундаментальным завоеванием в видовой *homo*-революции и возникновении сверхприродных потребностей прачеловека. Гиперсексуальность была и остается одним из базовых мотивов и моторов отладки механизмов коммуникации, включая целый реестр скоростей: частоту физиологических контактов, перманентную конкуренцию, повышенную плодовитость, пространственную мобильность, развитие ментальных алгоритмов и социальных технологий регулирования секса и родства посредством ритуалов и институтов вроде экзогамии, эндогамии, многообразных форм брака, этических и религиозных регламентаций.

Скорость и прочность человеческой коммуникации в палеолите перекрыла природно-географическую дискретность планеты. Этот фундаментальный факт антропологии плохо сочетается с популярной картиной примитивной древности, сводимой к простейшему промысловому быту и кормовому поведению. В действительности древняя культура контроля над пространствами поражает своей масштабностью и эффективностью. Развитие культурных магистралей, связывающих различные локальные очаги на больших пространствах, было основным достижением и двигателем «верхнепалеолитической революции». Следовательно, очагом сапиентации была не отдельная пещера, а магистраль коммуникации, соединяющая Африку, Европу и Азию.

На окраинах среднепалеолитической ойкумены расходились и сходились пути различных *sapiens* – собственно *sapiens*, а также *neanderthalensis*, *africaniensis*, *altaiensis*, *orientalensis*, *floresiensis* (Деревянко, Шуньков 2012: 209, 210, рис. 5). Около 50–40 тыс. л. н. конкуренция между европейцами-*neanderthalensis* и африканцами-*sapiens* в очередной раз завершилась в пользу последних. Вероятно, длинноногие южане одолели коротконогих северян не столько физической силой, сколько технологиями движения, коммуникации и симбиоза. Последовавший затем «закат неандертальской Европы» был лишь следствием утраты контроля над ближневосточным перекрестком – неандертальцы уступили не в Европе, где они обладали преимуществом северной адаптации, а в Леванте. Что касается южан-*sapiens*, то захват древней миграционной магистрали обеспечил им успех в колонизации остальной ойкумены и ее существенном расширении. Вероятно, ключом к успеху верхнепалеолитических строителей нового *sapiens*-простран-

ства была «многоскоростная коробка передач» (войны-и-мира, адаптации-и-реакции, симбиоза-сукцессий и др.).

Следовательно, обширный диапазон скоростей способствовал превращению планеты в ойкумену человека. Sapiens овладел Землей посредством коммуникации, обеспечивавшей, с одной стороны, единство биологического вида, с другой – многообразие культур и их взаимосвязей. Для реконструкции этой коммуникации необходима новая археология – археология больших пространств и скоростей, фокусирующаяся не на точечных памятниках и локальных культурах, а на магистралях межкультурного взаимодействия, механизмах симбиоза и сукцессий. Это глобальная археология, нужная для детального подтверждения мегафакта: глобализация человечества началась не вчера, а с палеолита, и обеспечила ее скорость движения и общения.

Последний элемент рассматриваемой триады – культ скорости – тоже нередко причисляется к свежим новациям. Альдус Хаксли назвал скорость «единственным новым удовольствием, изобретенным модерном». Развивая эту идею, Энда Даффи уточняет: ряд изобретений конца XIX и начала XX в., в том числе (и прежде всего) автомобиль, «дал массам людей... совершенно новое переживание движения на высоких скоростях и ощущение управления этим движением» (Duffy 2009: 3–4). Из ощущения родилась «эстетика адреналина: скорость как культура», изменившая восприятие пространства, расстояния, шанса, насилия. Скоро в обществе на фоне страсти к скорости зародилось отвращение ко всему медленному. Культура скорости распространилась в публичных сферах: рекламе, журналистике, поп-культуре, философии. Скорость стала удовольствием и товаром, предлагавшимся гражданам в зависимости от кошелька и пола. «Опыт скорости» приобрел и политический оттенок, будучи применен правительствами во внешней политике, социальном контроле и внутренней колонизации (усилении секьюрити).

«Сенсация скорости» в интерпретации Даффи впечатляет как иллюстрация мысли о преобразующем «волшебстве» скорости. Однако насколько уникальна эта «сенсация скорости»? Если батискаф истории поднять из толщ палеолита на горизонт палеометалла, то откроется вид на обуздывающего коня степного воина эпохи бронзы. Нам из-за стекла недоступны его переживания и ожидания (он, в отличие от нас, еще не знал наверняка, что дикий табун может стать конницей), но в какой-то мере мы можем сопережить его чувства, вспомнив собственные первые ощущения от посадки на круп лошади. Каждому, когда-либо сядившемуся на коня, знакомо возбуждение от сверхъестественной мощи – «лошадиной силы», несущей всадника и создающей иллюзию сокращающегося и подчиняемого пространства (если у читателя нет опыта езды на коне или слоне, можно вызвать в памяти первые ощущения управления автомобилем или велосипедом). Впервые оседлавший коня

испытывает, вслед за ужасом, чувство превосходства и готовности «покорить весь мир». Неслучайно именно «конные» люди создавали первые империи, контуры которых читаются в археологии степей Евразии энеолита и бронзы (до сих пор всадник – символ победителя и правителя). Допускаю, что и в эпоху палеометалла «сенсация» конной скорости произвела не менее мощный психологический и политический эффект, чем эффект автомобиля в эпоху модерна.

Теоретик мобильности и автомобильности Дж. Урри по-своему эффектно интерпретировал связь скорости с модерном. Размышляя о влиянии мобильности на восприятие времени, случившееся в Англии с развитием железных дорог, он отмечает, что проживаемое время было вытеснено механическим «часовым временем», в основе которого лежит расписание. «Часовое время» появилось в Англии с железными дорогами и расписанием поездов (Урри 2012: 213). Именно оно

«...положило начало мечте о скорости, как в смысле быстроты путешествия, так и в более широком, быстроты всего общества. До появления железных дорог и произведенной ими механизации движения скорость не слишком обращала на себя внимание. По этому критерию странствие пешком и верхом не очень отличались друг от друга... В результате механизации движения через железные дороги стала цениться скорость в целом, а особую ценность приписывали самым быстрым поездам, по сравнению с самыми медленными... ценятся те технологии, которые увеличивают скорость; считается, что ускорение трафика способствует росту экономической конкурентоспособности и что высокая скорость и новейшие технологии воплощают высокий статус» (Урри 2012: 214).

Однако «мечту о скорости» легко обнаружить задолго до появления железных дорог и часового времени в Англии, вспомнив гомеровского Ахиллеса, финикийских флотоводцев, арабских воинов, еврейских торговцев. Урри был в ладах с автомобилями и поездами, но не с лошадьми и верблюдами: многие отмеченные им эффекты не порождены модерном, а уходят в глубины древности. Пожалуй, в этом отношении более глубоки наблюдения знатока аравийских кочевников Томаса Лоуренса, называвшего скорость «второй естественной страстью человека».

Этнографическая коробка передач

«Грандиозным и безнадежным мероприятием» назвал Пьер Бурдьё попытку записи «элементарных единиц» поведения человека. Выяснилось, например, что женщина на кухне за 20 минут делает 480 микро-движений, а за день человек совершает около 20 тысяч элементарных действий (Бурдьё 2001: 120). Вряд ли эти расчеты можно принимать «в среднем» (оставляя без комментариев условность выделения «элемен-

тарных единиц»), поскольку не каждая женщина не в каждые 20 минут совершает столько же действий на своей кухне. Следует также учесть этнические, возрастные, статусные, религиозные, сезонные и другие различия в поведении женщин на кухне, а также разнообразие самих кухонь. Описывая кабилы Алжира по собственным наблюдениям, Бурдые предпочитает качественные характеристики: «Оппозиции можно найти в манере есть и прежде всего в манере открывать рот: мужчина должен есть всем ртом, смело, а не как женщина – краями губ, вполовину рта, осторожно, сдержанно, а кроме того, скрытно, притворно; то же в отношении ритма: достойный человек не должен есть ни слишком быстро (ненасытно, жадно), ни слишком медленно» (Бурдые 2001: 136).

Во всех случаях значима не абсолютная величина скорости, а система переключения скоростей через своего рода «коробку передач», регулирующую разные по назначению, контексту и интенсивности действия (изменение скорости движения челюстей у кабилы может произвести противоположные социальные эффекты). Поведение человека в ауре его культуры больше напоминает не спорт, прямо настроенный на скорость, а музыку с вариациями темпа и ритма. Этот диапазон безбрежно расширяется этнографическими вариациями трудно сопоставимых скоростей, например, кавказского танца и тибетской медитации. Как заметил Беверли Скегс, «подвижность и неподвижность различаются в зависимости от национальных пространств и исторических периодов» (Skeggs, 2004: 48).

Убежденность европейцев в скорости как собственном конкурентном преимуществе (по Вирильо, «надежде») – подогревающая самооценку иллюзия. Восток дает исторические примеры кочевых империй, которые в потенциале скоростей наголову превосходили современных им европейцев, оказывавшихся периферией и «кормовой территорией» кочевников. Именно восточным кочевникам адресовали Делез и Гваттари наблюдение: «Если номады формировали машину войны, то делали это через изобретение абсолютной скорости, становясь сами “синонимом” скорости» (Deleuze, Guattari 1987: 386). Включение высоких скоростей порождало вихри завоеваний на пространствах будто бы «статичного» Востока. Классический вариант этой статики – Китай – способен к стремительным тотальным реакциям, и трудно предположить, на что еще способны якобы «застывшие» азиатские сообщества при переключении скоростей.

Скорость конницы, преследования, облавы, стрельбы лучников – начало перечня качеств, позволивших пастухам-монголам за пару десятилетий создать мировую империю. Темучжин уступал многим своим соперникам в знатности, силе и отваге, но превосходил их в искусстве мгновенной реакции и опережающего маневра. С детства он боялся собак и всю жизнь отличался повышенной, почти патологической, бди-

тельностью. После тайчиутского плена в юные годы он ни разу не попадал в расставленные ловушки. Осторожность Чингис-хана, внешне напоминая трусость, была эффективна в условиях степных конфликтов, когда нападавший мог вмиг превратиться в добычу – маневр заманивания отступлением с последующей облавой стал визитной карточкой монголов. Для воина предчувствовать западню не менее важно, чем смело атаковать, и обратной стороной искусства облавы было умение ее избегать. Все ханы бегали от своих недругов (это было маневром, а не трусостью), но Темучжин делал это лучше других. Совершая стремительные и дальние перекочевки, невзирая на ночь и усталость, он превосходил ожидания соперника. Он был виртуозом предупредительных маневров, исчезал, как невидимка, и появлялся, как дух из дымника.

Монгольское «Сокровенное сказание» содержит немало прямых и косвенных характеристик скорости действий, в том числе размышление одного из нукеров Чингис-хана Додай-черби о боеспособности конницы накануне похода на найманов в начале лета 1204 г. (Мыши): «Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились [после загонных охот]. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело кони... А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них» (Сокровенное сказание 1941: 144). Пауза для откорма коней показывает, что монгольская тактика состояла отнюдь не в спешке, а в точном выборе момента для молниеносной атаки, сокрушительная сила которой определялась скоростью конницы.

Монгольский дух скорости метафорично выражен в знаменитой характеристике Чжамухой четырех полководцев Чингис-хана (Чжебе, Хубилай, Чжелме и Субетай); в ответ на вопрос Таян-хана: «Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?» – он ответил: «Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собой наш караул. У этих четырех псов лбы – бронзовые, морды – как долото, языки – как шила, сердца – железные, а плети – мечи. Питаются росой, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечинной. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной. Это они!» (Сокровенное сказание 1941: 147).

Монгольские скорости поражали воображение современников. Китаец Чжао Хун отмечал: «Татары роятся и вырастают в седле... Всякий раз, когда татары выступают в поход, каждый человек имеет несколько

лошадей. Он едет на них поочередно, сменяя их каждый день. Поэтому лошади не изнуряются» (Кычанов 2004: 293–294). Марко Поло отмечал, что во время быстрых походных маршей всадники, случается, скачут «десять дней без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней: проткнет жилу коня, да и пьет кровь» (Книга Марко Поло 1956: 91). Быстрее монголов по степям Евразии несли только страх перед их нашествием, и в нагнетании этого всепобеждающего страха монголам тоже не было равных: их стремительные неожиданные набеги (со столь же неожиданными уходами) имели целью и следствием не только полон и добычу, но и истерию страха.

Парадокс лавинообразного роста монгольской орды состоял в том, что мотивационно он исходил из заботы хана о собственной безопасности, но при этом служил эффективным средством завоеваний. Особое значение в организации монголов и их победах имел механизм, который в теории управления называется прямой-и-обратной связью центральной системы. Ядром орды стала гвардия *кешик*, пронизавшая, будто нервная сеть, весь Великий улус и наладившая молниеносную связь орды с ханом. Поразительная согласованность действий монголов, иногда воспринимаемая как рабское подчинение хану, в действительности была системой сетевой кочевой коммуникации. Именно скорость маневров и коммуникации кочевников в сочетании с амбициями и фобиями хана сплотила орду и раздула ее до империи. Триумф Чингис-хана и его орды – во многом триумф скорости, «волшебство» которой на сей раз выразилось в явлении мировой кочевой империи. Когда скорости пошли на убыль и любитель хмельных напитков верховный хан Угэдэй осел в Каракоруме, великая империя развалилась на части.

Скорость коммуникации может произвести на свет не только империю, но и народ. Этническая история ненцев (самоедов) последних столетий свидетельствует, что становление крупностадного оленеводства («олeneводческая революция»), распространение единого языка на всю тундру от Колы до Таймыра и унификация ненецкой культуры были связаны с нарастанием скорости и диапазона кочевий, включая экспансию в соседние тундры и захват чужих стад оленей. Этот маховик кочевого движения был запущен во многом как сопротивление вольнолюбивых тундровиков российской колонизации и государственности. Поскольку власть в тундре существует только в движении, кочевник добывался ее наращиванием стада и динамики миграций.

Ненецкий культ скорости до сих пор ярко выражен как в гонках на оленьих упряжках, так и в фольклоре. Ненецкий эпос изобилует сценами кочевий, погонь, бесконечной езды. Некоторые сказания почти целиком состоят из кочевий или погони. Например, *хынабц* «Клюв Белого Орла» начинается с экспозиции идущих по холмам кочевых караванов, которых видит с высоты летучий сказитель Мынеко; затем на протяже-

нии всего сказания герои безостановочно бегут, спасаясь от владыки нижнего мира Нга под именем Сэр Лимпя Пья (Клюв Белого орла):

«Я вижу, Сэр Лимпя Пья будто сматывает веревку [догоняет беглецов], расстояние между нами уменьшается. Его дыхание достигает нас. Сэр Лимпя Пья говорит: “Младший из Железных Узд, ты тоже бежишь. Что ж, бегите, только в земле дырки нет! [скрыться негде]”... Мы остановились, поджидая сестру Железных Узд. Расстояние уменьшилось до семи-по-деяти сажений. Младший из Железных Узд взял свою сестру на руки. Так бежим целую зиму... Сэр Лимпя Пья настигает Младшего из Железных Узд, расстояние между ними уже шесть-по-девят сажений, пять-по-девят сажений... Младший из Железных Лыж берет на руки сестру Железных Узд и Младшего из Железных Узд и бежит дальше. Сидящие у него на руках блюют от усталости. Три года они бегут».

Натурализм описания усиливает и оживляет картину. Ненецкому слову (*лахнако*) свойственна необычная чуткость к движению и его оттенкам, оно само не сидит на месте, а непрерывно переходит от героя к герою, чем создает «крупные планы» происходящего и эффект живой прямой речи. Ненецкий язык богат средствами выражения движения (включая лексику, синтаксис, мелодику исполнения), перевод которых затруднен ввиду нехватки адекватного арсенала в русском языке. Ощущение учащенного дыхания и сердцебиения вызывают повторы слов на тему «бег», причем нередко в первом лице и настоящем времени. Вот, к примеру, эпизод из сказания «Сирота Пяся»:

«На четвертый день в полдень четверо бегущих пронесли мимо чума. Старший Пяся, пробегая, успел сказать Не-Лэхэчи: “Жена, запряги моего четырехрогого [ездового оленя]. Я еще вернусь”. Побежали они дальше. Парико Тунго на сто сажений от них отстает. Он едет на трех хабтарках [нерожавших оленухах]. У его оленей языки до корней высунулись, болтаются [они измождены]. Одна нога Парико Тунго стоит на левом полوزه, другая – у заднего копыла [поза гонщика]. Парико Тунго говорит: “Бегите, четверо Пяся, я еду за вами”. Сзади бежит еще один – трехглазый Тунго, он отстает еще на сто сажений. За ним бежит еще один – одноногий Тунго, он отстает еще на сто сажений. У него один глаз посреди лба и одна нога. Каждый прыжок его – девять сажений. За ним бегут тридцать Тунго. Все пробежали».

Состояние «бежать» в ненецком языке многообразно и детализовано: человек бежит – *сюрба*, долго бежит – *сюрмба*, неуклюже – *хутмэддэ*, что есть мочи – *пярна*, от кого-либо – *хунба*, долго от кого-либо – *хунмба*, спасаясь от преследования – *пи'имба*, олени рысью – *синдгэддэ*, рысцой – *танета*, скоком – *нявота*, взапуски – *нертюмба*, свободно – *ханерци*, скачками – *сорабтё*, в сторону – *варилибтеба*.

Однако не бегом единым жив человек и его олени. «Кто в тундре торопится, тот торопится погибнуть», – изрек однажды умудренный опытом ямальский оленевод Авво Вануйто. Темп выпаса стада и движения каравана настроен на поддержание и воспроизводство сил оленей и людей; скоростные рывки оправданы в состязаниях и войнах, а в повседневности важна размеренность действий, обеспечивающая непрерывность кочевий. «Быстрый» (*сата*) у ненцев – отнюдь не торопливый, а, скорее, точный в движениях. Так называют женщину, которая снимает чум после стоянки быстро, будто «просто мимо прошла». Так называют мужчину, который управляется с тысячным стадом и караваном легко, будто с одной упряжкой. Ненцы различают «ленивые караваны» (*мюськова*) и быстрые каслания (*сата мюсева*). В слове *сата* два значения: «быстрый» и «сильный». Как видно, у ненцев культ скорости включает целый спектр состояний от стремительной гонки до умеренного ритма, а их своевременная активация напоминает действие коробки передач (трансмиссии).

В отличие от ненцев, которые предпочитают езду на оленях, чукчи полагаются больше на свои ноги. Если чукчи и запрягают оленей, то лишь по паре и зимой; их нарты меньше и тоньше ненецких, зато их легко чинить и тащить вручную по камням. Чукотские предания учат: «У чаучу [оленевода] самое главное – ноги. Если чаучу бегаёт быстрее любого оленя, он оленей сбережет. Если чаучу бегаёт дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бегаёт быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги, и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает» (Лебедев, Симченко 1983: 25). Более века назад В.Г. Богораз отмечал: «Чукчи отличаются не столько быстротою бега, сколько выносливостью, особенно оленные. Они могут бежать несколько миль по глубокому снегу, даже в тяжелой меховой одежде. Но и быстрота чукотского бега также заслуживает немало удивления. Можно встретить чукотских пастухов, которые в состоянии настичь самца оленя, бегущего вскачь... Молодые женщины и девушки у чукоч устраивают свои женские состязания в беге и при этом проявляют страстность не меньшую, чем мужчины» (Богораз 1991: 198).

Преимущество в скорости предопределило успех чукчей в «столетней войне» (с середины XVII в. до середины XVIII в.) с регулярными войсками Российской империи. Чукчи захватывали оленей у союзников русских (юкагиров и коряков), тем самым лишая противника маневра и обеспечивая свое превосходство в движении по тундре. Скорость действий позволила им в 1730–1740-е гг. нанести серию поражений русским отрядам; чукчи не пугались «огненного боя» и успевали вступить в рукопашную, не давая перезарядить противнику ружья (Нефёдкин 2003). За время «столетней войны» они не только «нарастили» олени стада, но и сложились в «народное ополчение» – сражающийся народ. Вероятно,

обособление чукчей от близкородственных им коряков произошло в эти годы во многом согласно статусу непокорных и покорившихся.

Традиционно бег – главное событие зимнего чукотского праздника *ульвэв* в полнолуние декабря–января: забег начинается утром, а заканчивается вечером; участники по солнцу оббегают гору, получая в награду шкуру моржа, нерпичий жир, оленя или нарту. Для чукчей успех в беге означает достижение превосходства (в фольклорном сюжете девушка покорно садится рядом с победителем).

Быстрый бег хорош в чередовании с быстрым сном. Способность чукчей мгновенно засыпать при первой возможности не имеет ничего общего с сонливостью. Чукчи так же легко и быстро просыпаются, как и засыпают. Они умеют «собирать» сон по кусочкам, запасаясь энергией и рационально ее расходуя. Пастухи, держащие стадо, не упускают возможности наскоро поспать; особенно это удобно в августе, когда дневное солнце дает шанс прилечь на теплую кочку. Зимой на морозе ритм учащается: пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день – то бежит, то спит. «Скорость чукотского сна» – специфический ресурс северного номунизма, особенно важный в критических ситуациях.

Целый набор скоростей заложен в ритмах выпаса оленей, включая летний вольный отпуск, напряженный осенний сбор кусков стада, зимнее окарауливание. Иногда эти действия напоминают облаву (осень), иногда – имитацию оленьих ритмов (лето). Пастухи, описывая свои действия на летовке, замечают: «Наше дело – тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении». Этот ритм не исключает аритмии и рывков. Для женщин усилием оказывается разделка туш оленей на морозе в течение целого дня или разбор-перевоз-сбор яранги при перекочевке. Для мужчин это загон и лов оленей, а также поиск и сбор стада. В этих ситуациях особенно важна роль лидера стойбища, который подгоняет других подобно тому, как каюр подгоняет бегущих в упряжке оленей (Головнёв 2018: 19–21). Именно трансмиссия разных скоростей обеспечивает устойчивость чукотского кочевания.

Кибер-скорость

«На слишком быстрых скоростях жизни человеку некогда быть человеком», – заметил Фазиль Искандер. «Скорость убивает!» – гласит лозунг кампании, поднявшейся после гибели в автокатастрофе принцессы Дианы (Duffy 2009: 3). Всеобщее ускорение вызвало у Алвина Тоффлера предчувствие «грядущего шока»: «Все прежние основания сотрясаются сейчас под ураганным напором ускорения»; «мы выводим новую расу номунов, и лишь немногие подозревают, насколько велики, широки и значительны их миграции» (Toffler 1970: 35, 75).

Экзистенциально наращивание скорости мотивировано скоротечностью человеческой жизни. Словами Соичиро Хонда, «жизнь коротка, и скорость необходима, чтобы достичь желаемого в ограниченное время, которым мы располагаем». Казалось бы, скорость и вечность – антиподы, но тяга к вечности вызывает ускорение, и быстротечности противопоставляется быстроедействие. В сегодняшнем стремительном мире вечность и скорость сплетены, чему в немалой степени способствует освоение человеком божественного прежде эфира – киберпространства, где сиюминутность и вечность слиты. Кибермир – доступная человеку модель того самого субъективного слитного пространства-времени, которое заложено в него с глубокой древности, которое этнографически сохранено кочевниками и возрождено в метатеории относительности Минковского и Эйнштейна (Головнёв 2019).

В классической ньютоновской механике и метафизике пространство и время мыслятся абсолютными и объективными сущностями, независимыми друг от друга и от субъекта наблюдения. Первое отступление от этого канона приписывается Эдгару По, заявившему в космологическом очерке «Эврика» 1848 г. о «единстве пространства и длительности» (*space and duration are one*). Позднее Герман Минковский и его ученик Альберт Эйнштейн, обратившись к кинематике, обозначили феномен единого времени-пространства в рамках теории относительности. С тех пор релятивизм оперирует четырехмерной моделью пространственно-временного континуума, в которой три измерения пространства дополнены измерением времени.

Минковский и Эйнштейн открыли в физике то, что издавна присуще ментальности кочевника и раннего человека вообще. В этом смысле теория относительности – возвращение к истокам мироощущения, воскрешение исходной формулы нерасчлененного *времяпространства*. Следы давней традиции пространственного восприятия времени обнаруживаются в разных языках, в том числе в русских речевых оборотах вроде «время идет / течет / бежит / летит» (ср.: Hunt 2008). Простота и универсальность формулы времяпространства лишней раз подтверждается ее доминантой в сознании детей до тех пор, пока ее не замещает «правильная» дихотомия статичных объективных категорий. Можно полагать, что времяпространство – естественная и изначальная матрица мобильной ментальности.

Эту столь же древнюю, сколь и современную модель мобильной ментальности сохранили кочевники, среди которых особого внимания в силу естества и экологичности их культуры заслуживают оленеводы Арктики. Именно в Арктике до сих пор существуют жизнеспособные кочевые оленеводческие культуры, изучение которых проливает свет на феномен движения в истории человечества. В отличие от оседлой картины мира, где пространство и время разделены, в ментальности кочевника они нерасчленимы. Для кочевника время движется (кочует)

по пространству: у каждого лунного месяца календаря есть свои пространственные отметки, и наоборот, пространство не существует вне хода времени. Если в оседлой ментальности пространство и время существуют объективно, образуя оси мироздания, в рамках которых помещаются человеческие судьбы, то кочевое времяпространство без человека не движется и не существует.

Новейшей инкарнацией слитного времяпространства стал кибермир. Его возрождение началось с Эйнштейна и продолжилось в кибернетике Норберта Винера. Значительную роль в этом реванше сыграл кинематограф, выработавший технологии сжатия времени и пространства – экранное время отличается от реального тем, что позволяет монтажом втиснуть в минуту годы и столетия и то же самое посредством зума сделать с пространством. Относительности этому добавляет режиссура, не только играющая через монтажные приемы и крупность планов с пространством и временем, но и претендующая на многократное пересотворение реальности. Кино, помимо зрелищности и развлекательности, пленило зрителя способностью затрагивать и выражать глубины человеческого естества, в том числе «первобытную» схему времяпространства. Магия кино сделала его «чуждом века», и по скорости распространения оно не знало себе равных в мировой истории до появления интернета и мобильной связи.

Эпоха постмодерна с ее коммуникациями и перемещениями в масштабах и на скоростях, дотоле неизвестных, пережила, как выразился Дэвида Харви, «сжатие времени-пространства» (Harvey 1989). Вместо дома и других опор территориальности ключевую позицию занял аэропорт, еще недавно казавшийся перевалочным пунктом («отсутствием места»), а ныне ставший узлом динамики и мобильности (Cresswell 2006: 44). Мануэль Кастелс представил эту замену как сдвиг от «пространства мест» к «пространству потоков» (Castells 1996). К концу XX в. развитие скорости, света и энергии достигло точки, в которой произошло рождение киборга, меняющего саму природу нашего «промежуточного мира» (“in-between” world) (Thrift 1994: 212–213).

Виртуальность – не калька реальности. Это аура, пригодная для обитания дромоманьяков Вирильо и произрастания ризом Делеза и Гваттари. Это пространство столь же всеобщее, сколь и приватное. Здесь как будто вовсе нет пространства и времени, а есть только их аватары, созданные для комфорта таких же сконструированных аватаров-людей и аватаров-сообществ. Тут, как в Зазеркалье, время может течь вспять и вдруг исчезать или обернуться пространством. Здесь можно начать новую жизнь, не зачеркивая прежнюю, или создать свой виртуальный клон и засеивать его в вечности.

У истории в кибермире есть сослагательное наклонение. Информационная революция сорвала историю с книжной полки и унесла в киберокеан,

где мгновения похожи на вечность, а миражи – на реальность. Это уже не многотомное собрание последовательно изложенных фактов, а подвижная сеть действующих лиц и событий, ситуативно связываемых множеством мотивов, ассоциаций, сценариев. Вся история может отразиться в одном мгновении, как мир – в капле росы, и происходит это непрерывно (Головнёв 2012).

В виртуальности иная, чем в реальности, скорость сообщений, реакций, решений, действий. «Бизнес со скоростью мысли» – назвал свою книгу Билл Гейтс (Gates 2001). Здесь за мгновение может произойти то, что раньше требовало целой жизни, и в этом вновь выразился создаваемый скоростью «волшебный» эффект превращения. Хайпы, вирусные ролики, тематические группы стали пружинами новой механики популяризации, социальных лифтов, выражения мнений, идеологических протестов, организованных действий. Понятия «вовремя» и «уместно» перемещаются из реальной жизни в виртуальный эфир и приобретают новый вид репостов, комментов и лайков. Киберскорость позволяет сжимать до мгновений и микрозначений гигантские пространства и массивы времени, при этом скорость ускользает за пределы человеческих ощущений и освобождается от человеческого контроля. Мы ощущаем ее только по натяжению «силовых линий» и температуре «точек нагрева» Сети.

Киберидея часто воспринимается как смертный приговор времени и пространству. Означает ли это смерть скорости? Или это перевоплощение скорости по ту сторону человечности? Достигнув нечеловеческих микро-макрореличин, в ощущениях обывателя скорость просто обнуляется. Она преодолевает земное гуманитарное тяготение и выходит на околочеловеческую hi-tech орбиту.

Сейчас, в конце марта 2020 г., все человечество синхронно вздрагивает от новостей об атаках коронавируса. Меры обороны – карантин, антисептики, маски, запасы провизии – напоминают компьютерную игру (ни секунды не сомневаюсь, что прямо сейчас доделывается серия компьютерных игр типа KillCovid). Быстрее новостей о вирусе мчится только мировой страх. Со времен Чингис-хана природа страха не изменилась и по-прежнему позволяет ему опережать любые события и новости. Сегодня киберскорость создает эффект, который можно назвать пандемией страха, выражающийся, например, в истерии тотальной скупки туалетной бумаги на Западе и гречки в России. Понятие относительности в мире людей, вернее кибермире киберлюдей, существенно расширяется. В обозначившемся противоборстве кибертоталитаризма и киберрелятивизма решающее слово остается за стратегией скорости.

Литература

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.

- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Головнёв А.В. История on-line // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 129–139.
- Головнёв А.В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.
- Головнёв А.В. Слитное пространство-время в движении кочевников Арктики // Мобильность и миграции: концепции, методы, результаты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 7–19.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. Новая модель формирования человека современного физического вида // Вестник РАН. 2012. Т. 82, № 3. С. 202–211.
- Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977.
- Книга Марко Поло. М.: Изд-во географ. лит., 1956.
- Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Восточ. лит., 2004.
- Лебедев В.В., Симченко Ю.Б. Ачайваямская весна. М.: Мысль, 1983.
- Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Сокровенное сказание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск: Харвест, 2004.
- Bramble D.M., Lieberman D.E. Endurance running and the evolution of Homo // Nature. 2004. № 432. P. 345–352.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996.
- Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. N.Y.: Routledge, 2006.
- Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1987.
- Duffy E. The Speed handbook: Velocity, pleasure, modernism. Durham & London: Duke Univ. Press, 2009.
- Gates B. Business @ The Speed of Thought. Harlow: Penguin Books, 2001.
- Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989.
- Hunt L. Measuring time, making history. Central European Univ. Press, 2008.
- Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester and New York: Wiley, 1997.
- Skeggs B. Class, Self, Culture. London: Routledge, 2004.
- Thrift N. Inhuman Geographies: Landscapes of Speed, Light and Power // Writing the Rural: Five Cultural Geographies / ed. by Paul Cloke. London: Paul Chapman, 1994. P. 191–250.
- Toffler A. Future Shock. New York: Random House, 1970.
- Virilio P. Speed and politics: An essay on dromology. Los Angeles: Semiotext(e), 2006.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2020 г.

Golovnev Andrei V.

SPEED IN THE ANTHROPOLOGY OF MOVEMENT*

DOI: 10.17223/2312461X/28/4

Abstract. Speed is capable of transforming phenomena and creating new ones. Under the influence of speed, or rather a range of different speeds, things, communities, space, time, as well as their functions and relationships are transformed. The article illustrates this through examples dating back to ancient times (including the emergence of mobility and the cult of speed becoming globalized), which turned out to be recurrent, yet making us think about this all as innovation. Speed, or rather a range of velocities, determines ethnic identity of different communities, as can be seen in the case of steppe and tundra nomads. The main coordinates of speed, space and time, did not always correspond to their characteristics in classical physics, that is, objectivity and independence from each other and from the observer. The nomad

mentality (and probably that of ancient *homo mobilis*) reveals a model of space and time fused and subjective. The general theory of relativity is based on comparable principles. The most recent incarnation of *spacetime* has become the cyber world. A significant role in the ancient matrix's revival was played by the cinema, which developed technologies for compressing time and space—the screen-time differs from the real one in that it allows to squeeze years and centuries into minutes, and the same can be done with space. In the online reality, the speed of messages, reactions, decisions and actions differs from that in the offline one. Cyber speed allows us to reduce gigantic spaces and time arrays to moments, while speed itself escapes the limits of human sensations and control. We feel it only through the tension along the WWW's "lines of force" and through the temperature of its "heating nodes".

Keywords: speed, anthropology of movement, mobility, *homo mobilis*, nomads, cyber world

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), project No. 18-78-10077, titled 'Virtual ethnicity and cyberethnography: novelty and tradition' (Principal Investigator S.Yu. Belorussova).

References

- Bogoraz V.G. *Material'naia kul'tura chukchei* [The material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka, 1991.
- Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Iгры obmena* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. Vol. 2. Les jeux de l'échange]. Moscow: Progress, 1988.
- Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [La sens pratique]. St. Petersburg: Aleteiia, 2001.
- Golovnev A. V. *Istoriia on-line* [History on-line], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2012, no. 4 (37), pp. 129–139.
- Golovnev A.V. *Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniia* [Arctic nomads: The art of movement], *Etnografiia*, 2018, no. 2, pp. 6–45.
- Golovnev A.V. *Slitnoe prostranstvo-vremia v dvizhenii kochevnikov Arktiki* [Fused spacetime and the movement of Arctic nomads]. In: *Mobil'nost' i migratsii: kontseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and migrations: concepts, methods, and results]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2019, pp. 7–19.
- Derevianko A.P., Shun'kov M.V. *Novaia model' formirovaniia cheloveka sovremennogo fizicheskogo vida* [A new model of anatomically modern humans' development], *Vestnik RAN*, 2012, Vol. 82, no. 3, pp. 202–211.
- Clark J.D. *Doistoricheskaiia Afrika* [Pre-historic Africa]. Moscow: Nauka, 1977.
- Kniga Marko Polo* [Marco Polo's book]. Moscow: Izd-vo geograficheskoi literatury, 1956.
- Kychanov E.I. *Vlastiteli Azii* [The rulers of Asia]. M.: Vostochnaia literatura, 2004.
- Lebedev V.V., Simchenko Iu.B. *Achaivaiaamskaia vesna* [The Achaivaiaam spring]. Moscow: Mysl', 1983.
- Nefedkin A.K. *Voennoe delo chukchei (seredina XVII – nachalo XX v.)* [The Chukchi warfare from the middle of the 17th to the early 20th century]. St. Petersburg: «Peterburgskoe vosto-kovedenie», 2003.
- Sokrovennoe skazanie* [The secret history of the Mongols]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941.
- Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praksis, 2012.
- Jung C.G. *Dusha i mif. Shest' arkhетипов* [Soul and myth. Six archetypes]. Minsk: Kharvest, 2004.
- Bramble D. M., Lieberman D. E. *Endurance running and the evolution of Homo*, *Nature*, 2004, no. 432, pp. 345–352.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell. 1996.
- Cresswell T. *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. New York: Routledge, 2006.

-
- Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987.
- Duffy E. *The Speed handbook: Velocity, pleasure, modernism*. Durham & London: Duke Univ. Press, 2009.
- Gates B. *Business @ The Speed of Thought*. Harlow: Penguin Books, 2001.
- Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1989.
- Hunt L. *Measuring time, making history*. Central European Univ. Press, 2008.
- Makimoto T., Manners D. *Digital Nomad*. Chichester and New York: Wiley, 1997.
- Skeggs B. *Class, Self, Culture*. London: Routledge, 2004.
- Thrift N. Inhuman Geographies: Landscapes of Speed, Light and Power. In: *Writing the Rural: Five Cultural Geographies*. Ed. Paul Cloke. London: Paul Chapman, 1994, pp. 191–250.
- Toffler A. *Future Shock*. New York: Random House, 1970.
- Virilio P. *Speed and Politics: An Essay on Dromology*. Los Angeles: Semiotext(e), 2006.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/28/5

«ВООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА» БЕНЕДИКТА АНДЕРСОНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ*

Варвара Михайловна Склез

Аннотация. Рассматриваются особенности категорий времени, находящихся в основании концепции «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона. Анализируется генеалогия этих категорий, а также их роль в формировании национального воображения. Рассматриваемая темпоральная структура соотносится с исследованиями современного представления об истории в работах Райнхарта Козеллека, в частности его анализом категории «настоящего». Демонстрируется, что особенность структуры исторического субъекта эпохи современности связана с особым качеством категории «настоящего», сочетающей в себе модусы различного порядка. Утверждается, что рассмотренная в такой перспективе данная категория может быть использована в качестве аналитического инструмента для анализа рефлексии об изменениях соотношений категорий времени в ситуации постмодерна и связи этих изменений с представлениями об идентичности.

Ключевые слова: воображаемые сообщества, темпоральность, история, настоящее, современность

Введение

Немецкий историк Райнхарт Козеллек указал на появление понятия «истории самой по себе», являющейся одновременно собственным объектом и субъектом, как на сигнал изменения представлений о времени в XVIII в. На генеалогию этого понятия, по Козеллеку, указывает соотношение в немецких словах «Geschichte» и «Historie» двух значений слова «история», в которых «исторический опыт и знание о нем являются взаимно соотносенными, указующими друг на друга моментами» (Козеллек 2004б: 117). Именно с образованием этого понятия Козеллек связывал появление горизонта «социального и политического планирования» (2004а) и принципиально нового отношения к будущему. Именно в этот период «повествовательное значение [истории] отодвигается на задний план» по сравнению с его действенным началом. Начиная с этого момента, становится возможным понимать историю как процесс, «инициируемый имманентными ей силами», а телеология, ранее пони-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-78-10076.

мавшаяся как «божественное установление, перемещается в поле многозначности человеческого планирования» (2004б: 129).

По Козеллеку, новое представление о силах, движущих историей, сначала породило желание отождествить объективное историческое долженствование с желаемым будущим, что означало снятие с человека ответственности за его действия (2004а). Однако он также утверждал, что изменение представления об истории на самом деле подразумевало возросшую степень ответственности человека за свои действия. В условиях принципиальной «неполноты», с которой совершается история, ее будущее остается открытым, однако степень реализации ее предпосылок зависит от человеческих действий. Тот факт, что современная история становится «историей лишь по мере познания» (2004а), накладывает ответственность не только на тех, кто в ней действует, но и на тех, кто о ней говорит.

В данной статье генеалогия понятия «нация», предложенная Бенедиктом Андерсоном в работе «Воображаемые сообщества», будет поставлена в контекст современных этому понятию изменений представлений о времени. Подобное сближение представляется важным, поскольку это понятие, по всей видимости, относится к числу тех, разговор о которых невозможен в отрыве от их конкретной апроприации в политических интересах. Значимость этой работы Андерсона в огромной степени состоит в возможности дистанцирования от национализма через понимание «нации» как лишь одного из механизмов структурирования социальной реальности, появление которого обусловлено конкретными экономическими, политическими, технологическими и культурными процессами*. Сближение в понятии «история» действительно опыта и знания о нем отчасти объясняет сложность, с которой до сих пор сталкиваются попытки такого дистанцирования при разговоре о многоликих проявлениях национализма, и легкость, с которой происходит нерелексивное использование и восприятие понятий, относящихся к этому дискурсу. В данной статье будет рассмотрена темпоральная структура национального воображения и уточнен инструментальный анализ представлений о времени и связанных с ними представлений об идентичности в современном контексте.

Время «нации»

Проводя различие между представлениями о времени христианского мира и современного общества, Андерсон отождествляет первое с моделью мессианского времени у Вальтера Бенъямина, а второе – с его же

* Вместе с тем, последовательность Андерсона в этом отношении может быть подвергнута критике. См.: (Малахов 2005: 114–115).

представлением о гомогенном пустом времени (Андерсон 2001: 47–48). В основании идеи «нации», по Андерсону, находится именно второе из них. По Беньямину, модель мессианского времени предполагает возможность его наполнения, «расколдования будущего» (Беньямин 2012: 249–250), в то время как в модели пустого гомогенного времени историчность отмечена только датой, которая обозначает совпадение (или соотношение) во времени определенных событий.

Андерсон цитирует Ауэрбаха в описании христианского представления момента «здесь и теперь», который – «уже не просто звено в земном протекании событий, но нечто такое, что в одно и то же время всегда было и исполнится в будущем» (Ауэрбах 1976: 90–91; цит. по: Андерсон 2001: 47). В рамках такого представления о времени в будущем не может произойти ничего принципиально нового, однако это переживание времени не является пустым: по Беньямину, оно наполнено воспоминанием. Секуляризация этой модели времени порождает новый тип исторического субъекта, позволяя понять его в качестве политического, но в то же время ставит вопрос об условиях возможности подобной полноты.

Анализируя роман Хосе Хоакина Фернандеса де Лисарди «El Periquillo Sarniento», Андерсон обращает внимание на монолитность колониального мира больниц, тюрем, деревень, монастырей, по которым путешествует главный герой: «ничто так не убеждает нас в этой монолитности, как вереница множественных чисел» (Андерсон 2001: 53). Именно одновременность их существования в этой застывшей монолитности создает специфическое ощущение принадлежности к частному, которое проявляется через общее. Иными словами, частное здесь оказывается значимым только как элемент синхронизации общего. Состояние общности христианского домодерного мира, по Андерсону, напротив подразумевает восприятие общего через частное: «...этот рельеф, этот витраж, эту проповедь...» (46).

Различие в представлении об одновременности в этих ситуациях связано с локализацией метаисторической позиции. Так, в христианской картине мира одновременность возможна только через Божественное провидение, которое одно «может замыслить подобным образом [историю], и оно одно может дать ключ к ее разумению» (Ауэрбах 1976: 90–91; цит. по Андерсон 2001: 47). Одновременность здесь означает совпадение прошлого и будущего в моменте метаисторического взгляда. Как отмечает Андерсон вслед за Марком Блоком, ощущение открытого будущего оказывается полностью чуждым средневековому человеку (47). Определение Августином Ветхого завета как тени, которое будущее отбрасывает в прошлое (цит. по: Андерсон 2001: 235), бесконечно отсылает прошлое и будущее друг к другу, делая всеобщий замысел доступным только Творцу, а доступ к нему возможным – толь-

ко через священные тексты. Заметим, что первое из трех представлений, преодоление которых, по Андерсону, сделало возможным воображение нации, заключается в том, что «какой-то особый письменный язык дает привилегированный доступ к онтологической истине, и именно потому, что он – неотделимая часть этой истины» (58). Именно поэтому Андерсон придает такое большое значение появлению возможности массового производства письменной продукции (57). Эта центробежная тенденция связывается им с увеличивающейся значимостью различных языков и потерей церковным языком привилегированного статуса единственной системы репрезентации, через которую может быть постижима реальность.

Появление печатной прессы, привязавшей «воображение» сообщества к времени суток, отведенному на чтение, по-новому структурирует время и соединяет его с пространством. Чтение о произошедших в мире событиях становится повседневной практикой знания. При этом общность, которую создает эта практика, является сообществом в репрезентации. Так, Андерсон описывает героя рассказа «Semarang Hitam» индонезийского писателя Маса Марко Картодикромом, который читает в газете о потрясшей его смерти бедняка. Измерение индивидуального опыта оказывается для него незначительным: «...его ни в малейшей степени не заботит, кем индивидуально был умерший бродяга: он мыслит о репрезентативном теле, а не о персональной жизни» (55). Уверенность сообщества в анонимности, которая, по Андерсону, является «краеугольным камнем современных наций», описывается им через совпадение режимов внутреннего и внешнего – воображаемого и повседневного. Повторение этого механизма в романе Хосе Рисаля «Noli me tangere» указывает на особенный характер правдоподобия, появившийся в реалистической литературе XIX в. Совпадение в репрезентации позиций действующего лица и читающего о нем через выход во (внешнее) измерение повседневного опыта включает в эту общность автора и читателя. Инстанцией, в которой соединяются разрозненные факты о мире, становится воображение, которое располагает их вместе в отмеченном определенной датой пространстве одновременности.

Отмечу, что общность, которую описывает Андерсон, обладает не только пассивным характером. Общность в потреблении (которое Андерсон отождествляет с воображением), которая создается по воле объединяющего эти события, обладает потенциально бесконечным потенциалом создания различных комбинаций и сочетаний событий. Ритуал просматривания газеты едва ли подразумевает сплошное чтение материалов в ней. Ее просматривание с остановкой на отдельных сюжетах имеет больше общего со скользящим взглядом фланера, описанного Беньямином (1996). Возрастающая детерминированность времени техническими средствами воплощается в мимолетной ценности ежеднев-

ной газеты. Логика сенсации, проявляющаяся с появлением средств массовой информации и массовой культуры, оказывается подобной «вспышке света», которая, материализовавшись в изобретении новых оптических средств, прежде всего фотокамеры, оказывается условием одновременно концентрации и отвлечения взгляда*.

Два «настоящих» без будущего

Вальтер Беньямин отождествляет идею гомогенного времени с представлением об истории, диктуемом историзмом с его неуклонной верой в прогресс. Идея всемирной истории, по его мнению, наиболее отчетливо иллюстрирует поступательный характер прогресса: массой фактов она как бы пытается заполнить гомогенное время – тем явственнее становится его пустота. «Секуляризация мессианского времени», проделанная Марксом, по Беньямину, обернулась неудачей, «как только бесклассовое общество было определено как бесконечное задание», ввиду которого «более или менее спокойно можно было ожидать наступления революционной ситуации» (2012: 250–251). По Беньямину, эта характеристика задается не только характером идеологии (как в случае рассматриваемой им социал-демократии), но и самим представлением о прогрессе, находящимся в ее основании, «не следовавшим действительности, а имевшим догматические амбиции» (245–246). В основание критики прогресса, по его мнению, должна быть положена критика представления о его поступательном движении.

Противопоставляя историзму как способу познания прошлого «каким оно было на самом деле» позицию исторического материалиста, Беньямин артикулирует двойственность схожего порядка. Исторический материализм «стремится к тому, чтобы зафиксировать образ прошлого таким, каким он неожиданно предстает историческому субъекту в момент опасности» (2012: 240). При этом «опасность» и для прошлого (традиции), и для того, кто его воспринимает, «заключается в одном и том же: в готовности стать инструментом господствующего класса» (240).

Райнхарт Козеллек описывает переживание времени в рамках современного представления об истории в категориях «пространства опыта» и «горизонта ожидания» как двух способов «скрещивания» прошлого и будущего (2016: 153). Если «опыт», по Козеллеку, предстает напластованием различных времен и образов, актуализирующихся в настоящем, то «ожидание» означает предвосхищение нового, еще не пережитого опыта. Настоящее, таким образом, оказывается точкой пересечения

* Об этом см. в работе Е. Петровской: «Это можно понимать как такой тип взгляда, где столько же концентрации, сколько и отвлечения, или когда концентрация и достигается благодаря отвлечению» (2012: 271).

этих двух разнонаправленных, но никогда не совпадающих друг с другом модусов.

Отличительной чертой современного представления о времени Козеллек называет новое качество исторических изменений. В доново-временном воображении имеющийся опыт относительно бесконфликтно предопределял ожидания, поскольку последние были неизменно заданы горизонтом Судного дня. В нововременной картине мира будущее утратило эту предопределенность в пользу идеи прогресса и стало мыслиться как подвластное изменениям. Именно в этой темпоральной структуре укоренены появившиеся в данный период утопические проекты будущего. Козеллек говорит о специфических понятиях «-измах», предвещающих осуществление той или иной доктрины (например, коммунизм, либерализм, национализм, фашизм), возникновение которых становится возможным только при появлении «горизонта ожидания» (2010: 26–27). Возможность этого потенциала планирования укоренена в двойственной структуре «настоящего», часть которого остается не до конца наполненной опытом.

В этом смысле, более позднюю рефлексию об изменении соотношений категорий времени (Нора 2005; Гумбрехт 2007; Артог 2008) можно рассматривать как разворачивание этой модели. Особенностью восприятия времени в ситуации постмодерна эти исследователи называют пересборку границ между прошлым, настоящим и будущим: настоящее оказывается «переполнено» прошлым, потому что будущее становится все более неопределенным. В терминах Козеллека, можно сказать, что в этой ситуации дает сбой элемент настоящего, связанный с «горизонтом ожидания»: после кризиса большинства масштабных утопических проектов построения общества этот потенциал становится все сложнее реализовать. И именно по этой причине все более существенным оказывается функционирование элемента «опыта», выражающееся во все возрастающем интересе к прошлому и многочисленных попытках его использования в настоящем. Ханс-Ульрих Гумбрехт предложил говорить о «расширяющемся настоящем», располагающемся «между будущим, которое представляется закрытым, и прошлым, которым заполнено настоящее». Ключевым аспектом связи прошлого и настоящего в этой ситуации Гумбрехт называет «непосредственное материальное воздействие», т.е. опыт, который еще не стал знанием (Гумбрехт 2007).

Таким образом, категория «настоящего», разработанная Козеллеком, может быть использована в качестве аналитического инструмента для анализа рефлексии об изменениях соотношений категорий времени. Пьер Нора, наряду с другими исследователями памяти, зафиксировал изменение соотношения идентичности и памяти в последней четверти XX в. (2005). Сосуществование в категории «настоящего», разработанной Козеллеком, опыта и знания о нем позволяет обратить внимание

как на аффективный потенциал современных форм общности и связанную с ним преемственность между ними и современными нам формами, так и на различия между ними.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 19–38.
- Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976.
- Беньямин В. Париж, столица девятнадцатого столетия // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медимум, 1996. С. 16–66.
- Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 237–250.
- Гумбрехт Х.-У. Современная история в настоящем меняющегося хронотопа // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 45–50.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / ред. Х.Э. Бёдекер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Козеллек Р. Можем ли мы распорядиться историей? // Отечественные записки. № 5 (19). 2004а.
- Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004б. № 5. С. 97–130.
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожидания» – две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 149–173.
- Малахов В. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. М.: КДУ, 2005.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 202–208.
- Петровская Е. Безымянные сообщества. М.: Фаланстер, 2012.

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2019 г.

Sklez Varvara M.

“IMAGINED COMMUNITIES” BY BENEDICT ANDERSON AND THEORIES OF HISTORICAL TIME*

DOI: 10.17223/2312461X/28/5

Abstract. The article analyzes the categories of time underlying the concept of “imagined communities” suggested by Benedict Anderson. It traces the genealogy of these categories, as well as their role in the formation of national imagination. The temporal structure in question is further analyzed, based on the works of Reinhart Koselleck regarding the modern notion of history, particularly on his analyses of the category of the “present”. The article demonstrates that the modern historical subject is constituted by the “present’s” special quality, which combines modes of different order. It suggests that this category of the present may be used as an analytical tool for exploring changes in the relations between categories of time in the post-modern context and connections between these changes and the notions of identity.

Keywords: imagined communities, temporality, history, present, modernity

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), project No. 19-78-10076.

References

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined communities]. Moscow: KANONpress-Ts, Kuchkovo pole, 2001.
- Hartog F. *Poriadok vremeni, rezhimy istorichnosti* [Ordre du temps. Régimes d'historicite], *Neprikosnovennyi zapas*, 2008, no. 3, pp. 19–38.
- Auerbach E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur]. Moscow: Progress, 1976.
- Benjamin W. Parizh, stolitsa deviatnadsatogo stoletiiia [Paris, capitale du 19e siècle]. In: Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The work of art in the age of mechanical reproduction]. Moscow: Medium, 1996, pp. 16–66.
- Benjamin W. O poniatii istorii [On the notion of history]. In: Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia* [Doctrine of similarity. Media-aesthetic writings]. Moscow: RGGU, 2012, pp. 237–250.
- Gumbrecht H.-U. Sovremennaia istoriia v nastoiashchem meniaiushchegosia khronotopa [Contemporary history in the present of a changing chronotope], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no. 83, pp. 45–50.
- Koselleck R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii poniatii [On the question of temporal structures in the historical development of notions]. In: *Istoriia poniatii, istoriia diskursa, istoriia mentaliteta* [History of notions, history of discourse, history of mentality]. Ed. Kh.E. Bedeker. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 21–33.
- Koselleck R. Mozhem li my raspriazhat'sia istoriei? [Can we rule history?], *Otechestvennye zapiski*, 2004a, no. 5 (19).
- Koselleck R. Teoriia i metod opredeleniia istoricheskogo vremeni [The theory and method of determining historical time], *Logos*, 2004b, no. 5, pp. 97–130.
- Koselleck R. «Prostranstvo opyta» i «gorizont ozhidaniia» – dve istoricheskie kategorii [“Erfahrungsraum” und “Erwartungshorizont” – zwei historische Kategorien], *Sotsiologiya vlasti*, 2016, no. 2, pp. 149–173.
- Malakhov V. *Natsionalizm kak politicheskaiia ideologiia: uchebnoe posobie* [Nationalism as a political ideology: a study guide]. Moscow: KDU, 2005.
- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamiatii [The global triumph of memory], *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 2–3, pp. 202–208.
- Petrovskaia E. *Bezymiannye soobshchestva* [Nameless communities]. Moscow: Falanster, 2012.

ВРЕМЯ, ЗАСТЫВШЕЕ В МЕТАЛЛЕ

(отв. ред. специальной темы номера – О.В. Зайцева)

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/28/6

ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА: ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ*

Ольга Викторовна Зайцева

Аннотация. Даны представления о современной археометаллургии как особой междисциплинарной областью. Проанализированы собранные в данной специальной теме исследовательские кейсы российских ученых. Описаны проблемы и даны перспективы развития направления в России.

Ключевые слова: археометаллургия, археометаллография, история металлургии, геохимия, изотопный анализ

Археометаллургия в западной историографической традиции определяется как междисциплинарная область, изучающая все аспекты истории открытия, производства и использования металлов человеческими сообществами (Killick, Fenn 2012: 559). Считается, что сам термин «археометаллургия» впервые был введен в 1970-х гг. израильским археологом Бено Ротенбергом (Goodway 1991). Археометаллургия как сложнейшая междисциплинарная область способна показывать поразительные результаты при условии интеграции методов археологии, геохимии, материаловедения, минералогии, геофизики, физической химии и еще целого ряда дисциплин. Мы постарались собрать в этом номере журнала значимые в различных областях археометаллургии статьи российских исследователей. Изначально задумывалось сосредоточиться исключительно на вопросах истории черной металлургии, но в итоге тема получилась шире.

В статье Е.М. Асочаковой и Е.В. Водясова «В поисках железных рудников: геоархеологический взгляд» определены источники железной руды средневековых металлургов Шайтанского археологического микрорайона на основе геохимических анализов. Используя соотношения MnO/TiO_2 в железных шлаках с археологических памятников и образцов руды с месторождений, удалось выявить два рудных источника, одновременно используемых средневековым населением. Ранее без

* Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

проведения геохимических анализов шлаков и руд и их сопоставления считалось, что Шайтанская металлургия базировалась на одном месторождении, поскольку сами археологические памятники со следами масштабной металлургической активности были приурочены непосредственно к доступному для разработки Киреевскому проявлению сидерита. Геохимические исследования привели к достаточно неожиданным выводам о том, что этот «очевидный» рудный источник не был единственным. Активной разработке подвергался также второй источник, богатый марганцем и удаленный от поселений металлургов на 40 км.

В статье Ю.В. Ширина и Е.М. Асочаковой «Морфология и геохимия кузнечных шлаков из Горной Шории» раскрывается информационный потенциал такого важнейшего источника, как металлургический шлак. Проанализирован весьма симптоматичный историографический курьез. Несколько десятилетий в музейные коллекции с различных археологических памятников Горной Шории поступали «крицы» и «железоплавильные шлаки», на деле оказавшиеся однотипными кузнечными шлаками. Впрочем, данный факт несколько не снижает значимость этих остатков кузнечного ремесла для исследования технологических операций, что наглядно показано в статье.

В статье Е.В. Водясова и О.В. Зайцевой «Древнейшие памятники черной металлургии в Горном Алтае: новые данные с долины реки Юстыд» обсуждаются радиоуглеродные даты, доказывающие появление черной металлургии в Горном Алтае в хунно-сяньбийское время. Исследование основано на разведочных геоархеологических работах в долине р. Юстыд. Высказанные в статье интереснейшие гипотезы должны быть в будущем проверены стационарными раскопками.

Статья В.И. Завьялова и Н.Н. Тереховой «Ремесленное производство на сельских памятниках Древней Руси в свете новых археометаллографических данных» посвящена многофакторному анализу археометаллографических данных сельского ремесленного производства Древней Руси. Выделены технико-технологические стереотипы и показано, что ремесленное производство представляло собой достаточно сложное явление. Особое внимание в статье уделено такому важному аспекту, как определение рудной базы на основе РФА-анализа.

В статье коллектива авторов «Исследование серебряных античных монет методами рентгенофлуоресцентного анализа и изотопного состава свинца (фонды Анапского археологического музея)» продемонстрирована перспективность изучения изотопного состава Pb для определения источников серебра монет. Как справедливо указывают авторы статьи, Pb-Pb метод, ставший уже рутинным для европейской науки, практически не применяется российскими исследователями. К сожалению, как изотопный, так и многие другие методы, активно и

плодотворно используемые за рубежом, пока еще не вошли в практику отечественных археометаллургических исследований.

Более 50 лет назад, еще в 1968 г., был разработан метод датировки железных предметов по содержащимся в них микровключениям угля (van der Merwe, Stuijver 1968). Однако в то время радиоуглеродный метод требовал большого количества образца, железный артефакт должен был весить не менее 1 кг, при этом его фактически нужно было «принести в жертву» для процедуры датирования (Cook, Wadsworth, Southon 2001). Такие жесткие требования сильно тормозили развитие метода, и железные вещи не попадали в радиоуглеродные лаборатории. Ситуация изменилась с появлением AMS-метода (Cresswell 1992; Leroy et al. 2015), который наконец-то позволил отбирать для датирования мелкие вкрапления угля до 2 мг и датировать железный предмет, практически не разрушая его. К сожалению, в российских исследованиях методика датирования железных предметов по микровключениям угля пока не применяется. Особенно интересным были бы результаты радиоуглеродного датирования наиболее ранних железных предметов.

Не менее важным направлением в археометаллургии является изучение происхождения железного предмета. Анализируя основные и редкоземельные элементы методами XRF, SEM-EDS, INAA, ICP-MS и др., а также изотопы осмия (Os) в железной продукции, шлаках и железных рудах, возможно установить место или железорудный источник, где был произведен предмет. Поиск «родины» железного предмета, без сомнения, открыл широкие горизонты в археометаллургическом изучении самых разных коллективов Африки и Евразии. Особенно активно и успешно происхождением железных артефактов занимаются научные центры Франции и Германии (Leroy et al. 2012, 2014; Brauns et al. 2013). В российской археологии железные изделия, обнаруженные на том или ином археологическом памятнике без проведения каких бы то ни было анализов, часто автоматически признаются «изготовленными на месте». На основе этого строятся выводы об уровне металлургического производства тех или иных обществ, хотя не исключено, что некоторые коллективы вообще не умели производить железо, пользуясь исключительно импортной продукцией. Такая модель особенно характерна для ранней истории железа, хотя подобная ситуация прослеживалась у некоторых коллективов в Сибири и накануне Нового времени (Vodyasov 2018).

Этими двумя примерами, конечно, не ограничивается арсенал современных археометаллургических методов, уже ставших «обыденными» в зарубежных, но пока еще не нашедших своего должного применения в отечественных исследованиях. Необходимо поблагодарить от имени редакции журнала всех авторов статей и рецензентов, принявших участие в подготовке специальной темы по археометаллургии. Хочется надеяться

также на новые «прорывные» исследования в этой области российских специалистов, результаты которых мы будем рады опубликовать в нашем журнале как на русском, так и на английском языках.

References

- Brauns M., Schwab R., Gassmann G., Wieland G., Pernicka E. Provenance of Iron Age iron in southern Germany: a new approach, *Journal of Archaeological Science*, 2013, Vol. 40, pp. 841–884.
- Cook A.C., Wadsworth J., Southon J.R. AMS radiocarbon dating of ancient iron artifacts: A new carbon extraction method in use at LLNL, *Radiocarbon*, 2001, Vol. 43, no. 2A, pp. 221–227.
- Cresswell R.G. Radiocarbon dating of iron artifacts, *Radiocarbon*, 1992, Vol. 34, no. 3, pp. 898–905.
- Goodway M. Archaeometallurgy: Evidence of a Paradigm Shift? In: *Materials Issues in Art and Archaeology II*. Pittsburgh: Materials Research Society Symposium Proceedings. 1991, pp. 705–712.
- Killick D., Fenn T. Archaeometallurgy: The Study of Preindustrial Mining and Metallurgy, *Annual Review of Anthropology*, 2012, Vol. 41, pp. 559–575.
- Leroy S., Cohen S.X., Verna C., Gratuze B., Téreygeol F., Fluzin P., Bertrand L., Dillmann P. The medieval iron market in Ariège (France). Multidisciplinary analytical approach and multivariate analyses, *Journal of Archaeological Science*, 2012, Vol. 39 (4), pp. 1080–1093.
- Leroy S., Dillmann P., Disser A., L'Heritier M., Bauvais S., Fluzin P. Provenance et circulation des alliages ferreux. In: P. Dillmann, L. Bellot-Gurlet (dir.), *Circulation et provenance des matériaux dans les sociétés anciennes*. Paris: Éditions des Archives contemporaines, 2014, pp. 73–101.
- Leroy S., L'Heritier M., Delque-Kolic E., Dumoulin Jean-Pascal, Moreau C., Dillmann Ph. Consolidation or initial design? Radiocarbon dating of ancient iron alloys sheds light on the reinforcements of French Gothic Cathedrals, *Journal of Archaeological Science*, 2015, Vol. 53, pp. 190–201.
- Van der Merwe N.J., Stuiver M. Dating iron by the carbon-14 method, *Current Anthropology*, 1968, no. 9, pp. 48–53.
- Vodyasov E.V. Ethnoarchaeological research on Indigenous iron smelting in Siberia, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2018, no. 2, pp. 164–180.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2020 г.

Zaitceva Olga V.

INTRODUCTION TO THE THEME: THE POTENTIAL AND METHODS OF CONTEMPORARY ARCHAEOMETALLURGY*

DOI: 10.17223/2312461X/28/6

Abstract. The article introduces the current issue's special theme: 'Time frozen in the metal'. It gives the reader an idea of what contemporary archaeometallurgy is as an interdisciplinary field of scholarly inquiry, based on an overview of the research studies conducted in the field by Russian scholars and presented in this special theme section. It also points to a number of issues in the field and provides an outlook for the discipline in Russia.

Keywords: archaeometallurgy, archaeometallography, history of metallurgy, geochemistry, isotopic analysis

* The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/28/7

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА СЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОМЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ*

Владимир Игоревич Завьялов,
Наталья Николаевна Терехова

Аннотация. Получить полноценную характеристику производственной культуры Древней Руси невозможно без изучения роли сельского ремесла. Многофакторный анализ археометаллографических данных позволил сделать вывод о том, что сельское ремесленное производство представляло гораздо более сложное явление, чем виделось ранее. Древнерусское село не только служило поставщиком сырья в городские ремесленные центры и производило простую в технологическом отношении продукцию, но и воспринимало технологические инновации. Сельские мастера сами могли производить качественные кузнечные изделия и снабжали ими ближайшую округу.

Ключевые слова: Древняя Русь, археометаллография, сельские поселения, кузнечное ремесло, инновации, производственная культура

Вступление

В научной литературе давно сложилось мнение о сельском ремесле как о весьма примитивном, нацеленном на удовлетворение основных потребностей деревенской общины. На основании анализа письменных западноевропейских источников к такому выводу пришла Аделаида Анатольевна Сванидзе (1985: 6). Аналогичное заключение, проанализировав древнерусские археологические источники, сделали и Борис Александрович Рыбаков по ювелирному и гончарному ремеслам (1948: 161, 432), и Борис Александрович Колчин, использовавший данные археометаллографического анализа кузнечной продукции (1953: 192). При этом Б.А. Колчин считал, что изделия, изготовленные по сложным технологиям, поступали на сельские поселения из городских центров.

Мощным инструментом в изучении кузнечного ремесла стал метод археологической металлографии, разработанный и введенный в археологическую науку Б.А. Колчиным (1953, 1959). В основе археометаллографического метода лежит выявление технологической схемы изготовления предмета, которая отражает характер используемого сырьево-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект 19-18-00144.

го материала и последовательность технологических операций. Обобщение результатов проведенных исследований позволяет перейти к построению историко-технологических концепций с выходом на социально-экономические проблемы. Таким образом, металлические артефакты становятся полноценным историческим источником.

В настоящее время, благодаря широкомасштабным археологическим и интенсивным археометаллографическим исследованиям, накоплены значительные данные, позволяющие по-новому взглянуть на роль сельского ремесла в производственной культуре Древней Руси. Изучены материалы из сельских памятников Южной Руси (Вознесенская 1999; Вознесенська 2003), Новгородской земли (Носов, Розанова 1989), Белозерья (Завьялов 1996; Розанова, Терехова 2002), Подмосковья (Завьялов 2009; Завьялов, Розанова, 2009; Розанова, Терехова 2009а; 2009б), Северо-Восточной Руси (Завьялов, Розанова, Терехова, 2012; Щербаков, 2013; Каретников, Щербаков, 2014), Рязанского княжества (Завьялов, Терехова, 2013).

В результате археометаллографических исследований кузнечных изделий установлено, что значительную долю на сельских поселениях составляет продукция, изготовленная по сложным технологиям. Это так называемый трехслойный пакет и наварка. В истории древнерусского кузнечного ремесла каждая из этих технологий являлась доминирующей в определенный хронологический период. Если трехслойный пакет был широко распространен в X – начале XII в., то наварные схемы составляли основу древнерусского кузнечного ремесла, начиная с середины XII столетия.

Обе схемы связаны с технологической сваркой¹, которая является довольно сложной операцией, требующей от мастера большого опыта (знание способов соединения заготовок, соблюдение узкого температурного интервала сварки, использование флюсов).

Как уже отмечалось, изделия, изготовленные по сложным технологическим схемам, представляли на ряде селищ значительную долю. Так, на селище Супруты они составляли более 50% (Завьялов, Терехова 2017), на селище Истье 2 – около 30% (Завьялов, Терехова 2013). Естественно, возникает вопрос, вся ли эта высокотехнологичная продукция поступила на многочисленные сельские поселения из города.

Метод

Для прояснения этого вопроса нами использован новый подход к анализу аналитических данных. Этот подход заключается в выделении технико-технологического стереотипа, характерного для конкретного памятника, и разработке технологической модели (Завьялов, Розанова, Терехова 2009; Завьялов, Терехова 2013, 2014). Для решения постав-

ленных задач большой интерес представляют появление и распространение на восточноевропейских памятниках технологии трехслойного пакета. Напомним, что суть этой технологии заключается в сварке трех полос металла: двух железных по бокам и стальной, выходящей на лезвие, между ними. По мнению Б.А. Колчина, это наиболее целесообразная технология при производстве клинков, придававшая орудию вязкость, упругость и высокую твердость стального закаленного лезвия (Колчин 1953: 75).

Как установлено в последнее время, трехслойная технология в кузнечном ремесле Восточной Европы не имела местных корней, а происходила из североевропейских центров. Ее распространение связано с активным участием викингов в трансъевропейской торговле по Балтийско-Волжскому пути в IX–XI вв. (Завьялов и др. 2012: 256). Функционирование этого пути сопровождалось возникновением целого ряда специализированных торгово-ремесленных поселков, основанных викингами. Именно в таких поселках встречены наиболее ранние в Восточной Европе трехслойные изделия (Вознесенская 2005; Розанова 1994). С X в. трехслойная технология становится основой древнерусского городского ремесла. В это же время трехслойные изделия распространяются и на сельских поселениях.

Тщательное изучение изделий, изготовленных по трехслойной технологии, позволило выделить два варианта (рис. 1). Один из них можно считать «классическим» (см. рис. 1, 1). Он подразумевает стандартизированный подход к производству кузнечных изделий: сочетание технологии (трехслойная сварка), материала (фосфористое железо и высокоуглеродистая сталь) и определенной формы предмета (группа IV по Р.С. Минасяну). Наиболее ранние предметы, изготовленные по «классическому» варианту, происходят из поселения Хельге и датируются VII в. (Pleiner 2006: 205).

Второй вариант трехслойной технологии характеризуется отступлением от стандарта (рис. 1, 2): использование в пакете или обычного железа, или сырцовой (полученной в ходе металлургического процесса) стали, или сварку пакета из однородного материала (Завьялов и др. 2012: 37–53). Этот вариант – который мы называем «восточноевропейским» – отражает процесс освоения местными кузнецами технологической инновации. Непременным условием этого процесса должен быть непосредственный контакт мастера с носителями инновационной технологии.

Присутствие на сельских памятниках трехслойных орудий, изготовленных по восточноевропейскому варианту, можно рассматривать как косвенный признак возможности их местного производства. Прямым доказательством использования технологии трехслойного пакета деревенскими кузнецами является тот факт, что подобные изделия на неко-

торых сельских поселениях датируются второй половиной XII–XIV в. (Кидекша, Вель-5, Яковлевское), т.е. временем, когда трехслойная технология исчезает из практики городских кузнецов (Щербаков 2014: 37).

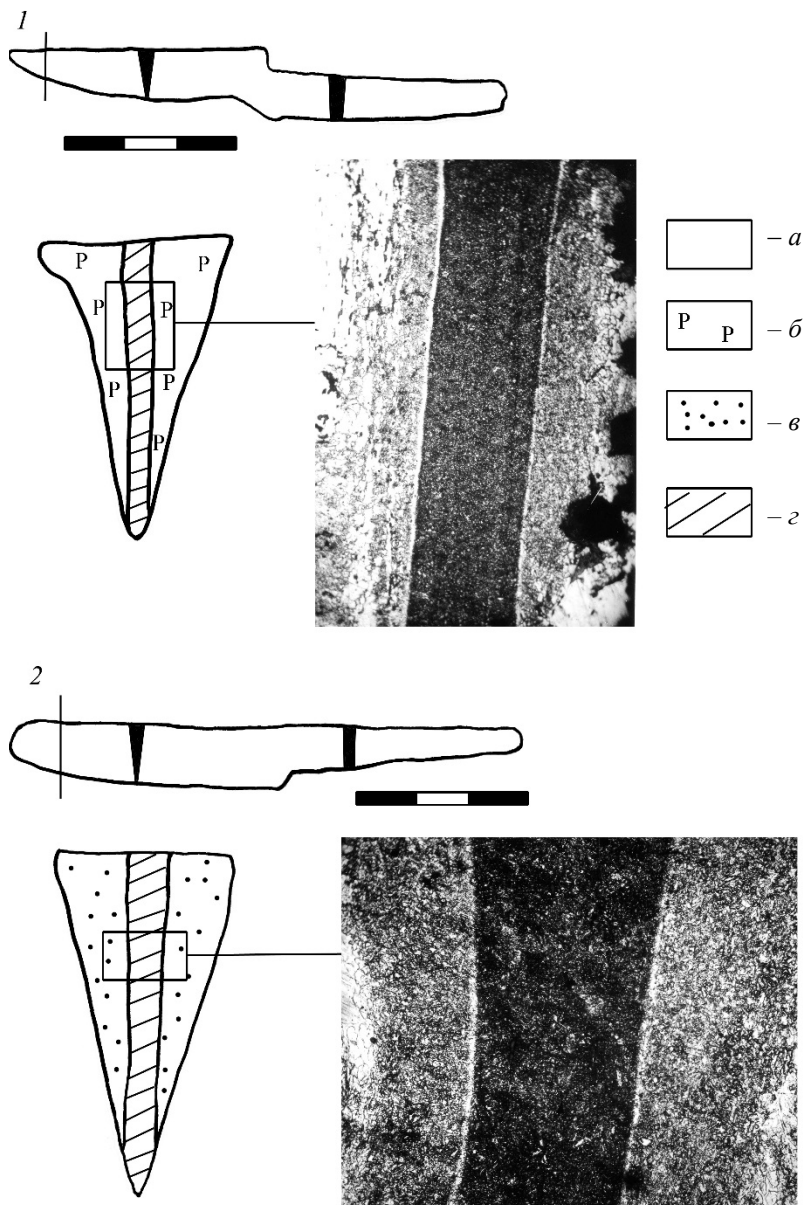

Рис. 1. Два варианта технологии трехслойного пакета:
 1 – североευропейский; 2 – восточноевропейский (*a* – железо, *б* – фосфористое железо,
в – сталь, *г* – термообработанная сталь)

В отличие от трехслойной технологии, характерной для скандинавской кузнечной традиции, пришедшая ей на смену технология наварки стального лезвия на железную основу имеет славянские корни. В VII–VIII вв. изделия, изготовленные по этой технологии, были широко распространены на западнославянских памятниках (Pleiner 1967: 93, 138; Piaskowski 1974: 83–94). В это же время единичные изделия, выполненные в наварной технологии, появляются на восточнославянских поселениях (Вознесенская 1978: 64; Розанова и др. 2008: 41). С середины XII в. технология наварки становится ведущей в городском древнерусском ремесле (Терехова и др. 1997: 265–295).

Мы располагаем археометаллографическими данными, позволяющими утверждать, что сельские мастера владели подобной технологией. Об этом убедительно свидетельствуют находки полуфабрикатов с наварными стальными полосами. Такие находки происходят из селищ Грязново 4 (Куликово поле) (Завьялов, Розанова, Терехова 2007: 116–117), Весь 5 и Вишенки (Суздальское ополье) (Щербаков 2013). При этом существенным является тот факт, что на поселениях Грязново 4 и Весь 5 открыты комплексы, связанные с железообрабатывающим производством.

Таким образом, изготовление предметов по сложным технологическим схемам деревенскими кузнецами дает основания рассматривать сельское кузнечное ремесло как достаточное сложное производство, способное воспринимать и воспроизводить инновационные технологии.

Есть еще одна немаловажная сторона деятельности сельских мастеров. Это производство металлургического сырья для городских центров. Единственным способом получения железа до Нового времени был сыродутный способ. Он представляет процесс химического восстановления железа (без расплавления металла) при высоких (порядка 1 100–1 200°C) температурах в среде повышенного содержания углерода. О том, насколько сложен этот процесс, говорит тот факт, что даже в настоящее время, обладая знаниями о химических и физических особенностях сыродутного процесса, в ходе экспериментов далеко не всегда удается достичь желаемого результата.

Следует отметить, что средневековые металлургические комплексы не часто попадают в поле зрения археологов. Это связано как с пожароопасностью металлургического производства, а следовательно, и стремлением удалить его от поселенческих структур, так и с приуроченностью памятников металлургии к рудопроявлениям, поиск которых требует применения специальных методов. В связи с этим проследить полную цепочку от производства черного металла до ремесленного центра, где он обрабатывался, удастся крайне редко. Как правило, мы видим только крайние точки этого маршрута: или металлургический комплекс, или ремесленный центр. Так, до сих пор не установлена

сырьевая база такого крупного ремесленного центра, как Новгород, технология изготовления кузнечной продукции которого достаточно хорошо известна (Колчин 1959; Завьялов, Розанова 1990, 1992). С другой стороны, благодаря многолетним планомерным работам на территории Куликова поля, выявлен целый ряд металлургических объектов, производство которых явно превышало местные потребности (Наумов 2006). Но центр, куда поставлялось произведенное железо, остается не выявленным.

Рудопроявления

Для обнаружения рудопроявлений и связанных с ними средневековых металлургических комплексов мы разработали и провели исследования по проекту «Сырьевые ресурсы древнерусских кузнечных центров». Нас привлекла территория Рязанского княжества, где были выявлены три рудопроявления. Они располагались в бассейне Оки на реках Локня, Проня и Истья (рис. 2) (Гошек, Завьялов 2017).

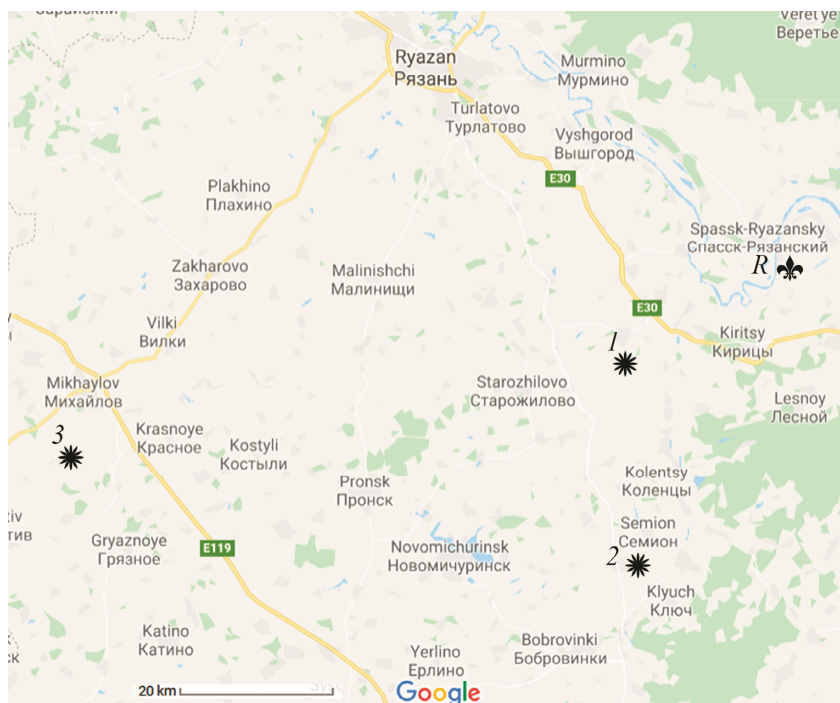

Рис. 2. Карта рудопроявлений на территории Рязанского княжества

Рудопроявление на р. Локня расположено на первой береговой террасе. Поле в районе рудопроявления покрыто многочисленными оплывшими ямами-«дудками», в которых добывалась руда. К сожалению,

нию, в непосредственной близости от рудопроявления не удалось обнаружить памятник, который можно было бы связать с производством железа. Но в пределах 5–10 км от рудопроявления располагается несколько древнерусских городов – Михайлов, Жокинское и Лубянское городища. Это обстоятельство делает предположение об эксплуатации рудопроявления на реке Локня в древнерусское время весьма вероятным.

Рудопроявление на р. Проня открыто в нескольких сотнях метров от древнерусского города Толпино. Рудный пласт выходит на склон второй береговой террасы. Доступность руды облегчалась возможностью открытого способа добычи.

Единственным из обследованных рудопроявлений, которое удалось непосредственно связать с металлургическим комплексом, оказалось рудопроявление на р. Истья. Хорошо известно, что это рудопроявление активно эксплуатировалось в XVIII в. Геологические данные свидетельствуют, что своим происхождением истьянская руда связана с минерализацией известняков карбона и девона. Толщина пласта здесь составляет 0,36 м, но на отдельных участках достигает 2 м (Дворов 1965: 191). По словам горного инженера М. Буйневича, истьянская руда представлена лимонитом и сферосидеритом (ГАРО. Ф. 1. Р-903).

Археологические исследования

На краю этого рудопроявления было открыто древнерусское селище Истье 2 (рис. 3), которое по керамическому комплексу датировано XII–XIII вв.

Поселение располагается на относительно пологом, полностью распаханном участке, и примыкает к правой (восточной) бровке р. Истья. Откос от контура пашни до уреза р. Истья крутой, хорошо задернованный, повсюду от уреза реки до бровки откоса наблюдается выходы ожелезненного известняка. В ходе детального сбора подъемного материала установлено, что наибольшая концентрация находок наблюдается в южной части памятника на участке размером около 200 × 200 м, ограниченном с юга пологим логом. Именно на этом участке выявлены следы металлургического производства – многочисленные фрагменты железных шлаков, кричного железа, фрагменты керамических сопел, скопления прокаленной глины и древесного угля, возможно, остатки сыродутных горнов для выплавки железа (Буланкин, Завьялов, Иванов 2012а, 2012б).

В результате многолетней распашки площади памятника производственные сооружения практически не сохранились. Лишь в одном случае удалось зафиксировать основание сыродутного горна (рис. 4).

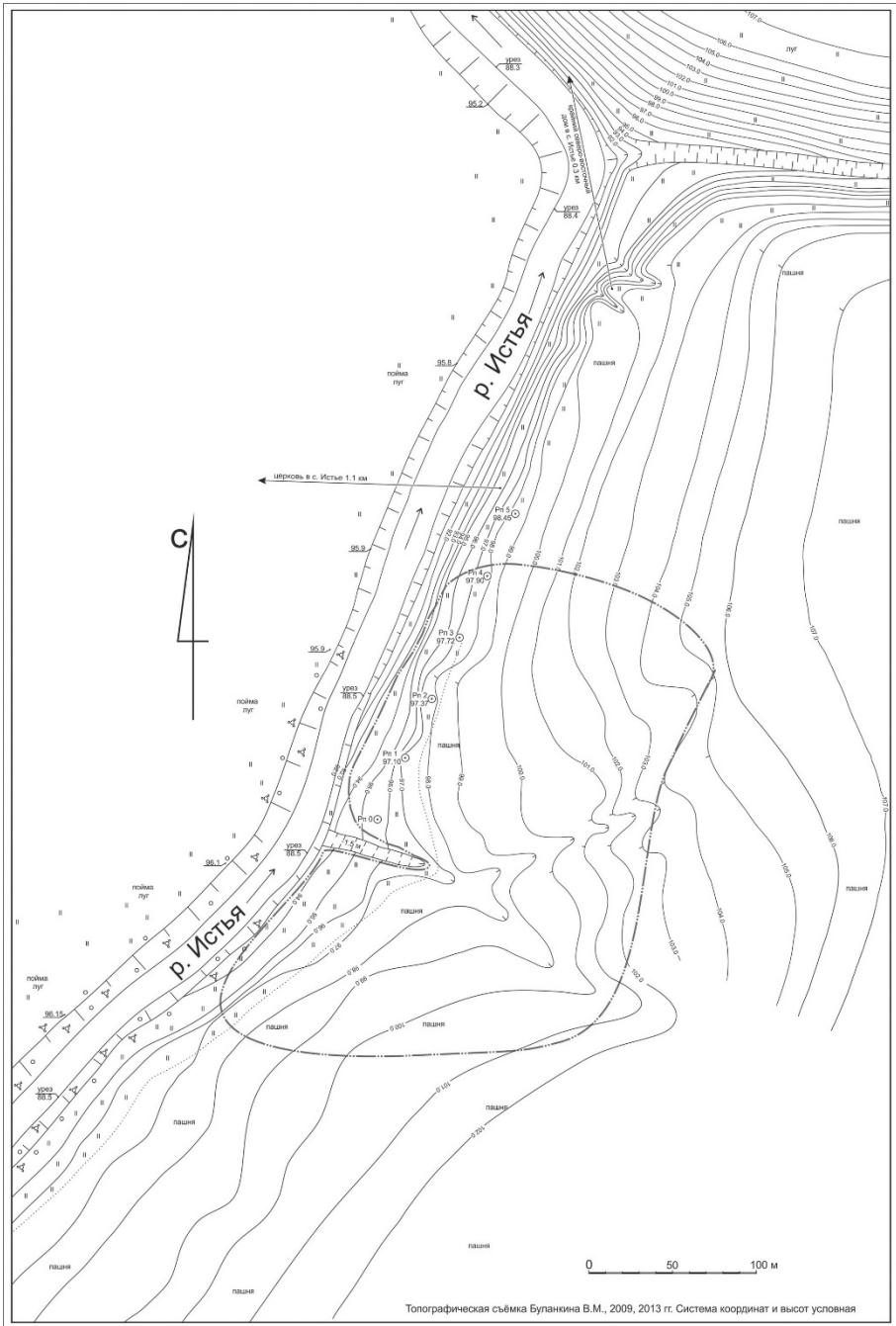

Рис. 3. Селище Истья 2

Рис. 4. Селище Истье 2. Основание сыродутного горна

Оно представляло каменную известняковую выкладку подовальной формы размером около $1,6 \times 1,0$ м. Основание горна имело вогнутый профиль, на дне которого по всей площади была прослежена тонкая прослойка древесного угля мощностью 1–2 см. Заполнение сооружения представлено многочисленными кусками железного конгломерата общим весом около 60 кг и фрагментами глиняных сопел (425 фрагментов). При расчистке также были встречены редкие куски глиняной обмазки, прокаленного известняка, железной руды, кости животных.

Зафиксированные остатки сыродутного горна не дают оснований для реконструкции его типа. Однако многочисленные фрагменты металлургического конгломерата (механической смеси шлака, магнетита и частиц восстановленного железа) – всего собрано несколько сотен килограммов конгломерата – позволяют высказать предположение, что истыинскими металлургами использовались шахтные наземные печи без шлаковывпуска.

Аналитические исследования

На примере поселения Истье 2 можно проследить все этапы производственного процесса, начиная от добычи руды и кончая производ-

ством готовых изделий, и определить центр, куда эта продукция поступала. Таким центром являлась столица княжества Рязань (Старая Рязань), удобно расположенная ниже по течению Оки.

Убедительное доказательство этому выводу получено благодаря использованию метода рентгенофлуорисцентного анализа кричного железа из Истье 2 и Старой Рязани. Исследования проводились на анализаторе NITON XL3t GOLDD+ в лаборатории реставрации Института археологии Чешской академии наук (Прага)².

Прежде всего, была проанализирована руда из Истинского рудопроявления (таблица).

Химический состав железной руды из рудопроявления Истье

N	FeO	SiO ₂	Al ₂ O ₃	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	MnO	MgO
Istye_ore-1	56,74	27,57	7,57	1,76	1,36	2,92	1,74	0
Istye_ore-2	52,24	30,81	8,22	0,79	3,19	2,53	2,13	0
Istye_ore-3	53,12	31,29	8,89	0,93	1,46	2,52	1,27	0
Istye_ore-4	53,77	32,47	7,62	1,3	1,65	2,42	0,57	0
Istye_ore-5	51,48	31,27	8,06	1,81	1,89	3,88	1,44	0
Istye_ore-6	57,08	23,13	7,99	0,94	3,34	3,89	2,51	0
Istye_ore-7	55,62	31,35	7,26	0,91	1,16	1,77	1,53	0
Istye_ore-8	52,05	33,33	7,91	1,13	1,6	2,33	0,9	0
Istye_ore-9	59,6	26,03	9,16	1,6	0,87	2,02	0,49	0
Istye_ore-10	75,71	12,3	3,24	0,29	0,81	1,47	1,92	4,14

Содержание железа в руде не превышало 45% (FeO – 52,05–57,08%). При этом пустая порода, состоящая из кремнезема и глинозема, содержала 26,03–33,33% SiO₂ и 7,26–9,16% Al₂O₃. Из других элементов, присутствовавших в виде микропримесей, наибольший интерес представляет фосфор, который, как известно, оказывает значительное влияние на механические свойства железа. Этот элемент придает металлу повышенную твердость и хрупкость. Как показали аналитические исследования, содержание фосфора как в руде, так и в шлаках не превышало 1,2% P₂O₅, а в большинстве образцов было меньше 0,5%. Отметим, что низким (не оказывающим существенного влияния на свойства металла) считается содержание в шлаке не более 0,75% окиси фосфора (Pleiner 2000: 252). Археометаллографическое исследование кузнечной продукции из Истье 2 также продемонстрировало низкое содержание фосфора в железе (Завьялов, Терехова 2013: 55).

Еще одним элементом, присутствующим в виде микропримеси в железных рудах и шлаках, является кальций. Исследованные нами образцы продемонстрировали сравнительно высокое содержание этого элемента (2,5–5% CaO в руде и 0,4–5,3% CaO в шлаке). Присутствие кальция, вероятно, связано с залеганием руды в известняковых породах. Кроме того, руда и шлаки содержат в незначительных количествах

(в пределах сотых долей процента) марганец, калий и серу, в то время как присутствие никеля, титана, цинка, ванадия, мышьяка и серебра минимально (близко нулю).

Для решения вопроса о близости металла кузнечных изделий из Истье 2 и Старой Рязани нами проведен сравнительный анализ химического состава микропримесей в железных артефактах. На основании результатов рентгеновской флуоресценции выделены диагностирующие микроэлементы, распределение которых представлено в виде графиков. Полученные результаты указывают на несомненную близость сравниваемых образцов. Во всех образцах содержание титана, меди, молибдена, циркония, серы минимально (близко нулю) (рис. 5). Присутствие никеля и марганца незначительно. Фосфор также присутствует в небольших количествах, что хорошо согласуется с характером руды Истинского рудопоявления. Соответственно, можно заключить, что все исследованные предметы изготовлены из металла, полученного из истинской руды.

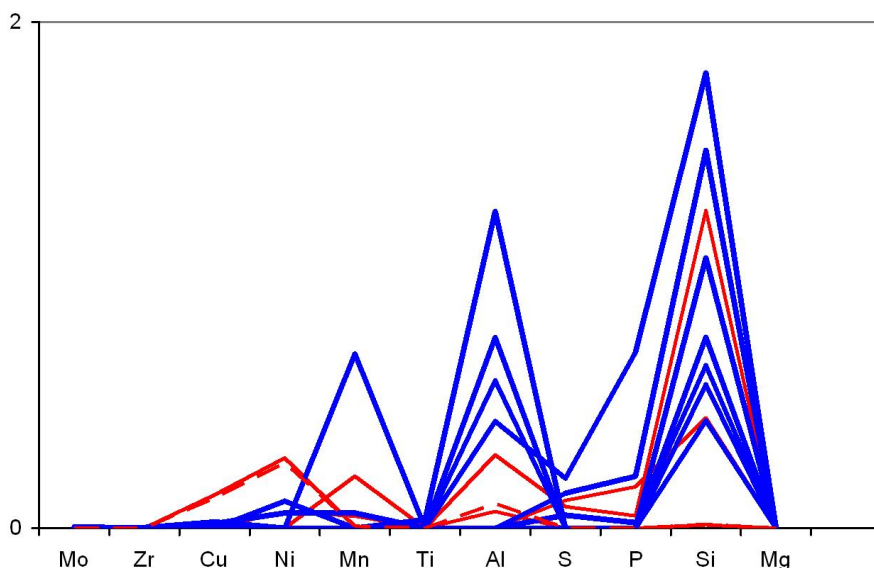

Рис. 5. Распределение микроэлементов в железных предметах из Старой Рязани (синие линии) и Истье 2 (красные линии)

На поселении было обнаружено большое количество железных предметов, археометаллографическое изучение которых позволяет понять особенности развития местного кузнечного производства. Проведен анализ 43 ножей, лезвия топора и двух кресал (Завьялов, Терехова 2013).

Все исследованные ножи относились к древнерусскому типу: лезвие прямое, слабо изгибающаяся у острия, спинка прямая или немного вы-

гнутая, переход от клинка в черенок с двух сторон был выражен уступами (рис. 6). Длина клинков составляла от 6 до 10 см, длина шилообразного черенка – 3–5 см.

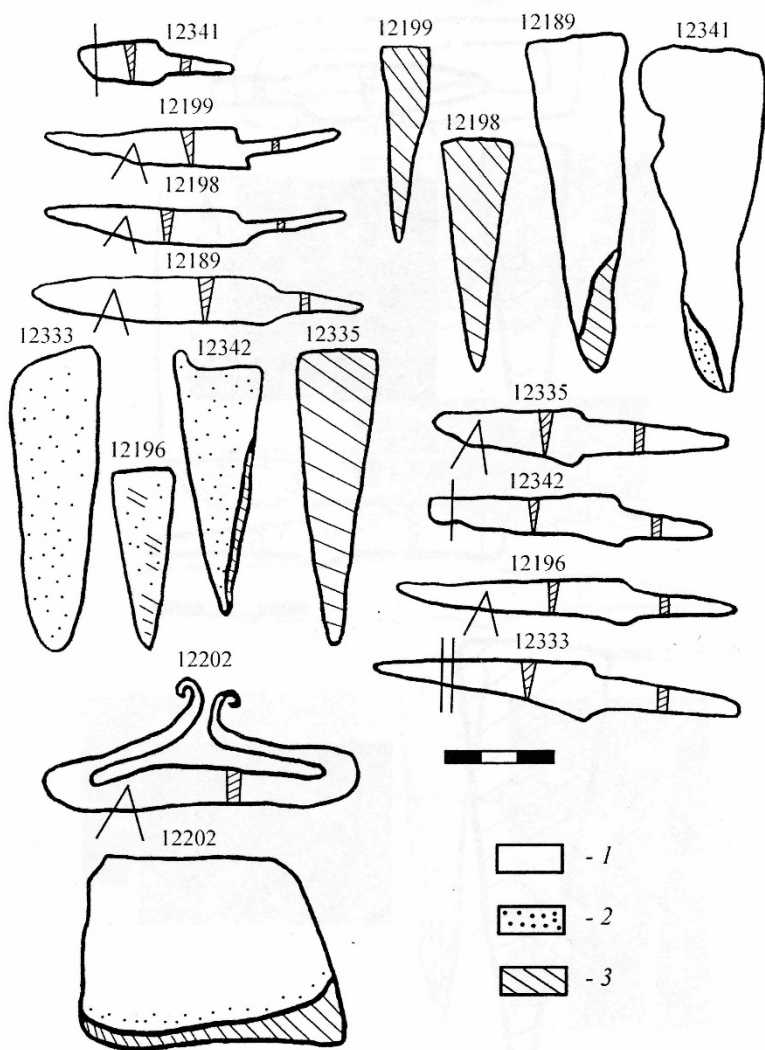

Рис. 6. Технологические схемы изготовления ножей и кресала из Истье 2.
Условные обозначений: 1 – железо; 2 – сталь; 3 – термообработанная сталь

Как показали металлографические исследования, наиболее распространенной технологией при изготовлении ножей из поселения Истье 2 была цементация (11 экз.). Большинство клинков этой технологической

группы (7 экз.) подверглось термообработке (в большинстве случаев – закалке с последующим отпускком). Содержание углерода в незакаленных образцах составляло 0,3–0,6%. Следует отметить, что цементация редко использовалась в древнерусском городском ремесле, о чем свидетельствуют многочисленные аналитические данные.

Местные мастера также были знакомы с производством высококачественной цементованной стали (науглероживание заготовки). Процесс цементации связан с большими временными и энергетическими затратами (науглероживание на глубину около 1 мм требует более четырех часов выдержки заготовки в углеродосодержащей среде при температуре 900°C). Из цементованной стали отковано шесть ножей. Стальные заготовки хорошо прокованы. Все орудия подверглись термообработке: три закалены, а три после закалки были отпущены.

Семь ножей выкованы из сырцової стали. Такая сталь получалась в ходе металлургического процесса. Она отличалась неравномерным распределением и, как правило, низким содержанием углерода (рис. 6, ан. 12196, 12333). Содержание углерода на отдельных участках некоторых образцов достигало 0,6%, но в большинстве случаев не превышало 0,2–0,3%. Два ножа этой технологической группы были подвергнуты термообработке.

На семи ножах обнаружена структура кричного железа. Следует отметить, что большинство этих клинков были сильно корродированы или имели сильно сточенные лезвия, что не исключает возможности использования дополнительных приемов для улучшения рабочей части при их изготовлении.

Всего один нож был изготовлен с использованием технологии трехслойного пакета. Как известно, в середине XII в. эта технология выходит из практики древнерусских кузнецов. Находка всего одного трехслойного ножа хорошо согласуется с датой поселения – на памятниках XII в. (особенно второй половины этого столетия) трехслойные ножи, как правило, не встречаются (Завьялов и др. 2012; Завьялов, Терехова 2013).

Технология наварки стального лезвия на железную основу, которая была доминирующей в древнерусском городском кузнечном ремесле, начиная с середины XII в., также занимала важное место в производстве истинских кузнецов. Такая технологическая схема обнаружена у 11 ножей (рис. 6, ан. 12189, 12341, 12342). Восемь из них были подвергнуты термической обработке.

Исследованный топор представлял собой фрагмент лезвия, поэтому о типе предмета сказать ничего нельзя. Топор был выкован из кричного железа с последующей цементацией лезвия. Длительное воздействие высоких температур привело к образованию структуры видманштетта (рис. 6, б). Лезвие топора было закалено.

Кресала (одно калачевидное, одно овальное) изготовлены по единой технологической схеме: наварка рабочей части с последующей термообработкой (рис. 6, ан. 12202). Такая технология была наиболее распространена среди древнерусских кресал. Можно отметить высокую твердость закаленной рабочей части (до 946 кг/мм²).

Обсуждение результатов

Как видно из результатов археометаллографического исследования, значительная часть кузнечной продукции с поселения Истье 2 изготовлена по сложным технологическим схемам. Отмечено, что и изделия из Истья 2, и из Старой Рязани изготовлены из одной руды. Возможен вариант, когда продукция из истынского металла производилась в Старой Рязани, а затем поступала на поселение. Для проверки этого предположения рассмотрим технико-технологические стереотипы³, характерные для обоих памятников (рис. 7).

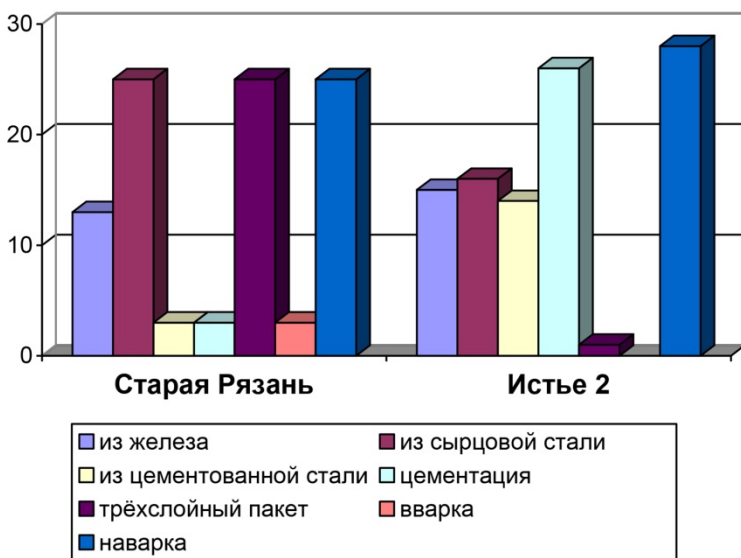

Рис. 7. Соотношение технологических схем изготовления железных предметов из Старой Рязани и Истья 2

Установлено, что технико-технологический стереотип, выделенный на основании аналитических исследований кузнечной продукции из Старой Рязани, отличался широким применением технологии наварки и использованиемковки изделий из сырцової стали. Техничко-технологический стереотип коллекции кузнечных изделий из Истья 2 характеризуется другими показателями: наряду с изделиями с наварными лезвиями здесь значительную долю составляют предметы, изготовленные с применением приема цементации, а также орудия, откованные из

специально полученной цементованной (специально науглероженной) стали. Результаты анализа представлены в виде гистограмм. Нетрудно заметить, что распределение технологических схем на обоих памятниках заметно различается. Особенно это заметно в группе изделий, рабочие качества которых улучшены с помощью цементации. Таким образом, из одного металла в Старой Рязани и Истье 2 изготавливались изделия с использованием различных стереотипов, что возможно лишь в том случае, если часть кузнечной продукции производилась непосредственно на селище.

В целом уровень местного кузнечного производства соответствовал определенному хронологическому этапу в развитии древнерусского железообрабатывающего ремесла. Тем не менее основной формой производства в поселке Истье 2 была металлургия, которая, судя по объемам производства, превосходила местные потребности. Металлургическая продукция (железо и, возможно, цементованная сталь), как было показано выше, поставлялась в крупный ремесленный центр – Старую Рязань.

Заключение

Обобщая приведенные в статье данные, можно констатировать, что сельское ремесленное производство представляло собой гораздо более сложное явление, чем виделось ранее. Древнерусское село не только служило поставщиком сырья в городские ремесленные центры и производило простую в технологическом отношении продукцию, но и воспринимало технологические инновации. Как было показано, сельские мастера сами могли производить качественные кузнечные изделия и снабжали ими ближайшую округу. Таким образом, сельское железообрабатывающее ремесло являлось важной составляющей в производственной культуре Древней Руси, внося существенный вклад в экономику государства.

Примечания

¹ Технологическая сварка – вид кузнечной сварки, задачей которой является улучшение рабочих свойств орудия. Ее следует отличать от конструкционной сварки, направленной на создание определенной формы (например, сваривание колец, приваривание ручек).

² Авторы выражают благодарность доктору Иржи Гошеку за помощь, оказанную при проведении анализов.

³ Под технико-технологическим стереотипом мы понимаем определенный набор и соотношение признаков, характеризующих материал, приемы и способы изготовления изделий (Завьялов, Розанова, Терехова 2009: 8).

Литература

- Буланкин В.М., Завьялов В.И., Иванов Д.А. Поселение Истье 2 – сырьевая база Старой Рязани // Археология Подмосквья. М.: ИА РАН, 2012а. Вып. 8. С. 166–174.
- Буланкин В.М., Завьялов В.И., Иванов Д.А. Истье 2 – металлургический комплекс домонгольского времени // Шестые Яхонтовские чтения. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, 2012б. С. 65–76.
- Вознесенька Г.О. Рівень розвитку ковальського виробництва // Село Київської Русі. Київ: Шлях, 2003. С. 101–105.
- Вознесенская Г.А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н.э. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 61–65.
- Вознесенская Г.А. Технология кузнечного производства на южнорусских сельских поселениях // Археология. 1999. № 2. С. 117–126.
- Вознесенская Г.А. Железообработка на поселении в Шестовице. Технологические традиции // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 101–113.
- ГАРО – Государственный архив Рязанской области. Ф. 1. Р-903.
- Гошек И., Завьялов В.И. Характеристика рудных источников эпохи средневековья по результатам рентгенофлуорисцентного анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2017. Вып. 4. С. 167–174.
- Дворов И.М. Природные ресурсы Рязанской области. М.: Наука, 1965.
- Завьялов В.И. Железные изделия из памятников Белозерья // Российская археология. 1996. № 4. С. 157–170.
- Завьялов В.И. Результаты металлографических исследований коллекции железных предметов из древнерусского селища у д. Черное (Дмитровский р-н Московской обл.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2009. Вып. 1. С. 137–138.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. К вопросу о производственной технологии производства ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 154–186.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Арка, 1992. С. 122–129, 188–190.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. Результаты металлографических исследований коллекции железных предметов из селища Григорово II (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2009. Вып. 1. С. 142–144.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Модели технологического развития в производственной культуре народов Восточной Европы // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 233. С. 187–192.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Взаимодействие славянских и скандинавских традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Stratum plus. 2017. № 5. С. 133–140.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в Золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012.

- Каретников А.Л., Щербаков В.Л.* Кузнечные изделия из коллекций средневековых селищ исторической округи Ростова Великого: Технологическое исследование // История и культура Ростовской земли, 2013. Ростов, 2014. С. 13–17.
- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: АН СССР, 1953. (Материалы и исследования по археологии № 32).
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии № 65. М.: Академия наук СССР, 1959. С. 7–119.
- Наумов А.Н.* Черная металлургия на древнерусских сельских поселениях Куликова поля // Краткие сообщения Института археологии. 2006. Вып. 220. С. 102–113.
- Носов Е.Н., Розанова Л.С.* Технология обработки железа на поселениях Прильменья в IX–X вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198. С. 102–107.
- Розанова Л.С.* К вопросу о технических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладogi // Новгородские археологические чтения: материалы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского (Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г.). Новгород, 1994. С. 175–179.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Результаты металлографического исследования кузнечных изделий из селища Мякинино I (раскопки 2004 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2009а. Вып. 1. С. 124–128.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Результаты металлографического исследования кузнечных изделий из селища Мякинино I (раскопки 2005 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2009б. Вып. 1. С. 129–136.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Рябинин Е.А., Щеглова О.А.* Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. Вып. 2. С. 13–48.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948.
- Сванидзе А.А.* Деревенские ремесла в средневековой Европе. М.: Высшая школа, 1985.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997.
- Щербаков В.Л.* Технологические особенности индивидуальности изделий из черного металла из коллекции селища Вель-5 в Суздальском Ополье // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2013. С. 198–200.
- Щербаков В.Л.* О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // Российская археология. 2014. № 1. С. 32–39.
- Piaskowski J.* Untersuchungen der Fruh-Mittelalterlichen Eisen- und Stahltechnologie der Slaven in der Gebieten zwischen Weichsel und der Oder // Archeologia Polona XV. 1974. P. 67–96.
- Pleiner R.* Die Technologie des Schmiedes in der Gross marischen Kultur // Slovenska archeologia XV-1. 1967. P. 77–188.
- Pleiner R.* Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav AVČR, 2000.
- Pleiner R.* Iron in Archaeology. Early European Blacksmiths. Praha: Archeologický Ústav AVČR, 2006.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2020 г.

Zavyalov Vladimir I. and Terekhova Natalia N.

RURAL CRAFTS ON ANCIENT RUS' ARCHAEOLOGICAL SITES IN LIGHT OF NEW ARCHAEOLOGICAL DATA*

DOI: 10.17223/2312461X/28/7

Abstract. It is hardly possible to have a complete description of the culture of production in Ancient Rus' without considering rural crafts. Multiple factor analysis of archaeometallographic data allowed us to conclude that rural crafts in Ancient Rus' were a much more complex phenomenon than previously thought. Not only did the Ancient Rus' village supply materials to urban workshops and produce technologically simple products, it adopted technological innovations as well, and rural craftsmen were indeed capable of making high-quality blacksmith products themselves, providing these to the people in the same area.

Keywords: Ancient Rus', archaeometallography, rural settlements, blacksmithing, innovations, culture of production

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), project No. 19-18-00144.

References

- Bulankin V.M., Zav'ialov V.I., Ivanov D.A. Poselenie Ist'e 2 - syr'evaia baza Staroi Riazani [The Istye 2 settlement as a raw material source for Old Ryazan]. In: *Arkheologiiia Podmoskov'ia* [The archaeology of the Moscow region]. Vol. 8. Moscow: IA RAN, 2012a, pp. 166-174.
- Bulankin V.M., Zav'ialov V.I., Ivanov D.A. Ist'e 2 – metallurgicheskii kompleks domongol'skogo vremeni [Istye 2, a metallurgical complex of the pre-Mongolian period]. In: *Shestye Yakhontovskie chteniia* [The 6th Yakhontov Readings]. Riazan': Riazanskii istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik, 2012b, pp. 65-76.
- Voznesenska G.O. Riven' rozvitku koval'skogo virobnitstva [Уровень развития кузнечного производства] [The level of blacksmithing development]. In: *Selo Kiivs'koi Rusi* [The village in Kiev Rus]. Kii'v: Shliakh, 2003, pp. 101–105.
- Voznesenskaia G.A. Kuznechnoe proizvodstvo u vostochnykh slavian v tret'ei chetverti I tysiacheletiiia n.e. [East Slavs' blacksmithing in the third quarter of the 1st millennium AD]. In: *Drevniaia Rus' i slaviane* [Ancient Rus and Slavs]. Moscow: Nauka. 1978, pp. 61–65.
- Voznesenskaia G.A. Tekhnologiiia kuznechnogo proizvodstva na iuzhnorusskikh sel'skikh poseleniiakh [Blacksmithing technology in southern Russian settlements], *Arkheologiiia*, 1999, no. 2, pp. 117–126.
- Voznesenskaia G.A. Zhelezoobrabotka na poselenii v Shestovitse. Tekhnologicheskie traditsiia [Iron processing in the settlement of Shestovits]. In: *Arkheologiiia i estestvennonauchnye metody* [Archaeology and natural science methods]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, pp. 101–113.
- GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Riazanskoi oblasti [State Archive of Ryazan Oblast]. F. 1, R-903.
- Goshek I., Zav'ialov V.I. Kharakteristika rudnykh istochnikov epokhi srednevekov'ia po rezul'tatam rentgenofluoristsentnogo analiza [Characteristics of medieval ore sources based on X-ray fluorescence analysis]. In: *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Research at the Laboratory of Natural Science Methods]. Vol. 4. Moscow: Taus, 2017, pp. 167–174.
- Dvorov I.M. *Prirodnye resursy Riazanskoi oblasti* [Natural resources in the region of Ryazan]. Moscow: Nauka, 1965.
- Zav'ialov V.I. Zheleznye izdeliia iz pamiatnikov Belozer'ia [Iron artifacts on the sites of Belozerye], *Rossiiskaia arkheologiiia*, 1996, no. 4, pp. 157–170.
- Zav'ialov V.I. Rezul'taty metallograficheskikh issledovaniia kollektsii zheleznykh predmetov iz drevnerusskogo selishcha u d. Chernoe (Dmitrovskii r-n Moskovskoi obl.) [Results of metallographic research on the collection of iron artifacts from the Old Russian settlement near the village of Chernoye (Dmitrov area of the Moscow region)]. In: *Analiticheskie is-*

- sledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Research at the Laboratory of Natural Science Methods]. Vol. 1. Moscow: Taus, 2009, pp. 137–138.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S. K voprosu o proizvodstvennoi tekhnologii proizvodstva nozhei v drevnem Novgorode [On the technology of producing knives in ancient Novgorod]. In: *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988* [Materials on the archaeology of Novgorod, 1988]. Moscow: Novgorodskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia, 1990, pp. 154–186.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S. Tekhnologicheskaiia kharakteristika nozhei Nutnogo raskopa [Technological characteristics of the knives from the Nutnyy excavated site]. In: Gaidukov P.G. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyi raskop* [The end of medieval Novgorod. The Nutnyy excavated site]. Moscow: Arka, 1992, pp. 122–129, 188–190.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S. Rezul'taty metallograficheskikh issledovanii kolleksii zheleznykh predmetov iz selishcha Grigorovo II (Sergievo-Posadskii r-n Moskovskoi obl.) [Results of metallographic research on the collection of iron artifacts from the Grigorovo II settlement (Sergiev-Posad area of the Moscow region)]. In: *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Research at the Laboratory of Natural Science Methods]. Vol. 1. Moscow: Taus, 2009, pp. 142–144.
- Zav'ialov V.I., Terekhova N.N. *Kuznechnoe remeslo Velikogo kniazhestva Riazanskogo* [Blacksmithing in the Great Ryazan historical region]. Moscow: IA RAN, 2013.
- Zav'ialov V.I., Terekhova N.N. Modeli tekhnologicheskogo razvitiia v proizvodstvennoi kul'ture narodov Vostochnoi Evropy [Models of technological progress in the production culture of the peoples of East Europe], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2014, Vol. 233, pp. 187–192.
- Zav'ialov V.I., Terekhova N.N. Vzaimodeistvie slavianskikh i skandinavskikh traditsii v kuznechnom remesle Drevnei Rusi [Interaction of Slavic and Scandinavian traditions in the blacksmith's craft of Ancient Russia], *Stratum plus*, 2017, no. 5, pp. 133–140.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. *Russkoe kuznechnoe remeslo v Zolotoordynskii period i epokhu Moskovskogo gosudarstva* [Russian blacksmithing in the Golden Horde and the Moscow State period]. Moscow: Znak, 2007.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. *Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia. K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii* [The history of blacksmithing in the Finno-Ugric peoples of Povolzhye and the Ural region]. Moscow: Znak, 2009.
- Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoi kul'ture Severnoi Rusi* [Tradition and innovation in the production culture of North Rus]. Moscow: Ankil, 2012.
- Karetnikov A.L., Shcherbakov V.L. Kuznechnye izdelii iz kolleksii srednevekovykh selishch istoricheskoi okrugii Rostova Velikogo: Tekhnologicheskoe issledovanie [Blacksmithing artifacts from the collection of medieval settlements in the historical region of Great Rostov: A technological study]. In: *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli, 2013* [The history and culture of the Rostov land, 2013]. Rostov, 2014, pp. 13–17.
- Kolchin B.A. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v Drevnei Rusi* [Black metallurgy and processing of metals in Ancient Rus]. Moscow: AN SSSR, 1953. (Materialy i issledovaniia po arkheologii № 32).
- Kolchin B.A. Zhelezoobrabatyvaiushchee remeslo Novgoroda Velikogo [Iron processing in Great Novgorod]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii* [Materials and studies in archaeology]. Vol. 65. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1959, pp. 7–119.
- Naumov A.N. Chernaia metallurgii na drevnerusskikh sel'skikh poseleniakh Kulikova polia [Black metallurgy in the rural settlements in the region of the Kulikovo Field], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2006, Vol. 220, pp. 102–113.
- Nosov E.N., Rozanova L.S. Tekhnologii obrabotki zheleza na poseleniakh Priil'men'ia v IX–X vv. [The technology of iron processing in the Priilmen settlements from the 9th to the 10th centuries], *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1989, Vol. 198, pp. 102–107.

- Rozanova L.S. K voprosu o tekhnicheskikh priemakh izgotovleniia zheleznykh izdelii iz Staroi Ladogi [On the technological aspects of making iron products in Old Ladoga]. In: *Novgorodskie arkhеologicheskie chteniia: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu arkhеologicheskogo izucheniia Novgoroda i 90-letiiu so dnia rozhdeniia osnovatel'ia Novgorodskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii A.V. Artsikhovskogo (Novgorod, 28 sentiabria — 2 oktiabria 1992 g.)* [The Novgorod Archaeological Readings: Proceedings of the Research conference dedicated to the 60th Anniversary of the archaeological research on Novgorod and to the 90th Anniversary since the birth of A.V. Artsikhovskiy, the founding father of the Novgorod Archaeological Expedition]. Novgorod. 1994, pp. 175–179.
- Rozanova L.S., Terekhova N.N. Rezul'taty metallograficheskogo issledovaniia kuznechnykh izdelii iz selishcha Miakinino I (raskopki 2004 g.) [Results of metallographic research on blacksmithing artifacts from the Myakinino I settlement (the 2004 excavations)]. In: *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Research at the Laboratory of Natural Science Methods]. Vol. 1. Moscow: Taus, 2009a, pp. 124–128.
- Rozanova L.S., Terekhova N.N. Rezul'taty metallograficheskogo issledovaniia kuznechnykh izdelii iz selishcha Miakinino I (raskopki 2005 g.) [Results of metallographic research on blacksmithing artifacts from the Myakinino I settlement (the 2005 excavations)]. In: *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov* [Research at the Laboratory of Natural Science Methods]. Vyp. 1. Moscow: Taus, 2009b, pp. 129–136.
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., Riabinin E.A., Shcheglova O.A. Metallograficheskoe issledovanie zheleznykh izdelii Liubshanskogo gorodishcha [Metallographic research on iron artifacts from the Lyubshanskoye settlement]. In: *Ladoga i Ladozhskaia zemlia v epokhu srednevekov'ia* [Ladoga and the Ladoga land in the Middle Ages]. Vol. 2. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2008, pp. 13–48.
- Rybakov B.A. *Remeslo Drevnei Rusi* [Crafts in Ancient Rus]. Moscow: AN SSSR, 1948.
- Svanidze A.A. *Derevenskie remesla v srednevekovoi Evrope* [Rural crafts in medieval Europe]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1985.
- Terekhova i dr., Terekhova N.N., Rozanova L.S., Zav'ialov V.I., Tolmacheva M.M. *Ocherki po istorii drevnei zhelezoobrabotki v Vostochnoi Evrope* [Essays on the history of ancient iron processing in Eastern Europe]. Moscow: Metallurgii, 1997.
- Shcherbakov V.L. Tekhnologicheskie osobennosti izdelii iz chernogo metalla iz kolektsii selishcha Ves'-5 v Suzdal'skom Opol'e [Technological characteristics of black metal artifacts from the collection of the Ves-5 settlement in Suzdal Opolye]. In: *Novye materialy i metody arkhеologicheskogo issledovaniia: Materialy II mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh* [New materials in and methods of archaeological research: Proceedings of the 2nd International conference for young researchers]. Moscow: IA RAN, 2013, pp. 198–200.
- Shcherbakov V.L. O tekhnologii drevnerusskikh kuznechnykh izdelii (po materialam selishch Suzdal'skogo Opol'ia) [On the technology of blacksmithing in Ancient Russian (based on the materials from the ancient settlements of Suzdal Opolye)], *Rossiiskaia arkhеologiiia*, 2014, no. 1, pp. 32–39.
- Piaskowski, J. Untersuchungen der Fruh-Mittelalterlichen Eisen- und Stahltechnologie der Slaven in der Gebieten zwischen Weichsel und der Oder, *Archeologia Polona* XV, 1974, pp. 67–96.
- Pleiner, R. Die Technologie des Schmiedes in der Gross marischen Kultur, *Slovenska archeologia* XV-1, 1967, pp. 77–188.
- Pleiner R. *Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters*. Praha: Archeologický Ústav AVČR, 2000.
- Pleiner R. *Iron in Archaeology. Early European Blacksmiths*. Praha: Archeologický Ústav AVČR, 2006.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/28/8

МОРФОЛОГИЯ И ГЕОХИМИЯ КУЗНЕЧНЫХ ШЛАКОВ ИЗ ГОРНОЙ ШОРИИ*

Юрий Викторович Ширин,
Евгения Михайловна Асочакова

Аннотация. В области исследования древних технологий черной металлургии за последние десятилетия накоплен колоссальный опыт, особенно зарубежными археометаллургами. В статье показано, как на основе этих новых данных стало возможным по-новому взглянуть на особенности металлургии железа целого региона – Горной Шории. Оказалось, что бесценными информационными возможностями обладает простой металлургический шлак, которому в отечественных исследованиях не уделялось должного внимания. Дан подробный анализ одного из типов железного шлака – кузнечного. Отмечено, как его ошибочная интерпретация повлияла на наши представления о металлургической традиции, которая сохранялась у кузнечных татар в XVII–XVIII вв. Дана морфологическая характеристика кузнечных шлаков, полученных на 19 археологических памятниках Горной Шории. Представлены результаты геохимических анализов этих шлаков, а также интерпретация данных. Продемонстрирован большой эвристический потенциал комплексного исследования этого отхода кузнечного производства. Полученным новым технологическим реконструкциям были найдены соответствия в письменных источниках XVII–XVIII вв. На этой основе предложен метод расчета производительности железоделательных мастерских кузнечных татар. Одним из оснований для применения единого коэффициента в таких расчетах для всех памятников Горной Шории стал морфологический и геохимический анализ кузнечных шлаков. Сходство этих шлаков позволяет утверждать, что для всего региона были характерны единые технологические традиции производства железа.

Ключевые слова: кузнечные татары, Горная Шория, шлаки, производство железа, геохимические анализы

Введение

На протяжении многих десятилетий археологов и краеведов привлекали странные находки железных предметов в виде лепешек линзовидной формы. Одни называли их железными крицами, другие – железными плавильными шлаками, но самое удивительное в том, что обе версии были неверными. Эти «странные» предметы пополняли коллекции различных музеев и часто служили уликой, доказывающей навыки плавления железной руды древних или средневековых людей. Однако и

* Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

такое «доказательство» сегодня нельзя считать истиной, поскольку большинство линзовидных шлаков не связано с плавильным процессом. Эти шлаки являются отходом кузнечного производства, т.е. отражают особый этап обработки железной крицы, а не плавки железной руды, как считалось ранее.

Во избежание дальнейшей возможной путаницы и искаженной интерпретации кузнечных шлаков мы решили посвятить отдельную статью этому виду археологических находок, опираясь на материалы из памятников Горной Шории XVII–XVIII вв.

Краткая историография вопроса

Основная проблема в изучении кузнечных шлаков связана с практически полным отсутствием в отечественных исследованиях какого-либо внимания к шлакам всех типов. При этом, как отмечал еще Радомир Плейнер, археологи при столкновении с этим важным археологическим объектом часто путают отходы железоплавильного и кузнечного производства (Pleiner 2000: 266). Если в практике зарубежных археометаллургических исследований этот недостаток, отмечаемый еще в 1990-х гг. (Yahalom-Mack et al. 2014: 23), практически преодолен, то для российской археологии данная проблема актуальна и по сей день. Разделение шлаков на плавильные и кузнечные типы в отечественных публикациях является огромной редкостью (Водясов, Гусев, Асочакова 2017; Vodyasov 2018), что заметно сказывается на развитии археометаллургии в России.

Очень часто при описании шлаков археологи по умолчанию относят все их к плавильным. Судя по всему, многие из них даже не догадываются о том, что существуют и иные их типы. При исследованиях черной металлургии разделение шлаков на типы крайне важно, поскольку каждый из них отражает совершенно разный этап производства железа (Водясов, Зайцева 2017). Особый интерес представляют кузнечные шлаки. Уже накоплен опыт их комплексного анализа для извлечения информации не только о разных этапах кузнечных операций и их последовательности, но также о профессиональных навыках кузнецов и применяемых ими технологических приемах (Serneels, Perret 2003; Anguilano 2010). Такую возможность сложно переоценить при отсутствии железных изделий или при желании отделить импорт от продукции местных кузнецов.

Кузнечные шлаки с верхней относительно уплощенной стороны имеют пористо-ячеистую корку, иногда блестящую. При раскалывании такой шлак монолитен, с видимой кристаллической структурой и железистым цветом на изломе. Накопленный за последние 30 лет опыт поисков археологических памятников в Горной Шории позволяет утвер-

ждать, что в местах железодельного производства XVII–XVIII вв. (рис. 1) шлаки линзовидной формы составляют наиболее частую находку.

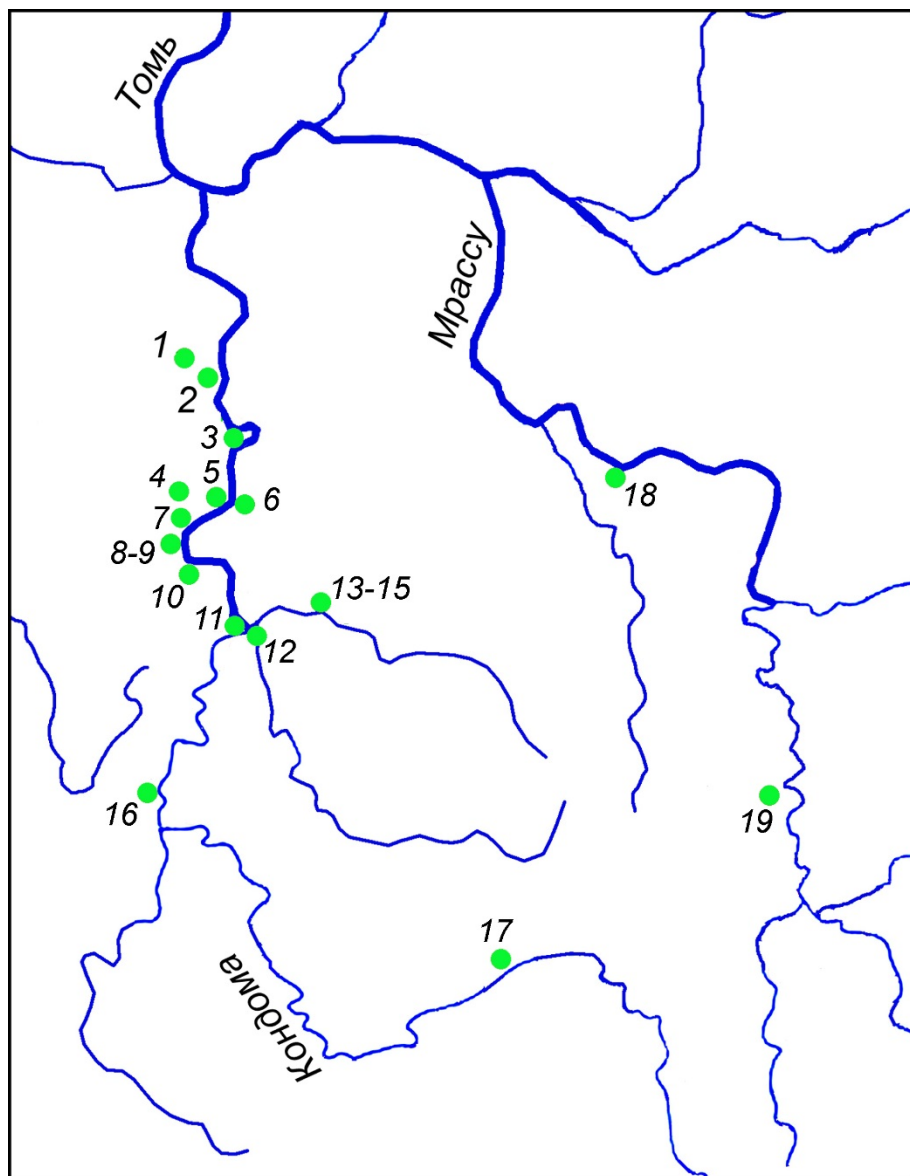

Рис. 1. Места сборов проанализированных кузнечных шлаков XVII–XVIII вв. на территории Горной Шории: 1 – Николаевка 3; 2 – Тайлеп; 3 – Карачияк 1; 4 – Теш 5; 5 – Аил 1; 6 – Устье Б. Теша; 7 – Колотовка 1; 8 – Юла 1; 9 – Юла 2; 10 – Шаргон 1; 11 – Луговушка; 12 – Мундыбаш 1; 13 – Тельбес 1; 14 – Тельбес 2; 15 – Тельбес 3; 16 – Старососновское; 17 – Спасск; 18 – Земелье; 19 – Сайлынгол

В ходе археологических работ на р. Мрассу на поселении Сайлынгол в раскопе площадью 24 кв. м было собрано не менее 50 шлаковых лепешек. Их средний диаметр составлял 100–120 мм. На местонахождении Медная вдоль размытого берега р. Кондомы на протяжении 80 м было собрано более 60 кузнечных шлаков стандартного размера. Но здесь же зафиксирован на единичном образце и максимальный размер – диаметр 180 мм при толщине 100 мм.

Гипотеза о связи особого типа археологических железных шлаков с кузнечным этапом металлообработки была высказана зарубежными учеными еще в конце 1960-х гг., и дальнейшие исследования, основанные на комплексных анализах, подтвердили эту интерпретацию (Serneels, Perret 2003). Модель образования кузнечных лепешек и информативность этого источника подробно рассмотрены в ряде работ (McDonell 1991; Serneels, Perret 2003; Soullignac, Serneels 2014). Ученые не раз обращали внимание на то, что *каждый* кузнечный шлак в форме лепешки, плоской с одной и выпуклой с другой стороны, отражает операцию по проковке *одной* крицы и железной заготовки (Serneels, Perret 2003; Soullignac, Serneels 2014; Yahalom-Mack et al. 2014: 23), поэтому не будет преувеличением назвать кузнечные лепешки единственным источником, помогающим узнать приблизительное количество переработанных криц на конкретном памятнике. Конечно, в этом случае археолог получит минимальные показатели производительности, потому что, во-первых, не все шлаки попадают в раскоп, во-вторых, кузницу и кузнечный горн могли периодически вычищать, а шлаки выбрасывать за пределы памятника. В свою очередь, определение количества криц, произведенных в одной кузнице, может помочь в выявлении минимального времени существования кузнечной мастерской. Несомненно, несколько кузнечных лепешек могли быть произведены за один день, тем не менее, этнографические данные говорят о том, что чаще всего на обработку одной крицы и, следовательно, на получение одной лепешки уходил один день (Serneels, Perret 2003).

Впервые округлые кузнечные шлаки линзовидного сечения из ареала памятников Горной Шории XVII–XVIII вв. привлекли внимание кузнечного художника-краеведа К.А. Евреинова еще в 1930-е гг. К некоторым из таких шлаков прикипели глиняные стенки горнов и воздушные сопла. Собранные К.А. Евреиновым шлаки утрачены, но важная информация о них сохранилась благодаря тому, что профессиональный художник сделал цветные зарисовки своих находок, которые сопровождал измерениями. Диаметр шлаковых линз составлял 145, 155, 235, 340 мм, а максимальная толщина – соответственно 40, 52, 90, 110 мм. К.А. Евреинов даже организовал в 1935 г. химический анализ найденного шлака в металлографическом отделе Центральной лаборатории Кузнечного металлургического комбината (Евреинов № 1897.

Л. 113; Сунчугашев 1979: 160). Приняв линзовидные шлаки за остатки днищ печей, К.А. Евреинов сделал по ним реконструкцию нижней, а затем и наземной частей железоплавильных горнов кузнечных татар. Графические и макетные реконструкции К.А. Евреинова представлены в его рукописном «Атласе по истории металлургии» (Евреинов № 1897).

Примечательно, что известный исследователь металлургических памятников Саяно-Алтайского региона Я.И. Сунчугашев в качестве сравнительного материала для комплексов Минусинских котловин использовал реконструкции К.А. Евреинова без какой-либо критики (Сунчугашев 1979: 158, 159). Археологи, работающие в Горной Шории, под влиянием субъективной убежденности своих предшественников вплоть до недавнего времени также полагали, что линзовидные шлаки являются следами железоплавильного производства особого местного типа. Это нашло отражение во многих публикациях, посвященных железной металлургии этого региона (Ширин 1999: 212–213). Но в последнее время ситуация начинает меняться, чему, мы надеемся, будет способствовать и данная публикация.

Кузнечные шлаки Горной Шории

Представленные в нашей работе результаты исследований металлургических шлаков Горной Шории относятся к одному типу шлаков – кузнечных, сформированных на дне кузнечного горна в ходе многократного прогрева крицы (McDonnell 1991; Pleiner 2000: 215; Водясов, Зайцева 2017). В результате этой операции при достижении температуры выше 1 200°C шлаки стекали на слой горячих углей (рис. 2) и принимали характерную форму плоско-выпуклых лепешек толщиной, как правило, не более 5 см (рис. 3).

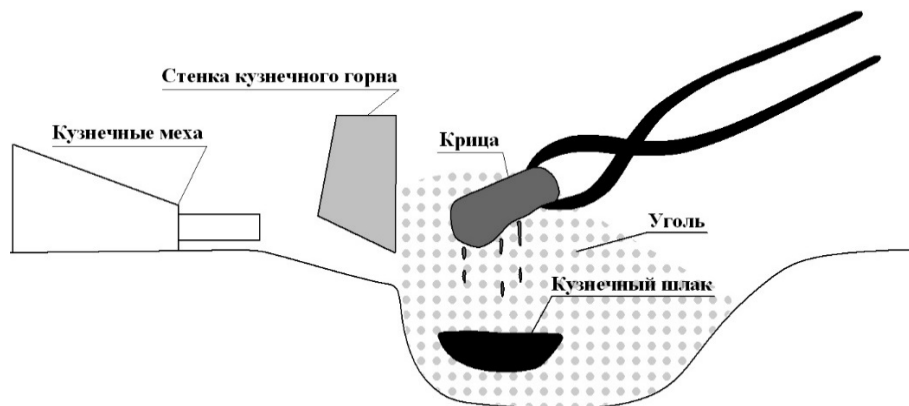

Рис. 2. Модель формирования кузнечного шлака (по: Serneels, Perret 2003: fig. 3)

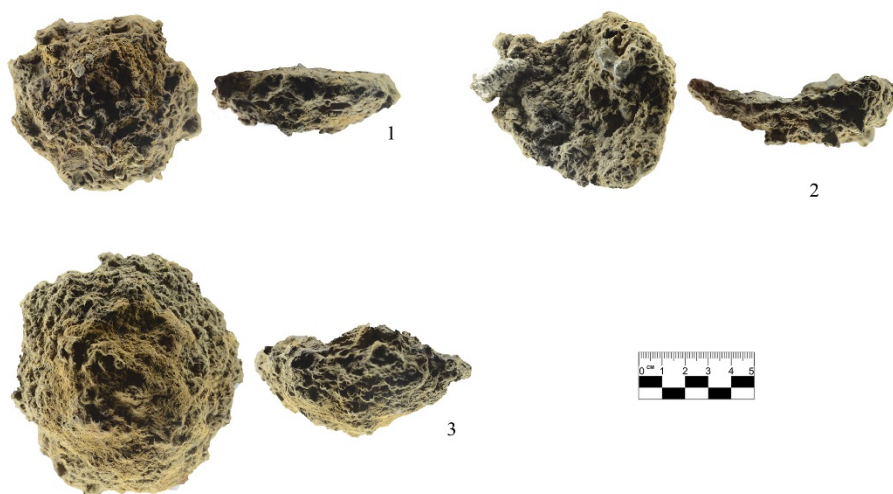

Рис. 3. Кузнечные шлаки Горной Шории: 1 – Шартон 1; 2 – Теш 5; 3 – Тельбес 3

Отличительной особенностью кузнечных шлаков этого типа является частое наличие впадины в верхней части лепешки (рис. 3, 2) образующейся из-за струи воздуха от дутья кузнечных мехов (McDonell 1991). Обычно впадина занимает половину верхней площади поверхности таких шлаков.

Для разных памятников черной металлургии XVII–XVIII вв. в Горной Шории характерны одни и те же шлаковые лепешки не только по форме, но и по весу. Их средний вес – 270 г, но может в единичных случаях варьироваться от 160 до 600 г. Размеры кузнечных шлаков напрямую связаны с исходным весом сырой крицы. Письменные источники сообщают, что в XVII в. вес 30–40 криц, производимых плавильщиками-кузнецами Горной Шории, составлял около 16 кг (Martyushov, Shirin 2018: 918), т.е. около 450 г – вес одной крицы. Скорее всего, в документах речь идет об уже обработанных крицах, из которых шлак был «выжат» в ходе первичных проковок. Поэтому если учесть, что половина веса горновой крицы сгорает при обработке и вытекании из нее шлака (Crew, Maentwrog, Salter 1993), тогда мы получим средний вес одной сырой крицы 0,9–1 кг. В 1734 г. И.Г. Гмелин указывал, что крица, выплавленная на его глазах, весила около 800 г (Gmelin 1751: 283). То есть к XVIII в. вес криц, производимых в горнах кузнечных татар, практически не изменился. На основании этих данных можно выявить коэффициент для приблизительного подсчета веса обработанной крицы по весу шлаковой лепешки, равный 1,6. Чтобы узнать вес крицы, надо перемножить коэффициент и вес шлаковой лепешки.

На металлургической площадке Шартон 1 на р. Кондоме (рис. 1, 10) в раскопе площадью 16 кв. м нами обнаружено 22 кузнечных лепешек и

несколько их обломков. Их общий вес составил 6,8 кг, при весе одной шлаковой лепешки 200–300 г, редко – 500–600 г. Средний вес лепешки – 310 г. Это свидетельствует, исходя из приведенных выше данных, о получении не менее 22 криц, или около 10,9 кг кричного железа при среднем весе одной обработанной крицы 496 г, что соотносится с письменными источниками. Нахождение на металлургической площадке 22 лепешек шлака может указывать также на то, что мастерская работала минимум три недели.

Практически для всех музейных археологических коллекций по черной металлургии XVII–XVIII вв. Горной Шории характерной особенностью является отсутствие как плавильных шлаков, так и обломков железных руд. Все следы металлургии чаще всего представлены только кузнечными лепешками и фрагментами небольших горнов. Это может объясняться производством железа из руды в других местах и дальнейшей транспортировкой сырых криц для обработки в кузницах. Но нельзя исключать и того, что в ходе археологических работ другие типы шлаков не были включены в число образцов, поступивших в музейные коллекции. При исследовании поселения Шартон 1 было отмечено, что на памятнике присутствовали не только кузнечные шлаки, но и плавильные, связанные с теми же небольшими горнами (Ширин 2019: рис. 7).

Другая интересная особенность, отмеченная при изучении кузнечного производства на поселении Шартон 1, связана с отсутствием рядом с кузнечными горнами микрошлаков, которые являются особым подтипом кузнечных шлаков. Кузнечные микрошлаки имеют две разновидности. Первая представлена «хлопьями», внешне сильно напоминающими рыбью чешую размером всего 1–3 мм (Dungworth 2007; Водясов, Зайцева 2017). Такие шлаки образуются в процессековки железной заготовки и изготовления конкретного предмета. Другой подвид микрошлаков представлен маленькими «шариками». Их происхождение связано со сваркой уже готовых железных предметов, когда в качестве флюса используется кварцевый песок. Это было доказано в ходе археологических экспериментов (Dungworth 2007). Отсутствие микрошлаков на поселении Шартон 1, вероятно, обусловлено тем, что после первичной проковки крицы в этой мастерской не перерабатывались в какие-либо кузнечные изделия. Скорее всего, значительная часть полученных здесь криц шла на обмен, а также сдавалась в качестве ясака.

Такая практика нашла отражение в исторических документах. Так, в ясачной книге Кузнецка за 1697 г. отмечено, что «на всякие великого государя кузнецкие расходы» в Кузнецке было оставлено 4 077 криц, принятых от ясачных людей 10 из 19 волостей Горной Шории в зачет ясачной пушнины (РГАДА: Л. 92об.). По нашим подсчетам, это количество железных криц по весу могло превышать 1,8 т. В рапорте инженера-капитана Сергея Плаутина за 1745 г. указано, что «все Кузнецкого

ведомства дwoеданческие волости имеют в горах железную руду, которую они сами в юртах своих по малому числу плавят и делают котлы, топоры... а те, которые поблизости к Кузнецку и деревням живут, продают железо» (Огурцов 2008: 164–165). Основной акцент в этом рапорте сделан на Кондомо-Барсоятскую и Катунскую волости, где и расположено поселение Шартон 1. И.Г. Георги, посетивший Кузнецкий край в 1771 г., пишет про кузнецких татар: «Не все, однако ж многие из них упражняются в кузнечном деле... больше же продают невыделанного железа российским кузнецам» (Георги 1776: 168–169).

Геохимическое изучение кузнечных шлаков

Рентгенофлуоресцентному анализу подвергнуто 24 образца кузнечных шлаков, происходящих из 19 археологических памятников Горной Шории (см. рис. 1; табл. 1).

Таблица 1

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа кузнечных шлаков из Горной Шории

Памятник	Оксид, вес. %										
	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃ общ.	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	Сумма
Земелье	24,14	0,77	4,45	63,67	0,03	1,89	2,27	0,30	0,82	0,18	98,54
Земелье	28,43	0,78	6,43	55,87	0,11	1,83	2,80	0,86	1,08	0,37	98,58
Сайлынгол	29,79	0,91	5,37	53,21	0,04	2,27	4,77	1,18	1,01	0,42	98,99
Николаевка-3	27,88	0,78	5,26	57,38	0,02	1,95	3,14	1,29	0,93	0,17	98,81
Николаевка-3	27,75	0,78	5,25	57,50	0,02	1,93	3,65	0,89	0,85	0,17	98,81
Тайлеп	30,05	0,72	5,89	56,72	0,03	2,11	1,35	0,41	0,94	0,29	98,53
Карачияк-1	27,71	0,89	6,71	55,00	0,06	1,25	5,46	>0,1	1,35	0,35	98,79
Карачияк-1	25,46	0,76	5,76	61,66	0,03	1,43	2,53	>0,1	0,73	0,32	98,67
Теш-5	26,06	0,81	4,19	58,75	0,04	1,91	5,33	<0,1	1,25	0,43	98,78
Теш-5	28,25	0,87	5,86	50,47	0,08	2,98	6,86	1,31	1,60	0,70	98,99
Теш-5	29,57	0,98	5,02	49,07	0,10	2,54	8,07	1,34	1,78	0,68	99,15
Устье Б. Теша	30,72	0,75	6,07	54,06	0,04	1,69	3,09	1,12	0,97	0,25	98,77
Аил-1	21,41	0,79	5,01	63,89	0,08	1,15	4,95	0,79	1,03	1,00	99,46
Аил-1	18,42	0,88	4,06	66,10	0,04	2,19	5,20	1,40	0,45	0,67	66,10
Аил-1	23,43	0,90	5,44	57,50	0,12	2,47	7,00	0,63	1,04	0,82	99,34
Колотовка-1	26,56	0,78	5,89	56,85	0,02	2,09	4,32	1,12	1,14	0,30	99,07
Колотовка-1	26,77	0,79	5,96	58,08	0,02	1,07	4,08	0,77	0,99	0,40	98,93
Юла-1	27,20	0,74	5,53	56,27	0,04	2,72	4,33	0,95	0,90	0,56	99,24
Юла-2	24,95	0,78	4,47	61,00	0,02	2,27	3,68	0,37	0,77	0,40	98,73
Шартон 1	29,07	0,86	5,00	56,30	0,05	2,11	3,90	<0,1	1,21	0,29	98,82
Шартон 1	30,26	0,93	4,92	54,81	0,07	2,04	3,62	0,96	0,92	0,22	98,76
Шартон 1	29,85	0,91	5,17	53,13	0,12	1,59	6,12	0,28	1,16	0,38	98,73
Шартон 1	26,21	0,87	3,94	58,15	0,04	2,40	4,92	1,02	0,97	0,40	98,93
Шартон 1	28,24	0,85	4,85	55,86	0,05	1,99	4,47	1,02	1,12	0,35	98,83
Шартон 1	28,27	0,87	4,68	53,64	0,05	2,25	5,37	2,00	1,40	0,38	98,93

Памятник	Оксид, вес. %										
	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃ общ.	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	Сум- ма
Луговушка	19,90	0,82	4,60	66,22	0,01	4,83	2,14	>0,1	0,44	0,23	99,20
Мундыбаш-1	19,06	0,77	4,54	63,18	0,10	1,66	7,29	1,89	0,10	0,36	98,96
Мундыбаш-1	22,12	0,87	4,61	67,04	0,01	1,84	1,33	0,69	0,20	0,20	98,93
Тельбес 1	26,20	0,76	4,39	62,74	0,07	1,96	1,78	0,13	0,53	0,11	98,68
Тельбес 1	28,43	0,69	5,87	59,22	0,04	1,61	1,71	0,10	0,60	0,25	98,54
Тельбес 2	26,74	0,82	4,87	57,67	0,04	2,62	4,15	0,23	1,22	0,52	98,91
Тельбес 3	31,39	0,94	6,62	47,09	0,07	2,75	7,21	1,17	1,20	0,48	98,94
Тельбес 3	27,36	0,66	6,16	57,91	0,04	1,35	1,49	0,27	0,46	0,26	98,55
Старососновка	26,84	0,86	4,14	59,34	0,04	1,98	4,15	<0,1	1,01	0,38	98,76
Спасск	28,79	0,82	5,45	54,84	0,13	2,60	3,82	0,72	1,38	0,54	99,11

Количественному спектральному анализу подвергнуто 18 образцов из 12 археологических памятников (рис. 1; табл. 2).

Содержание Fe₂O₃ в кузнечных шлаках Горной Шории колеблется от 47,09 до 67,04% при среднем значении 56,9%. В целом все изученные шлаки однородны и схожи по химическому составу. Ни один образец шлака не выделяется среди прочих. По количеству в шлаках оксидов марганца (0,01–0,13%) и титана (0,66–0,98%), которые практически полностью переходят в шлак из руды (Olovčić et al. 2014: 866), можно сделать вывод, что для плавки использовалась руда, очень близкая по химическому составу (рис. 4).

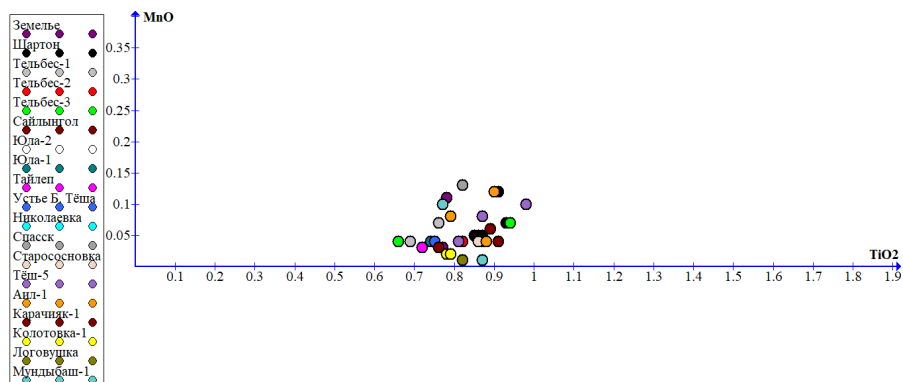

Рис. 4. Соотношения в кузнечных шлаках Горной Шории TiO₂ и MnO, вес. %

Близкое соотношение в шлаках SiO₂ и Al₂O₃ может свидетельствовать об использовании схожих технологий и сыродутных горнов одинаковых размеров, поскольку на количество этих элементов в шлаке оказывает влияние не только состав руды, но и глиняные стенки горна.

Результаты количественного спектрального анализа кузнечных шлаков из Горной Шории

Предел обнаружения	Элемент, вес. %													
	V	Уь	Cr	Mn	Cu	Ba	Sc	Zr	Ga	Sn	Y	Zn	Sr	
	0,0005	0,00005	0,001	0,0003	0,0003	0,02	0,0002	0,003	0,0003	0,0002	0,0005	0,003	0,02	
Тельбес 1	0,005	0,00003	0,0036	0,17	0,004	0,023	0,0003	0,0097	0,0013	0,0006	0,0016	0,0067	—	
Тельбес 1	0,005	0,00004	0,0014	0,2	0,006	0,029	0,0004	0,0103	0,002	0,0006	0,0013	0,0056	—	
Тельбес 2	0,0024	0,00003	0,0036	0,087	0,01	0,061	0,0006	0,005	0,0013	0,0003	0,0008	0,0044	—	
Шартон 1	0,0025	0,00003	0,0033	0,065	0,0083	0,043	0,0012	0,0069	0,0013	0,0005	0,0011	0,0051	—	
Шартон 1	0,006	0,00004	0,0036	0,185	0,003	0,029	0,0006	0,0069	0,0011	0,0015	0,0016	0,0056	—	
Шартон 1	0,0022	0,0003	0,0014	0,085	0,005	0,058	0,0003	0,0046	0,0014	0,0004	0,0008	0,0056	—	
Шартон 1	0,007	0,00003	0,01	0,06	0,0025	0,047	0,0013	0,0081	0,0013	0,0002	0,0013	0,0044	0,0500	
Сайлынгол	0,01	0,00005	0,001	0,032	0,0027	0,024	0,0008	0,0042	0,0013	0,017	0,0039	0,0059	—	
Земелье	0,0024	0,00003	0,0012	0,17	0,014	0,026	0,0004	0,0078	0,0011	0,0005	0,0008	0,0051	—	
Юла 2	0,0021	0,00003	0,0014	0,05	0,01	0,037	0,0004	0,004	0,0013	0,0003	0,0011	0,0056	—	
Юла 1	0,0043	0,00003	0,0014	0,07	0,007	0,027	0,0003	0,0048	0,0018	0,0006	0,0013	0,0057	—	
Тайлеп	0,0032	0,00003	0,001	0,05	0,007	0,02	0,0003	0,0046	0,0015	0,0005	0,0011	0,0054	—	
Николаевка 3	0,0027	0,00003	0,0014	0,045	0,0075	0,02	0,0004	0,0046	0,0009	0,0003	0,0013	0,0047	—	
Николаевка 3	0,0018	0,00003	0,0014	0,045	0,007	0,029	0,0003	0,0043	0,0013	0,0002	0,0009	0,0044	—	
Спасек	0,0055	0,00003	0,0014	0,15	0,01	0,035	0,0008	0,0042	0,0013	0,0002	0,0015	0,0044	—	
Старососновка	0,0018	0,00003	0,001	0,082	0,0065	0,05	0,0004	0,0028	0,0011	0,0008	0,0011	0,0044	—	
Теш 5	0,0021	0,00003	0,001	0,07	0,0044	0,051	0,0003	0,0036	0,0011	0,0008	0,0011	0,0044	—	
Теш 5	0,0037	0,00003	0,0027	0,056	0,004	0,046	0,0004	0,0046	0,0009	0,0003	0,0013	0,0044	—	

Одинаковый химический состав шлаков, как и их схожие размеры, свидетельствует о налаженном производстве железа в Горной Шории с повторяемостью одних и тех же технологий по обработке криц.

Примечательно, что в 1734 г. И.Г. Гмелин сообщал про плавильщиков кузнечных ясачных волостей: «Хотя и много было таких мест, где они занимаются плавкой, но нам было достаточно познакомиться с одним, так как все они плавят одним и тем же способом» (Gmelin 1751: 283).

Заключение

Кузнечные шлаки несут в себе информацию, позволяющую оценить характер и масштабы древних и средневековых производств, определить минимальное время существования мастерской, выявить технологические традиции в регионе по геохимическим анализам. Часто подобного рода научная информация скрыта только в археологических кузнечных шлаках и нигде более, что еще раз подчеркивает важность и необходимость их комплексного и всестороннего изучения, а не игнорирования, как это происходит сегодня в российской науке.

Горная Шория является единственным регионом в Западной Сибири, где производство железа в XVII–XVIII вв. не только сохранилось в местной культуре, но и было неоднократно документировано. В этой уникальной ситуации появляется возможность корреляции археологических и письменных данных касательно многих сторон кузнечного дела. Во-первых, кузнечество занимало одну из ведущих ролей в хозяйстве большинства волостей Горной Шории, что нашло отражение в текстах XVII–XVIII вв. и в археологических находках. Во-вторых, производство криц в небольших горнах, не раз описанное путешественниками в XVIII в., подтверждается археологически. В-третьих, вес криц – 450 г, известный по ясачным книгам XVII–XVIII вв., соотносится с весом небольших кузнечных лепешек того же времени, что позволяет использовать полученный коэффициент для расчета производительности мастерских кузнечных татар. Наконец, схожий химический состав шлаков, их морфология и вес, вероятнее всего, маркируют существование единой металлургической традиции во всей Горной Шории и в ряде прилегающих волостей с родственным по культуре населением.

Литература

- Водясов Е.В., Гусев А.В., Асочакова Е.М. Усть-Полуй: древнейшие свидетельства черной металлургии в Арктике // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 113–132.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Что может рассказать археологу железный шлак // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 107–115.
- Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени. СПб.: Тип. К.В. Миллера, 1776.

- Евреинов К.А. Атлас по истории металлургии // Новокузнецкий краеведческий музей. КП № 1897.
- Огурцов А.Ю. Материалы военно-инженерной разведки 1745–1746 гг. на Алтае и в Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2008. Вып. 10. С. 159–165.
- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск: Наука, 1979.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1137. Л. 1–92 об. Ясачная книга Кузнецка за 1697 г.
- Ширин Ю.В. Металлургия кузнецких татар в XVIII веке // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1999. С. 209–216.
- Ширин Ю.В. Металлургический комплекс кузнецких татар на поселении Шартон 1 // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 192–201.
- Anguilano L. Chemical and Mineralogical analysis of slags from Lowpark, Appendix VIIIb // Of Troughs and Tuyeres. The archaeology of the № 5 Charlestown Bypass. NRA scheme monographs 6 – 2010 / eds. Gillespie and Kerrigan. P. 24–37.
- Crew P., Maentwrog, Salter C.J. Currency Bars with Welded Tips // Bloomery Ironmaking during 2000 years: Seminar in Budalen. Trondheim: University of Trondheim, 1993. Vol. III. P. 11–30.
- Dungworth D., Wilkes R. An investigation of hammerscale // Research Department Report. Series № 26. 2007.
- Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733, bis 1743. Göttingen: Verlegst Abram Vandenhoecks Seel., 1751. Bd. I.
- Martyushov R.A., Shirin Y.V. Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars // Bylye Gody. 2018. Vol. 49, is. 3. P. 915–930.
- McDonnell J.G. A model for the formation of smithing slags // Materiały archeologiczne XXVI. Kraków, 1991. P. 23–28.
- Olovčić A., Memić M., Žero S., Huremović J., Kahrović E. Chemical Analysis of Iron Slags and Metallic Artefacts from Early Iron Age // International Research Journal of Pure & Applied Chemistry. 2014. № 4 (6). P. 859–870.
- Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR, 2000.
- Serneels V., Perret S. Quantification of smithing activities based on the investigation of slag and other material remains // Archaeometallurgy in Europe. Proceedings of the International Conference. Milano, 2003. Vol. 1. P. 469–478.
- Soullignac S., Serneels V. The reconstruction of smithing activities through an ethnoarchaeological and archaeometric approach of metallic wastes // Early iron in Europe (B. Cech and T. Rehrens.). Montagnac: Editions Monique Mergoïl, 2014. P. 277–284.
- Vodyasov E. The early iron metallurgy in the Siberian Arctic // Archeologické rozhledy. LXX. 2018. P. 335–347.
- Yahalom-Mack N., Gadot Y., Elyahu-Behar A., Bechar Sh., Shilstein S., Finkelstein I. Metalworking at Hazor: A long-term perspective // Oxford Journal of Archaeology. 2014. № 33(1). P. 19–45.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2019 г.

Shirin Yuriy V. and Asochakova Evgenia M.

THE MORPHOLOGY AND GEOCHEMISTRY OF BLACKSMITHING SLAG FROM MOUNTAIN SHORIA*

DOI: 10.17223/2312461X/28/8

Abstract. Over the past decades, extensive research has been done by archaeometallurgists on ancient technologies of iron metallurgy. The article shows how, drawing on this body of re-

search and data, it has become possible to reconsider the specific features of iron metallurgy of the whole region – Gornaya Shoria (Mountain Shoria, Russia). It is now known that metallurgical slag which was not paid much attention in the Russian scientific literature helps obtain invaluable information. The article presents an analysis of one of the types of metallurgical slag – blacksmithing slag – and points to how an erroneous perspective on this material has affected our understanding of the metallurgical tradition maintained by the Kuznetsk Tatars in the seventeenth to the eighteenth centuries. The article describes morphological characteristics of the blacksmithing slag collected on 19 archaeological sites in Gornaya Shoria. Results of geo-chemical analyses of these samples and interpretation of the data are provided, and a great potential revealed of an integrated study of this type of material. New reconstructions of the technologies studied are shown to be supported by the seventeenth to the eighteenth century written sources. Based on this, a new method for assessing the productivity of Kuznetsk Tatar iron-making workshops is proposed. Using a single coefficient to conduct such assessment on all of the sites in the region was deemed possible due to the results of the morphological and geo-chemical analyses of the local blacksmithing slag – the similarity of the analyzed samples of slag suggests that similar iron-making traditions existed throughout the region.

Keywords: Kuznetsk Tatars, Gornaya Shoria, slag, iron making, geo-chemical analyses

*The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

References

- Vodiasov E.V., Gusev A.V., Asochakova E.M. Ust'-Polui: drevneishie svidetel'stva chernoii metallurgii v Arktike [Ust'-Polui: The earliest evidence of iron metallurgy in the Arctic region], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 113–132.
- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Chto mozhnet rasskazat' arkheologu zheleznyi shlak [What can iron slag tell an archaeologist?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2017, no. 47, pp. 107–115.
- Georgi I.G. *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obriadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamiatnostei. Ch. 2: O narodakh tatarskogo pelmeni* [The description of all the peoples in the Russian state, of their everyday life rituals, beliefs, dwellings, clothing, and other features. Part 2: On the Tatar peoples]. St. Petersburg: Tip. K.V. Millera, 1776.
- Evreinov K.A. *Atlas po istorii metallurgii* [Atlas on the history of metallurgy]. Novokuznetsk Museum of Local Lore (NKM). KP № 1897.
- Ogurtsov A.Iu. Materialy voenno-inzhenernoi razvedki 1745–1746 gg. na Altae i v Saianakh kak istochnik po ekonomike korennykh narodov Iuzhnoi Sibiri [Military-engineering survey materials collected in the Altai and Sayan regions for the years 1745 and 1746 as a source on the indigenous economy of South Siberia]. In: *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquities]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 2008. Vol. 10, pp. 159–165.
- Sunchugashev Ia.I. *Drevniaia metallurgiiia Khakasii (epokha zheleza)* [The ancient metallurgy of Khakassia (Iron Age)]. Novosibirsk: «Nauka», 1979.
- RGADA – State Russian Archive of Ancient Acts. F. 214. Op. 1. Kn. 1137. Ll. 1–92ob. Iasachnaia kniga Kuznetska za 1697 g.
- Shirin Iu.V. Metallurgiiia kuznetskikh tatar v XVIII veke [The Kuznetsk Tatars' metallurgy in the 18th century]. In: *Voprosy arkheologii i istorii Iuzhnoi Sibiri* [Issues of the archaeology and history of South Siberia]. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, 1999, pp. 209–216.
- Shirin Iu.V. Metallurgicheskii kompleks kuznetskikh tatar na poselenii Sharton 1 [The Kuznetsk Tatars' bloomery complexes from the Sharton 1 site], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2019, no. 62, pp. 192–201.

- Anguilano L. Chemical and mineralogical analysis of slags from Lowpark, Appendix VIIIb. In: *Of Troughs and Tuyeres. The archaeology of the No.5 Charlestown Bypass*. NRA scheme monographs 6 – 2010. Eds. Gillespie and Kerrigan. pp. 24–37.
- Crew P., Maentwrog, Salter C.J. Currency bars with welded tips. In: *Bloomery ironmaking during 2000 years: Seminar in Budalen*. Vol. III. Trondheim: University of Trondheim, 1993, pp. 11–30.
- Dungworth D., Wilkes R. An investigation of hammer-scale. In: *Research Department Report*. Series no. 26, 2007.
- Gmelin J.G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733, bis 1743*. Bd. I. Göttingen: Verlegst Abram Vandenhoecks Seel., 1751.
- Martyushov R.A., Shirin Y.V. Difficulties in interpreting written and archaeological sources of information of ferrous metallurgy of the Kuznetsk Tatars, *Bylye Gody*, 2018, Vol. 49, Is. 3, pp. 915–930.
- McDonnell J.G. A model for the formation of smithing slags. In: *Materiály archeologiczne XXVI*. Kraków, 1991, pp. 23–28.
- Olovčić A., Memić M., Žero S., Huremović J., Kahrović E. Chemical analysis of iron slags and metallic artefacts from Early Iron Age, *International Research Journal of Pure & Applied Chemistry*, 2014, no. 4(6), pp. 859–870.
- Pleiner R. *Iron in archaeology: The European bloomery smelters*. Archeologický ústav AVČR, 2000.
- Serneels V., Perret S. Quantification of smithing activities based on the investigation of slag and other material remains, *Archaeometallurgy in Europe. Proceedings of the International Conference*. Milano, 2003, Vol. 1, pp. 469–478.
- Soullignac S., Serneels V. The reconstruction of smithing activities through an ethnoarchaeological and archaeometric approach of metallic wastes. In: *Early iron in Europe* (B. Cech and T. Rehreneds.). Montagnac: Editions Monique Mergoïl, 2014, pp. 277–284.
- Vodyasov E. The early iron metallurgy in the Siberian Arctic, *Archeologické rozhledy*, LXX, 2018, pp. 335–347.
- Yahalom-Mack N., Gadot Y., Eliyahu-Behar A., Bechar Sh., Shilstein S., Finkelstein I. Metalworking at Hazor: A long-term perspective, *Oxford Journal of Archaeology*, 2014, no. 33(1), pp. 19–45.

УДК 902/904+ 902.21+ 902.22+902.652
DOI: 10.17223/2312461X/28/9

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ ЮСТЫД*

Евгений Вячеславович Водясов,
Ольга Викторовна Зайцева

Аннотация. Статья посвящена древнейшим памятникам черной металлургии Горного Алтая. Публикуются новые радиоуглеродные даты из долины р. Юстыд, доказывающие существование железоплавильных технологий в I в. до н. э. – I в. н. э. Проведенные исследования позволили предположить синхронность крупных хуннских керамических и железоплавильных печей в долине р. Юстыд. Делается вывод о том, что генезис черной металлургии в Горном Алтае связан с расширением Хуннской державы, в результате чего юго-восточные районы Алтая были включены в центрально-азиатский ареал распространения хуннских металлургических традиций.

Ключевые слова: металлургия железа, эпоха раннего железа, Горный Алтай, хунну, хунно-сяньбийское время, радиоуглеродное датирование

Введение. Проблемы исследования памятников черной металлургии Горного Алтая

В настоящее время в науке господствует точка зрения о том, что открытие сыродутного способа получения железа связано с тысячелетними бронзолитейными традициями и произошло во многом случайно благодаря экспериментам древних мастеров с различными типами руд. Таким образом, открытие железоделательных технологий было возможно лишь там, где уже был накоплен большой опыт по добыче и переработке медных руд и где имелись железорудные месторождения (Pleiner 2000; Erb-Satullo 2019: 575). Трансферт технологии получения железа также происходил быстрее в те регионы, которые уже были хорошо знакомы с цветной металлургией. Исходя из этих представлений, богатый медными и железными рудами Горный Алтай гипотетически мог бы являться одним из ранних очагов черной металлургии. Однако проблема генезиса алтайской черной металлургии еще далека от своего решения, поскольку до сих пор в этой области имеется множество белых пятен и весьма спорных истин.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10076).

История железа в Горном Алтае начинается более 4 000 лет назад задолго до наступления собственно железного века. На нескольких памятниках афанасьевской культуры (Усть-Куюм, Кор-Кобы-1, Урускин Лог-1) были обнаружены уникальные предметы, сделанные из метеоритного железа (Хаврин 2008; Вадецкая, Поляков, Степанова 2014). Разумеется, ни о каком производстве железа из руд в эту эпоху речь не идет.

Начало широкого распространения железных изделий связано с пазырыкской культурой. Железные орудия труда, элементы сбруи и оружие начинают повсеместно встречаться в погребальных комплексах V–III вв. до н. э. (Грязнов 1950; Кирюшин, Степанова, Тишкин 2003: 70–78; Кубарев, Шульга 2007). Однако полного вытеснения бронзы в это время не произошло, поскольку бронзовые изделия всех указанных выше категорий продолжали существовать и никуда не исчезли. Несмотря на достаточно массовое распространение железных предметов в Горном Алтае в скифское время, сегодня нет никаких оснований объяснять появление железных изделий формированием здесь собственно металлургического очага, связанного с открытием и освоением местных железорудных источников и развитием местных железоплавильных технологий.

Как показывает современный анализ моделей распространения железных технологий, их невозможно уложить ни в какие универсальные линейные схемы из трех или четырех этапов, предлагаемых ранее (Childe 1944; Pleiner 2000; Erb-Satullo 2019). Импортные железные изделия, являясь предметом обмена, торговли, дани или военного грабежа, могли бытовать в культуре веками и не приводить к освоению железоделательных технологий. На территории Сибири существовали также коллективы, которые успешно осваивали кузнечные технологии, используя импортные крицы, но не переходили к собственной выплавке железа из местных руд (Водясов, Зайцева 2017; Vodyasov 2018).

Для доказательства появления железоделательного производства необходимо обнаружение его хорошо задокументированных и надежно датированных следов: наличие в культурных слоях плавильных и кузнечных шлаков, остатки плавильных горнов, а также свидетельства добычи и обработки местных железных руд.

Начало исследований памятников черной металлургии в Горном Алтае приходится на конец 1970-х гг. В ходе масштабных археологических разведок и раскопок, проведенных Н.М. Зиняковым в 1976–1980 гг., было открыто и обследовано около 30 памятников железоделательного производства (Зиняков 1977, 1978, 1988). В обобщающей монографии Н.М. Зиняковым (1988) опубликованы только железоплавильные печи кош-агачского типа, датированные им тюркским временем. Печи иных типов, обнаруженных Н.М. Зиняковым в 1977–1978 гг.

на памятниках Балыктуюль и Юстыд-2, никогда полноценно не публиковались. Не стала исключением и недавно вышедшая монография по черной металлургии Н.М. Зинякова (2019), где этим материалам опять не нашлось места.

Другая проблема связана с тем, что ни на одном из изученных алтайских памятников черной металлургии в XX в. не были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. При этом датировка объектов традиционными археологическими методами затруднена тем, что металлургические площадки вынесены за пределы поселений, и нахождение на них датированных предметов – огромная редкость.

Начало XXI в. ознаменовалось активным отбором проб для радиоуглеродного датирования как из отвалов старых раскопок 1970-х гг., так и из новых объектов, но без проведения раскопок (Гутак, Русанова 2013; Агатова и др. 2018; Мураками и др. 2019). В итоге сегодня сделано уже 40 радиоуглеродных дат с различных памятников черной металлургии Горного Алтая (26 радиометрических дат и 14 AMS-дат). Из этой общей серии 29 радиоуглеродных дат получено в ходе наших работ. В настоящей статье впервые публикуются семь дат, проливающих свет на хронологию разнотипных железоплавильных печей долины р. Юстыд.

В 2018 г., после 40-летнего перерыва были возобновлены раскопки памятников черной металлургии в Республике Алтай двумя группами ученых: в Улаганском районе на памятнике Балыктуюль и в Кош-Агачском районе на памятнике Куяхтанар (Богданов и др. 2018; Водясов, Зайцева, Константинов 2019). Итоги раскопок на Куяхтанаре уже опубликованы и позволили пересмотреть предложенную ранее датировку для печей кош-агачского типа и отнести время их появления к «предтюркской» эпохе (Vodyasov et al. 2020).

В 2019 г. нами были проведены обширные геоархеологические исследования памятников черной металлургии – металлургических площадок и древних рудных выработок в Кош-Агачском районе. Настоящая статья посвящена металлургическим печам долины р. Юстыд, где получены самые ранние даты по черной металлургии.

Горный Алтай долгое время оставался белым пятном на фоне открытий в Южной Сибири и Центральной Азии памятников черной металлургии рубежа эр. Именно в это время фиксируется появление железоделательных технологий в соседних регионах – Хакасии (Сунчугашев 1979; Амзараков 2014; Amzarakov 2015), Монголии (Sasada, Chunag 2014; Ishtseren 2015) и, вероятно, Туве (Сунчугашев 1969). По крайней мере, более ранних радиоуглеродных дат, доказывающих существование в Южной Сибири металлургии железа, пока не опубликовано и отмечается, что «остатки железоделательного производства сюннуского и сяньбийского периодов, т.е. II в. до н. э. – первой половины III в. н. э.

пока на Алтае не удалось идентифицировать. Хотя в сопредельных регионах сыродутные печи этой поры известны хорошо» (Мураками и др. 2019).

Правда, имеется лаконичная публикация предварительных результатов раскопок комплекса железоплавильных печей у с. Балыктуоль в Улаганском районе. В ней указана одна AMS-дата с учетом калибровки, укладываемая в интервал 395–425 гг. н. э., что совпадает с периодом существования местной булан-кобинской археологической культуры. Однако авторы сочли возможным предположить, «что наиболее древние печи у с. Балыктуоль по морфологическим характеристикам, вероятнее всего, относятся к позднему периоду пазырыкской культуры (приблизительно III – конец II в. до н. э.), другие (с установленными вертикально “дровами”) – к гуннскому времени (III–V в. н. э.), а третьи – к средневековой» (Богданов и др. 2018). Что это за морфологические характеристики железоплавильных печей, позволяющие отнести их к пазырыкскому времени, остается непонятным. Авторы не привели никаких аналогий выявленным ими на Балыктуоле «пазырыкским» печам. Типологии железоплавильных печей раннего железного века, подтвержденной серией радиоуглеродных дат для Горного Алтая, не существует, этого пока просто не позволяет сделать состояние источниковой базы. Остается надеяться на продолжение исследований на этом интереснейшем памятнике черной металлургии, а также на скорейшую публикацию итогов, верифицированных серией радиоуглеродных дат.

Методика датировки памятников черной металлургии Горного Алтая

Самым надежным методом датировки металлургической деятельности является радиоуглеродный анализ угля, находящегося внутри железного шлака. Такая методика более точна, чем датировка угля, обнаруженного в слое, так как уголь внутри шлака не перемещался, он был «законсервирован» и не подвергался загрязнению более молодым углеродом (Hendrickson, Hua, Pryce, 2013). Однако и в этой методике скрыта потенциальная серьезная проблема, связанная с эффектом «старого дерева».

Суть эффекта заключается в том, что сердцевина долгоживущего дерева может быть значительно *старше* его внешних колец. Это происходит в случае отмирания части сердцевины еще при жизни дерева. **Радиоуглеродный анализ в этом случае показывает не возраст археологического объекта или время рубки дерева, а дату смерти той части дерева, откуда был взят образец для датирования.** Это явление и носит название «эффект “старого дерева”» (Schiffer, 1986; Cook, Comstock 2014; Wright, 2017; Kim et al. 2019), который часто приводит к ложному удревнению археологического объекта. Иногда даты внут-

ренных колец алтайских лиственниц удревяняют памятник на 300–400 лет, что уже отмечалось в литературе, посвященной проблемам датирования черной металлургии Алтая (Агатова и др., 2018). Это необходимо учитывать при датировке как железного шлака в частности, так и любых других археологических объектов в целом.

Если не известна точная привязка образца угля к годичным кольцам дерева, то необходима серия радиоуглеродных дат из одного и того же археологического объекта. Наиболее поздняя из них будет ближе всего к истинному календарному возрасту датируемого объекта.

Минимизировать возможный эффект «старого дерева» можно также отбирая пробы из внешних колец дерева и используя для датировки молодые деревья и ветки. Именно такой методикой мы руководствовались при отборе проб и анализе полученной серии радиоуглеродных дат.

Комплекс железоплавильных печей на р. Юстыд (левый берег)

Самое крупное из известных в Горном Алтае скопление разнотипных железоплавильных печей находится именно в долине р. Юстыд. Возможно, насыщенность этого района памятниками черной металлургии объясняется близостью месторождения гематитовой руды «Рудный лог», находящегося в 22 км к юго-западу от памятника.

Ландшафтные особенности долины р. Юстыд предопределили хорошую сохранность и выраженность в современном рельефе свидетельств древней черной металлургии. Остатки печей фиксируются в форме западин различных форм и размеров. Иногда в рельефе также читаются предгорновые ямы. Практически у каждой печи фиксируется «шлаковый шлейф» – выгребные шлаки, находящиеся непосредственно на современной поверхности на склоне и у подножия террасы. Столь заметные следы древней металлургии всегда привлекали внимание местного населения, о чем красноречиво свидетельствует топонимика – расположенная рядом гора называется «Печи Чингисхана».

В.Д. Кубарев был первым археологом, отметившим наличие древних железоплавильных печей в долине р. Юстыд в 1976 г. (Кубарев 1988). Через два года Н.М. Зиняков провел раскопки печей (рис. 1), расположенных на левом берегу Юстыда в 8 км к северо-востоку от с. Ташанта (Зиняков 1978).

В 4 раскопах (Юстыд-2, -3, -4, -5) Н.М. Зиняковым было исследовано 7 сыродутных печей двух типов (Зиняков 1988: 31–49).

В 2019 г. мы детально обследовали этот участок левобережной террасы р. Юстыд и обнаружили еще 13 не известных ранее остатков металлургических объектов. На плане видно, что здесь существовали печи различных типов и размеров (рис. 2). Они были объединены в рамках одного объекта археологического наследия «Комплекс железоплавильных печей на р. Юстыд (левый берег)».

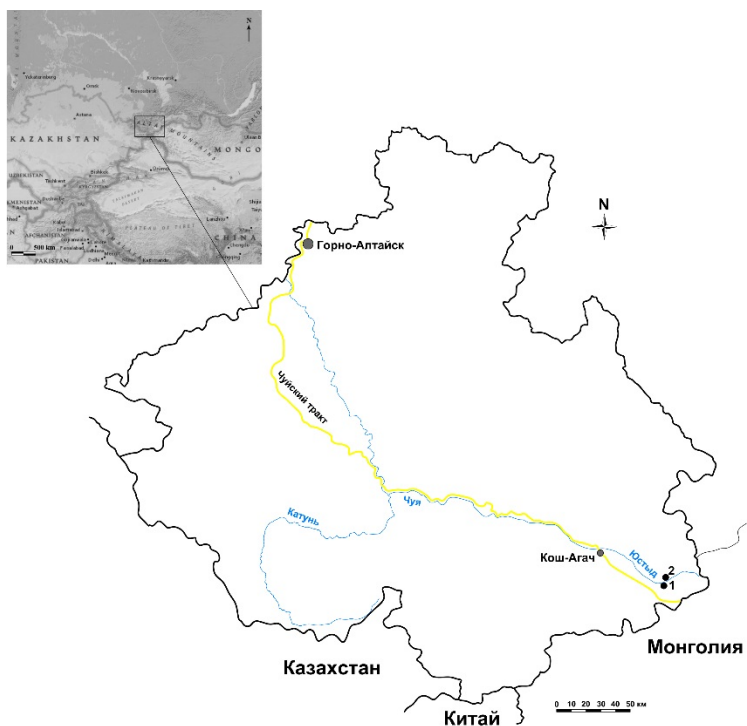

Рис. 1. Карта Республики Алтай с указанием памятников черной металлургии в долине р. Юстыд: 1 – комплекс железоплавильных печей на р. Юстыд (левый берег); 2 – комплекс железоплавильных печей на р. Юстыд (правый берег)

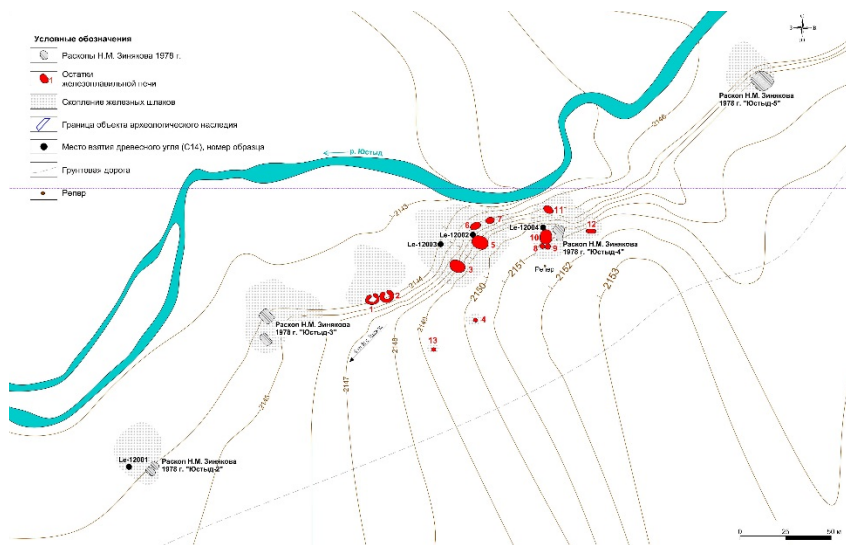

Рис. 2. Комплекс железоплавильных печей на р. Юстыд (левый берег).
Топографический план

Железоплавильные печи, отнесенные Н.М. Зиняковым к горнам кош-агачского типа, опубликованы в отдельной монографии (Зиняков 1988: 38–42). Печи этого типа на Юстыде сооружались в склоне террасы под небольшим углом для удобного выпуска жидкого шлака в большую яму, которая соединялась с плавильной камерой специальным каналом. Печи имели подпрямоугольную вытянутую форму. Верхняя часть возводилась из глиняных стен, подземная часть выкладывалась плитами и напоминала каменный ящик (рис. 3). Размеры плавильных камер составляли 110–130 см в длину, 50–70 см в ширину. Высота сохранившихся частей плавильных камер варьировалась от 135 до 180 см. По бокам печи имели от 11 до 12 отверстий на каждой глиняной стенке для воздуходувных устройств (Зиняков 1978).

В ходе раскопок печи на участке Юстыд-5 обнаружилась очень интересная деталь – на задней каменной стенке нанесены петроглифы, изображающие группу животных (рис. 3, 3, 4).

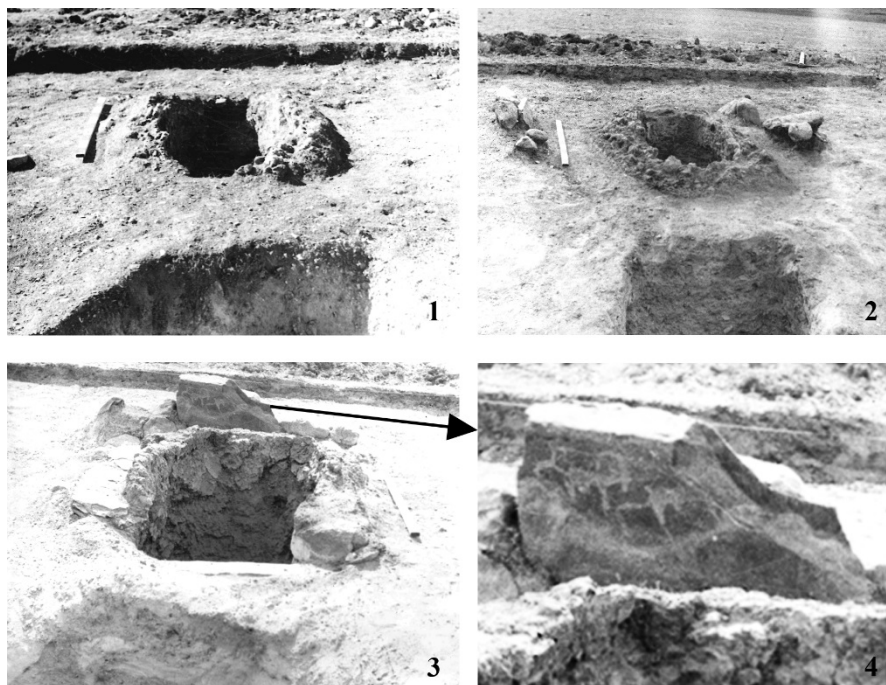

Рис. 3. Железоплавильные печи кош-агачского типа в долине р. Юстыд.
Раскопки 1978 г.: 1 – Юстыд-3; 2 – Юстыд-4; 3 – Юстыд-5;
4 – петроглифы на каменной плите (Юстыд-5) (по: Зиняков 1978)

Не меньший интерес представляют не введенные в научный оборот материалы раскопок участка Юстыд-2, где Н.М. Зиняковым исследованы 4 печи, отличные по конструкции от печей кош-агачского типа (Зи-

няков 1978). Пока они известны исключительно в долине р. Юстыд, поэтому предварительно их можно обозначить юстыдским типом (рис. 4).

Они имеют в плане полукруглую форму диаметром 60–65 см с загнутой С-видной задней стенкой. Глубина плавильной камеры варьируется в пределах 63–78 см. В ходе раскопок печи № 4 зафиксировано углубление длиной 90 см, служащее для установки воздуходувных мехов. Н.М. Зиняков в своем отчете предположил, что остальные печи также имели подобные углубления, проследить которые не удалось. Об их наличии свидетельствуют глиняные сопла, обнаруженные в каждой печи на глубине около 30 см как раз в том месте, где должно было располагаться воздуходувное устройство в специальном углублении, отделенном от плавильной камеры передней стенкой печи. По этим причинам на плане (рис. 4) мы изобразили примерные границы имевшихся, но не раскопанных углублений для печей № 1–3.

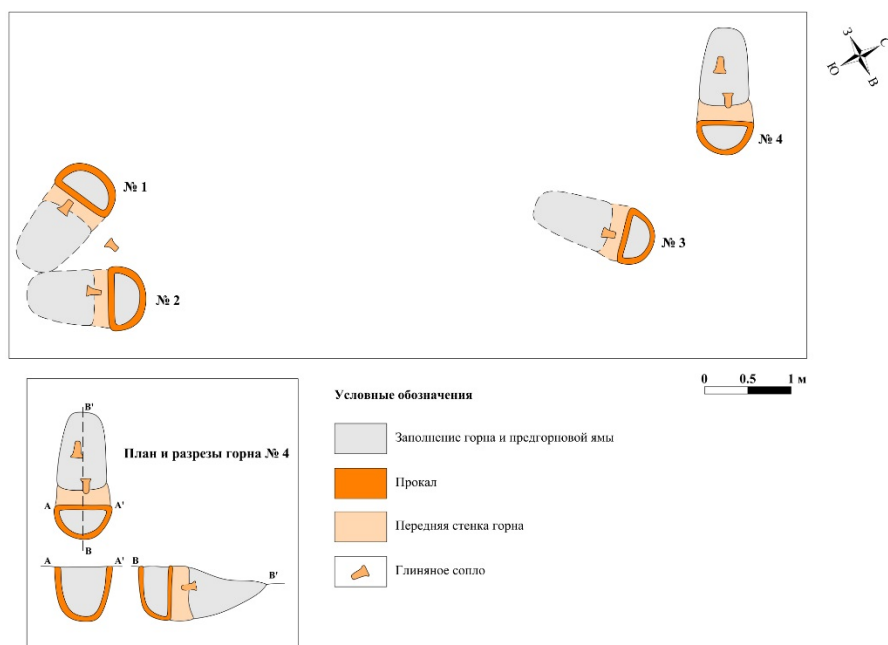

Рис. 4. Железоплавильные печи юстыдского типа в долине р. Юстыд (по: Зиняков 1978)

Диаметр воздуходувных каналов составляет 3–4,5 см. Максимальная длина фрагментов сохранившихся сопел – 11 см. Н.М. Зиняков указал в отчете, что в каждой печи находилось по одному соплу, однако на плане в заполнении углубления печи № 4 изображена пара сопел (Зиняков, 1978). Еще одно «второе» сопло найдено между печами № 1 и 2. Интересно и то, что все изображенные на планах сопла, зафиксирован-

ные *in situ*, смещены от центра передней стенки и не симметричны относительно ее середины. Такое расположение не обеспечивало бы равномерный прогрев внутри печи. Возможно, дутье осуществлялось в печах этого типа одновременно через два сопла.

Заполнение печей состояло из монолитных кусков шлака, в пустотах которых находились куски древесного угля (рис. 5). Судя по конструкции и наличию шлаковых блоков в плавильной камере, исследованные печи работали без шлаковывпуска и, вероятно, являлись одноразовыми.

Точные аналоги на сопредельных территориях печам юстыдского типа пока не найдены. Единственными похожими сооружениями являются близкие по размерам, но сильно отдаленные географически печи с такой же С-видной выгнутой задней стенкой из Шри-Ланки, датированные IV в. до н.э. – I в. н.э. (Juleff 2009: fig. 3).

Рис. 5. Расколотый шлаковый блок из печи юстыдского типа

Результаты радиоуглеродного датирования

Долгое время раскопанные печи на участке Юстыд-2 оставались не датированными. В 2019 г. мы обследовали скопление шлаков из раскопа Н.М. Зинякова 1978 г. В итоге нам удалось найти шлаковый блок с углями внутри, характерный по размерам и морфологии для печей данного типа (рис. 5). Мы отобрали образец молодого обугленного ствола (диаметром менее 5 см), чтобы минимизировать возможный эффект «старого дерева», рассмотренный выше.

В Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН для шлака (Le-12001) получена дата 1630 ± 50 ВР без поправки на изотопное фракционирование. С учетом калибровки дата укладывается в 354 AD – 534 AD для 68,2% вероятности (1σ).

В целях определения времени функционирования железоплавильных печей в центральной части памятника были отобраны еще три образца древесного угля по той же методике.

Все образцы шлаков приурочены к западинам, маркирующим металлургические объекты. Шлаки, как уже говорилось, рассыпаны «шлейфом» от западин, маркирующих печи, по склону и у подножия террасы прямо на современной дневной поверхности.

Рис. 6. Остатки археометаллургического объекта № 3

Шлак, из которого взят образец Le-12003, находился в 8 м от объекта № 3 ниже по склону среди других скоплений шлаков (рис. 6). Объект 3 представлял собой овальную западину размером $8,5 \times 6$ м и глубиной 0,55 м. Для шлака (образец Le-12003) получена дата 2230 ± 80 ВР. С учетом калибровки дата укладывается в 385 ВС – 204 ВС для 68,2% вероятности (1σ). Отметим, что сегодня это самая древняя дата для черной металлургии не только Горного Алтая, но и всей Южной Сибири. Подробнее вопросы хронологии будут рассмотрены в следующем разделе.

Вторая дата получена из шлака, обнаруженного *in situ* у нижнего края крупной западины (объект 5). Объект 5 находится в 10 м к северо-востоку от объекта 3 и по своим размерам и особенностям сооружения

в склоне террасы полностью повторяет очертания объекта 3 (рис. 7). Для шлака (образец Le-12002) из объекта 5 получена дата 1860 ± 125 ВР. С учетом калибровки дата укладывается в 20 AD – 329 AD для 68,2% вероятности (1σ).

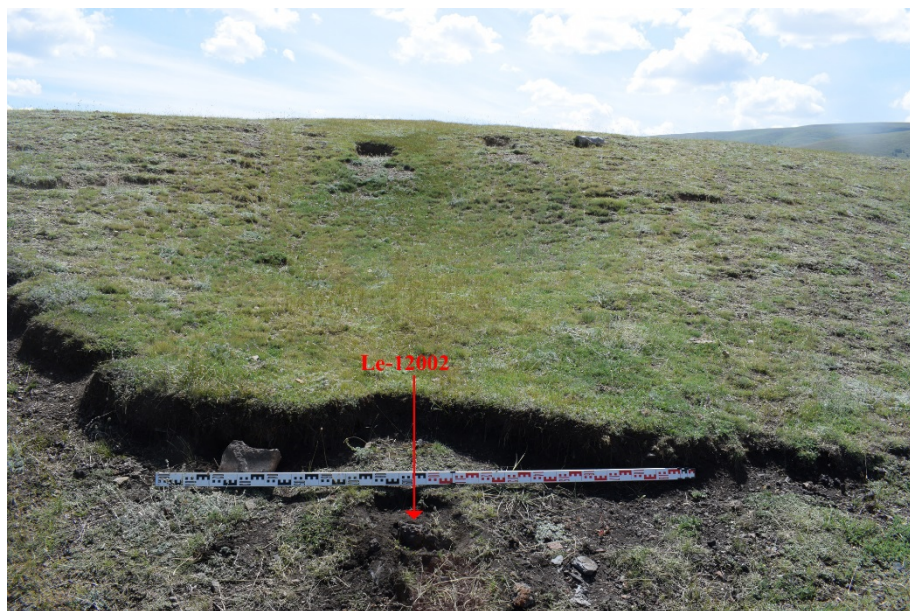

Рис. 7. Остатки археометаллургического объекта № 5 и контекст взятия пробы Le-12002

Образец Le-12004 происходит из шлака, находящегося *in situ* у нижнего края крупной западины (объект 10), вкопанной в склон берега. Размер ямы $7 \times 6,5$ м, глубина 0,5 м. Сверху на краю террасы расположены еще две округлые западины (объекты 8–9) диаметром около 2 м, симметрично примыкающие к объекту 10 с южной стороны (рис. 8). Возможно, объекты 8–10 являются остатками единого производственного сооружения. Вокруг найдены многочисленные шлаки и фрагменты колотой гематитовой руды.

Для шлака (образец Le-12004) из объекта 10 получена дата 1910 ± 110 ВР. С учетом калибровки дата укладывается в 38 BC – 234 AD для 68,2% вероятности (1σ).

Добавим здесь, что еще две AMS-даты с этого памятника опубликованы нашими коллегами в 2019 г. К сожалению, точный контекст и местонахождение образцов в статье не указаны, однако важно, что авторы использовали ту же методику отбора образцов для радиоуглеродного анализа с таким расчетом, чтобы быть уверенными в их принадлежности к конкретному процессу выплавки: отбирались куски шлака с

включениями угля (Мураками и др. 2019). Для первого образца (IAAA–171074) получена дата 1510 ± 20 BP. С учетом калибровки дата укладывается в 542 AD – 585 AD для 68,2% вероятности (1σ). Для второго образца (IAAA–171075) получена дата 1540 ± 20 BP. С учетом калибровки дата укладывается в 433 AD – 559 AD для 68,2% вероятности (1σ).

Рис. 8. Остатки археометаллургических объектов № 8–10

Несмотря на то что большинство объектов не раскопано, уже сейчас можно говорить о существовании железоплавильных печей в долине р. Юстыд в эпоху раннего железа и раннего средневековья.

Комплекс железоплавильных печей на р. Юстыд (правый берег)

Памятник расположен на правом берегу р. Юстыд, в 3 км к северо-востоку от рассмотренного выше комплекса. Свидетельства древней металлургии приурочены к западному и восточному берегу небольшого пересохшего озера, где встречаются шлаки и остатки наземных конструкций (Мураками и др. 2019). Данное место интересно тем, что на этом же берегу озера В.Д. Кубаревым в 1979 г. были раскопаны крупные хуннские гончарные печи (Кубарев 1980). Это единственные исследованные гончарные печи во всей Южной Сибири. При раскопках обнаружено более 5 000 фрагментов керамических сосудов различных типов, уверенно соотносимых авторами с хуннскими керамическими традициями и датируемых II в. до н. э. – I в. н. э. (Кубарев, Журавлева 1986).

В ходе обследования этого озера в 2019 г. нами найдены остатки хорошо сохранившейся железоплавильной печи, построенной в склоне берега всего в 70 м от хуннских гончарных печей. На поверхности зафиксированы выступающие глиняные стенки печи, ошлакованные с внутренней стороны. Ширина плавильной камеры составляет 50 см. По ее размерам, а также наличию глиняных стен и сооружению печи в склоне она хорошо соотносится с печами кош-агачского типа, исследованными на противоположном берегу р. Юстыд. Хотя этот вывод, естественно, предварительный, так как печь не раскопана.

Рядом с выявленной печью были отобраны два железных шлака горнового типа, внутри которых взят уголь для AMS-датирования. Анализ проводился в AMS-Лаборатории Национального Тайваньского университета.

Для первого шлака (образец NTUAMS-5804-1) получена AMS-дата 1792 ± 61 BP. С учетом калибровки дата укладывается в 136 AD – 325 AD для 68,2% вероятности (1σ). Для второго шлака (образец NTUAMS-5805-1) получена AMS-дата 1731 ± 59 BP. С учетом калибровки дата укладывается в 246 AD – 382 AD для 68,2% вероятности (1σ). Как видно, полученные даты из разных шлаков весьма близки и сходятся в пределах II–IV вв. н.э.

Алтай в системе железоплавильных технологий Центральной Азии на рубеже эр

Сегодня мы можем говорить о бытовании как минимум двух типов железоплавильных печей в долине р. Юстыд. Первый, самый распространенный в Горном Алтае, представлен печами кош-агачского типа. Второй тип (юстыдский) объединяет полукруглые в плане печи с изогнутой задней стенкой «С-видной» формы. Судя по радиоуглеродным анализам, два этих типа могли сосуществовать на Юстыде в пределах IV–VI вв.

Визуальный анализ сохранившихся металлургических объектов на левом берегу Юстыда, конечно, позволяет предполагать еще большее разнообразие типов печей в этой долине. Однако точные выводы могут быть получены только после проведения масштабных раскопок.

Отдельный вопрос вызывает хронологическая атрибуция обнаруженных комплексов. Как видно из приведенных выше результатов радиоуглеродного анализа, комплекс железоплавильных печей на левом берегу р. Юстыд в целом укладывается в очень широкие рамки IV в. до н. э. – VI в. н. э. (рис. 9).

Принимая во внимание эффект «старого дерева», который иногда дает погрешность для алтайских лиственниц в 300–400 лет (Агатова и др. 2018), мы не можем исключать, что самая ранняя дата для черной

металлургии Алтая (Le-12003), укладываемая в IV–III вв. до н. э., является следствием этого эффекта. К сожалению, мы не знаем возраста сгоревшего дерева, из которого получена дата. Мы также не знаем, «сработал» ли вообще эффект «старого дерева» в этом конкретном случае. Таким образом, указанный промежуток времени следует рассматривать как нижнюю хронологическую границу. Несмотря на это, даже если теоретически предположить наличие возможной погрешности в 300–400 лет, тогда мы получим календарный возраст в пределах I в. до н. э. – I в. н. э. Такая интерпретация все равно дает нам самую древнюю дату для черной металлургии всего Алтая.

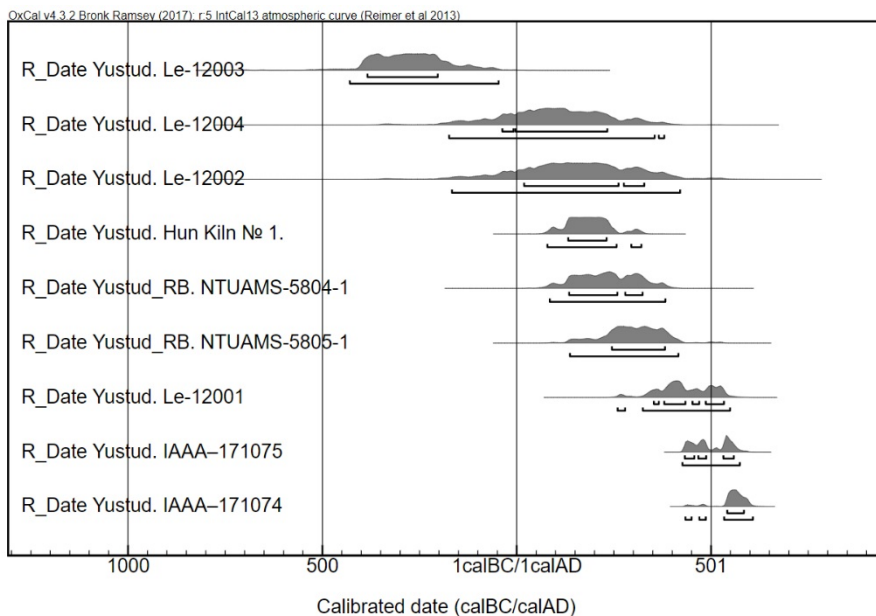

Рис. 9. Результаты радиоуглеродного датирования железоплавильных печей и хуннской гончарной печи № 1 в долине р. Юстыд

Наличие эффекта «старого дерева» косвенно подтверждается двумя радиоуглеродными анализами из других однотипных расположенных рядом объектов, даты которых лежат в пределах I–IV вв. н. э. и I в. до н. э. – III в. н. э. соответственно (рис. 9). Таким образом, наиболее вероятное время возникновения черной металлургии в долине Юстыда следует определить в промежутке I в. до н. э. – I в. н. э. С другой стороны, все же нельзя полностью исключать и то, что ранняя дата (IV–III вв. до н. э.) для одного из исследованных шлаков может являться истинной. Если новые полевые исследования подтвердят такую датировку, то выявленную железоплавильную печь можно будет назвать древнейшей не только на Алтае, но и во всей Западной и Южной Сибири.

Отдельное внимание заслуживает датировка железоплавильной печи на правом берегу р. Юстыд, сооруженной рядом с хуннскими керамическими печами. Нами получены две очень близкие друг к другу AMS-даты (рис. 9), что позволяет предполагать отсутствие сильного эффекта «старого дерева» и датировать еще не раскопанную печь в пределах II–IV вв. Если мы правы, говоря о ее принадлежности к кош-агачскому типу, то эта коробчатая печь является самой древней среди всех известных в Горном Алтае.

Работая с архивными отчетами по раскопкам хуннских печей на правом берегу р. Юстыд, мы не могли не задаться вопросом о возможной связи керамического и железоплавильного комплексов на правом берегу Юстыда. Печи расположены настолько «подозрительно» компактно и имеют настолько похожий принцип строения (в склоне под углом) и близкие размеры подземных камер (рис. 10), что все это давало большой соблазн назвать древнейшие металлургические печи кош-агачского типа хуннскими.

Рис. 10. Процесс исследования хуннской керамической печи в раскопе 2. Раскопки 1979 г. (по: Кубарев 1980)

Неоценимой помощью в вопросе о связи хуннской керамики и металлургии железа на Юстыде стала публикация в 1986 г. радиоуглеродной даты из хуннской гончарной печи № 1 – $1\ 830 \pm 40$ BP (Кубарев, Журавлева 1986). Авторы предложили датировать печь 112 г. н. э. То есть они отсчитали от 1950 г. 1830 лет и получили абсолютную дату. Однако, как мы видим, дата не откалибрована. В этой связи мы провели ее калибровку в программе OxCal 4.3 с использованием калибровочной кривой IntCal 13 (Reimer et al. 2013) и получили для хуннской керамической печи № 1 интервал 133 AD – 232 AD для 68,2% вероятности (1σ). Все три даты (две даты для металлургической печи и одна дата для керамической печи) для этого, возможно, единого производственного комплекса хорошо коррелируются в промежутке II–III вв. н. э. (см. рис. 9), что доказывает сосуществование плавильных и гончарных печей.

Связь ранней металлургии железа с традициями хунну в Южной Сибири и Монголии подтверждается не только сериями радиоуглеродных дат, опубликованных в последнее время (Амзараков 2014; Amzarakov 2015; Ishtseren 2015), но и данными металлографических анализов. В.И. Завьялов и Н.Н. Терехова делают важный вывод о том, что индустрия железа появляется в Минусинской котловине уже в сложившемся виде и связана с экспансией хунну. В качестве источника инновационного технологического импульса авторы обращаются к территории Восточного Туркестана (Синьцзян), откуда на рубеже III–II вв. до н. э. китайцам удалось вытеснить хуннов (Завьялов, Терехова 2017). Это предположение подкрепляется многочисленными китайскими источниками о развитой металлургии хунну, контролировавших в свое время Синьцзян (Wensuo 2016). Д.Г. Савинов в качестве важнейших культурных инноваций для Центральной Азии рубежа эр называет изобретение и распространение железоделательных традиций, носителями которых являлись именно хунну (Савинов 2009: 70–71).

Появление хунну в различных регионах Южной Сибири и Монголии в I в. до н. э. – I в. н. э. четко совпадает с возникновением там же древнейших памятников железоделательного производства и массового распространения железной продукции. Таким образом, археологические материалы из долины р. Юстыд подтверждают высказанные ранее гипотезы о роли хунну в сложении высокотехнологичных производственных комплексов Южной Сибири.

Заключение

Проведенные исследования доказали существование в Горном Алтае черной металлургии в хунно-сяньбийское время. Учитывая богатейшие железорудные запасы Алтая, открытие здесь ранних памятников железоделательного производства было ожидаемым, а тот факт, что архео-

логам не удавалось их обнаружить ранее, являлось следствием слабой изученности.

Археологические материалы и радиоуглеродные даты из долины Юстыда дают весомые основания полагать, что юго-восточные районы Алтая были включены в центрально-азиатский ареал распространения и развития хуннских металлургических технологий. Можно согласиться с выводом о том, что в I в. до н. э. хунну сумели наладить полноценное железоплавильное производство на всей территории империи, и это производство продолжало существовать на протяжении 200 лет, а может быть, и дольше (Ishtseren 2015: 110).

При этом, если в соседней Монголии с хуннскими традициями ученые связывают определенные типы печей (Ishtseren 2015), то в Горном Алтае такие печи пока не раскопаны, и все наши доказательства о существовании здесь металлургии на рубеже эр построены только на серии радиоуглеродных дат из железных шлаков, лежащих рядом с разнотипными объектами. Как отмечалось выше, несмотря на малую вероятность, одна «выпавшая» радиоуглеродная дата, указывающая на пазырыкское время (IV–III вв. до н. э.), все-таки может быть не связана с эффектом «старого дерева» и показывать верный календарный возраст. В любом случае железоплавильные печи в долине Юстыда являются опорными и ключевыми памятниками для изучения генезиса черной металлургии в Южной Сибири.

Вопрос о происхождении крупных прямоугольных печей кош-агачского типа до сих пор не решен, так как аналогов им в металлургических памятниках Евразии первой половины – середины I тыс. н. э. так и не найдено (Vodyasov et al 2020). Однако не исключено, что прототипом крупных прямоугольных сооружений кош-агачского типа могли служить похожие по форме хуннские гончарные печи. О возможной связи больших железоплавильных печей с древними керамическими печами Западной Европы высказывался в свое время Радомир Плейнер (Pleiner 2000: 170). Вероятно, нечто подобное имело место быть и в долине р. Юстыд. Именно здесь мы археологически фиксируем материальное воплощение уникальной инженерной идеи о создании крупных теплотехнических сооружений прямоугольной формы, что нашло отражение как в железоделательном, так и керамическом производствах.

Сосуществование в Южной Сибири разительно отличающихся друг от друга железоплавильных технологий в самом начале I тыс. н. э. не случайно и вызвано сложными переплетениями различных металлургических традиций на заре Великого переселения народов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Сергею Арцемовичу и Андрею Пушкареву за помощь в работе с археологическими отчетами в архиве ИА РАН (Москва).

Авторы также выражают отдельную благодарность Альбине Тобковне Бойдоевой за радушное гостеприимство, проявленное к нам в ходе экспедиции в долине р. Юстыд.

Литература

- Агатова А.Р., Ненон Р.К., Слюсаренко И.Ю., Панов В.С. Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 90–99.
- Амзараков П.Б. Раскопки древнего металлургического комплекса таштыкского времени в районе села Трошкино Ширинского района Республики Хакасия // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2014. С. 26–38.
- Богданов Е.С., Мураками Я., Соловьев А.И., Гришин А.Е., Соловьева Е.А., Гнездилова И.С. Исследование сыродутных печей около села Балыктуюль (Республика Алтай) в 2018 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 224–228.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры / под ред. В.И. Молодина. Барнаул: АЗБУКА, 2014.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тернистый путь черной металлургии в таежном Обь-Иртыше // Stratum Plus. 2017. № 6. С. 237–250.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В., Константинов Н.А. Феномен железоплавильных печей кош-агачского типа в Горном Алтае // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: материалы IV междунар. конгр. средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 130–132.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950.
- Гутак Я.М., Русанов Г.Г. О возрасте железоплавильных печей урочища Куяхтанар (Горный Алтай) // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2013. № 2(4). С. 18–20.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Железо в культуре ранних кочевников (технологический аспект) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра ист. наук, проф. П.Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.) / отв. ред. акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 135–139.
- Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988.
- Зиняков Н.М. Отчет о разведках и раскопках в Горном Алтае в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6741.
- Зиняков Н.М. Отчет о разведках и раскопках в Горном Алтае в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 7302.
- Зиняков Н.М. Черная металлургия и металлообработка Западной Сибири эпохи раннего железного века и средневековья. Кемерово: КРИПО, 2019.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Кубарев В.Д. Научный отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1979 году // Архив СОАН СССР. Институт истории, филологии и философии. № Р-1 7444. Новосибирск, 1980.

- Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1988. С. 107–145.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101–119.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007.
- Мураками Я., Соенов В.И., Трифанова С.В., Эбель А.В., Богданов Е.С., Соловьев А.И. Изучение памятников черной металлургии на Алтае в 2017 году // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 167–174.
- Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну. СПб.: ИИМК РАН, 2009.
- Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука, 1969.
- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск: Наука, 1979.
- Хаврин С.В. Древнейший металл Саяно-Алтая (энеолит – ранняя бронза) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-2 (60). С. 210–216.
- Amzarakov P.V. Preliminary results of research of iron metallurgy site “Tolcheya” of the Tashtyk period // Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia / ed. by Ya. Murakami, Yu. Esin. Abakan; Ehime: Ehime University Press, 2015. Vol. 1. P. 95–106.
- Childe V.G. The story of tools. London: Cobbett Publishing, 1944.
- Cook R.A., Comstock A.R. Evaluating the old wood problem in a temperate climate: a fort ancient case study // American Antiquity. 2014. Vol. 79. P. 763–775.
- Erb-Satullo N.L. The Innovation and Adoption of Iron in the Ancient Near East // Journal of Archaeological Research. 2019. № 27. P. 557–607.
- Hendrickson M., Hua Q., Pryce T.O. Using in-slag charcoal as an indicator of ‘terminal’ iron production within the Angkorian Period (10th–13th centuries AD) center of Preah Khan of Kompong Svay, Cambodia // Radiocarbon. 2013. Vol. 55 (1). P. 31–47.
- Ishteren L. Xiongnu iron production sites in Mongolia // Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia / ed. by Ya. Murakami and Yu. Esin. Abakan; Ehime: Ehime University Press, 2015. Vol. 1. P. 107–116.
- Juleff G. Technology and evolution: a root and branch view of Asian iron from first-millennium BC Sri Lanka to Japanese steel // World Archaeology. 2009. Vol. 41 (4). P. 557–577.
- Kim J., Wright D.K., Hwang J., Kim J., Oh Y. The old wood effect revisited: a comparison of radiocarbon dates of wood charcoal and short-lived taxa from Korea // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11 (7). P. 3435–3448.
- Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR, 2000.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Krome, B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55 (4). P. 1869–1887.
- Sasada T., Chunag A. Iron Smelting in the Nomadic Empire of Xiongnu in Ancient Mongolia // ISIJ International. 2014. Vol. 54, № 5. P. 1017–1023.
- Schiffer M.B. Radiocarbon dating and the old wood problem: The case of the Hohokam chronology // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13 (1). P. 13–30.
- Vodyasov E.V. Ethnoarchaeological research on Indigenous iron smelting in Siberia // Sibirskie istoricheskie issledovaniia. 2018. № 2. P. 164–180.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 31. 102383.

- Wensuo L. On iron metallurgy and related questions in ancient Xinjiang during the Xiongnu and Turks Periods // *Historical Ethnology*. 2016. № 1 (1). P. 219–235.
- Wright D.K. Accuracy vs. Precision: Understanding Potential Errors from Radiocarbon Dating on African Landscapes // *African Archaeological Review*. 2017. Vol. 34 (3). P. 303–319.

Статья поступила в редакцию 08 июня 2020 г.

Vodyasov Evgeny V. and Zaitceva Olga V.

THE EARLIEST IRON SMELTING SITES IN THE ALTAI REPUBLIC: NEW DATA FROM THE YUSTYD RIVER VALLEY*

DOI: 10.17223/2312461X/28/9

Abstract. The article presents new data on the earliest black metallurgy sites in the region of Gornyy Altai, and specifically, new radiocarbon dates obtained from archaeological samples collected in the Yustyd River valley. These dates prove that iron smelting existed as early as in the first century BC to the first century AD. The research results suggest that large Xiongnu ceramic furnaces and iron smelting furnaces coexisted in the Yustyd River valley and allow concluding that the genesis of black metallurgy in Gornyy Altai was associated with the expansion of the Xiongnu Empire, as a result of which south-eastern parts of Altai were incorporated into the Central Asian area already under the influence of Xiongnu metallurgy traditions.

Keywords: black metallurgy, Early Iron Age, Gornyy Altai, Xiongnu, Xiongnu-Xianbei era, radiocarbon dating

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), project No. 18-78-10076.

References

- Agatova A.R., Nepop R.K., Sliusarenko I.Iu., Panov V.S. Novye dannye kompleksnykh issledovaniy pamiatnikov zhelezoplavil'nogo proizvodstva v dolinakh rek Kuektanar i Tiurgun (Iugo-Vostochnyi Altai) [New data on iron-smelting sites in the Kuektanar and Turgun Valleys, Southeastern Altai], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2018, Vol. 46, no. 2, pp. 90–99.
- Amzarakov P.B. Raskopki drevnego metallurgicheskogo kompleksa tashtykskogo vremeni v raione sela Troshkino Shirinskogo raiona Respubliki Khakassiya [Excavating the ancient metallurgical complex of the Tashtyk period near the village of Troshkino, Shirinskiy area, Republic of Khakassia]. In: *Narody i kul'tury Iuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii (24–26 sentyabrya 2014 g.)* [The peoples and cultures of South Siberia and adjacent territories: Proceedings of the International research conference dedicated to the 70th Anniversary of Khakassia Research Institute of Language, Literature and History (24 to 26 September 2014)]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014, pp. 26-38.
- Bogdanov E.S., Murakami Ia., Solov'ev A.I., Grishin A.E., Solov'eva E.A., Gnezdilova I.S. Issledovanie syrodutnykh pechei okolo sela Balyktuiul' (Respublika Altai) v 2018 g. [Research on of the furnaces near Balyktuyul village (Republic of Altai) in 2018]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, 2018, Vol. 24, pp. 224-228.
- Vadetskaia E.B., Poliakov A.V., Stepanova N.F. *Svod pamiatnikov afanas'evskoi kul'tury: monografiya* [Monuments of the Afanasevo culture: A monograph]. Ed. by V.I. Molodin. Barnaul: AZBUKA, 2014.

- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Ternisty put' chernoi metallurgii v taezhnom Ob-Irtysh'e [The treacherous path of ironmaking in the taiga zone of the Ob-Irtysh river region], *Stratum Plus*, 2017, no. 6, pp. 237-250.
- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V., Konstantinov N.A. Fenomen zhelezoplavil'nykh pechei kosh-agachskogo tipa v Gornom Altae [The phenomenon of iron-smelting furnaces of the Kosh-Agach type in Gornyy Altai]. In: *Kochevye imperii Evrazii v svete arkhelogicheskikh i mezhdistsiplinarykh issledovaniy*. IV mezhdunarodnyi kongress srednevekovoi arkhelogii evraziiskikh stepei, posviashchennyi 100-letiiu rossiiskoi akademicheskoi arkhelogii [The nomad empires of Eurasia in light of archaeological and interdisciplinary research]. Eds. B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2019, pp. 130-132.
- Griaznov M.P. *Pervyi Pazyrykskii kurgan* [The first Pazyryk burial mound]. Leningrad: Gos. Ermitazh, 1950.
- Gutak Ia.M., Rusanov G.G. O vozraste zhelezoplavil'nykh pechei urochishcha Kuiakhtanar (Gornyy Altai) [On the age of iron-smelting furnaces at the Kuyahtanar site (Gornyy Altai)], *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta*, 2013, no. 2(4), pp. 18-20.
- Zav'ialov V.I., Terekhova N.N. Zhelezo v kul'ture rannikh kochevnikov (tekhnologicheskii aspekt) [Iron in the culture of early nomads: A technological aspect]. In: *Aktual'nye voprosy arkhelogii i etnologii Tsentral'noi Azii*: mat-ly II mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 80-letiiu d.i.n., prof. P.B. Konovalova (g. Ulan-Ude, 4-6 dekabريا 2017 g.) [Topical issues in the archaeology and ethnology of Central Asia: Proceedings of the 2nd International research conference dedicated to the 80th Anniversary of Professor P.B. Konovalov (Ulan-Ude, 4 to 6 December 2017)]. Eds. B.V. Bazarov, N.N. Kradin. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2017, pp. 135-139.
- Ziniakov N.M. *Istoriia chernoi metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaia* [The history of black metallurgy and blacksmithing in ancient Altai]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988.
- Ziniakov N.M. *Otchet o razvedkakh i raskopkakh v Gornom Altae v 1977 g.* [Report on archaeological surveys and excavations in Gornyy Altai in 1977]. Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. 1977. R-1. № 6741.
- Ziniakov N.M. *Otchet o razvedkakh i raskopkakh v Gornom Altae v 1978 g.* [Report on archaeological surveys and excavations in Gornyy Altai in 1978]. Archive of the Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. 1978. R-1. № 7302.
- Ziniakov N.M. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka Zapadnoi Sibiri epokhi rannego zheznogo veka i srednevekov'ia: monografiia* [Black metallurgy and processing of metals in Western Siberia in the Early Iron Age and Middle Ages: A monograph]. Kemerovo: GBU DPO «KRIRPO», 2019.
- Kiriushin Iu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury* [Gornyy Altai in the Scythian period. Part 2: Burial-memorial complexes of the Pazyryk culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003.
- Kubarev V.D. *Nauchnyi otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniyakh v gorno-altaiskoi avtonomnoi oblasti v 1979 godu* [Research report on the archaeological studies of the autonomous region of Gornyy Altai in 1979]. Novosibirsk, 1980. Archive of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Institute of History, Philology and Philosophy. № R-1 7444.
- Kubarev V.D. Arkheologicheskie pamiatniki istokov Chui [Archaeological monuments in the headwater area of the river Chuya]. In: *Problemy izucheniia drevnei kul'tury naseleniia Gornogo Altaia* [Issues in the research on the ancient culture of the population of Gornyy Altai]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskii nauchno-issledovatel'skii institut istorii, iazyka i literatury, 1988, pp. 107-145.

- Kubarev V.D., Zhuravleva A.D. Keramicheskoe proizvodstvo khunnov Altaia [Ceramic production as practiced by the Xiongnu of Altai]. In: *Paleoekonomika Sibiri* [The paleo-economy of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 101-119.
- Kubarev V.D., Shul'ga P.I. *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture: Burial mounds of Chuya and Ursul]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007.
- Murakami Ya., Soenov V.I., Trifanova S.V., Ebel A.V., Bogdanov E.S., Solovyev A.I. Izuchenie pamiatnikov chernoii metallurgii na Altae v 2017 godu [The exploration of the ferrous metallurgy sites in Altai in 2017], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2019, no. 60, pp. 167–174.
- Savinov D.G. *Minusinskaia provintsiiia khunnu* [The Xiongnu' s Minusinsk province]. St. Petersburg: IIMK RAN, 2009.
- Sunchugashev Ia.I. *Gornoe delo i vyplavka metallov v drevnei Tuve* [Mining and smelting in ancient Tuva]. Moscow: Nauka, 1969.
- Sunchugashev Ia.I. *Drevniaia metallurgiiia Khakasii (epokha zheleza)* [The ancient metallurgy of Khakassia (Iron Age)]. Novosibirsk: «Nauka», 1979.
- Khavrin S.V. Drevneishii metall Saiano-Altaia (eneolit – ranniaia bronza) [The earliest metal in the Sayan-Altai region (Eneolith - Early Bronze Age)], *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4-2 (60), pp. 210-216.
- Amzarakov P.B. Preliminary results of research on the iron metallurgy site “Tolcheya” of the Tashtyk period. In: *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. Vol. 1. Ed. by Ya. Murakami and Yu. Esin. Abakan – Ehime: Ehime University Press, 2015, pp. 95-106.
- Childe V.G. *The story of tools*. London: Cobbett Publishing, 1944.
- Cook R.A., Comstock A.R. Evaluating the old wood problem in a temperate climate: a fort ancient case study, *American Antiquity*, 2014, Vol. 79, pp. 763–775.
- Erb□Satullo N.L. The Innovation and Adoption of Iron in the Ancient Near East, *Journal of Archaeological Research*, 2019, no. 27, pp. 557–607.
- Hendrickson M., Hua Q., Pryce T.O. Using in-slag charcoal as an indicator of ‘terminal’ iron production within the Angkorian Period (10th–13th centuries AD) center of Preah Khan of Kompong Svay, Cambodia, *Radiocarbon*, 2013, Vol. 55 (1), pp. 31–47.
- Ishseren L. Xiongnu iron production sites in Mongolia. In: *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. Vol. 1. Ed. by Ya. Murakami and Yu. Esin. Abakan – Ehime: Ehime University Press, 2015, pp. 107-116.
- Juleff G. Technology and evolution: a root and branch view of Asian iron from first-millennium BC Sri Lanka to Japanese steel, *World Archaeology*, 2009, Vol. 41 (4), pp. 557-577.
- Kim J., Wright D.K., Hwang J., Kim J., Oh Y. The old wood effect revisited: a comparison of radiocarbon dates of wood charcoal and short-lived taxa from Korea, *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2019, Vol. 11 (7), pp. 3435–3448.
- Pleiner R. *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*. Archeologický ústav AVČR, 2000.
- Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk, Ramsey C., Buck, C.E., Cheng, H., Edwards, R.L., Friedrich, M., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hafliadason, H., Hajdas, I., Hatté, C., Heaton, T.J., Hoffmann, D.L., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., Manning, S.W., Niu, M., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Staff R.A., Turney, C.S.M., van der Plicht, J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0-50,000 years cal BP, *Radiocarbon*, 2013, Vol. 55 (4), pp. 1869–1887.
- Sasada T., Chunag A. Iron Smelting in the Nomadic Empire of Xiongnu in Ancient Mongolia, *ISIJ International*, 2014, Vol. 54, no. 5, pp. 1017–1023.
- Schiffer M.B. Radiocarbon dating and the old wood problem: The case of the Hohokam chronology, *Journal of Archaeological Science*, 1986, Vol. 13 (1), pp. 13–30.
- Vodyasov E.V. Ethnoarchaeological research on Indigenous iron smelting in Siberia, *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, no. 2, pp. 164-180.

-
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia, *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2020, Vol. 31, Art. no. 102383.
- Wensuo L. On iron metallurgy and related questions in ancient Xinjiang during the Xiong-nu and Turks Periods, *Historical Ethnology*, 2016, no. 1 (1), pp. 219-235.
- Wright D.K. Accuracy vs. Precision: Understanding Potential Errors from Radiocarbon Dating on African Landscapes, *African Archaeological Review*, 2017, Vol. 34 (3), pp. 303-319.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/28/10

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕРЕБРЯНЫХ АНТИЧНЫХ МОНЕТ МЕТОДАМИ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА И ИЗОТОПНОГО СОСТАВА СВИНЦА (ФОНДЫ АНАПСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)*

Ирина Анатольевна Сапрыкина,
Андрей Владимирович Чугаев,
Михаил Григорьевич Абрамзон,
Андрей Михайлович Новичихин,
Татьяна Николаевна Смекалова

Аннотация. Представлены результаты исследования химического состава серебра монет античной и римской эпох, найденных на территории античного города Горгиппии и в округе современного г. Анапы, а также результаты исследования изотопного состава Pb. Выборка из 23 серебряных монет датируется в широком хронологическом интервале от V–III вв. до н.э. до II–III вв. н.э. Изучение процесса деградации серебра в монетах проводилось методом РФА; монеты V–IV вв. до н.э. изготовлены из высокопробного серебра, монеты III в. до н.э. – II в. н.э. изготовлены из двухкомпонентного высокопробного серебра, монеты II – нач. III вв. н.э. изготовлены из многокомпонентного «желтого» серебра. По результатам изотопного анализа Pb, серебро монет V–III вв. до н.э. было получено из рудных районов Восточного Средиземноморья (архипелаг Киклады, Лаврион, Фракия); серебро монет римского времени было получено путем смешения серебра более ранних хронологических периодов с серебром из разных рудных источников, в том числе, рудников Центрального массива Франции, гор Гарц и Рейнских сланцевых гор.

Ключевые слова: античность, римское время, монеты, серебро, рудные источники, РФА, MC-ICP-MS

Введение

Одним из важных направлений в современных исследованиях археологического металла является изучение в нем изотопного состава свинца. Pb-Pb метод в европейской археологии представляет собой сейчас рутинный подход, который широко применяется для решения задач по идентификации источника металла и путей его поступления в разные исторические периоды (Stos-Gale, Gale 2009; Baron et al. 2011).

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00193 «Начальный период истории денег: переход от полновесной монеты к знаку условной стоимости».

Накопленный за последние десятилетия опыт в этом направлении, а также высокий уровень надежности и точности получаемых Pb-Pb данных позволяют успешно применять данный метод. Во многом это стало возможно благодаря комплексному подходу, предполагающему при интерпретации результатов анализа свинца использование археологических, геохимических и геологических данных. Благоприятным обстоятельством также является постоянно пополняющаяся база Pb-Pb данных по месторождениям и рудным районам Европы, Средней и Ближней Азии и т.д. (Gale, Stos-Gale 2016). Однако в отечественной практике археологических исследований этот метод анализа пока не получил широкого применения. Хотя в последние годы появляются работы, в основе которых лежат результаты изучения изотопного состава Pb в различных по составу металла артефактах. Этот метод был апробирован в работах по бронзовым изделиям скифского времени (Капитонов и др. 2007), в частности наиболее успешно – при исследовании серебряных изделий ахеменидского периода (Чугаев, Чернышев 2012) и вещей из состава поднепровских кладов V–VII вв. (Сапрыкина и др. 2017). Таким образом, потенциал Pb-Pb метода значителен и дает возможность получить принципиально новую информацию при решении конкретных археологических задач, например по вопросу источников металла античных предметов Северного Причерноморья.

В рамках данной публикации в научный оборот вводятся результаты исследования изотопного состава Pb серебра для небольшой серии серебряных античных монет из собрания Анапского археологического музея (табл. 1). В выборку из 23 монет из серебра разной пробы вошли боспорские статеры III в. н.э. из Анапского клада 1987 г. (раскопки Е.М. Алексеевой; Фролова 1996), а также серебро Пантикапея и Херсонеса, римские денарии и северокавказские подражания денариям из случайных находок разных лет в окрестностях Анапы. Весь этот материал датируется периодом с середины V в. до н.э. по III в. н.э. (табл. 2). Всего исследованию подверглись 18 греческих и 5 римских монет.

Самое раннее в данной выборке – боспорское серебро V–III вв. до н.э. Далее следует херсонесская драхма начала I в. до н.э. Римские денарии принадлежат императорам от Адриана до Септимия Севера. Выпуски Адриана, Антонина Пия (в память Фаустины I), Коммода (в память Марка Аврелия) отчеканены на монетном дворе Рима, денарий Септимия Севера – в Эмесе.

Особую группу составляют северокавказские подражания римским денариям Марка Аврелия (одно с типом погребального костра, два – с типом идущего Марса). Они датируются концом II – началом III в. н.э.

Наконец, выборка включает 9 серебряных статеров боспорских царей Котиса III, Рескупорида IV и Ининфимея (234/235–238/239 гг.) из клада 1987 г., найденного при раскопках Горгииппии, погибшей во вре-

мя пожара вскоре после 238/239 г. Часть этих монет пострадала. Самые поздние – статеры Ининфимея 238/239 г. Отметим, что результаты исследования химического состава серебряных монет из Фанагорийского клада 2011 г. показали, что после правления Ининфимея в металле боспорских статеров начинается падение содержания серебра (Сапрыкина, Гунчина 2017).

Таблица 1

Список серебряных монет Анапского археологического музея, подвергшихся исследованию изотопного состава Pb

Серия	Определение	Инв. №	Диаметр, мм	Вес, г	Датировка	Происхождение, публикация
Ан-1	Северный Кавказ. Подражание денарию Марка Аврелия с типом идущего Марса. Ср. Сергеев 2012, 103, № 347	КМ 13935/39	19	1,59	Начало III в. н.э.	Район Анапы, случайная находка, 2016 г.
Ан-2	Синдика. Диобол. Анохин 1986, № 51	КМ 12233/2	12	1,11	Около 425–400 гг. до н.э.	Окрестности п. Уташ, случайная находка, 2007 г. Новичихин, Галут 2013, 10, рис.
Монеты из Анапского клада 1987 г. Раскоп Заповедник-1987, винодельня, цистерна 1						
Ан-3	Боспорское царство. Котис III. Статер. Фролова 1996, V, 286	КМ 12386/7	20	6,88	529 г. б.э. – 232/233 г. н.э.	Фролова 1996, V, 286
Ан-4	Боспорское царство. Ининфимей. Статер. Фролова 1996, VII, 365	КМ 12386/19	18	5,14	535 г. б.э. – 238/239 г. н.э.	Фролова 1996, VII, 365
Ан-5	Боспорское царство. Котис III. Статер. Фролова 1996, V, 282	КМ 12386/3	19	6,67	525 г. б.э. – 228/229 г. н.э.	Фролова 1996, V, 282
Ан-6	Боспорское царство. Котис III. Статер. Фролова 1996, V, 280	КМ 12386/1	20	6,90	525 г. б.э. – 228/229 г. н.э.	Фролова 1996, V, 280
Ан-7	Боспорское царство. Рискупорид IV. Статер. Фролова 1996, VII, 352	КМ 12386/15	19	7,34	530 г. б.э. – 233/234 г. н.э.	Фролова 1996, VII, 352
Ан-9	Боспорское царство. Рискупорид IV. Статер	КМ 12386/16	20	7,26	530 г. б.э. – 233/234 г. н.э.	Фролова 1996, VII, 353

Серия	Определение	Инв. №	Диаметр, мм	Вес, г	Датировка	Происхождение, публикация
Ан-10	Боспорское царство. Рискупорид IV. Статер. Фролова 1996, VII, 354	КМ 12386/17	19	7,00	530 г. б.э. – 233/234 г. н.э.	Фролова 1996, VII, 354
Ан-11	Боспорское царство. Ининфимей. Статер. Фролова 1996, VII, 366	КМ 12386/18	1,9	7,17	535 г. б.э. – 238/239 г. н.э.	Фролова 1996, VII, 366
Ан-13	Боспорское царство. Котис III. Статер. Фролова 1996, V, 284	КМ 12386/5	19	6,67	528 г. б.э. – 231/232 г. н.э.	Фролова 1996, V, 284
Случайные находки						
Ан-14	Пантикапей. Анохин 1986, № 21	КМ 13548/10	6	0,21	460–450 гг. до н.э.	Пос. Чубово, 2014 г. Оп. 13.
Ан-15	Римская империя. Денарий. Антонин Пий. В память Фаустины I. RIC III, 71, no. 362?	КМ 8365/22496	18	2,96	После 141 г н. э.	Юровка (Первомайка), случайная находка, 1961 г. Салов 1968, 203
Ан-16	Римская империя. Денарий. Марк Аврелий. Посмертный чекан. RIC III, 398, no. 267	КМ 8365/22497	18	2,14	180 г. н.э.	Хут. Иваново, случайная находка, 1961 г. Салов 1968, 203
Ан-17	Северный Кавказ. Подражание денарию Марка Аврелия с типом идущего Марса. Ср. Сергеев 2012, 94, № 304	КМ 8365/22500	2	2,99	Конец II – начало III н.э.	Хут. Бужор, случайная находка, 1968 г.
Ан-18	Римская империя. Эмеса. Денарий. Септимий Север. RIC IV, 143, no. 389	КМ 8365/22501	18	2,36	194–195 гг. н.э.	Анапа, случайная находка, 1968 г.
Ан-19	Северный Кавказ. Подражание денарию с типом погребального костра. Ср. Сергеев 2012, 90–91, 285–288	КМ 8365/22502	18	2,66	Конец II в. н.э.	Ст. Раевская, случайная находка, 1976 г.
Ан-20	Пантикапей. Гемидрахма. Анохин 1986, № 93	КМ 13029/28	13	2,52	400–375 гг. до н.э.	УБ-4-2001, кв. 16, шт. 3, оп. 46
Ан-21	Херсонес. Драхма. Анохин 1977, XII, 191	КМ 8365/11389	17	2,67	100–90 гг. до н.э.	Хут. Суворово-Черкесский, случайная находка, 1980 г.

Серия	Определение	Инв. №	Диаметр, мм	Вес, г	Датировка	Происхождение, публикация
Ан-23	Пантикапей. Драхма. Анохин 1986, № 159	КМ 8365/11714	15	2,54	Последняя треть III в. до н.э.	Горг.-74, из осыпи, оп. 7г.
Ан-24	Римская империя. Денарий. Антонин Пий. В память Фаустины I. RIC III, 71, no. 362?	КМ 8365/11842	17	2,14	После 141 г н.э.	Зап.-II-79, пл. 9, оп. 81. Фролова 1980. С. 126, № 18
Ан-25	Римская империя. Денарий. Адриан. RIC II, 374, no. 299	КМ 8365/12306	18	2,54	134–138 гг. н.э.	Анапа, берег моря напротив заповедника «Горгиппия», случайная находка, 1983 г.
Ан-26	Пантикапей. Диобол. Frolova 2004, no. 219	КМ 13548/1	12	1,38	460–450 гг. до н.э.	Пос. Чубово, 2014 г. Оп. 1.

Т а б л и ц а 2

Pb-Pb данные для серии Ан

№	Образец	Датировка	²⁰⁶ Pb/ ²⁰⁴ Pb	²⁰⁷ Pb/ ²⁰⁴ Pb	²⁰⁸ Pb/ ²⁰⁴ Pb
1	Ан-14	460–450 гг. до н.э.	18,8273	15,6837	38,8579
2	Ан-26	460–450 г. до н.э.	18,8398	15,6966	38,9022
3	Ан-2	425–410 гг. до н.э.	18,8322	15,6783	38,8405
4	Ан-20	400–375 гг. до н.э.	18,8338	15,6791	38,8322
5	Ан-23	Посл. треть III в. до н.э.	18,7650	15,6917	39,0950
6	Ан-21	100–90 гг. до н.э.	18,7060	15,6512	38,7461
7	Ан-25	134–138 гг. н.э.	18,5088	15,6664	38,6854
8	Ан-15	После 141 г. н.э.	18,6095	15,6564	38,7227
9	Ан-24	После 141 г. н.э.	18,5010	15,6550	38,5558
10	Ан-16	180 г. н.э.	18,5266	15,6505	38,6212
11	Ан-18	194–195 гг. н.э.	18,6106	15,6653	38,7542
12	Ан-5	228/229 г. н.э.	18,6652	15,6607	38,7703
13	Ан-6	228/229 г. н.э.	18,6654	15,6595	38,7643
14	Ан-13	231/232 г. н.э.	18,6849	15,6644	38,7909
15	Ан-3	232/233 г. н.э.	18,5681	15,6512	38,6702
16	Ан-7	233/234 г. н.э.	18,6130	15,6546	38,7121
17	Ан-9	233/234 г. н.э.	18,6344	15,6567	38,7326
18	Ан-10	233/234 г. н.э.	18,6538	15,6671	38,7739
19	Ан-4	238/239 г. н.э.	18,6202	15,6599	38,7319
20	Ан-11	238/239 г. н.э.	18,5815	15,6607	38,7019
21	Ан-19	Конец II в. н.э.	18,7513	15,6768	38,8360
22	Ан-1	Начало III в. н.э.	18,7560	15,6768	38,8546
23	Ан-17	Начало III в. н.э.	18,7651	15,6806	38,8894

Методика исследования

Прежде всего исследовался химический состав серебра монет для определения количественного содержания свинца в металле. Изначально из фондов Анапского археологического музея (ААМ) было исследовано 26 монет, однако в трех из них, визуально похожих на серебряные, серебра не оказалось вообще. Химический состав оставшихся 23 монет был изучен методом неразрушающего безэталонового РФА-анализа на спектрометре M1 Mistral (Bruker, Германия). Исследования этим методом химического состава античных серебряных монет показали достаточно хорошую сходимость с данными, полученными другими методами исследования (Сапрыкина и др. 2017; Равич, Сапрыкина 2019). Стандартное время измерения составило 30 с, напряжение 50кV; данный тип спектрометра позволяет проводить измерения поверхности на глубину до 10 микрон, а также выполнять анализ на наличие покрытий (Сапрыкина, Гунчина 2017: 273–274). С поверхности каждой из монет были получены по 2–3 пробы; после обработки спектров рассчитано среднее значение по содержанию основных элементов сплавов, данные приведены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты исследования химического состава серебра из коллекции Анапского археологического музея

№	Датировка	Серебрян Ан	Cu	Pb	Sn	Zn	Fe	Ag	As	Au	Sb
1	460–450 гг. до н.э.	14	0	0,19	0,19	0	1,84	97,68	0	0,1	0
2	460–450 гг. до н.э.	26	0,53	1,18	0,28	0	0	97,62	0	0,39	0
3	425–410 гг. до н.э.	2	1,56	1,37	0,44	0	0	95,98	0	0,65	0
4	400–375 гг. до н.э.	20	0,6	0,14	0,23	0	0,35	98,4	0	0,28	0
5	Последняя треть III в. до н.э.	23	4,98	0,23	0,23	0	0	93,26	0	1,11	0,19
6	100–90 гг. до н.э.	21	28,53	0,53	0,34	0,17	1,28	68,51	0	0,43	0,21
7	134–138 гг. н.э.	25	3,59	0,42	0,25	0	0	95,73	0	0,01	0
8	После 141 г н. э.	15	2,77	0,53	0,19	0	0,47	95,98	0	0,06	0
9	После 141 г н. э.	24	25,26	0,61	0,19	3,38	0	70,13	0	0,43	0
10	180 г. н.э.	16	4,21	0,81	0,86	2,15	0,3	90,86	0	0,81	0
11	194–195 гг. н.э.	18	29,97	0,84	1,73	1,34	0,14	65,31	0	0,57	0,1
12	228/229 г н. э.	5	18,42	0,21	0,41	0,13	0	65,82	0	15,01	0
13	228/229 г. н.э.	6	6,9	4,64	0,27	0,05	0	66,13	0	22,01	0
14	231/232 г. н.э.	13	5,99	2,43	0,36	0	0	63,85	0,05	27,32	0
15	232/233 г. н.э.	3	7,7	1,48	0,52	0	0	83,99	0	6,31	0
16	233/234 г. н.э.	7	14,82	1,74	0,45	0	0	77,15	0	5,84	0
17	233/234 г. н.э.	9	22,45	1,3	0,27	0,03	0,07	71,02	0	4,86	0
18	233/234 г. н.э.	10	28,34	1,1	0,28	0	0	65,35	0	4,91	0,02
19	238/239 г. н.э.	11	20,76	1,23	0,34	0	0	76,41	0	1,23	0,03
20	238/239 г. н.э.	4	15,56	2,06	0,48	0	0	78,7	0	3,2	0
21	Конец II в. н.э.	19	11,29	1,03	0,2	5,2	0,18	81,49	0	0,61	0
22	Начало III в. н.э.	1	11,41	2,21	1,03	4,87	0,28	79,3	0	0,79	0,11
23	Начало III в. н.э.	17	12,23	1,15	0,21	4,43	0,27	80,99	0	0,72	0

MC-ICP-MS метод анализа изотопного состава Pb. Изучение изотопного состава Pb в серебре монет проведено в лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН с помощью высокоточного анализа, основанного на применении метода многоколлекторной масс-спектрометрии с ионизацией вещества в индуктивно связанной плазме (MC-ICP-MS). Метод предполагает определение распространенностей изотопов Pb в образцах с нормированием результатов измерений изотопных отношений свинца по внутреннему стандарту – отношению $^{205}\text{Tl}/^{203}\text{Tl}$, равного $2,3889 \pm 1$ (Чернышев, Чугаев, Шатагин 2007).

Анализировались микронавески массой 0,01–0,02 г, локально отобранные из не окисленных участков металла. Отбор сопровождался оптическим контролем. Химическое разложение микронавесок проводилось в смеси концентрированных чистых (содержание Pb < 2×10^{-3} нг/мл) кислот $\text{HNO}_3 + \text{HBr}$ в соотношении 3:1. Все операции по растворению осуществлялись в герметично закрывающихся виалах из низкопористого PFA-пластика. В смеси кислот пробы выдерживались в течение 12–14 ч при температуре 120–130°C. Далее раствор упаривался, а полученный солевой осадок обрабатывался 1 мл 1М HBr.

Ионообменная хроматография микропроб проводилась по одностадийной схеме (Чугаев и др. 2013). В качестве сорбента использовался анионит AG 1×8 (Bio RAD) с размером частиц 200–400 меш. Отделение свинца от элементов матрицы образца осуществлялось на хроматографической микроколонке из PFA-пластика, заполненной 100–120 мкл смолы. Сорбция свинца на анионите проводилась в 1М HBr, а десорбция – в 0,25 М HNO_3 . Полученный препарат растворялся в 3%-й HNO_3 до концентрации свинца в растворе 200–600 нг/мл. Непосредственно перед масс-спектрометрическим измерением в растворы образцов добавлялся индикаторный элемент – таллий. Уровень лабораторного загрязнения при химической подготовке проб не превышал 0,1 нг.

Измерения изотопного состава Pb проводились на 9-коллекторном масс-спектрометре с индуктивно связанной плазмой (MC-ICP-MS) NEPTUNE согласно методике, подробно описанной в работе (Чернышев и др. 2007). Правильность получаемых данных контролировалась по результатам параллельных анализов стандарта изотопного состава Pb SRM-981. Итоговая погрешность ($\pm 2\text{SD}$) измерения отношений $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ при анализе не превышала $\pm 0,03\%$.

Обсуждение результатов

Результаты исследования химического состава металла, проведенные методом РФА-анализа, показали, что выборка характеризуется присутствием монет из высокопробного серебра преимущественно V–IV вв. до н.э., монет из двухкомпонентного высокопробного серебра,

датированного от III в. до н.э. до II в. н.э., и монет из многокомпонентного «желтого» серебра II – начала III вв. н.э. (см. табл. 3). Аналитическая выборка включает в себя результаты исследования серебра 6 монет Северного Причерноморья (Херсонес и Боспор), 5 римских денариев, 9 боспорских статеров и трех северокавказских подражаний римским денариям. Общая динамика изменения содержания серебра в металле монет из выборки, в зависимости от хронологической даты, представлена на гистограмме (рис. 1).

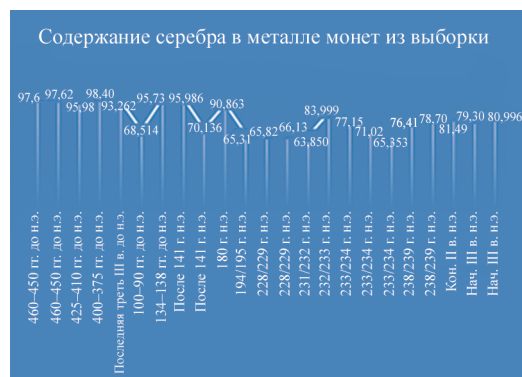

Рис. 1. Гистограмма содержания серебра в металле 23 монет из исследованной выборки

Если рассмотреть каждую группу монет в отдельности, то мы получим следующие результаты. Группа монет Северного Причерноморья (табл. 3, № 1–6) изготовлена из двухкомпонентного высокопробного серебра и из двухкомпонентного «желтого» серебра; на графике хорошо виден переход от высокопробного серебра к серебряному сплаву, «состоявшийся» в районе последней трети III в. до н.э. (рис. 2). Серебро монет раннего хронологического периода содержит в себе на уровне микропримесей такие элементы, как свинец (0,14–1,3%), медь, золото, олово, железо; здесь мы фиксируем повышенное содержание свинца (до 1,3%), перешедшее в серебро, вероятно, в процессе его «купелизации», что косвенно свидетельствует в пользу того, что серебро для этих монет относится к категории так называемого чистого металла. В серебряном сплаве монет II–II вв. до н.э. уже фиксируется, в том числе, присутствие таких сопутствующих меди элементов, как цинк и сурьма; это чеканка монетных дворов Пантикапея и Херсонеса (см. табл. 1, Ан-21, -23), причем падение серебра зафиксировано на монетах чеканки Боспорского царства (Пантикапей).

Группа денариев Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Септимия Севера демонстрирует наличие в исследуемой выборке нескольких типов серебра: высокопробного двухкомпонентного серебра (чеканка

Адриана и Антонина Пия), многокомпонентного «желтого» серебра – серебряного сплава с небольшой присадкой латуни (чеканка Марка Аврелия) и многокомпонентного низкопробного серебра – серебра, разбавленного присадкой двух- и трехкомпонентной латуни (денарии Антонина Пия и Септимия Севера) (рис. 3).

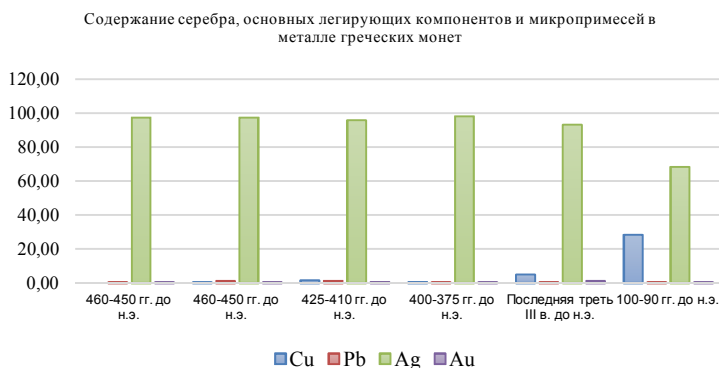

Рис. 2. Гистограмма содержания серебра, основных легирующих компонентов и микропримесей в металле греческих монет из выборки (табл. 1, Ан-2, -14, -20, -21, -23, -26)

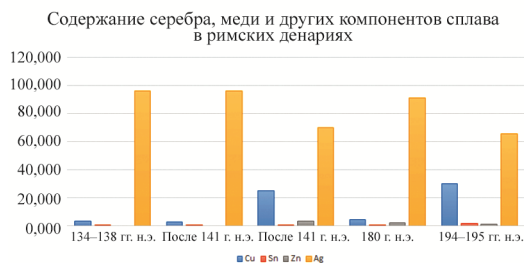

Рис. 3. Гистограмма содержания серебра, меди, олова и цинка в металле римских денариев из анализируемой выборки

В качестве микропримесей в серебре денариев зафиксировано присутствие свинца, олова, железа и золота (набор «материнских» примесей, как и в серебре греческих монет); в серебряном сплаве присутствует также микропримесь сурьмы, сопутствующая меди. Обращает на себя внимание как наличие высокопробного серебра в выборке II в. н.э., так и эмиссия монет в период правления Антонина Пия, чеканенных как из высокопробного, так и из низкопробного серебра, что, вероятно, отражает определенную нехватку серебра на рынке металлов в этот период. Скорее всего, в этот период монеты чеканились из серебра, которое дополнительно вводились другие металлы и сплавы, в том числе на основе меди: об этом свидетельствуют монеты (чеканка по-

сле 141 г. н.э.), серебро которых, по-видимому, было разбавлено латунью (CuZn, CuZnSn).

Особняком в рассматриваемой выборке стоит третья группа монет – серия серебряных боспорских статов эмиссий 228/229–238–239 гг. н.э. из Анапского клада 1987 г. (см. табл. 1, Ан-3, -4, -5, -6, -7, -9, -10, -11, -13). На уровне микропримесей зафиксировано наличие олова, цинка, железа, единично присутствие мышьяка и сурьмы (вероятно, их концентрация в сплаве значительно ниже порога чувствительности метода исследования); медь, свинец и золото здесь – одни из легирующих компонентов сплава (рис. 4, 1). На гистограмме отчетливо видно присутствие золота в сплаве монет в достаточно высоких концентрациях: его максимальная концентрация отмечается для монет эмиссий 228/229–231/232 гг. н.э., далее содержание золота не столь высоко, хотя заметно отличается от фоновых концентраций этого элемента во всей остальной выборке (рис. 4, 2). Скорее всего, в составе клада 1987 г. присутствовали статары Котиса III, при чеканке которых использовался лом: в качестве сырья могли использовать золотые и серебряные монеты (украшения?), в том числе более ранних хронологических периодов.

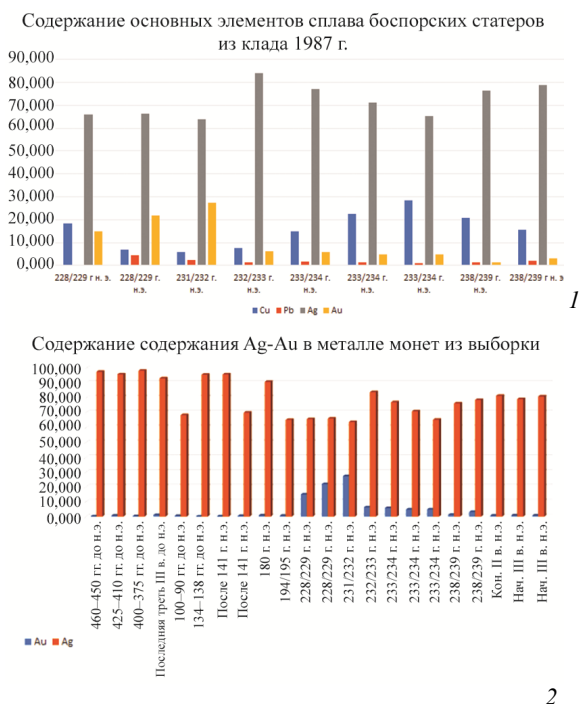

Рис. 4. Гистограмма содержания золота: 1 – в серебряном сплаве боспорских статов из клада 1987 г. из Горгииппии; 2 – соотношение содержания серебра и золота в металле всех монет из исследуемой выборки

Еще одной группой «местных» монет из анализируемой выборки являются северокавказские подражания римским денариям конца II – начала III вв. н.э. (табл. 1, Ан-1, -17, -19). По содержанию серебра и золота они разительно отличаются от металла боспорских статеров изклада 1987 г., но по своим характеристикам совпадают с данными по серебру, меди и цинку, полученными при исследовании химического состава металла римских денариев II в. из выборки (рис. 5). Отличительной их чертой (хотя выборка статистически крайне мала) пока можно назвать стабильное относительно высокое содержание серебра и цинка (4–5%).

Рис. 5. Гистограмма содержания меди, свинца, цинка и золота в серебре римских денариев II в. н.э. и кавказских подражаний им конца II – начала III вв. н.э.

Результаты исследования изотопного состава Pb в серебре монет.
 Результаты изучения изотопного состава Pb в металле серебряных монет представлены в табл. 2. В целом измеренные значения изотопных отношений Pb варьируют в следующих пределах: для $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ от 18,50 до 18,84, для $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ от 15,65 до 15,70 и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ от 38,56 до 39,10. Из приведенных диапазонов видно, что изученная коллекция весьма неоднородна по изотопному составу Pb. Это следует также и из величин коэффициента вариации (v , %). Значения v для всех трех изотопных отношений Pb существенно (в 4–29 раз) превышают аналитическую погрешность ($\pm 0,02\%$, 2SD) и равны: для $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ $v_{6/4} = 0,57\%$, для $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ $v_{7/4} = 0,085\%$, а для $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ $v_{7/4} = 0,28\%$. Повышенный разброс значений изотопных отношений Pb может быть обусловлен наличием в изученной серии нескольких групп монет, отличающихся по времени и месту чеканки. Допустимо, что металл этих групп мог происходить из разных рудных регионов. В этой связи представляется необходимым провести сопоставление Pb-Pb данных для каждой из групп монет. Ранние монеты Северного Причерноморья (группа 1) обладают наиболее радиогенным изотопным составом Pb (прежде всего, по содержанию изотопа ^{206}Pb). Для большинства образцов значения изменяются в узких диапазонах: $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 18,77\text{--}18,84$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15,68\text{--}15,70$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 38,83\text{--}39,10$. За пределами указанных диапа-

зонов находятся только значения изотопных отношений Pb монеты (образец Ан-21), датируемой 100–90 гг. до н.э. Римские денарии, выделяемые во вторую группу, напротив, в целом характеризуются более примитивным изотопным составом Pb. Измеренные для них значения отношений варьируют соответственно: для $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ от 18,50 до 18,61, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ от 15,65 до 15,67 и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ от 38,55 до 38,75.

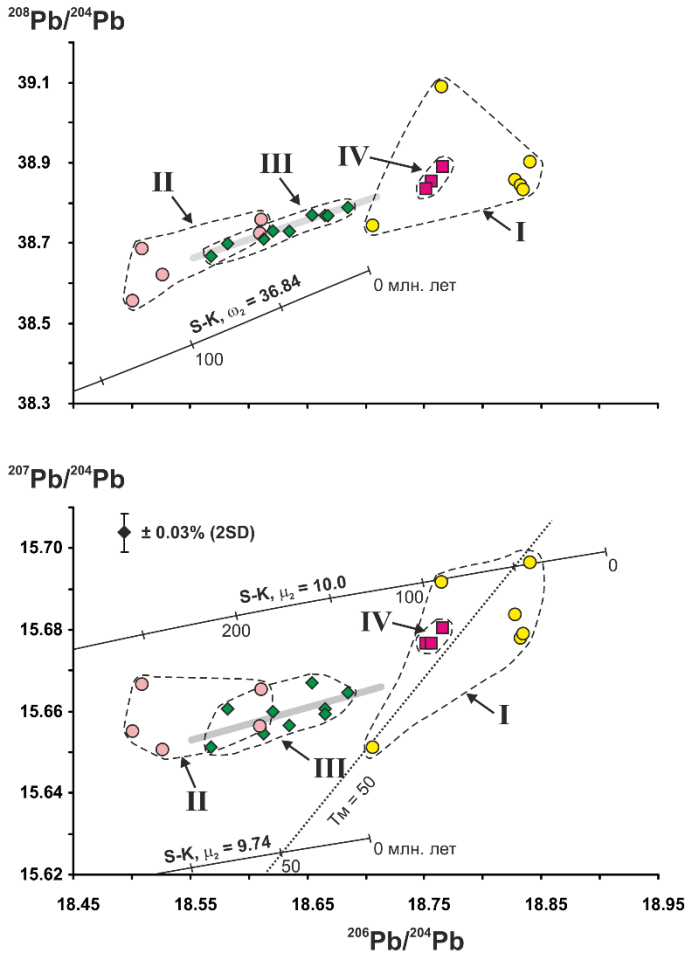

Рис. 6. Pb-Pb изотопные диаграммы для античных монет V в. до н.э. – III в. н.э. Северного Причерноморья. Римские цифры на диаграммах соответствуют монетам: I – раннее серебро (V–I вв. до н.э.), II – римские денарии (II в н.э.); III – статеры Горгиипии (начало III в. н.э.); IV – северокавказские подражания римским денариям (конец II – начало III в. н.э.). На диаграммах приведены эволюционные кривые изотопного состава Pb по модели Стейси–Крамера (Stacey, Kramers 1975)

Третья наиболее представительная группа, объединяющая боспорские статеры из клада 1987 г. из Горгииппии, по изотопному составу Pb оказалась ближе всего к римским денариям. Значения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ лежат в интервалах: 18,57–18,68, $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 15,65\text{--}15,67$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb} = 38,67\text{--}38,79$. Приведенные диапазоны для поздних боспорских статеров частично или полностью (как в случае отношения $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$) перекрываются с диапазонами соответствующих отношений Pb в римских денариях. Четвертая группа монет, представляющих собой кавказские подражания римским денариям и датированные II–III в. н.э., оказались весьма однородны по изотопному составу Pb ($(^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb})_{\text{ср}} = 18,757 \pm 7$, $(^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb})_{\text{ср}} = 15,678 \pm 2$ и $(^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb})_{\text{ср}} = 38,86 \pm 3$). Они близки к раннему боспорскому серебру Северного Причерноморья.

Сопоставление изотопного состава Pb в изученных группах монет также показано на Pb–Pb изотопных диаграммах (рис. 6, а, б). Соответствующие им поля на обоих графиках расположены выше и вдоль среднекоревой эволюционной кривой по модели Стейси–Крамерса. Точки монет первой группы расположены в правой части диаграмм. На графике с ураногенными изотопами свинца они с разбросом лежат вдоль Pb–Pb изохроны с возрастом 50 млн лет (рис. 6, б). Здесь же лежат и точки четвертой группы. Вместе с точками раннего серебра Северного Причерноморья они образуют единое поле. В свою очередь, поля изотопного состава Pb римских денариев и боспорских статеров из клада 1987 г. из Горгииппии находятся ближе к оси ординат и частично перекрываются между собой. При этом особенностью в расположении точек боспорских статеров отчетливо проявлена линейная зависимость. На обоих графиках она выражается в виде коротких трендов, лежащих между полем римских денариев и объединенным полем монет первой и четвертой групп (рис. 6, а, б). В отношении других групп монет аналогичная зависимость в расположении точек на диаграммах не обнаруживается.

Дискуссия

Соотношения полей изотопного состава Pb изученных групп монет, приведенные на рис. 6, свидетельствуют о том, что металл для них мог иметь разное происхождение. Наиболее отчетливо это видно при сравнении Pb-изотопных характеристик серебра древних монет Северного Причерноморья и римских денариев. Именно эти группы наиболее контрастны по изотопному составу свинца. В случае серебра северокавказских подражаний римским денариям, то их источник, учитывая полученные Pb–Pb данные, оказался идентичен источнику ранних монет Северного Причерноморья. Отличительной особенностью изотопного состава Pb монет из клада 1987 г. из Горгииппии, как было отмечено ранее,

является наличие положительных корреляционных зависимостей между отношениями $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, а также $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{208}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, что на изотопных диаграммах выражается в виде линейных трендов. Принимая во внимание однородность данной группы монет по возрасту и месту находки, выявленные тренды могут быть интерпретированы как линии смешения свинца источников, отличающихся по изотопному составу Pb. В этом случае вариации изотопных отношений Pb в монетах, сокрытых в кладе из Горгииппии, обусловлены переплавлением в различных пропорциях серебра, поступавшего из разных рудных регионов. Из положений трендов на изотопных диаграммах можно заключить, что при изготовлении монет из Горгииппии, вероятней всего, использовалось, с одной стороны, серебро, близкое по своему происхождению к серебру римских денариев, а с другой – серебро, источник которого идентичен с источником серебра для ранних монет Северного Причерноморья.

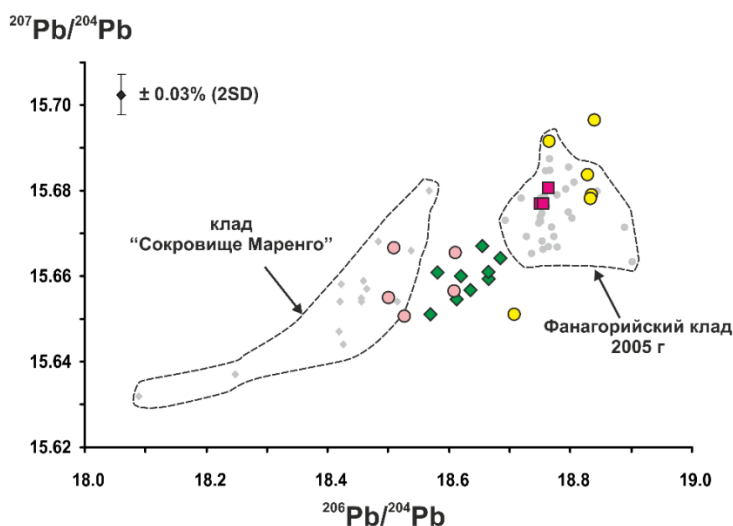

Рис. 7. Диаграмма в координатах $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ – $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, на которой приведено сопоставление результатов изучения античных монет Северного Причерноморья с серебряными предметами из Фанагорийского клада 2005 г. (Сапрыкина и др. 2020) и клада «Сокровище Маренго» (Angelini et al. 2019)

При идентификации потенциальных источников металла для изученной серии монет представляет интерес сравнение полученных нами Pb-Pb данных с результатами аналогичных исследований других известных кладов, в составе которых присутствовали серебряные изделия близких исторических эпох. Такое сопоставление приведено на рис. 7, на котором показаны поля изотопного состава Pb триоболов и драхм из Фанагорийского клада 2005 г., датируемых концом V в. до н.э. (Сапры-

кина и др. 2020), а также серебряных изделий уникального клада «Сокровище Маренго», включающего предметы поздней (вторая половина II в. – начало III в. н.э.) римской эпохи (Angelini et al. 2019). На диаграмме в поле предметов Фанагорийского клада попадает большинство точек наиболее древних (V–III вв. до н.э.) из изученных нами монет. Исключение – проба Ан-21, датированная началом I в. до н.э.

Таким образом, новые и опубликованные ранее данные позволяют заключить, что серебро на территорию Северного Причерноморья, по крайней мере, с V по III в. до н.э. преимущественно поступало из одного региона. В свою очередь, контрастное отличие по изотопному составу Pb образца Ан-21 свидетельствует о том, что с I в. до н.э. мог появиться и другой источник металла. Сопоставление Pb-Pb данных римских денариев и серебра из клада «Сокровище Маренго» показывает, что три (Ан-15, Ан-16, Ан-24) из пяти монет схожи по изотопному составу Pb с рядом предметов из этого клада. Такая согласованность изотопных данных допускает происхождение металла указанных римских денариев из того же источника, что и серебро из «Сокровища Маренго». Другие два денария (Ан-18, Ан-25) обладают более высокими значениями отношения $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$. Этот факт может указывать на другой источник металла. Однако положение их точек на графике вблизи линии смещения изотопного состава Pb монет из клада в Горгиппии не исключает и другую интерпретацию: при их изготовлении использовался металл из нескольких источников. При этом одним из них являлся источник серебра, отмеченный для предметов из клада «Сокровище Маренго». Точки северокавказских подражаний римским денариям расположены в пределах поля Фанагорийского клада. Учитывая исторические аспекты, такое их положение, вероятнее всего, свидетельствует в пользу переработки серебра, поступавшего в Северное Причерноморье в период Античности.

Результаты Pb-Pb изотопных исследований серебряных монет Фанагорийского клада показали, что металл преимущественно поступал из рудных районов восточной части Средиземноморья, а именно с рудников, расположенных на островах архипелага Киклады и Лавриона (Атика). Этот результат хорошо согласуется с полученным ранее выводом о Лаврионском происхождении серебра для чеканки ранних монет Боспора, сделанном на основании зафиксированной стабильно низкой примеси золота в составе серебряного сплава и его сходстве с материалом Афинских монет конца V – середины III вв. до н.э. (Смекалова, Дюков 2001: 72). Сопоставление Pb-Pb данных изученных нами монет с изотопным составом свинца руд указанных древних горнодобывающих районов, а также некоторых прилегающих территорий приведено на рис. 8, а. Значительную часть изотопной диаграммы занимает поле изотопного состава Pb (поле 1) серебро-полиметаллических руд архипелага Киклады.

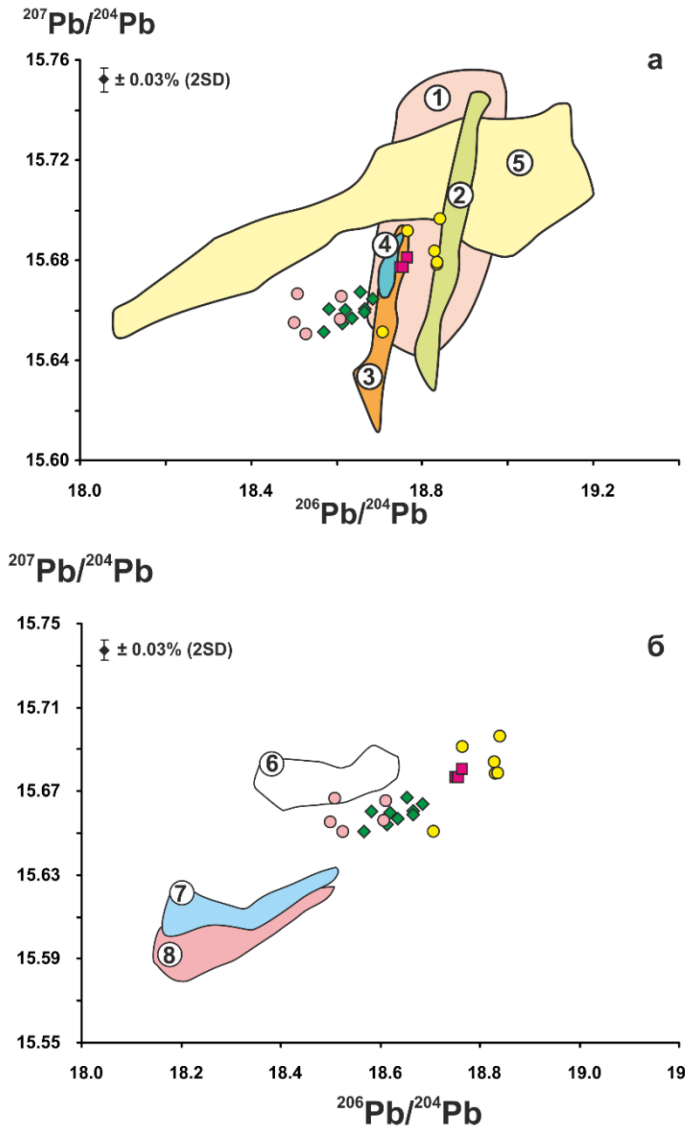

Рис. 8. Диаграммы в координатах $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ - $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$, на которых приведено сопоставление результатов изучения античных монет Северного Причерноморья с изотопным составом Pb месторождений рудных районов: 1 – архипелаг Киклады (Gale, Stos-Gale 2016); 2 – Лаврион (Gale, Stos-Gale 2016); 3 – Восточной Македонии и Фракии (Gale, Stos-Gale 2016); 4 – Родопских гор (Gale, Stos-Gale 2016); 5 – Центральных и Юго-Восточных Таврских гор (Ceyhan 2003: 55–62); 6 – Центральный массив Франции (Baron et al. 2006), 7 – горы Гарц (Niederschlag et al. 2003); 8 – Рейнские сланцевые горы (Durali-Mueller et al. 2007)

В его пределах расположены все точки раннего серебра Северного Причерноморья, а также северокавказских подражаний римским денари-

ям. В этой же части диаграммы расположены поля руд месторождений Лавриона (поле 2), Восточной Македонии и Фракии (поле 3) и Родопских гор (поле 4), которые частично перекрываются с полем руд архипелага Киклады. Точки образцов Ан-2, Ан-14 и Ан-20 попадают в области перекрытия полей архипелага Киклады и Лавриона. В свою очередь, точки образцов Ан-21 и Ан-23, а также точки кавказских подражаний лежат в области перекрытия полей месторождений архипелага Киклады и Восточной Македонии и Фракии.

Таким образом, эти три региона могут рассматриваться в качестве потенциальных источников серебра для Северного Причерноморья. Более сложное соотношение на графике демонстрирует образец Ан-26. Его точка лежит в области пересечения сразу трех полей: месторождений архипелага Киклады, Лавриона и Центральных и Юго-Восточных Таврских гор (поле 5): поступление металла с месторождений Центральных и Юго-Восточных Таврских гор исторически вполне допустимо.

Точки римских денариев и большинства статеров из клада в Горгииппии находятся за пределами полей рассматриваемых регионов, что указывает на происхождение серебра этих изделий из другого источника. Согласно работе (Angelini et al. 2019), основным источником металла для позднеримских предметов из клада «Сокровище Маренго» являлись серебрясодержащие руды месторождений Центрального массива Франции. На рис. 8, б оконтурено поле изотопного состава Pb этих месторождений (Baron et al. 2006). Здесь же приведены Pb-Pb данные для месторождений двух других известных горнорудных районов Западной Европы позднеримского периода – гор Гарц и Рейнских сланцевых гор (Niederschlag et al. 2003; Durali-Mueller et al. 2007). По изотопному составу Pb римские денарии оказались идентичны (образец Ан-18 и Ан-25) или близки к рудам месторождений Центрального массива. К полю месторождений Центрального массива также тяготеют и точки статеров из Горгииппии.

Наблюдаемые соотношения величин $^{206}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ и $^{207}\text{Pb}/^{204}\text{Pb}$ дают основание заключить, что серебро изученных нами римских денариев преимущественно имеет происхождение из этого региона. В свою очередь при изготовлении более поздних статеров из клада в Горгииппии, датированных началом III в., металл из месторождений Центрального массива мог использоваться лишь частично. Как следует из положения тренда смешения, в них также присутствует часть серебра, идентичного по своему происхождению серебру Северного Причерноморья античного периода.

Заключение

Проведенное исследование небольшой выборки серебряных монет из фондов Анапского археологического музея является важной вехой в

исследовании монетного дела Северного Причерноморья. Изученная выборка, включающая в себя монеты разного периода и мест чеканки, позволяет использовать ее при решении нескольких важнейших исторических задач: прежде всего, она дает возможность получить сведения об этапах «деградации» серебра в монетах и об источниках серебра для Северного Причерноморья в период с V–III вв. до н.э. по II–III вв. н.э. Для раннего периода (V–III вв. до н.э.) основным источником поступления серебра можно считать рудные районы восточной части Средиземноморья; в этот период для чеканки монет использовалось высокопробное серебро, имеющее относительно «чистые» изотопные характеристики Pb. Серебро римского периода, циркулировавшее на территории Северного Причерноморья, скорее всего, имеет различные источники своего происхождения; в целом, монетное серебро первых веков нашей эры, в том числе и по данным РФА-анализа, сильно перемешанное. Вполне может быть, что для боспорской чеканки этого периода использовалось, в том числе, серебро ранних боспорских монет. Гипотетические предположения наших предшественников об использовании в боспорской чеканке в качестве сырья монет предыдущих выпусков сейчас получили свое документальное подтверждение.

Литература

- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986.
- Капитонов И.Н., Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И., Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Хаврин С.В., Чулунов К.В., Скотт Е.М. Комплексные изотопные исследования бронзовых изделий скифской эпохи из различных памятников Центральной Азии // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. (Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля). СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 274–282.
- Новичихин А.М., Галут О.В. Золото Горгииппии. Научно-популярный альбом-каталог. Анапа; Краснодар, 2013.
- Равич И.Г., Сапрыкина И.А. Особенности состава и техники изготовления боспорских монет, происходящих из клада, найденного в Фанагории // Исследования в консервации культурного наследия: материалы Международной научно-методической конференции, Москва, 24–26 октября 2017 г. М.: Принт, 2019. Вып. 5. С. 213–222.
- Салов А.И. Случайные находки в Анапе и ее окрестностях // Советская археология. 1968. № 3. С. 202–206.
- Сапрыкина И.А., Гунчина О.Л. Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. // Фанагория. Результаты археологических исследований / под общ. ред. В.Д. Кузнецова. Т. 5: Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 272–483.
- Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А., Гунчина О.Л., Равич И.Г., Кичанов С.Е., Козленко Д.П., Назаров К.М. Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статеров из Фанагорийского клада 2011 г. // Фанагория. Результаты археологических исследований / под общ. ред. В.Д. Кузнецова. Т. 5: Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статеров из Фанагории. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 484–493.

- Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Пельгунова Л.А., Родинова В.Е., Столярова Д.А. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 41–56.
- Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Гунчина О.Л., Пельгунова Л.А. Химический состав металла и изотопный состав Pb в серебряных монетах из клада // Фанагория. Результаты археологических исследований / под общ. ред. В.Д. Кузнецова. Т. 8: В.Д. Кузнецов, М.Г. Абрамзон. Клад позднеархаических монет из Фанагории. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 66–89.
- Сергеев А.Я. Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции А.Я. Сергеева в ГИМ. М., 2012.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
- Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. – 238 г. н.э. из древней Горгиипии (Анапа, 1987 г.) // *Вестник древней истории*. 1996. № 2. С. 44–72.
- Фролова Н.П. Монеты из раскопок Горгиипии 1973–1977 гг. // *Горгиппия. I. Материалы Анапской археологической экспедиции* / под общ. ред. И.Т. Кругликовой. Краснодар: Краснодар. книж. изд-во, 1980. С. 122–135.
- Чернышев И.В., Чугаев А.В., Шатагин К.Н. Высокоточный изотопный анализ Pb методом многоколлекторной ICP-масс-спектрометрии с нормированием по 205Pb/203Pb: оптимизация и калибровка метода для изучения вариаций изотопного состава Pb // *Геохимия*. 2007. № 11. С. 1155–1168.
- Чугаев А.В., Чернышев И.В. Источники поступления серебра для изделий из погребенных ранних кочевников Южного Приуралья по результатам изучения изотопного состава Pb высокоточным методом MC-ICP-MS // *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.)* / под ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. М.: ТАУС, 2012. Т. 1. С. 239–246.
- Чугаев А.В., Чернышев И.В., Лебедев В.А., Еремина А.В. Изотопный состав свинца и происхождение четвертичных лав вулкана Эльбрус (Большой Кавказ, Россия): данные высокоточного метода MC-ICP-MS // *Петрология*. 2013. Т. 21, № 1. С. 20–33.
- Angelini I., Canovaro C., Venturino M., Artioli G. The Silver Treasure of Marengo: Silver Provenancing and Insights into Late Antiquity Roman and Gallo-Roman Hoards // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. № 11 (9). P. 4959–4970.
- Baron S., Tămaş C.G., Cauuet B., Munoz M. Lead Isotope Analyses of Gold-silver Ores from Roşia Montană (Romania): a First Step of a Metal Provenance Study of Roman Mining Activity in Alburnus Maior (Roman Dacia) // *Journal of Archeological Science*. 2011. № 38 (5). P. 1090–1100.
- Baron S., Carignan J., Laurent S., Ploquin A. Medieval Lead Making on Mont-Lozère Massif (Cévennes-France): Tracing Ore Sources Using Pb Isotopes // *Applied Geochemistry*. 2006. № 21 (2). P. 241–252.
- Ceyhan N. Lead Isotope Geochemistry of Pb-Zn Deposits from Eastern Taurides, Turkey: Master Thesis. Ankara, 2003.
- Durali-Mueller S., Brey G.P., Wigg-Wolf D., Lahaye Y. Roman Lead Mining in Germany: its Origin and Development through Time Deduced from Lead Isotope Provenance Studies // *Journal of Archaeological Science*. 2007. Vol. 34, № 10. P. 1555–1567.
- Frolova N.A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004.
- Gale N., Stos-Gale Z. OXALID: Oxford Archaeological Lead Isotope Database from the Isotracer Laboratory. UK. 2016. URL: <http://oxalid.arch.ox.ac.uk/TheDatabase.htm>
- Niederschlag E., Pernicka E., Seifert Th., Bartelheim M. The Determination of Lead Isotope Ratios by Multiple Collector ICP-MS: A Case Study of Early Bronze Age Artefacts and

- their Possible Relation with Ore Deposits of the Erzgebirge // *Archaeometry*. 2003. № 45 (1). P. 61–100.
- Stacey J.S., Kramers I.D. Approximation of Terrestrial Lead Isotope Evolution by a Two-Stage Model // *Earth and Planetary Science Letters*. 1975. Vol. 26, № 2. P. 207–221.
- Stos-Gale Z., Gale N. Metal Provenancing Using Isotopes and the Oxford Archaeological Lead Isotope Database (OXALID) // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2009. № 1. P. 195–213.
- Yener K., Sayre E., Joel E., Özbal H., Barnes I., Brill R. Stable Lead Isotope Studies of Central Taurus Ore Sources and Related Artifacts from Eastern Mediterranean Chalcolithic and Bronze Age Sites // *Journal of Archaeological Science*. 1991. № 18. P. 541–577.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2020 г.

Saprykina Irina A., Chugaev Andrey V., Abramzon Mikhail G., Novichikhin Andrey M., and Smekalova Tatiana N.

INVESTIGATING ANCIENT SILVER COINS VIA XRF ANALYSIS AND Pb-ISOTOPIC METHOD (ANAPA ARCHAEOLOGICAL MUSEUM COLLECTIONS)*

DOI: 10.17223/2312461X/28/10

Abstract. The article presents the results of a study into the isotopic composition of Pb and chemical composition of silver, contained in Classical Antiquity and Roman coins, found in the territory of the ancient city of Gorgippia and around the contemporary city of Anapa (Krasnodar region). Our database consisted of 23 silver coins dated between the 5th to the 3rd centuries BC and the 2nd to the 3rd centuries AD. Silver degradation was analyzed by the XRF method. This method allowed us to establish that: a) the coins dated to the 5th to the 4th centuries BC contain fine silver, b) the coins dated to the 3rd century BC to the 2nd century AD had been made of two-component silver, with high silver content, and c) the coins dated to the 2nd to the early 3rd centuries AD had been produced using multicomponent silver-based alloys. Pb isotopic composition analysis using MC-ICP-MS revealed that silver in the coins dated to the 5th to the 3rd centuries BC originated from Eastern Mediterranean ore deposits (Cyclades, Lavrion, and Thrace). Silver contained in the Roman coins had been produced by mixing silver of earlier periods with silver from different ore sources, including silver ore deposits in the Massif Central (France), the Harz Mountains and the Rhenish Slate Mountains (Germany).

Keywords: Classical Antiquity, Roman period, coins, silver, ore deposits, XRF, MC-ICP-MS.

*The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), project No. 18-18-00193, titled ‘The early period in the history of money: From real to conventional value’.

References

- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Hersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [Coin business of Chersonesus (IV century BC – XII century ad)]. Kiev, 1977.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora* [The production of coins in Bosporus]. Kiev: Naukova Dumka, 1986.
- Kapitonov I.N., Lokhov K.I., Berezhnaia N.G., Matukov D.I., Bokovenko N.A., Zaitseva G.I., Khavrin S.V., Chugunov K.V., Skott E.M. Kompleksnye izotopnye issledovaniia bronzovykh izdelii skifskoi epokhi iz razlichnykh pamiatnikov Tsentral'noi Azii [Comprehensive isotopic research on bronze artifacts of the Scythian period from different Central Asian sites]. In: *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniakh*. (Materialy konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN, 9-12 apreliia) [Radiocarbon in archaeological and paleo-ecological research:

- Proceedings of the Conference dedicated to the 50th Anniversary of the IIMK RAN Radiocarbon Laboratory (9 to 12 April)]. St. Petersburg: IIMK RAN, 2007, pp. 274–282.
- Novichikhin A.M., Galut O.V. *Zoloto Gorgippii. Nauchno-populiarnyi al'bom-katalog* [The gold of Gorgippia. The research catalogue]. Anapa-Krasnodar, 2013.
- Ravich I.G., Saprykina I.A. Osobennosti sostava i tekhniki izgotovleniia bosporskikh monet, proiskhodiashchikh iz klada, naidennogo v Fanagorii [The composition and technology of making Bosphorus coins from the Phanagoria collection of finds]. In: *Issledovaniia v konservatsii kul'turnogo nasledii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*, Moskva, 24–26 oktiabria 2017 g. [Research in the conservation of cultural heritage. Proceedings of International research conference]. Vol. 5. Moscow: OOO «Print», 2019, pp. 213–222.
- Salov A.I. Sluchainye nakhodki v Anape i ee okrestnostiakh [Some finds in Anapa and its larger area], *Sovetskaiia arkheologiya*, 1968, no. 3, pp. 202–206.
- Saprykina I.A., Gunchina O.L. Khimicheskii sostav metalla bosporskikh staterov Fanagoriiskogo klada 2011 g. [The chemical composition of the metal contained in Bosphorus coins of the Phanagoria collection of finds of 2011]. In: *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia* [Phanagoria. Archaeological research results]. Ed. by V.D. Kuznetsov. Vol. 5. Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii [The collection of late Bosphorus coins from Phanagoria]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2017, pp. 272–483.
- Saprykina I.A., Pel'gunova L.A., Gunchina O.L., Ravich I.G., Kichanov S.E., Kozlenko D.P., Nazarov K.M. Nekotorye zamechaniia o tekhnike izgotovleniia bosporskikh staterov iz Fanagoriiskogo klada 2011 g. [Notes on the making of Bosphorus coins from the Phanagoria collection of finds of 2011]. In: *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia* [Phanagoria. Archaeological research results]. Ed. by V.D. Kuznetsov. Vol. 5. Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii [The collection of late Bosphorus coins from Phanagoria]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2017, pp. 484–493.
- Saprykina I.A., Chugaev A.V., Pel'gunova L.A., Rodinkova V.E., Stoliarova D.A. K probleme istochnikov postupleniia serebra na territorii Podneprov'ia v rannesrednevekovoe vremia (po materialam klada iz Sudzhi-Zamost'ia) [On the sources of silver imports into the Dnieper region in the Early Middle Ages (based on the materials of the Sudzha-Zamostie collection of finds)], *Stratum plus*, 2017, no. 5, pp. 41–56.
- Saprykina I.A., Chugaev A.V., Gunchina O.L., Pel'gunova L.A. Khimicheskii sostav metalla i izotopnyi sostav Pb v serebrianykh monetakh iz klada [The chemical composition of the metal and the Pb isotopic composition of silver coins in the Phanagoria collection of finds]. In: *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniia* [Archaeological research results]. Ed. by V.D. Kuznetsov. Vol. 8. Kuznetsov V.D., Abramzon M.G. Klad pozdnearkhaicheskikh monet iz Fanagorii [The collection of late-archaic coins from Phanagoria]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2020, pp. 66–89.
- Sergeev A.Ia. *Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Srednei Azii. Katalog kolleksii A.Ia. Sergeeva v GIM* [Coins of barbarian production found in the territory from the Balkans to Central Asia. The catalogue of the collection of A.Ya. Sergeev]. Moscow, 2012.
- Smekalova T. N., Diukov Iu. L. *Monetnye splyvy gosudarstv Prichernomor'ia: Bospor, Ol'viia, Tira* [Coin alloys in the Black Sea states of Bosphorus, Olviya, and Tira]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2001.
- Frolova N.A. Unikal'nyi klad bosporskikh monet III v. do n.e. – 238 g. n.e. iz drevnei Gorgippii (Anapa, 1987 g.) [The unique collection of Bosphorus coins of the 3rd century BC to the year 238 AD from the ancient town of Gorgippia (Anapa, 1987)], *Vestnik drevnei istorii*, 1996, no. 2, pp. 44–72.
- Frolova N.P. Monety iz raskopok Gorgippii 1973–1977 gg. [Coins from the excavated town of Gorgippia, 1973–1977]. In: *Gorgippiia. I. Materialy Anapskoi arkheologicheskoi ek-*

- speditii* [Gorgippia. I. Materials of the Anapa archaeological expedition]. Ed. by I.T. Kruglikova. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. S. 122–135.
- Chernyshev I.V., Chugaev A.V., Shatagin K.N. Vysokotochnyi izotopnyi analiz Pb metodom mnogokollekturnoi ICP-mass-spektrometrii s normirovaniem po 205Tl/203Tl: optimizatsiia i kalibrovka metoda dlia izucheniia variatsii izotopnogo sostava Pb [High-precision Pb isotope analysis by multicollector-ICP-mass-spectrometry using 205Tl/ 203Tl normalization: Optimization and calibration of the method for the studies of Pb isotope variations], *Geokhimiia*, 2007, no. 11, pp. 1155–1168.
- Chugaev A.V., Chernyshev I.V. Istochniki postupleniia serebra dlia izdelii iz pogrebenii rannikh kochevnikov Iuzhnogo Priural'ia po rezul'tatam izucheniia izotopnogo sostava Pb vysokotochnym metodom MC-ICP-MS [The sources of silver contained in the artifacts from the early nomad burial mounds in the region of the South Urals, based on the analysis of Pb isotopic composition using the MC-ICP-MS method]. In: *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [The influence of the Achaemenid culture in the region of the South Urals (from the 5th to the 3rd centuries BC)]. Eds. M.Iu. Treister, L.T. Iablonskiy. Vol. 1. Moscow: TAUS. 2012, pp. 239–246.
- Chugaev A.V., Chernyshev I.V., Lebedev V.A., Eremina A.V. Izotopnyi sostav svintsia i proiskhozhdenie chetvertichnykh lav vulkana El'brus (Bol'shoi Kavkaz, Rossiia): dannye vysokotochnogo metoda MC-ICP-MS [The isotope composition of lead and the origin of the quaternary lavas of Elbrus Volcano, the Greater Caucasus: High-precision MC-ICP-MS data], *Petrologiia*, 2013, Vol. 21, no. 1, pp. 20–33.
- Baron S., Tămaş C.G., Cauuet B., Munoz M. Lead Isotope Analyses of Gold-silver Ores from Roşia Montană (Romania): a First Step of a Metal Provenance Study of Roman Mining Activity in Alburnus Maior (Roman Dacia), *Journal of Archeological Science*, 2011, no. 38(5), pp. 1090–1100.
- Baron S., Carignan J., Laurent S., Ploquin A. Medieval Lead Making on Mont-Lozère Massif (Cévennes-France): Tracing Ore Sources Using Pb Isotopes, *Applied Geochemistry*, 2006, no. 21(2), pp. 241–252.
- Ceyhan N. *Lead Isotope Geochemistry of Pb-Zn Deposits from Eastern Taurides*, Turkey: Master Thesis. Ankara, 2003.
- Durali-Mueller S., Brey G. P., Wigg-Wolf D., Lahaye Y. Roman Lead Mining in Germany: its Origin and Development through Time Deduced from Lead Isotope Provenance Studies, *Journal of Archaeological Science*, 2007, Vol. 34, no. 10, pp. 1555-1567.
- Frolova N.A. *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros* (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004.
- Gale N., Stos-Gale Z. *OXALID: Oxford Archaeological Lead Isotope Database from the Isotracer Laboratory*. UK. 2016. URL: <http://oxalid.arch.ox.ac.uk/TheDatabase.htm>
- Niederschlag E., Pernicka E., Seifert Th., Bartelheim M. The Determination of Lead Isotope Ratios by Multiple Collector ICP-MS: A Case Study of Early Bronze Age Artefacts and their Possible Relation with Ore Deposits of the Erzgebirge, *Archaeometry*, 2003, no. 45(1), pp. 61-100.
- Stacey J.S., Kramers I.D. Approximation of Terrestrial Lead Isotope Evolution by a Two-Stage Model, *Earth and Planetary Science Letters*, 1975, Vol. 26, no. 2, pp. 207–221.
- Stos-Gale Z., Gale N. Metal Provenancing Using Isotopes and the Oxford Archaeological Lead Isotope Database (OXALID), *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2009, no. 1, pp. 195–213.
- Yener K., Sayre E., Joel E., Özbal H., Barnes I., Brill R. Stable Lead Isotope Studies of Central Taurus Ore Sources and Related Artifacts from Eastern Mediterranean Chalcolithic and Bronze Age Sites, *Journal of Archaeological Science*, 1991, no. 18, pp. 541–577.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/28/11

В ПОИСКАХ ЖЕЛЕЗНЫХ РУДНИКОВ: ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД*

Евгений Вячеславович Водясов,
Евгения Михайловна Асочакова

Аннотация. Описан поиск железорудной базы Шайтанского археологического комплекса, являвшегося крупнейшим железоделательным центром в Западной Сибири во II тыс. н.э. Отдельное внимание уделено проблеме выявления использовавшейся руды по данным геохимических анализов. Проведенная аналитика подтвердила эффективность использования соотношения MnO/TiO_2 для идентификации средневековых рудников. На основе геохимических анализов установлено, что население Шайтанского металлургического комплекса в X–XVII вв. разрабатывало одновременно два рудника, находящихся в радиусе 40 км: Киреевское проявление сидерита и Поздняковское месторождение болотных руд. В археологии Западной Сибири традиция использования различных руд одним населением выявлена впервые. Сделано предположение, что широкое освоение шайтанскими металлургами разных руд обусловлено качеством производимого железа. Болотные руды Поздняковского месторождения, в отличие от сидеритовых руд Киреевского проявления, богаты марганцем (1,2–13%), который повышал прочность и твердость изделия. Отмечена большая редкость таких руд в Северной Евразии. Вероятно, по этой причине количество поздняковской руды и шлаков с повышенным содержанием марганца (1–8,2%) преобладает на памятниках Шайтанского комплекса. Высказана гипотеза, что поселения металлургов могли специально возникнуть в таежной зоне Томского Приобья для разработки этой редкой и богатой руды. Анализ археологических, этнографических и письменных источников позволил установить, что традиция синхронного использования различных руд в индигенных культурах Западной Сибири возникла на рубеже I–II тыс. н.э. и существовала непрерывно вплоть до конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Шайтанский металлургический комплекс, металлургия железа, железные рудники, Западная Сибирь, эпоха Средневековья

Введение

Выявление и изучение железорудных источников для определенных металлоносных культур помогают не только глубже понять древние технологии и развитие инженерной мысли, но также часто являются «ключом» к разгадке системы расселения древних металлургов и освоения конкретных экологических пространств в различные времена.

* Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

При всей озвученной научной значимости трудно найти менее исследованную область в российской археометаллургии, чем проблема поиска и выявления древних рудных источников железа. До сих пор малообъясним факт того, что в настоящее время медные рудники являются предметом многочисленных успешных исследований (Зайков и др., 2005; Григорьев 2007; Зайков, Юминов, Ткачев 2012; Анкушев и др. 2018), тогда как железные рудники фактически выпадают из поля зрения российских ученых.

Количество отечественных археологических работ по выявлению железорудных ресурсов исчисляется единицами (Наумов 2008; Коноваленко и др. 2010; Снопков и др. 2012; Эбель 2014; Семькин 2015; Matasova et al. 2017). К сожалению, в большинстве работ отсутствуют данные о химическом составе железных руд, продуктов выплавки и шлаков, а также нет характеристики составов руд, найденных на археологических памятниках и железорудных месторождениях.

Многие выводы об использовании в древности тех или иных рудных источников строятся лишь на простом географическом анализе местности по следующему принципу: металлурги использовали рудник, который был ближе. Однако это не всегда соответствовало реальности, что подробно освещено ниже.

Целью настоящего исследования является выявление железорудной базы Шайтанского металлургического комплекса, являвшегося в Средневековье крупнейшим железоделательным центром во всей Западной Сибири (Vodyasov et al. 2015; Vodyasov, Zaitseva 2015; Водясов, Зайцева 2017).

Шайтанский металлургический комплекс расположен в Кожевниковском районе Томской области, в правобережье Оби, рядом с устьем р. Таган. Он включает в себя шесть городищ (Шайтан-I, -II, -III, -IV, Усть-Шайтан, Усть-Таган), пять поселений (юрты Таганские, Шайтан-I, Андрава-I, -II, -III) и два курганных могильника (Шайтан-II, -III). По имеющимся сегодня археологическим материалам и результатам радиоуглеродного анализа, появление черной металлургии в урочище Шайтан датируется X–XI вв. и связывается с крупными миграциями тюркоязычного населения из «степной» части, возможно, с территории Верхнего Прииртышья (Водясов 2018). К эпохе XI–XIV вв. относятся городища Шайтан-I, -II, -IV, Усть-Таган, поселение Шайтан-I. В XIV–XV вв. следы металлургии зафиксированы на городище Шайтан-III и могильнике Шайтан-II (Водясов 2012, 2018; Барсуков 2016; Vodyasov et al. 2015; Zaitseva, Vodyasov 2015). Юрты Таганские, предварительно, могут быть отнесены к эпохе XVII–XVIII вв.

Материалы археологических раскопок памятников Шайтанского комплекса показали, что металлурги добыли приблизительно 15 т железной руды, которая была способна дать им порядка 3 т железа. При

этом раскопками исследовано менее 2% огромной площади, занимаемой Шайтанским комплексом памятников (более 10 га). К тому же многие памятники до сих пор не подвергались раскопкам. Учитывая это, имеются все основания говорить о Шайтанском металлургическом комплексе как о феномене на фоне средневековых культур Евразии.

На севере Шайтанского комплекса расположено Киреевское проявление сидерита – пригодное и легкодоступное месторождение качественной железной руды (рис. 1). Киреевское проявление сидерита расположено в Кожевниковском районе Томской области в 1 км южнее пос. Киреевск. Здесь, в обнажениях надпойменной террасы р. Оби, известном как Киреевский Яр, на протяжении 2–3 км вверх по реке встречается пласт сидеритовой руды мощностью от 0,2 до 0,5 м. Помимо коренных выходов железной руды большое количество обломков встречается в подстилающей пляжной россыпи Оби на протяжении нескольких километров. Обломки сидеритовой руды буквально целым слоем застилают берег практически вдоль всего Киреевского Яра.

Один из памятников Шайтанского микрорайона (городище Усть-Таган) расположен непосредственно на месторождении, вероятнее всего, с целью добычи руды и ее охраны (Водясов 2018).

Естественно, такая близость легкодоступной руды стало решающим фактором сложившегося предположения о том, что Киреевское проявление сидерита и являлось единственным реальным рудным источником металлургии Шайтанского комплекса (Коноваленко и др. 2010). Однако, на наш взгляд, проблема рудной базы требует более детального анализа с широким привлечением естественно-научных анализов. К тому же химические анализы руды из самого месторождения вплоть до настоящего исследования сделаны не были.

Материалы и методы

За период исследования (2006–2018 гг.) черной металлургии Шайтанского комплекса были получены обширные материалы по химическому составу найденных руд и шлаков (табл. 1–5). Всего проанализировано 68 образцов рентгенофлуоресцентным и количественным спектральными методами. Аналитические исследования проводились в ЦКП «Аналитический центр геохимии природных систем» геолого-географического факультета Томского государственного университета (ЦКП АЦГПС ГГФ ТГУ).

Отдельного внимания заслуживает проблема сравнительного анализа состава руды и шлака. Методика определения исходной руды по анализу шлака крайне важна, так как на археологических памятниках железная руда не всегда бывает найдена, и не редки случаи, когда все следы металлургии представлены одними шлаками.

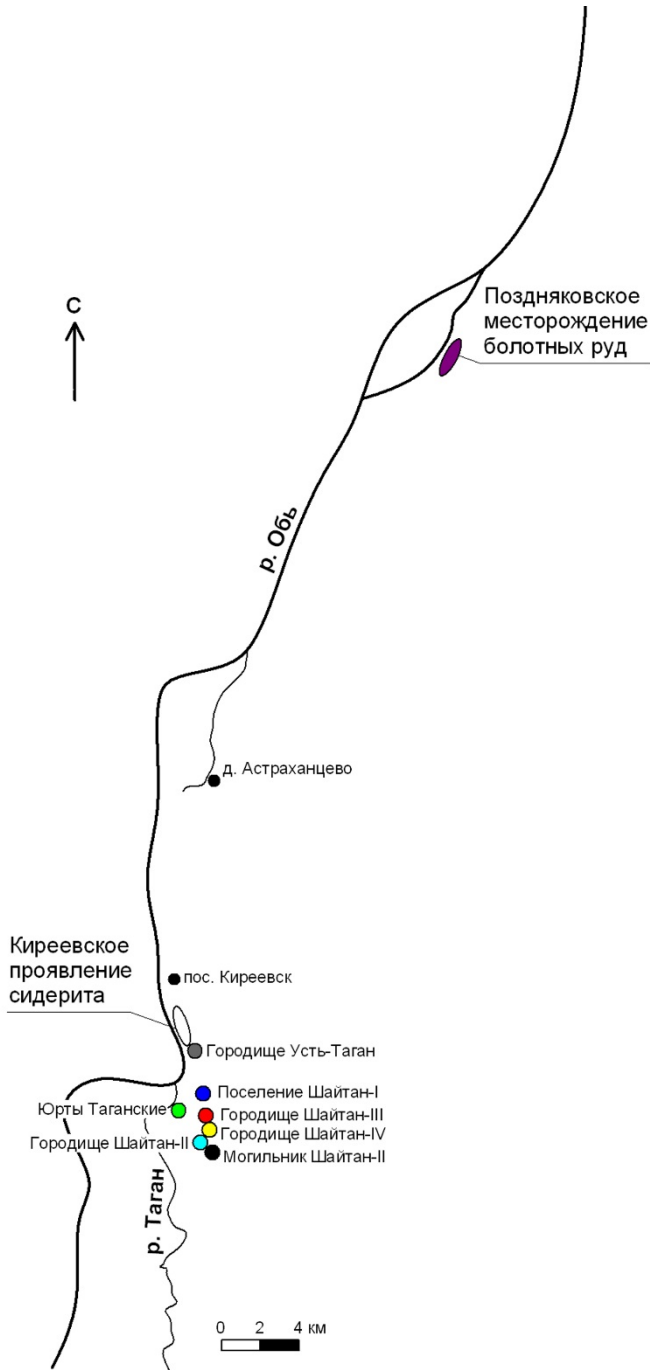

Рис. 1. Схематический план расположения памятников черной металлургии Шайтанского археологического комплекса и месторождений железной руды

Т а б л и ц а 1

Химический состав сидерита Киреевского проявления, мас. %

№	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃ общ	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	S	V	ППП	Сум- ма
1	16,61	0,56	2,62	52,25	0,11	1,52	0,96	>0,1	>0,1	0,33	>0,01	0,01	23,82	98,79
2	18,81	0,58	3,22	52,43	0,21	1,55	1,08	>0,1	0,14	0,33	>0,01	0,006	20,40	98,76
3	15,72	0,45	2,79	51,78	>0,001	1,12	0,90	0,83	0,10	0,26	0,05	>0,001	24,86	98,86
4	18,59	0,61	3,19	52,26	0,35	1,24	1,15	0,32	0,11	0,40	>0,01	0,01	20,56	98,79
5	18,78	0,61	3,15	50,92	0,37	1,75	1,07	1,36	0,20	0,25	>0,01	0,00	20,55	99,01
6	16,90	0,58	2,64	51,75	0,15	0,88	1,07	0,34	0,13	0,19	>0,01	0,01	24,08	98,72
7	20,57	0,58	4,11	49,05	0,48	1,31	1,52	>0,1	0,21	0,38	>0,01	0,008	20,54	98,7
8	15,22	0,51	2,48	57,75	>0,001	0,91	0,73	>0,1	>0,1	0,19	0,04	>0,001	20,63	98,46
9	15,05	0,53	2,11	51,54	>0,001	0,80	0,74	>0,1	>0,1	0,27	>0,01	0,001	27,50	98,54
10	18,65	0,57	3,13	52,32	0,26	1,16	1,19	>0,1	0,12	0,24	0,02	0,006	20,90	98,57
11	16,32	0,60	2,25	53,41	0,17	0,65	0,77	>0,1	>0,1	0,15	0,01	0,006	24,10	98,44
12	16,70	0,50	2,33	56,30	>0,001	1,01	0,73	>0,1	>0,1	0,30	0,02	>0,001	20,64	98,53

Примечание. Здесь и в табл. 2 анализы выполнены на энергодисперсионном рентгенофлуоресцентном анализаторе ED2000, Oxford (Великобритания). П.П.П. – потери при прокаливании. Аналитик – Асочакова Е.М., канд. геол.-минерал. наук, инженер-исследователь ЦКП АЦГПС ГГФ ТГУ, доцент кафедры минералогии и геохимии ГГФ ТГУ.

Т а б л и ц а 2

**Химический состав железной руды и шлаков, обнаруженных
на городище Усть-Таган, мас. %**

№	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	P ₂ O ₅	S	V	П.П. П.	Сум- ма
1	18,12	0,62	2,93	58,35	0,07	1,28	0,65	0,87	>0,1	0,56	>0,01	0,006	15,30	98,76
2	19,79	0,66	3,41	55,63	0,42	1,32	0,94	0,56	0,12	0,64	>0,01	0,018	15,27	98,77
3	19,46	0,65	3,25	53,04	0,48	1,60	0,82	1,43	0,11	0,5	>0,01	0,02	17,60	98,96
4	19,77	0,67	3,19	57,29	0,33	1,15	0,70	0,3	0,12	0,61	>0,01	0,01	14,48	98,62
5	19,41	0,65	3,06	55,11	0,32	1,17	0,86	0,09	0,10	0,45	>0,01	0,01	17,35	98,58
6	19,68	0,64	3,56	55,50	0,32	1,44	0,79	0,27	0,16	0,52	>0,01	0,01	15,95	98,84
7	24,24	0,63	4,84	52,72	0,50	1,62	1,05	1,64	0,34	0,61	>0,01	0,01	10,82	99,02
8	17,57	0,56	3,21	55,71	0,02	1,30	0,94	0,87	0,1	0,53	>0,01	0,004	18,01	98,83
9	18,46	0,54	3,44	53,92	0,08	1,25	0,96	1,13	0,13	0,51	>0,01	0,001	18,46	98,88
10	18,91	0,59	3,43	56,11	0,18	1,23	0,94	>0,1	0,17	0,7	>0,01	0,005	16,30	98,57
11	30,04	0,86	5,61	53,49	0,58	2,21	3,03	1,19	1,29	0,53	>0,01	0,02	-4,66	94,19
12	28,15	0,85	5,00	57,13	0,75	2,43	2,20	1,01	0,64	0,66	>0,01	0,016	-4,22	94,62
13	37,13	1,06	6,38	43,45	0,16	2,67	4,40	1,67	1,71	0,47	>0,01	0,01	-2,77	96,34
14	32,14	1,06	5,59	46,48	1,02	2,34	6,37	1,15	1,86	0,97	>0,01	0,02	-2,49	96,51

Примечание. 1–10 – железная руда; 11–14 – железные шлаки.

Результаты количественного спектрального анализа железных руд Шайтанского комплекса, мас. %

№ пп	Вещественный состав	Элемент	Fe общ.	Pb	Cu	Mn	V	Co	Cr	Ni	Zr	Ti	Zn	Mg	Al	Ca																
																	<i>Могильник Шайтан II</i>															
																	<i>И.О.</i>	<i>Образец</i>														
1	Гётит	МШ II К.6	45,53	0,0003	0,0011	1,453	0,0041	0,002	0,0012	0,0049	0,039	0,226	0,0066	0,149	1,39	0,132																
2	Сидерит	МШ II К.7 № 272	47,68	0,0003	0,0017	0,635	0,0029	0,002	0,0012	0,002	0,037	0,064	0,006	0,052	0,66	0,132																
3	Гётит	МШ II К.7 № 272	—	—	0,0013	0,91	0,0038	0,002	0,0012	0,0036	0,091	0,1	0,0073	0,072	0,85	0,035																
4	Гётит	МШ II Кв. 43-44 Мет об. 2	—	0,0003	0,0013	1,151	0,0028	0,002	0,0012	0,002	0,037	0,081	0,007	0,061	0,69	0,081																
5	Сидерит	МШ II Кв. 43-44 № 433	—	0,0003	0,0009	1,453	0,0026	0,002	0,0016	0,0006	0,041	0,153	0,0073	0,072	0,72	0,077																
6	Сидерит	МШ II Кв. 43-44 № 433	—	0,0004	0,0016	0,952	0,0037	0,002	0,0027	0,0022	0,052	0,216	0,006	0,069	0,92	0,14																
7	Гётит	МШ II Кв. 19 № 379	—	0,0003	0,003	0,663	0,0039	0,002	0,0016	0,0012	0,028	0,088	0,007	0,044	0,66	0,182																
8	Гётит	МШ II К.6 № 151	48,94	0,0003	0,0015	1,151	0,005	0,002	0,0016	0,0026	0,037	0,074	0,007	0,055	0,78	0,06																
9	Сидерит	МШ II К.6 № 261	—	0,0003	0,0016	1,673	0,0063	0,002	0,0012	0,001	0,045	0,081	0,0073	0,075	0,75	0,124																
10	Гётит	МШ II К.6 № 261	47,04	—	0,0011	0,83	0,0035	0,002	0,0012	0,0025	0,037	0,121	0,0079	0,052	0,78	0,038																
11	Гётит	МШ II К.6 № 69	—	0,0004	0,0024	3,285	0,0042	0,002	0,0023	0,0026	0,055	0,26	0,0101	0,124	1,08	0,109																
12	Сидерит	МШ II К.6 № 151	46,29	0,0003	0,0008	1,557	0,0039	0,002	0,0012	0,0014	0,064	0,117	0,0079	0,052	0,64	0,149																
13	Гётит	МШ II К.6 № 151	—	0,0004	0,0007	0,869	0,0041	0,002	0,0012	0,0019	0,05	0,092	0,0076	0,055	0,56	0,026																
14	Гидрогётит	МШ II К.9 № 821	43,62	0,0003	0,0012	1,955	0,0043	0,002	0,0012	0,0023	0,082	0,216	0,0099	0,099	0,85	0,104																
15	Гётит	МШ II 2006 К.9 № 100	48,12	0,0003	0,0007	0,952	0,0043	0,002	0,0012	0,0028	0,11	0,112	0,0102	0,058	0,72	0,035																
16	Гётит	МШ II № 285	—	0,0004	0,0008	0,793	0,0037	0,002	0,0012	0,0006	0,032	0,121	0,0082	0,039	0,82	0,045																
17	Гётит	МШ II № 281	49,09	0,0003	0,0007	1,673	0,0051	0,002	0,0012	0,0012	0,1	0,153	0,0086	0,064	0,66	0,064																
18	Сидерит	МШ II 2006 К.7 № 379	48,39	0,0003	0,0006	0,758	0,0028	0,002	0,0012	0,0009	0,039	0,084	0,0057	0,069	0,54	0,17																
19	Гётит	МШ II 2006 К.7 № 379	—	0,0003	0,0007	0,536	0,0035	0,002	0,0012	0,0011	0,037	0,141	0,0076	0,034	0,75	0,03																
<i>Городище Шайтан II</i>																																
20	Гётит	ГШ II	47,54	0,0003	0,0012	0,536	0,0043	0,002	0,0012	0,0007	0,035	0,181	0,0086	0,049	0,92	0,095																
21	Сидерит	ГШ II подьемка	45,86	0,0004	0,0011	0,514	0,0035	0,002	0,0012	0,0012	0,032	0,216	0,0076	0,084	0,82	0,082																
22	Гётит	ГШ II подьемка	45,37	0,0003	0,0014	0,83	0,0041	0,002	0,0016	0,0019	0,05	0,198	0,0076	0,102	1,28	0,056																

Городище Шайтан III

23	Гёйит	ГШ III № 1381	50,57	0,0003	0,0015	1,283	0,0038	0,002	0,0012	0,0006	0,041	0,096	0,0128	0,046	0,66	0,125
24	Гёйит	ГШ III № 539	–	0,0006	0,0025	1,557	0,0052	0,0163	0,0016	0,029	0,032	0,286	0,0185	0,09	0,88	0,807
25	Сидерит	ГШ III № 817	–	0,0003	0,0044	0,793	0,0048	0,002	0,0025	0,0013	0,058	0,153	0,0148	0,066	0,89	0,104
26	Гёйит	ГШ III № 2603	49,94	0,0003	0,0023	0,693	0,0039	0,002	0,0016	0,0022	0,041	0,081	0,0096	0,055	0,72	0,114
27	Гёйит	ГШ III № 980	46,58	0,0003	0,0016	1,044	0,0054	0,002	0,0038	0,0007	0,128	0,104	0,0102	0,075	1,04	0,14
28	Гёйит	ГШ III № 2304	49,73	0,0003	0,0018	0,793	0,006	0,002	0,018	0,0019	0,032	0,104	0,0092	0,102	1,18	0,114
29	Гёйит	ГШ III № 1861	50,85	0,0003	0,0019	0,758	0,0046	0,002	0,0016	0,0012	0,095	0,147	0,0113	0,061	0,92	0,077

Примечание. Здесь и в табл. 4 Fe общ. – рентенофлуоресцентный анализ, остальные – спектральный анализ. П.О. – предел обнаружения, минимальная концентрация, которую можно обнаружить данным методом. «←» – элемент не обнаружен. 1 г/т = 0,0001%. Исследования проводились в ЦКП АЦПС ГФ ТГУ. Аналитик – Агапова Е.Д., инженер ЦКП АЦПС ГФ ТГУ.

Таблица 4

Результаты количественного спектрального и рентенофлуоресцентного анализа железных шлаков, мас. %

№ п/п	Элемент П.О.	Fe общ.	Pb	Cu	Mn	V	Co	Cr	Ni	Zr	Ti	Zn	Ba	Mg	Al	Ca	P
<i>Могильник Шайтан II</i>																	
1	МШ II К.10 № 308	22,3	0,0003	0,004	1,673	0,0056	0,002	0,0012	0,0005	0,11	0,591	0,0063	0,026	0,3	2,26	1,13	0,276
2	МШ II К.7 № 292	48,14	0,0007	0,005	>5,	0,0076	0,002	0,0027	0,0005	0,176	0,974	0,007	0,038	>3	>3	1,78	0,109
3	МШ II Кв. 62–63 № 231	46,45	0,0003	0,0052	6,363	0,0056	0,002	0,0018	0,0005	0,095	0,64	0,0051	0,023	0,67	2,86	1,02	0,302
4	МШ II К.10 № 582	45,29	0,0007	0,0037	4,649	0,0028	0,002	0,0014	–	0,048	0,418	0,0057	0,018	0,56	2,07	0,91	0,358
5	МШ II К.6 № 519		0,0041	0,018	0,229	0,0348	0,002	0,0048	0,0082	0,023	0,67	0,0117	0,047	>3	>3	1,89	0,156
<i>Городище Шайтан III</i>																	
6	ГШ III № 1093		0,0012	0,0034	0,163	0,02	0,003	0,011	0,0017	0,071	0,91	0,0079	0,074	2,77	>3	1,67	0,302

7	ГШШ №347	40	0,0016	0,02	0,474	0,0029	0,002	0,0012	0,0019	0,017	0,478	0,0185	0,067	2,25	>3	>5	>3	
8	ГШШ №426	29,1	0,0003	0,01	1,044	0,0024	0,002	0,0012	–	0,043	0,198	0,0079	0,04	1,22	2,17	2,73	1,03	
9	ГШШ № 3202	39,15	0,0027	0,017	0,245	0,01	0,0022	0,0035	0,0057	0,027	0,57	0,0116	0,045	>3,	>3	3	0,276	
10	ГШШ № 3171	46,99	0,0007	0,01	1,151	0,0028	0,0025	0,0012	0,0022	0,074	0,207	0,0099	0,024	1	2,17	1,34	0,635	
<i>Городище Шайтан IV</i>																		
11	ГШШ IV	15,5	0,0028	0,0087	0,725	0,00394	0,002	0,011	0,0061	0,121	0,75	0,0092	0,045	>3,	>3	2,12	1,5	
<i>Поселение Шайтан I</i>																		
12	ПШ I Кв.2 г.3	11,58	0,0003	0,0054	3,92	0,0036	0,002	0,0023	0,0005	0,091	0,591	0,0051	0,034	0,4	2,48	1,13	0,302	
<i>Юрты Таганские</i>																		
13	Юрты Таганские	14,19	0,005	0,011	0,221	0,0077	0,002	0,0367	0,014	0,149	0,95	0,0096	0,069	>3,	>3	2,86	0,156	

Таблица 5

Химический состав железных руд Поздняковского месторождения, мас. %

№	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	TiO ₂	CaO	MgO	MnO	S	H ₂ O
1	11,83	4,57	61,13	0,19	1,8	–	1,19	0,02	10,72
2	9,28	2,88	68,86	0,17	1	1,08	4,61	0,01	14,58
3	6,88	4,31	50,48	0,13	1,47	0,28	12,96	0,03	11,57
4	6,71	3,38	64,5	0,17	1,15	2,16	8,33	0,02	18,08
5	10,75	6,11	53,2	0,36	1,25	0,27	12,61	0,04	12,5
6	6,49	2,38	70,45	0,2	0,46	0,44	3,86	0,01	12,32
7	10,79	4,8	59,87	0,2	1,56	1,19	5,81	0,02	13,78
8	16,36	3,43	50,46	0,28	0,86	2,49	10,12	0,03	12,58

Источник: Сидоров А.Ф. Поздняковское месторождение болотных железных руд (отчет о работах Поздняковской геолого-разведочной партии за 1942 г.). Томск, 1943 (фондовая).

Естественно, будет неверным просто сравнить количество каждого элемента в руде и шлаке, потому что их содержания разительно отличаются (Водясов, Зайцева, 2017). В целом шлаки более обогащены микроэлементами, что объясняется природой их формирования. К тому же на состав шлаков влияет не только руда. Так, часть фосфора (P), кальция (Ca) и калия (K) может перейти в шлак из используемого топлива, а часть алюминия (Al) – обогатить шлак за счет глиняных стенок горна (Serneels, Crew 1997; Crew 2007). На состав шлака влияют также используемые технологии, связанные с количеством потребляемого древесного угля, размером горна, силой дутья, использованием флюсов и т.д.

Одним из важнейших элементов в шлаке, помогающих установить исходную руду, является марганец (Olovčić et al. 2014: 866). Именно марганец практически полностью переходит из руды в шлак (Pleiner 2000: 252), при этом, в среднем, содержание Mn в шлаке в два раза превышает его содержание в используемой руде (Serneels, Crew 1997: 79, 82). Данный факт способствует идентификации древнего рудника для определенного археологического памятника, однако не во всех случаях, поскольку разные руды могут быть близки по содержанию марганца.

Для установления рудной базы успешным методом является сравнение не каждого элемента в руде и шлаке, а соотношения в парах или группах отдельно для руд и шлаков. Часто анализируются различные отношения оксидов MnO/TiO₂, MnO/MgO, Al₂O₃/CaO, K₂O/MgO, SiO₂/Al₂O₃, MgO/Al₂O₃ (Serneels, Crew 1997; Ingoglia, Triscari, Sabatino 2008; Charlton et. al 2013; Olovčić et al. 2014). Общий принцип заключается в том предположении, что соотношение определенных элементов в руде и выплавленных из нее шлаков должно быть одинаковым. В нашем случае, наиболее эффективным для идентификации средневековых рудников оказалось соотношение MnO/TiO₂.

Результаты и обсуждение

Исследование вещественного состава железных руд Шайтанского комплекса показало, что главными минералами являются гетит, гидрогетит и реже сидерит (см. табл. 3). Гетит и гидрогетит возникают при окислении железосодержащих минералов и сидерита в том числе. Содержание главного компонента Fe общ. варьирует от 43,62 до 50,85%, максимальные количества характерны для гетитовых руд.

Железные руды, обнаруженные на различных памятниках Шайтанского археологического комплекса, по своему составу можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся руды с невысоким содержанием MnO (не более 0,5%) и содержанием TiO₂ 0,5–0,75% (табл. 2, 3; рис. 2). Руда этой группы встречена только на городище Усть-Таган, которое как раз расположено на Киреевском проявлении сидерита, однако, принимая во внимание особенности перехода марганца и титана из руды в шлак, население, оставившее городища Усть-Таган, Шайтан-III, -IV, юрты Таганские и могильник Шайтан-II, пользовалось одним и тем же месторождением руды, о чем говорят анализы металлургических шлаков, которые также условно относятся к первой группе (рис. 2).

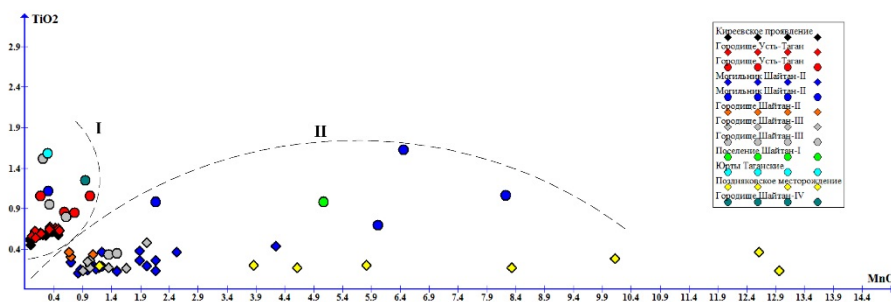

Рис. 2. Две группы железных руд и шлаков, диагностирующих использование двух рудных источников по соотношению MnO/TiO₂ (ромбы – руды, круги – шлаки)

Полное тождество состава руды первой группы и руды из Киреевского проявления сидерита (см. табл. 1) подтвердило существовавшую гипотезу о том, что киреевская руда являлась рудным источником шайтанской металлургии (Коноваленко и др. 2010).

Использование металлургами Шайтанского комплекса расположенной вблизи киреевской руды выглядит логичным и простым. Однако наблюдения показывают, что существовал и другой тип руды, используемый на шайтанских поселениях.

Руду второй группы отличает повышенное содержание MnO (0,7–3,5%) по сравнению с рудой из Киреевского проявления сидерита. Со-

держание TiO_2 , наоборот, меньше, чем в киреевской руде, и не превышает 0,35% (рис. 2). Руда с повышенным содержанием марганца и малым содержанием титана встречается на городищах Шайтан-II, Шайтан-III, поселении Шайтан-I и могильнике Шайтан-II. Об использовании руды второй группы говорят также выплавленные из нее железные шлаки второй группы с высоким содержанием MnO (1–8,2%).

Другой химический состав руды и шлаков второй группы показывает, что металлурги Шайтанского комплекса использовали несколько типов железных руд. При этом важно, что, несмотря на географическую близость Киреевского проявления сидерита, количество руды и шлаков **второй группы** на шайтанских памятниках превалирует.

В поисках нового открытого рудника для металлургии Шайтанского комплекса мы обратились к геологической литературе (Сидоров 1943; Хахлов, Рогозин, 1949; Иванов, Чернышев, Смоленцев, 1959; Артемьева, 1962; Асочакова, Коноваленко, 2010) и обнаружили, что единственной рудой во всем Приобье с близким содержанием марганца и титана является Поздняковское месторождение болотных руд (см. табл. 5, рис. 2), расположенное в 40 км к северу от Шайтанского археологического комплекса.

Поздняковское месторождение находится в Шегарском районе Томской области на правой пойменной террасе р. Оби в 1,3 км к югу от с. Поздняково (см. рис. 1). Первое научное описание (1941 г.) этих железных болотных руд принадлежит геологу К.А. Иванову (Сидоров 1943: 3). Месторождение находится на пойменной террасе Оби высотой 1–2 м от зеркала воды, поэтому во время весенних паводков почти всегда заливается. Обнаруженные 12 рудных тел, возраст которых определен как верхнечетвертичный, расположены вдоль берега реки на разных от него расстояниях (максимум 300–400 м от воды) и занимают общую площадь 0,4 км² (Сидоров 1943: 9–10).

Рудные тела залегают горизонтально, имеют довольно ровные верхние поверхности, которыми они выходят на перекрывающий их мало мощный растительный слой или непосредственно на современную дневную поверхность, большей частью в обнажениях берега. Мощность линз здесь варьируется от 0,1 до 1 м. В сложении правой пойменной террасы р. Оби на участке Поздняковского месторождения принимают участие молодые, верхнечетвертичные рыхлые образования, представленные илисто-глинистым материалом, тонко- и среднезернистыми песками, реже – галечниками, торфом и растительным слоем и заключенными в них болотными железными рудами.

Среднее содержание окиси железа в проанализированных образцах железной руды составило 56%, что говорит о хорошем качестве данной руды для производства железа. Для пяти рудных тел подсчитаны запасы в 10 тыс. т (Иванов, Чернышев, Смоленцев 1959: 378).

Таким образом, благодаря комплексным геоархеологическим исследованиям удалось установить, что население Шайтанского комплекса разрабатывало сразу два месторождения железных руд (Киреевское проявление сидерита и Поздняковское месторождение болотных руд).

Интересен вопрос о причинах одновременного использования двух месторождений руды. По всей видимости, средневековым металлургам было известно, что разные по составу руды способны дать разное по качеству железо. Известно, что железо, полученное из богатых марганцем железных руд, высоко ценилось за его превосходное качество, так как марганец повышал прочность, твердость изделия и его устойчивость к коррозии (Ples 2014). Богатые марганцем железные руды, доступные для древнего и средневекового населения, являлись большой редкостью в Евразии. По крайней мере, нам не известны другие железные руды, как и археологические шлаки с повышенным содержанием марганца в Западной Сибири. Это объясняет столь активное использование населением Шайтанского комплекса Поздняковского месторождения для производства высоких по прочности и качеству изделий. Не исключено, что поселения металлургов могли специально возникнуть в таежной зоне Томского Приобья для разработки этой редкой и богатой руды.

О разработке тюркскими плавильщиками одновременно разных рудников свидетельствуют письменные источники. В первой трети XX в. старики-тубалары (север современной Республики Алтай) рассказывали, что в прошлом плавильщики добывали железо из разных гор. Одни руды давали мягкую ковкую сталь, из других получалась хрупкая сталь (Потапов 1933: 28). Якутским металлургам были известны болотные руды, которые залегали неглубоко под землей, и сидеритовые руды, которые добывались по берегам рек из обнажений. Плавильщики прекрасно понимали, что разные типы железных руд влияют на качество и свойство выплавляемого железа. Одни руды шли на изготовление ножей, из других делали гвозди, третьи лучше всех подходили для изготовления топоров (Струминский 1948). Иногда получалось прекрасное мягкое железо, иногда высокого достоинства сталь, но чаще всего – гибкая, и вместе с тем доступная закалке сталь, которую якуты ценили выше остальных. Именно по этой причине якуты предпочитали добывать сидеритовые руды по берегам рек (Серошевский 1993: 368).

Письменные этнографические источники демонстрируют, что железорудные месторождения Сибири влияли на систему расселения металлургов. Якутские металлурги на рубеже XIX–XX вв. предпочитали селиться в непосредственной близости от выходов железной руды (Стрелов 1928: 55; Серошевский 1993: 368). Перевозить руду на 10–15 км от месторождений до поселка, где находились горны и мастерские, считалось обыкновением действием. Например, якутский плавильщик

Н.Е. Савин в начале XX в. жил рядом с Шестаковским месторождением, однако ездил за рудой на устье р. Тостур, т.е. на расстояние 12 км от своего дома. Сам Н.Е. Савин объяснял это низким качеством руды Шестаковского месторождения (Стрелов 1928: 58).

В 1842 г. алтайцы рассказывали, что руду для плавки железа кузнецы-металлурги добывают рядом с поселениями, где стоят их мастерские-железоплавильни (Розен 1983: 32–33). Подобная приуроченность характерна и для татар верховьев Томи XVII–XVIII вв. (Спасский 1819: 141; Гмелин 2003: 102–104). В материалах 1745–1746 гг., собранных инженером-капитаном С. Плаутиным, сообщается, что татары всех двоеданческих волостей Кузнецкого ведомства добывают железную руду непосредственно рядом со своими поселениями и плавят ее в своих юртах (Огурцов 2003: 164–165).

Касательно системы расселения шайтанских металлургов, любопытным фактом выступает то обстоятельство, что средневековые плавильщики при активной разработке Поздняковского месторождения не стали селиться рядом с ним, а обосновались в 40 км южнее. Скорее всего, это связано с тем, что вблизи Киреевского проявления сидерита, где группируются все памятники черной металлургии, в пойме р. Таган имеются благоприятные пастбища для ведения скотоводства, являющиеся наряду с металлургией главным занятием населения Шайтанского комплекса. В окрестностях Поздняковского месторождения отсутствует возможность содержания скота, поскольку в этом районе высокая терраса Оби вплотную подходит к реке, и пасти скот здесь крайне затруднительно. Возможно, по этой причине металлурги-скотоводы отказались селиться вблизи Поздняковского месторождения, а выбрали те природные ниши, которые способны были им дать все необходимые ресурсы для комплексного ведения хозяйства.

Заключение

Археологические материалы Шайтанского комплекса и геоархеологические исследования железных руд и шлаков ярко продемонстрировали, что технологии и традиции по разработке двух железорудных месторождений уходят в глубь веков и характерны для тюркских металлургов Западной Сибири уже в X–XI вв. Плавильщики тех времен прекрасно разбирались в свойствах железных руд, способных дать разное по качеству изделие – от мягкого железа до качественной стали. Эти традиции существовали в неизменном виде в культуре различных тюркских народов Сибири вплоть до XIX в. и были прерваны русской колонизацией.

Литература

- Анкушев М.Н., Юминов А.М., Зайков В.В., Носкевич В.В. Медные рудники бронзового века в Южном Зауралье // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2018. Т. 23. С. 87–110.
- Артемяева Е.Л. Отчет о поисках месторождений железных болотных руд в Шегарском, Кожевниковском и Томском районах Томской области. Томск, 1962 (Томская комплексная экспедиция) (фондовая).
- Асочакова Е.М., Коноваленко С.И. К геохимии оолитовых и болотных железных руд Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 222–225.
- Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан-III // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 33–39.
- Водясов Е.В. Городище Усть-Таган: памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 1 (19). С. 84–98.
- Водясов Е.В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тернистый путь черной металлургии в таежном Обь-Иртышье // Stratum plus. 2017. № 6. С. 237–250.
- Водясов Е.В., Зайцева О.В. Что может рассказать археологу железный шлак? // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 107–115.
- Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734») // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. С. 86–108.
- Григорьев С.А. Проблема рудной базы, использования флюсов и организации производства в древней металлургии Южного Урала // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Научная книга, 2007. Вып. 5. С. 176–199.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 101–115.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Ткачев В.В. Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 37–46.
- Иванов К.В. Чернышев Г.А., Смоленцев Ю.К. Геологическое строение и полезные ископаемые листа 0-45-XXXI (Окончательный отчет Киреевской геолого-съёмочной партии за 1958–1959 гг.). Томск: Томская комплексная экспедиция, 1959 (фондовая).
- Коноваленко С.И., Асочакова Е.М., Барсуков Е.В., Зайцева О.В. Вещественный состав шлаков и руд железнорудного производства на территории Шайтанского комплекса средневековых археологических памятников в Томском Приобье // Минералогия техногенеза-2010. Миасс: ИминУрО РАН, 2010. С. 196–206.
- Наумов А.Н. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV вв. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008.
- Огуцов А.Ю. Материалы военно-инженерной разведки 1745–1746 гг. на Алтае и в Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. С. 159–165.
- Потанов Л.П. Очерк истории Ойротии: алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск: ОГИЗ, 1933.
- Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 19–35.

- Семыкин Ю.А. Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском междуречье // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 161–178.
- Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
- Сидоров А.Ф. Поздняковское месторождение болотных железных руд (отчет о работах Поздняковской геолого-разведочной партии за 1942 г.). Томск, 1943 (фондовая).
- Снопков С.В., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Харинский А.В., Кожневиков Н.О. Источники руды для производства железа в древности: Курминский археологический участок // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. № 9. С. 10–30.
- Спасский Г. Сибирский вестник. СПб., 1819. Т. 7.
- Стрелов Е.Д. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по р.р. Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. № 1. Якутия: Издание Госплана, 1928. С. 48–63.
- Струминский М.Я. Кустарный способ добычи руды и выплавки из нее железа якутами // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Якутгосиздат, 1948. С. 49–59.
- Хахлов В.А., Рагозин Л.Л. Объяснительная записка к Государственной геологической карте листа О-45 масштаба 1:1000 000. М.; Л.: Госгеолтехиздат, 1949 (фондовая).
- Эбель А.В. Новые памятники древней и средневековой металлургии южной части Чуйской котловины // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). Материалы международной научно-практической конференции (20–23 апреля 2014 года). Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2014. С. 51–56.
- Charlton M.F., Crew P., Rehren T., Shennan S.J. Measuring variation in iron smelting slags: an empirical evaluation of group-identification procedures // The World of Iron (J. Humphris and Th. Rehren, eds). London: Archetype Publications, 2013. P. 421–430.
- Crew P. CaO enhancement in slags: the influence of fluxing or fuel ash? // Early Ironworking in Europe II conference. Plas Tan y Bwlch, 2007. P. 50–52.
- Iles L. The exploitation of manganese-rich 'ore' to smelt iron in Mwenge, western Uganda, from the mid second millennium AD // Journal of Archaeological Science. 2014. № 49. P. 423–441.
- Ingolia C., Triscari M., Sabatino G. Archaeometallurgy in Messina: Iron slag from a dig at block P, laboratory analyses and interpretation // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2008. Vol. 8, № 1. P. 49–60.
- Matasova G.G., Kazansky A.Y., Kozhevnikov N.O., Snpokov S.V., Kharinsky A.V. A Rock-Magnetic Quest for Possible Ore Sources for the Ancient Iron-Smelting Industry in the Olkhon Region (Lake Baikal, Siberia) // Archaeometry. 2017. № 59 (3). P. 511–527.
- Olovčić A., Memić M., Žero S., Huremović J., Kahrović E. Chemical Analysis of Iron Slags and Metallic Artefacts from Early Iron Age // International Research Journal of Pure & Applied Chemistry. 2014. № 4 (6). P. 859–870.
- Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. Archeologický ústav AVČR, 2000.
- Serneels V., Crew P. Ore-slag relationships from experimentally smelted bog-iron ore // Early Ironworking in Europe, archaeology and experiment. International Conference Plas Tan y Bwlch, 1997. P. 78–82.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The Appearance and Development of Iron Production on the Border Between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region) // Bylye Gody. 2015. № 3. P. 472–478.
- Vodyasov E.V., Zaitseva O.V., Pushkaryov A.A., Barsukov E.V. Shaitan medieval mining and metallurgical complex (Western Siberia, 10th–17th centuries) // Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia. 2015. № 1. С. 145–152.
- Zaitseva O.V., Vodyasov Ye.V. Iron smelting and death: the ritual complex of Shaitan-II burial site // Ancient metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia. Materials of The 1st International Scientific Conference, dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences,

Professor Yakov Ivanovich Sunchugashev (Abakan, September 23–27, 2015). Abakan ; Ehime, 2015. P. 153–158.

Статья поступила в редакцию 08 июня 2020 г.

Vodyasov Evgeny V. and Asochakova Evgenia M.

IN SEARCH OF IRON ORE MINES: A GEO-ARCHAEOLOGICAL PERSPECTIVE*

DOI: 10.17223/2312461X/28/11

Abstract. The article elaborates on the search for the iron-ore basis of the Shaitan archaeological complex, a major iron making centre of Western Siberia in the second millennium AD, with particular attention paid to the issue of identifying the iron ore used on the site via geo-chemical analyses. The MnO/TiO₂ ratio proved to be a good indicator of medieval mines. The geo-chemical analyses showed that from the tenth to the seventeenth centuries two iron mines were operated within the Shaitan archaeological complex – the occurrence of siderite in the Kireevsk area and bog ore deposits in the Pozdnyakovo area, the two situated within 40 kilometers from one another. The tradition of various ores being used by the same population has been revealed for the first time in the archaeology of Western Siberia. We hypothesise that Shaitan smelters widely used different types of ore due to the quality of iron made by them. Unlike the Kireevsk siderite ores, the Pozdnyakovo bog ores are rich in manganese (1.2 to 13%) which increased the strength and hardness of the produced iron. Such ores are rarely found in Northern Eurasia. Perhaps for that reason the amount of the Pozdnyakovo ore and slag with a high content of manganese (1 to 8.2%) is prevalent on the Shaitan complex sites. We further hypothesise that metallurgists founded settlements in the taiga zone of the Tomsk Ob region specifically for the purpose of extracting this rare and valuable ore. Analysis of archaeological, ethnographic and written sources established that indigenous peoples of Western Siberia started to deal with various ores at the turn of the first and second millennia AD and used these continuously up until the late nineteenth and the early twentieth centuries.

Keywords: Shaitan metallurgical complex, iron metallurgy, iron ore mines, Western Siberia, Middle Ages

* The article is written as part of the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

References

- Ankushev M.N., Iuminov A.M., Zaikov V.V., Noskevich V.V. Mednye rudniki bronzovogo veka v Iuzhnom Zaural'e [Copper mines of Bronze Age in Southern Trans-Urals], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»*, 2018, Vol. 23, pp. 87–110.
- Artem'eva E.L. *Otchet o poiskakh mestorozhdenii zheleznykh bolotnykh rud v Shegarskom, Kozhevnikovskom i Tomskom raionakh Tomskoi oblasti* [Report on the search for bog iron ore in the Shegarska, Kozhevnikovo and Tomsk areas of the Tomsk region]. Tomsk, 1962 (Tomskaiia kompleksnaia ekspeditsiia) (fondovaia).
- Asochakova E.M., Konovalenko S.I. K geokhimii oolitoovykh i bolotnykh zheleznykh rud Tomskoi oblasti [On geochemistry of oolitic and bog iron ore in the Tomsk region], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 341, pp. 222–225.
- Barsukov E.V. «Temnyi vek» srednevekovoi arkheologii Tomskogo Priob'ia: rezul'taty izucheniia postroiki XV v. na gorodishche Shaitan-III [The "dark age" in the medieval archaeology of the Tomsk Ob area: Results of a study of a 15th century construction at the Shaitan III fortified settlement], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2016, no. 5 (43), pp. 33–39.

- Vodiasov E.V. *Chernaia metallurgii v Ob'-Tomskom mezhdurech'e v epokhu srednevekov'ia*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [Black metallurgy in the Ob-Tom interfluvium in the Middle Ages. Summary of Cand.Sc. (History) dissertation]. Kemerovo, 2012.
- Vodiasov E.V. Gorodishche Ust'-Tagan: pamiatnik chernoi metallurgii Verkhnego Priob'ia [Ust-Tagan hillfort: An iron smelting site in the upper Ob river region], *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniĭ*, 2018, Vol. 1 (19), pp. 84–98.
- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Ternistyĭ put' chernoi metallurgii v taezhnom Ob'-Irtyshe [The treacherous path of ironmaking in the taiga zone of the Ob-Irtys' river region], *Stratum plus*, 2017, no. 6, pp. 237–250.
- Vodiasov E.V., Zaitseva O.V. Chto mozhet rasskazat' arkheologu zheleznyi shlak? [What can iron slag tell an archaeologist?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2017, no. 47, pp. 107–115.
- Gmelin I.G. Poezdka po Rudnomu Altaiu v avguste-sentiabre 1734 g. (iz knigi «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734») [A trip across Rudnyĭ Altai in August and September of 1734 (based on the book 'Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734')]. In: *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquities]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 2003, pp. 86–108.
- Grigor'ev S.A. Problema rudnoi bazy, ispol'zovaniia flusov i organizatsii proizvodstva v drevnei metallurgii Iuzhnogo Urala [The issue of ore sources and flux use in the ancient metallurgy of South Ural]. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi stepi* [The archaeology of the East European steppe]. Saratov: Nauchnaia kniga, 2007, Vol. 5, pp. 176–199.
- Zaikov V.V., Luminov A.M., Dunaev A.Iu., Zdanovich G.B., Grigor'ev S.A. Geologomineralogicheskie issledovaniia drevnykh mednykh rudnikov na Iuzhnom Urale [Geological and mineralogical research on ancient South Ural copper mines], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2005, no. 4, pp. 101–115.
- Zaikov V.V., Luminov A.M., Tkachev V.V. Mednye rudniki, khromitsoderzhashchie mednye rudy i shlaki Ishkininskogo arkheologicheskogo mikroraiiona (Iuzhnyi Ural) [Copper mines, chromite copper ores and slags in the Ishkinino archaeological micro-region (South Ural)], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2012, no. 2 (50), pp. 37–46.
- Ivanov K.V., Chernyshev G.A., Smolentsev Iu.K. *Geologicheskoe stroenie i poleznye iskopaemye lista 0-45-XXXI (Okonchatel'nyi otchet Kireevskoi geologo-s'emochnoi partii za 1958–1959 gg.)* [The geological structure and minerals, 0-45-XXXI (Finalized report by the Kireevsk geological survey group for 1958–1959)]. Tomsk: Tomskaia kompleksnaia ekspeditsiia, 1959. (fondovaia).
- Konovalenko S.I., Asochakova E.M., Barsukov E.V., Zaitseva O.V. Veshchestvennyi sostav shlakov i rud zhelezodelatelnogo proizvodstva na territorii Shaitanskogo kompleksa srednevekovykh arkheologicheskikh pamiatnikov v Tomskom Priob'e [The composition of slag and ore used in iron production on medieval archaeological sites of the Shaitan complex in the Tomsk-Ob river region]. In: *Mineralogiia tekhnogeneza-2010: Nauchnoe izdanie* [The mineralogy of techno-genesis – 2010: A research edition]. Miass: IminUrO RAN, 2010, pp. 196–206.
- Naumov A.N. *Chernaia metallurgii i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamiatnikakh Kulikova polia v kontse XII - tret'ei chetverti XIV vv.* [Black metallurgy and iron processing on rural sites of the Kulikovo field in the late 12th to the third quarter of the 14th centuries]. Tula: Gos. muzei-zapovednik «Kulikovo pole», 2008.
- Ogurtsov A.Iu. Materialy voenno-inzhenernoi razvedki 1745-1746 gg. na Altai i v Saianakh kak istochnik po ekonomike korennykh narodov Iuzhnoi Sibiri [Military-engineering survey materials collected in the Altai and Sayan regions for the years 1745 and 1746 as a source on the indigenous economy of South Siberia]. In: *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk antiquities]. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaia krepost'», 2003, pp. 159–165.
- Potapov L.P. *Ocherk istorii Oirotii: altaiŭy v period russkoi kolonizatsii* [Essays on the history of Oyrotiya: the Altaians during the Russian colonisation]. Novosibirsk: OGIZ, 1933.

- Rozen M.F. Drevniaia metallurgii i gornoe delo na Altae [Ancient metallurgy and mining in Altai]. In: *Drevnie gorniaki i metallurgi Sibiri* [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul: Izd-vo AGU, 1983, pp. 19–35.
- Semykin Iu.A. Syr'evye istochniki metallurgii zheleza drevnosti i srednevekov'ia v Volgo-Sviiazskom mezhdurech'e [Raw material sources for iron metallurgy in the Volga-Sviyaga interfluvium in the ancient and medieval period], *Povolzhskaya arkheologiya*, 2015, no. 1 (11), pp. 161–178.
- Seroshevskii V.L. *Iakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakut. An ethnographic study]. 2nd ed. Moscow, 1993.
- Sidorov A.F. *Pozdniakovskoe mestorozhdenie bolotnykh zheleznykh rud (otchet o rabotakh Pozdniakovskoi geologo-razvedochnoi partii za 1942 g.)* [The Pozdnyakovo bog iron ore deposit (Report on the work of the Pozdnyakovo geological survey group for the year 1942)]. Tomsk, 1943 (fondovaia).
- Snopkov S.V., Matasova G.G., Kazanskii A.Iu., Kharinskii A.V., Kozhevnikov N.O. Istochniki rudy dlia proizvodstva zheleza v drevnosti: Kurminskii arkheologicheskii uchastok [Sources of ore for iron production in the past: Kurma archaeological location], *Izvestiia Laboratorii drevnykh tekhnologii*, 2012, no. 9, pp. 10–30.
- Spasskii G. *Sibirskii vestnik* [Siberian newsletter]. St. Petersburg, 1819, Vol. 7.
- Strelov E.D. K voprosu ob ekspluatatsii zalezhei zheleznykh rud po r.r. Botome i Liutenge (po arkhivnym dannym) [On the use of iron ore deposits on the rivers Buotoma and Liutenge (based on archival data)]. In: *Khoziaistvo Iakutii* [The economy of Yakutia]. Vol. 1. Iakutiia: Izdanie Gosplana, 1928, pp. 48–63.
- Struminskii M.Ia. Kustarnyi sposob dobychi rudy i vyplavki iz nee zheleza iakutami [The Yakut artisanal way of ore extraction and iron smelting]. In: *Sbornik materialov po etnografii iakutov* [A collection of papers on the ethnography of the Yakut]. Iakutsk: Iakutgosizdat, 1948, pp. 49–59.
- Khakhlov V.A., Ragozin L.L. *Ob"iasnitel'naia zapiska k Gosudarstvennoi geologicheskoi karte lista O-45 mashtaba 1:1000 000* [Explanatory note on the State Geological Map (1:1000 000), O-45]. Moscow; Leningrad: Gosgeoltekhizdat, 1949 (fondovaia).
- Ebel A.V. Novye pamiatniki drevnei i srednevekovoi metallurgii iuzhnoi chasti Chuiskoi kotloviny [New ancient and medieval metallurgy sites in the south of the Chuya intermountain basin]. In: *Istoriia i kul'tura narodov Iugo-Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliia, Kitai). Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20-23 apreliia 2014 goda)* [The history and culture of the peoples of South-Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, and China). Proceedings of the International research conference held on 20 to 23 April 2014]. Gorno-Altai: RIO Gorno-Altai'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, pp. 51-56.
- Charlton M.F., Crew P., Rehren T., Shennan S.J. Measuring variation in iron smelting slags: an empirical evaluation of group-identification procedures. In: *The World of Iron* (J. Humphris and Th. Rehren, eds). London: Archetype Publications, 2013, pp. 421–430.
- Crew P. CaO enhancement in slags: the influence of fluxing or fuel ash? In: *Early Ironworking in Europe II conference*, Plas Tan y Bwlch, 2007, pp. 50–52.
- Iles L. The exploitation of manganese-rich 'ore' to smelt iron in Mwenge, western Uganda, from the mid second millennium AD. *Journal of Archaeological Science*, 2014, no. 49, pp. 423–441.
- Ingoglia C., Triscari M., Sabatino G. Archaeometallurgy in Messina: Iron slag from a dig at block P, laboratory analyses and interpretation, *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 2008, Vol. 8, no. 1, pp. 49–60.
- Matasova G.G., Kazansky A.Y., Kozhevnikov N.O., Snopkov S.V., Kharinsky A.V. A Rock-Magnetic Quest for Possible Ore Sources for the Ancient Iron-Smelting Industry in the Olkhon Region (Lake Baikal, Siberia), *Archaeometry*, 2017, no. 59 (3), pp. 511–527.
- Olovčić A., Memić M., Žero S., Huremović J., and Kahrović E. Chemical Analysis of Iron Slags and Metallic Artefacts from Early Iron Age, *International Research Journal of Pure & Applied Chemistry*, 2014, no. 4(6), pp. 859–870.

- Pleiner R. *Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters*. Archeologický ústav AVČR, 2000.
- Serneels V., Crew P. Ore-slag relationships from experimentally smelted bog-iron ore. In: *Early Ironworking in Europe, archaeology and experiment*. International Conference Plas Tan y Bwlch, 1997, pp. 78–82.
- Vodyasov E.V., Zaitseva O.V. The Appearance and Development of Iron Production on the Border Between the «Steppe» and «Taiga» Cultural Worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region), *Bylye Gody*, 2015, no. 3, pp. 472–478.
- Vodyasov E.V., Zaitseva O.V., Pushkaryov A.A., Barsukov E.V. Shaitan medieval mining and metallurgical complex (Western Siberia, 10th–17th centuries), *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*, 2015, no. 1, pp. 145–152.
- Zaitseva O.V., Vodyasov Ye.V. Iron smelting and death: the ritual complex of Shaitan-II burial site. In: *Ancient metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. Materials of the 1st International Scientific Conference, dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yakov Ivanovich Sunchugashev (Abakan, September 23–27, 2015). Abakan – Ehime, 2015, pp. 153–158.

MISCELLANEA

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/28/12

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ БЕДРЕННОЙ КОСТИ ИЗ УСТЬ-ИШИМА*

Мария Борисовна Медникова,
Сергей Михайлович Слепченко,
Александра Петровна Бужилова

Аннотация. В XXI в. в фокусе внимания эволюционных антропологов оказалась Сибирь, изучение которой способно пролить свет на механизмы ранних миграций и взаимодействие разных ветвей рода *Homo* в эпоху плейстоцена. В свете данных об активном заселении азиатской части континента представителями разных групп архаического человечества (денисовцами и неандертальцами) палеоантропологическая находка из Усть-Ишима на территории Омской области уникальна. По результатам предшествующего генетического исследования, эта левая бедренная кость принадлежит самому раннему представителю *Homo sapiens*, выявленному в настоящий момент в Евразии, по результатам прямого радиоуглеродного датирования и оценке методом молекулярных часов, жившего 46–49 тыс. лет назад. Популяция усть-ишимца дивергировала от предков современных западных и восточных евразийцев еще до того, как они разделились. В данной статье морфология бедренной кости Усть-Ишим рассмотрена на широком сопоставительном фоне с учетом разнообразия ранних, синхронных и более поздних форм ископаемого человека (эректусов, гейдельбергских людей, анатомически современных людей Схул-Кафзех, неандертальцев и кроманьонцев). Принадлежность представителям современного человека подтверждается наличием определенных особенностей строения и, прежде всего, формой центральной части диафиза и присутствием хорошо сформированного пиялэстра. Выявлено максимальное сходство усть-ишимского мужчины с поздними кроманьонцами западной и центральной Европы. Наибольшие различия обнаружены с африканскими эректусами, группой Схул-Кафзех. Важные диагностические признаки (форма в середине диафиза бедренной кости) сближает усть-ишимца с некоторыми гейдельбергскими людьми из Африки – возможными предками таксона *Homo sapiens*. Находка из Усть-Ишима занимает наименее дифференцированное положение в поле изменчивости бедренных костей представителей рода *Homo* в целом. Результаты нашей работы подтверждают вынесенное ранее генетиками суждение о том, что мужчина из Усть-Ишима – осколок одной из наиболее ранних, инициальных миграций из Африки.

Ключевые слова: Усть-Ишим, *Homo*, плейстоцен, палеолит, бедренная кость, ранние сапиенсы

* Исследование выполнено в рамках госзадания, темы № АААА-А18-118011790092-5 и АААА-А17-117050400143-4.

Введение

На протяжении долгого времени обсуждение вопросов становления современного человечества включало рассмотрение тропических регионов и европейского континента. Однако в XXI в. в фокусе внимания эволюционных антропологов оказалась обширная территория Сибири, изучение которой способно пролить свет на механизмы ранних миграций и взаимодействие разных ветвей рода *Homo* в эпоху плейстоцена. Планомерные раскопки на территории среднегорного Алтая привели к сенсационному открытию нового таксона ископаемых людей – денисовцев, заселивших этот регион еще 300 тысяч лет назад (Природная среда... 2003; Krause et al. 2010). Раскопки пещер Денисовой, Чагырской и им. академика Окладникова способствовали открытию человеческих останков, соотнесенных с неандертальцами (Медникова 2011; Mednikova 2011; Viola et al. 2012; Viola, Mednikova, Buzhilova 2018). Коллаборация археологов, палеогенетиков и специалистов в области абсолютного датирования привела к сенсационным выводам о метисации денисовцев и неандертальцев, на протяжении длительного периода совместно осваивавших Южную Сибирь 150–50 тыс. лет назад (Slon et al. 2018). Множатся данные, подтверждающие факты неоднократных миграций неандертальцев на Алтай, причем эти мигранты принадлежали к разным по происхождению и хронологии группам (Mednikova 2015; Buzhilova et al. 2017; Mednikova, Shunkov, Markin 2017; Kolobova et al. 2020). В частности, вектор этих миграций прочно связывает территорию Ближнего Востока (Леванта) и Сибирь (Медникова 2011). По данным палеогенетики, первые неандертальские мигранты на Алтай – потомки палеопопуляции, имевшие генетические контакты с представителями анатомически современных сапиенсов, по-видимому, ближневосточного происхождения (Prufer et al. 2013; Kuhlwilm et al. 2016). Другая волна неандертальской миграции была связана родственными связями с неандертальцами Европы. Но денисовцы и неандертальцы разного происхождения были не единственными обитателями Евразии, в их генофонде обнаружены следы иного, возможно, более реликтового населения.

Прогресс в области популяционной генетики и биоинформатики позволяет на новом уровне обсуждать эпизоды гибридизации далеко дивергировавших групп ископаемых людей (Rogers, Harris, Achenbach 2020). В статье А. Роджерса с соавторами был аргументирован тезис, что общие предки денисовцев и неандертальцев отделились от предков сапиенсов порядка 750 тыс. лет назад. В процессе моделирования были подтверждены эпизоды гибридизации, приведшие к притоку генов от реликтовых *Homo sp.* к денисовцам и от ранних сапиенсов к алтайским неандертальцам. Кроме того, авторы предполагают, что еще раньше

имел место эпизод скрещивания этих архаических *Ното* с популяцией общих предков неандертальцев и денисовцев.

В свете данных об активном заселении азиатской части евразийского континента представителями разных групп архаического человечества находка Усть-Ишим 1 абсолютно уникальна. Левая бедренная кость была найдена Н.В. Перистовым на берегу Иртыша в Омской области (57°43' с. ш., 71°10' в. д.) в месте скопления позднеплейстоценовых отложений в 8–10 м над уровнем водной поверхности. На фоне районированных с ней костных останков неоплейстоценовой мамонтовой фауны и средневековых останков из этого региона кость из Усть-Ишима выделяется высокой степенью сохранности первичных биологических свойств и органического состава, что позволило успешно применить различные естественнонаучные методы для ее анализа (Силаев и др. 2017).

Прямым радиоуглеродным датированием этой кости в лаборатории Оксфордского университета (Oxford Radiocarbon Accelerator Unit) были получены калиброванные даты: 45 770–44 010 лет назад (68,2% вероятности) и 46 880–43 210 лет назад (95,4% вероятности) (Kuzmin et al. 2014).

Особый интерес представляют результаты палеогенетического исследования, основанного на анализе девяти образцов костной ткани (Fu et al. 2014). Усть-ишимская бедренная кость принадлежала мужчине, представителю популяции, имевшей больше общего с современными евразийцами, чем с африканцами. По мнению исследователей, это отражает эффект «бутылочного горлышка», ограничившего генетическое разнообразие при миграции определенной группы сапиенсов из Африки. Последовательность митохондриальной ДНК усть-ишимского мужчины совпадает с корнем обширной R гаплогруппы, а последовательность Y хромосомы – с гаплогруппой K(xLT), распространенных сегодня в пределах Евразии. Методом молекулярных часов, основанном на предполагаемой скорости мутаций, хронологический возраст этой находки оценивается в среднем в 49 тыс. лет назад. Исключение из анализа африканских групп показало, что усть-ишимец не разделяет родства с какой-либо определенной современной группой. По предположениям генетиков, популяция усть-ишимца дивергировала от предков современных западных и восточных евразийцев еще до того, как они разделились. Это объясняет равноудаленность или одинаковую степень родства усть-ишимца и с современными азиатами, и с верхнепалеолитическими европейцами периода 24–8 тыс. лет назад. Однако с современными европейцами усть-ишимский человек не имеет общих корней, что подтверждает изменение генофонда европейского населения, начиная с эпохи мезолита.

Полученные по геному человека из Усть-Ишима данные были использованы в построении калиброванного филогенетического древа,

основанного на бинарном анализе нуклеотидных вариантов Y-хромосомы 1,2 тыс. современных мужчин из различных географических регионов и нескольких геномов древних сапиенсов (Poznik et al. 2016). Важно отметить, что в ходе этого сравнительного исследования удалось уточнить раннюю дифференциацию K2a, которая примерно 50 тыс. лет назад откололась от ветви, ведущей к гаплогруппам N и O. Подтверждено, что разнообразие Y-хромосом может быть сформировано нейтральными демографическими процессами. В результате анализа отмечен экстремальный рост числа мужчин в доисторические периоды за счет независимых миграционных событий, которые археологи выделяют, прежде всего, по инновациям индустрий. Исследователи подчеркивают соответствие разработанной схемы с данными археологии и выделяют первоначальное заселение большей части Евразии современными людьми примерно 50–55 тыс. лет назад, так же как раннюю колонизацию Америки около 15 тыс. лет назад.

Таким образом, по данным генетики, усть-ишимский человек – самый ранний известный *Homo sapiens* за пределами Африки и Ближнего Востока.

Успехи генетических исследований, казалось бы, затеяют сегодня результаты традиционных морфологических изысканий. Вместе с тем это направление физической антропологии долгое время было единственным источником информации о происхождении разных групп населения, и специалистами накоплены обширные сравнительные сведения об анатомическом разнообразии человечества, что позволяет успешно анализировать морфологические особенности для дифференциации ископаемых находок.

Первые данные о морфологических особенностях бедренной кости из Усть-Ишима

Уже в первой публикации было отмечено, что находка Усть-Ишим 1 представлена достаточно полно сохранившимся диафизом левой бедренной кости, в проксимальной части разрушенным на уровне малого вертела (Viola et al. 2014). Отсутствие реперных точек в нижней части фрагмента даже при использовании современных методов трехмерной визуализации не позволило применить уравнения регрессии. Наибольшая длина бедренной кости Усть-Ишим 1 определена в широком диапазоне 430–460 мм. Отмечалось, что область дельтовидной бугристости достаточно хорошо сохранилась, несмотря на частичные поверхностные повреждения. На уровне сломанного малого вертела исследователи заметили небольшое повышение подовальной формы (14×6 мм), интерпретированное как третий вертел. Здесь берет начало ягодичная бугристость, которая распространяется дистально, объединяясь 69 мм ниже с

латеральной губой шероховатой линии. Соответственно, на усть-ишимской кости существует контрфорс, латерально от ягодичной бугристости отделенный неглубокой бороздой, которая лучше определяется при пальпации в среднем течении шероховатой линии. Книзу от малого вертела хорошо выражена спиральная линия, а вот гребешковая линия неразличима. Благодаря сильно развитому ягодичному контрфорсу диафиз слегка изогнут в переднезаднем направлении. Однако, как отмечали Б. Виола с соавторами, степень изгиба не могла быть количественно определена из-за имеющегося повреждения бедренной кости в ее нижней части. В середине диафиза сформирован крупный пиястр, который выступает над поверхностью на 5 мм проксимально от середины и на 7,5 мм на уровне питательного отверстия. Латерально от пиястра в срединной части прослеживается широкая борозда, идущая книзу. Медиально от пиястра в срединной области присутствует узкая и неглубокая борозда. Питательное отверстие расположено в 40 мм ниже середины диафиза, непосредственно на самом пиястре. Рядом с нижним разломом кости передняя и внутренняя поверхности уплощены. Положение сильно изогнутой внутрь медиальной супракондиллярной линии позволило предположить, что этот фрагмент достигал вершины ягодичной поверхности.

В этой же публикации впервые была рассмотрена сравнительная морфология кости Усть-Ишим 1 и был сделан вывод о соответствии строения в верхней части ее диафиза особенностям верхнепалеолитических представителей современной анатомии. У неандертальцев и представителей группы Схул-Кафзех слабее выражена ягодичная бугристость, а диафиз был округлой формы. Верхнепалеолитические бедренные были сильнее развиты в переднезаднем направлении. По значению указателя платиметрии Усть-Ишим 1 больше, чем на одну сигму, отличается от неандертальцев и ранних ближневосточных сапиенсов группы Схул-Кафзех. Степень изогнутости диафиза бедренной, по мнению цитируемых авторов, не обладает большой диагностической значимостью при разграничении неандертальцев и анатомически современных людей, поскольку в палеолите и те и другие испытывали серьезные физические нагрузки, моделировавшие скелет сходным образом. Но, по их данным, значение указателя пиястрии для кости из Усть-Ишима соответствует верхней границе размаха изменчивости у неандертальцев, будучи несколько выше, чем у ранних верхнепалеолитических сапиенсов, сходно с индексом у верхнепалеолитических людей, переживших максимум оледенения, и ниже, чем в группе Схул-Кафзех. По особенностям геометрии поперечного сечения середины мужчина из Усть-Ишима близок кроманьонцам и ранним анатомически современным людям, а не неандертальцам.

Таким, образом, ранее было констатировано, что бедренная кость из Усть-Ишима в основном соответствует современным анатомическим

особенностям, отличаясь от неандертальцев. Однако, учитывая сложность миграционных процессов в эпоху плейстоцена, затронувших Евразию, раннюю датировку усть-ишимской находки, нам представлялось важным более подробное рассмотрение морфологических параметров на широком сопоставительном фоне с учетом разнообразия ранних, синхронных и более поздних форм.

Материал и методы

В рамках данной работы по стандартной остеометрической методике скользящим циркулем и электронным калипером были проведены измерения бедренной кости Усть-Ишим 1 (Алексеев 1966). Для сравнения привлекались данные по морфологии бедренных костей *Homo erectus*, *Homo heidelbergensis*, среднеплейстоценовых африканских гоминин, ранних представителей анатомически современного человека из группы Схул-Кафзех, европейских и азиатских неандертальцев, кроманьонцев (всего 68 ископаемых находок – Schaafhausen 1858; Fraipont, Lohest 1887; Bonnet 1919; Pycraft et al. 1928; Matiegka 1938; McCown, Keith 1939; Tweisselmann 1961; Suzuki, Takai 1970; Arensburg, Bar Yosef 1973; Day, Leakey 1973a, 1973b; Gieseler 1977; Leakey, Leakey, Behrensmeyer 1978; Sigmon 1982; Trinkaus 1983; Leakey, Walker 1985; Formicola 1988; Formicola et al. 1990; Svoboda, Vlcek 1991; Walker, Leakey 1993; Hershkovitz et al. 1995; Grine et al. 1995; Pearson 1997; Shang, Trinkaus 2010). В том числе были использованы оригинальные измерения бедренных костей Ля Ферраси 1, 2, Ля Шаппель-о-Сен, Кроманьон, Костенки 14, Сунгирь 1, Абри Пато, выполненные М.Б. Медниковой.

С учетом заметного изгиба диафиза кости и ее передне-задней уплощенности в определенных областях был подобран сравнительный материал палеолитических находок с морфологическими отклонениями бедренной кости на примере индивидов из памятников Назлет Катер, Арен Кандид, Берг Аукас, Дольни Вестонице, Сунгирь и Тянянь для обсуждения сходства и различия морфологических вариаций этой кости у древних сапиенсов (Formicola et al. 1990; Formicola 1995; Buzhilova 2005; Trinkaus et al. 2006; Crevecoeur, Villotte 2006; Shang, Trinkaus 2010).

Результаты

Диафиз левой бедренной кости из Усть-Ишима сохранился практически на всем протяжении. В боковой проекции он слабо изогнут. Верхняя часть развернута примерно на 30° по сравнению с осью середины диафиза, демонстрирует среднюю уплощенность.

Т а б л и ц а 1

Морфологические особенности бедренных костей у различных плейстоценовых Homo

Находка	Пол, возраст, лет	Уплощенность верхней части диафиза	Разворот верхней части по отношению к оси диафиза	Передне-задний изгиб диафиза	Неравномерность развития Linea aspera	Уплощенность нижней части диафиза	Наличие аномалий развития на других трубчатых костях скелета
Усть-Ишим	♂, взросл.	+	Присутствует третий вертел	+ *Изгиб слабо выражен	+	+	*
Арен Кандид 2	♂, 25–35	+	*Отсутствует малярный вертел на обеих бедренных	– +!	– *Очевидная выраженность Linea aspera	–	–
Арен Кандид 3	♂, 35–45	–		*Левая бедренная кость демонстрирует выраженный передний изгиб диафиза при высоком показателе угла шейки бедра			+ *Правая плечевая, левая большеберцовая, обе малоберцовые и чуть меньше локтевая кости также демонстрируют изогнутость диафизов
Берг Аукас 1	♂, Взросл.	+	*Самый низкий показатель угла шейки бедра, известный для плейстоценовых Homo	–	*	*	*
Долни Вестониче 15	♂, 20–25	–		+ *Изгиб диафиза латеральный, ярко выраженный в	+ *Выраженность Linea aspera за счет латерального изгиба	–	+

Находка	Пол, возраст, лет	Уплотненность верхней части диафиза	Разворот верхней части по отношению к оси диафиза	Передне-задний изгиб диафиза	Неравномерность развития Linea aspera	Уплощенность нижней части диафиза	Наличие аномалий развития на других трубчатых костях скелета
Назлет Катер 2	♂, 25-35	-	-	+	с некоторой уплощенностью диафиза в его середине	-	+ *Несопоставимые по пропорциям длины на плечевой кости к длине бедренной
Сунгирь 2	♂, ок. 12	+	-	-	*Linea aspera выражена в очень слабой степени	-	-
Сунгирь 3	♂, ок. 10	+?	-	+! *Симметричный переднезадний изгиб диафизов обеих бедренных костей не имеет аналогий	+	-	-
Тяньянь 1	♂?, взросл.	+	-	+	+ *Начиная с середины проксимальной части диафиза вдоль задней стороны отмечены костные гребни, достигающие максимальной проекции в середине диафиза	*	*

Т а б л и ц а 2

Морфологическая характеристика бедренной кости Усть-Ишим 1

Признак (номер по Мартину)	Значения, мм
7. Ширина диафиза на уровне наибольшего развития шероховатой линии	27,5
7a. Ширина середины диафиза	27,29
7b. Ширина диафиза в середине верхней трети	32
9. Верхняя ширина диафиза	33,5
7d. Ширина диафиза в середине нижней трети	26,5
12. Нижняя ширина диафиза	28
6. Сагиттальный диаметр на уровне наибольшего развития шероховатой линии	25
6. Сагиттальный диаметр середины	30,13
10. Верхний сагиттальный диаметр	26,15
7e. Сагиттальный диаметр в середине нижней трети	32
11. Нижний сагиттальный диаметр	32
8. Окружность середины	92
8a. Окружность на уровне раздвоения шероховатой линии	89
8b. Окружность в середине верхней трети	92
8e. Окружность в середине нижней трети	91
Наибольшее выступание пилыстра над поверхностью диафиза	4
Наибольшая ширина пилыстра	9
Указатель платимерии (10:9)	78,06
Указатель пилыстрии (6:7a)	110,41

Наблюдается резкий контраст между плоской поверхностью протяженности верхней части *linea aspera* и нижней половиной диафиза, где сформирован отчетливый пилыстр. Граница перехода к пилыстру резкая, примерно на уровне середины. Описанные признаки не выявляют каких-либо патологических отклонений от нормальной морфологии этой части скелета, но позволяют выделить анатомические особенности в виде разворота верхней части по сравнению с основной осью диафиза и резкой выраженностью *linea aspera* срединной части, а не на всем ее протяжении, так же как и локальную уплощенность диафиза в нижней части кости. Опираясь на имеющиеся сводки вариабельности плейстоценовых бедренных костей, мы можем констатировать, что комбинация таких признаков отмечена только у одного индивидуума, хотя по отдельности каждый из признаков может быть зафиксирован на костях как плейстоценовых сапиенсов, так и более поздних эпох (см. табл. 1).

В целом значения определенных периметров и диаметров соответствуют параметрам крупных мужских костей *Homo sapiens* (см. табл. 2).

При сравнительном рассмотрении формы диафиза бедренных костей в подвертельной области (рис. 1, признаки 10 и 9 по Р. Мартину) наибольшую вариабельность демонстрируют представители кроманьонского населения. Поле изменчивости верхнепалеолитических форм за редким исключением включает вариации, характерные для человека прямоходящего, гейдельбергского, ранних сапиенсов группы Схул-

Кафзех и неандертальцев. При этом эректусы отчетливо отделены от группы Схул, что может отражать степень генетического обособления этих ранних сапиенсов. Бедренная кость Усть-Ишим 1 занимает центральное, т.е. наименее дифференцированное, положение среди «общегомининного» поля изменчивости – не только среди *Homo sapiens* верхнего палеолита, но и среди гейдельбергских людей, неандертальцев, сближаясь с отдельными представителями эректоидного и ранне-неоантропного ближневосточного населения.

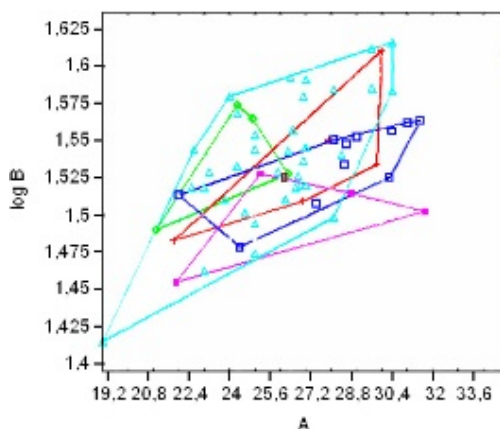

Рис. 1. Дифференциация ископаемых гоминин по форме диафиза бедренных костей в подвертельной области (признаки 10 (A) и 9 (B) по Р. Мартину):
 зеленый цвет – *Homo erectus* (WT 15000, ER 803, ER 737, ER 1808); красный цвет – *Homo heidelbergensis* (Кабве E 907, Кабве E 689, Кабве E 690, Берг Аукас, Араго 48);
 желтый цвет – африканский *Homo* эпохи среднего плейстоцена (KNMER 999);
 фиолетовый цвет – группа Схул-Кафзех (Схул 7, Кафзех 9, Схул 4, Схул 5);
 синий цвет – неандертальцы (Ля Феррасси 2, Табун С1, Спи 2, Ля Феррасси 1, Ля-Шапель-о-Сен, Неандерталь, Крапина 2/3, Шанидар 4, Шанидар 1, Амуд 1);
 голубой цвет – кроманьонцы (Младеч, Младеч 3859, Кроманьон 4322, Ля Рошетт, Кроманьон 1, Грот Детей 5, Пшедмости 4, Пшедмости 10, Грот Детей 4, Барма Гранде 2, Барма Гранде 6, Дольни Вестонице 13, 14, 16, Павлов, Пшедмости 1, 3, 5, 9, 14, Сунгирь 1, Нойэссинг, Шанселяд, Оберкассель 2, 1, Пэвилэнд, Гаф Кейв, Рипаро Континенца, Арен Кандид 5, 10, 4, 12, Охалу 2, Айн Гев, Костенки 14, Тяньянь); коричневый цвет – Усть-Ишим

Анализ признаков, характеризующих форму диафиза на уровне середины (рис. 2, признаки 6 и 7 по Р. Мартину), позволяет разграничить ископаемые находки, соотносимые с разными таксонами. Верхнепалеолитические сапиенсы вновь демонстрируют максимальную изменчивость, включая большинство более ранних форм. Но по форме сечения здесь резко обособляются бедренные эректусов, неандертальцев, группы Схул. Кость из Усть-Ишима имеет с ними минимальное сходство, локализуясь в поле изменчивости «гиперсапиентных» форм верхнего палеолита, таких как Шанселяд, Рипаро Континенца. Из ранних нахо-

док в «сапиентное» поле, отличное от ранних архаических форм, попадает гейдельбергский человек Берг Аукас. Обращает внимание относительное сходство сечения в середине диафиза усть-ишимской бедренной кости и кости раннего кроманьонца Костенки 14, что подтверждается значениями указателя пиластрии (110,41 и 112,55). Бедренная кость из Тяньянь, напротив, заметно отстоит от этих находок благодаря экстраординарной переднезадней элонгации диафиза (указатель пиластрии 150,82).

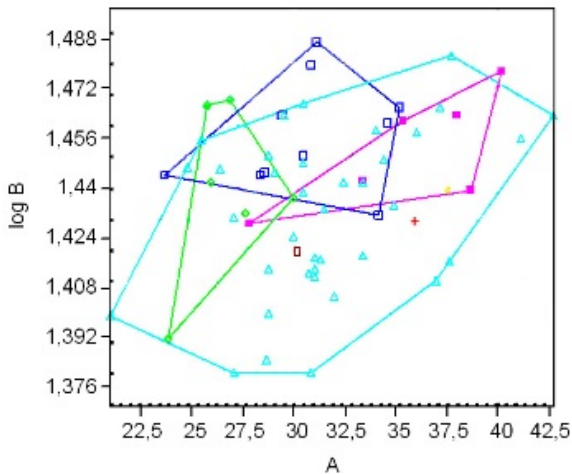

Рис. 2. Дифференциация ископаемых гоминин по форме середины диафиза бедренных костей (признаки 6 (A) и 7 (B) по Р. Мартину):

зеленый цвет – *Homo erectus* (WT 15000, ER 803, ER 737, ER 1808); красный цвет – *Homo heidelbergensis* (Кабве Е 793, Кабве Е 690, Берг Аукас, Араго 48); желтый цвет – африканский *Homo* эпохи среднего плейстоцена (KNMER 999); фиолетовый цвет – группа Схул-Кафзех (Схул 7, Кафзех 9, 8, Схул 3, 4, 5); синий цвет – неандертальцы (Ля Феррасси 2, Табун С1, Шанидар 6, Спи 2, Фор-де-Форе 1, Ля Феррасси 1, Ля-Шапель-о-Сен, Неандерталь, Шанидар 4, Амуд 1); голубой цвет – кроманьонцы (Младеч, Младеч 3859, Кроманьон 4322, Ля Рошетт, Кроманьон 1, Грот Детей 5, Пшедмости 4, Пшедмости 10, Грот Детей 4, Барма Гранде 2, Барма Гранде 6, Дольни Вестонице 13, 14, 16, Павлов, Пшедмости 1, 3, 5, 9, 14, Сунгирь 1, Нойэссинг, Шанселяд, Оберкассель 2, 1, Пэвилэнд, Гаф Кейв, Рипаро Континенца, Арен Кандид 5, 10, 4, 12, Охалу 2, Айн Гев, Костенки 14, Тяньянь); коричневый цвет – Усть-Ишим

Когда же в палеонтологической летописи возникает «сапиентный» признак увеличения сагиттального диаметра в центральной части диафиза? Если при рассмотрении строения середины бедренной кости исключить поздние группы неандертальцев и европейских кроманьонцев, становится более очевидным разграничение архаических и сапиентных форм (рис. 3). Отчетливо отделяются ранние эректусы и группа «протокроманьонцев» Схул-Кафзех. Центральное (т.е. наименее дифферен-

цированное) положение на графике занимает полиморфная группа, которую условно можно отнести к гейдельбергским людям в Африке. И в эту морфологическую группу попадает индивидуум из Усть-Ишима, обнаруживающий сходство с Кабве Е 793. Верхнепалеолитические сапиенсы Костенки 14 и Тяньянь, жившие на несколько тысячелетий позже усть-ишимского человека, заметно более дифференцированы, при этом живший на территории Китая Тяньянь неожиданно обнаруживает сходство со среднеплейстоценовым африканским человеком KNMER 999.

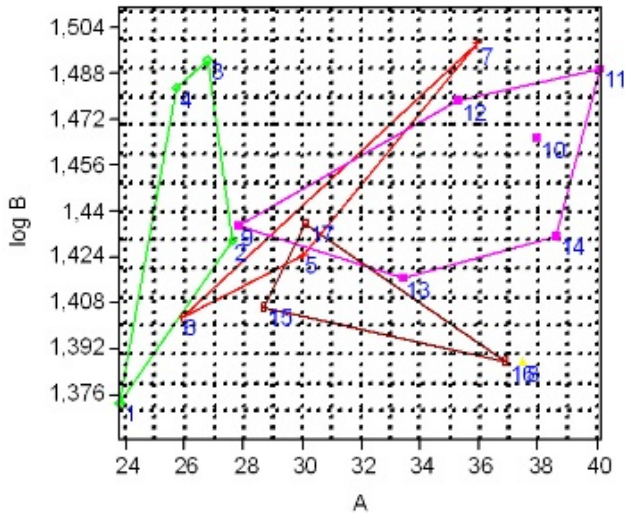

Рис. 3. Дифференциация эректоидных и раннесапиентных форм по форме середины диафиза бедренных костей (признаки 6 (A) и 7 (B) по Р. Мартину):
 зеленый цвет – *Homo erectus* (1 – WT 15000, 2 – ER 803, 3 – ER 737, 4 – ER 1808);
 красный цвет – *Homo heidelbergensis* (5 – Кабве Е 793, 6 – Кабве Е 690, 7 – Берг Аукас);
 желтый цвет – африканский *Homo* эпохи среднего плейстоцена (8 – KNMER 999);
 фиолетовый цвет – группа Схул-Кафзех (9 – Схул 7, 10 – Кафзех 9, 11 – Кафзех 8, 12 – Схул 3, 13 – Схул 4, 14 – Схул 5);
 коричневый цвет – ранние кроманьонцы Костенки 14, Тяньянь и Усть-Ишим

Анализ методом главных компонент 55 ископаемых находок по четырем признакам строения верхней и срединной части диафиза (рис. 4) вновь помещает кость из Усть-Ишима в число наименее дифференцированных форм, в окружение более поздних верхнепалеолитических находок из Европы. Индивидуумы Костенки 14 и Тяньянь, хронологически близкие, но максимально географически удаленные, в этом анализе объединяются с ближневосточными среднеплейстоценовыми людьми из группы Схул-Кафзех.

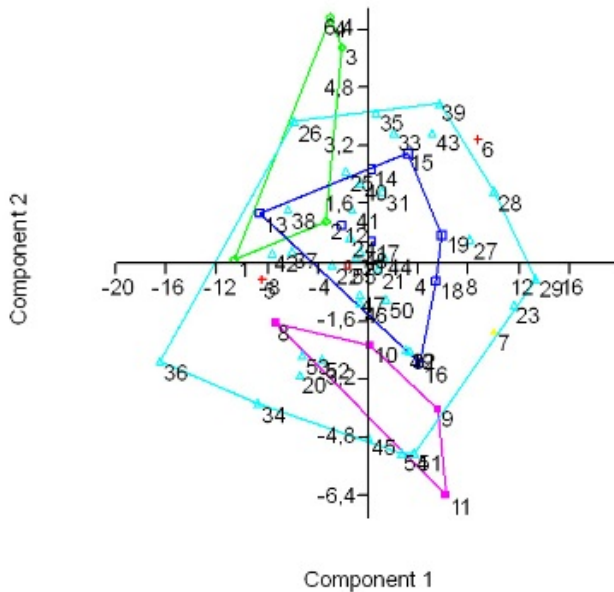

Рис. 4. Дифференциация ископаемых гоминин по форме диафиза бедренных костей.

Метод главных компонент (признаки 10, 9, 6, 7 по Р. Мартину): зеленый цвет – *Homo erectus* (1 – WT 15000, 2 – ER 803, 3 – ER 737, 4 – ER 1808), красный цвет – *Homo heidelbergensis* (5 – Кабве Е 690, 6 – Берг Аукас); желтый цвет – африканский *Homo* эпохи среднего плейстоцена (7 – KNMER 999); фиолетовый цвет – группа Схул-Кафзех (8 – Схул 7, 9 – Кафзех 9, 10 – Схул 4, 11 – Схул 5); синий цвет – неандертальцы (12 – Ля Феррасси 2, 13 – Табун С1, 14 – Спи 2, 15 – Ля Феррасси 1, 16 – Ля-Шаппель-о-Сен, 17 – Неандерталь, 18 – Шанидар 4, 19 – Амуд 1); голубой цвет – кроманьонцы (20 – Младеч, 21 – Кроманьон 4322, 22 – Ля Рошетт, 23 – Кроманьон 1, 24 – Грот Детей 5, 25 – Пшедмости 4, 26 – Пшедмости 10, 27 – Грот Детей 4, 28 – Барма Гранде 2, 29 – Барма Гранде 6, 30 – Дольни Вестонице 13, 31 – Дольни Вестонице 14, 32 – Дольни Вестонице 16, 33 – Павлов, 34 – Пшедмости 1, 35 – Пшедмости 3, 36 – Пшедмости 5, 37 – Пшедмости 9, 38 – Пшедмости 14, 39 – Сунгирь 1, 40 – Нойэссинг, 41 – Шанселяд, 42 – Оберкассель 2, 43 – Оберкассель 1, 44 – Пэвилэнд, 45 – Гаф Кейв, 46 – Рипаро Континенца, 47 – Арен Кандид 5, 48 – Арен Кандид 10, 49 – Арен Кандид 4, 50 – Арен Кандид 12, 51 – Охалу 2, 52 – Айн Гев, 53 – Костенки 14, 54 – Тяньянь); коричневого цвета – 55 – Усть-Ишим

Обсуждение

В научной литературе представлены неоднократные попытки дифференциации «архаических» и «анатомически современных» ископаемых форм по морфологии бедренной кости.

Если суммировать, то отличительными признаками неандертальцев обычно являются следующие:

1. Округлая форма сечения в середине диафиза и отсутствие выраженного пилиастра. Этот признак характерен уже для ранних неандертальцев

(Trinkaus, 1976). Впрочем, современные люди демонстрируют высокое разнообразие формы сечения, и если у них сечение округлой формы, такие бедренные, как правило, грацильны. Среди неандертальцев высокий, «нетипичный» индекс пиластрии встречен у ближневосточного индивидуума Шанидар 4. Для представителей таксона *Homo erectus* характерны низкие указатели пиластрии, поскольку у их бедренных выражена поперечная элонгация диафизов на уровне середины. Аналогичная морфологическая тенденция характерна для гоминоидов из пещеры Табун (Trinkaus, 1983).

2. У неандертальцев очень широка ягодичная бугристость в срединной части (Trinkaus, 1983).

3. Низкий круральный индекс отражает относительное укорочение костей голени у неандертальцев, типичное для современных популяций, адаптированных к холоду.

4. Крупные головки, но по абсолютным значениям внутри современной изменчивости (Trinkaus, 1983).

5. Низкий угол шейки бедра, в противоположность группе Схул-Кафзех.

К сожалению, изолированность и степень сохранности находки Усть-Ишим ограничивает наши наблюдения первыми двумя позициями, но, в целом, подтверждается несоответствие морфологических особенностей этой кости неандертальским признакам.

Дифференциация кроманьонцев и современных сапиенсов по морфологии бедренной кости более сложна.

Верхнепалеолитические европейцы обладают рядом отличительных признаков, большинство из которых были описаны у кроманьонцев эпохи ориньяка по материалам хорошо сохранившихся скелетов из пещер Гримальди еще в начале XX в. (Verneau 1906). Эти особенности прежде всего типичны для населения эпох ориньяка и граветта.

1. Большая длина тела (в этом отличие не только от раннего кроманьонца Костенки 14, но и от европейцев периода мадленского похолодания, начавшегося примерно 20 тыс. лет назад).

2. Необычная форма поперечного сечения бедренных костей, выраженная платимерия, сильно развитый пиястр. Сочетается с высокими показателями платикнемии (уплощенности большеберцовых костей).

3. Прямые диафизы бедренных и лучевых костей. Здесь есть очень серьезные исключения (например, Сунгирь 3).

Приблизительно определенная длина бедренной кости из Усть-Ишима говорит в пользу средней или высокой длины тела, типичной для большинства мужчин эпох ориньяка и граветта. Заметное развитие пиястра и общая элонгация диафиза в переднезаднем направлении подтверждают этот вывод.

Особенности строения посткраниального скелета в группе Схул-Кафзех традиционно рассматривались как «протокроманьонские». Об-

ращалось внимание на высокий угол шейки бедра, что было интерпретировано как показатель очень низкого уровня мобильности в раннем детстве (Tardieu, Trinkaus 1994). К сожалению, в случае находки Усть-Ишим этот признак не определим.

В рамках сравнительного анализа мы убедились, что для сапиенсов эпохи верхнего палеолита была характерна максимально высокая индивидуальная изменчивость формы диафиза бедренной кости, включавшая все варианты строения, встречавшиеся ранее у более «архаического» ископаемого населения. Причем евразийские *Homo sapiens*, жившие 40–45 тыс. лет назад (Костенки 14, Тяньань, Усть-Ишим), несмотря на очевидную выраженность анатомически современных черт, чрезвычайно разнообразны и не схожи между собой. И если ранние кроманьонцы из Европейской России и Китая в некоторых аспектах демонстрируют сходство с ранними анатомически современными людьми группы Схул, человек из Усть-Ишима отличается от них большей недифференцированностью строения, находящей сугубо центрально- и западноевропейские верхнепалеолитические аналогии. Среди носителей «архаической» морфологии усть-ишимец обнаружил сходство с некоторыми представителями таксона *Homo heidelbergensis* на территории Африки. Если рассматривать эту или родственные группы гоминин в качестве предков линиджа анатомически современного человека, можно предположить, что такой «сапиентный» признак, как сагиттальная элонгация диафиза, спорадически возникал уже у гейдельбержцев.

Эти данные находятся в полном соответствии с результатами генетического анализа, выявляющего происхождение усть-ишимского человека от популяции, предпринявшей инициальную миграцию из Африки предположительно около 60 тыс. лет назад. И как можно судить по морфологическим особенностям, это население не имело общих корней с «анатомически современными» левантийцами группы Схул-Кафзех. Примечательно, что образ жизни усть-ишимца также был не слишком детерминирован по сравнению с неандертальцами или более поздним кроманьонским населением Европы. Изотопное изучение диеты показало, что его питание включало не только СЗ растения и наземных животных, но и, скорее всего, пресноводную рыбу. В этом отношении он отличается от верхнепалеолитических жителей Европы (Fu et al. 2014: 447). Факт использования акватических ресурсов указывает на максимальную экологическую «пластичность» образа жизни ранних сапиентных переселенцев из Африки, на отсутствие специализации, очевидно, позволившее им глубоко продвинуться вглубь Азии, на протяжении сотен тысяч лет обжитой более «архаическими» эректусами, денисовцами и неандертальцами. Впрочем, основу рациона усть-ишимца составляли продукты охоты, что было успешно подтверждено в процессе повторного изотопного исследования (Силаев и др. 2017).

Предки усть-ишимца вступали в контакты с неандертальцами, но не с денисовцами, и генетическое наследие неандертальцев представлено у них в большей степени, чем у современных людей (Fu et al. 2014: 448). По оценкам генетиков, поток генов от неандертальцев в группу инициальных сапиентных мигрантов – предков усть-ишимского мужчины произошел за 232–430 поколений, т.е. примерно 50–60 тыс. лет назад, что совпадает с гипотетической датой исхода из Африки. Заметим, что если оставить за рамками «сапиентное» развитие пилястра, усть-ишимская бедренная кость попадает также в поле изменчивости неандертальцев, что можно расценивать и как уже упомянутую «недифференцированность», и как следствие гибридизации представителей разных таксонов.

Генетическое исследование оставляет возможность и более поздней гибридизации предков усть-ишимца с неандертальцами. Напомним, что примерно 60 тыс. лет назад они имели возможность встретиться с представителями неандертальских линиджей на территории Ирака (группа Шанидар), или Алтая (группа из пещеры Чагырская), или родственных им. Неандертальское присутствие на территории Европы продолжалось еще дольше.

Заключение

Левая бедренная кость Усть-Ишим 1 принадлежит самому раннему представителю современной анатомии, выявленному в настоящий момент на территории евразийского континента. Это подтверждается наличием определенных особенностей строения и, прежде всего, формой центральной части диафиза и присутствием хорошо сформированного пилястра. Проведенное сравнительное исследование особенностей морфологии ископаемых форм эпох нижнего, среднего и верхнего палеолита позволяет судить о максимальном сходстве усть-ишимского мужчины с поздними кроманьонцами западной и центральной Европы, где аналогичные варианты строения были распространены еще 20 тыс. лет назад. Наибольшие отличия обнаружены с африканскими эректусами, группой Схул-Кафзех. Вместе с тем форма в середине диафиза бедренной кости сближает усть-ишимца с некоторыми гейдельбергскими людьми из Африки – возможными предками таксона *Homo sapiens*. Нельзя не отметить, что находка из Усть-Ишима занимает наименее дифференцированное положение в поле изменчивости бедренных костей представителей рода *Homo* в целом. Результаты нашей работы подтверждают вынесенное ранее генетиками суждение о том, что мужчина из Усть-Ишима – осколок одной из наиболее ранних, инициальных миграций из Африки.

Литература

- Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск, 2011.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. Новосибирск, 2003.
- Силаев В.И., Слепченко С.М., Бондарев А.А., Смолева И.В., Киселёва Д.В., Шанина С.Н., Мартиросян О.В., Тронников Е.М., Хазов А.Ф. Усть-ишимская кость: минералогическо-геохимические свойства как источник палеонтологической, палеоантропологической и палеоэкологической информации // Вестник Пермского университета. Геология. 2017. Т. 16, № 1. С. 1–25.
- Arensburg B., Bar-Yosef O. Human remains from Ein Gev I, Jordan Valley, Israel // *Paleorient*. 1973. Vol. 1. P. 201–206.
- Bonnet R. Die Skelete // *Der diluviale Menschenfund von Obercassel bei Bonn*. Weisbaden, 1919. P. 11–185.
- Buzhilova A.P. The environment and health condition of the upper palaeolithic sunghir people of Russia // *Journal of physiological anthropology and applied human science*. 2005. Vol. 24, № 4. P. 413–418.
- Buzhilova A., Derevianko A., Shunkov M. The northern dispersal route: Bioarchaeological data from the late pleistocene of Altai, Siberia // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58, № 17. P. 491–503.
- Crevecoeur I., Villotte S. Atteintes pathologiques de Nazlet Khater 2 et activité minière au début du Paléolithique supérieur en Egypte // *Bull Mém Soc Anthropol Paris*. 2016. Vol. 18 (3-4). P. 165–175.
- Day M.H., Leakey R.E.F. New evidence of the Genus *Homo* from East Rudolf, Kenya // *American Journal of Physical Anthropology*. 1973a. Vol. 39. P. 341–354.
- Day M.H., Leakey R.E.F. New evidence of the Genus *Homo* from East Rudolf, Kenya (III) // *American Journal of Physical Anthropology*. 1973b. Vol. 41. P. 367–380.
- Formicola V. The triplex burial of Barma Grande (Grimaldi, Italy) // *Homo*. 1988. Vol. 39. P. 130–143.
- Formicola V. X-linked hypophosphatemic rickets: a probable Upper Paleolithic case // *American Journal of Physical Anthropology*. 1995. Vol. 98. P. 403–409.
- Formicola V., Frayer D.W., Heller J.A. Bilateral absence of the lesser trochanter in a Late Epigravettian skeleton from Arene Candide (Italy) // *American Journal of Physical Anthropology*. 1990. Vol. 83. P. 425–437.
- Fraipont J., Lohest M. La race humaine de Néanderthal ou de Constadt en Belgique. Recherches ethnographiques sur les ossements humains découvertes dans les dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique // *Archives de Biologie*. 1887. Vol. 7. P. 587–757.
- Fu Q., Li H., Moorjan P., Jay F., Slepchenko S.M., Bondarev A.A., Johnson P.L.F., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-Garcia D.C., Kuzmin Y.V., Keates S.G., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Richards M.P., Peristov N.V., Lachmann N., Douka K., Higham T., Slatkin M., Hublin J.-J., Reich D., Kelso J., Viola B., Paabo S. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia // *Nature*. 2014. Vol. 514. P. 445–450. DOI: 10.1038/nature13810
- Gieseler W. Das jungpaläolithische Skelett von Neuessing // *75 Jahre Anthropologische Staatssammlung München 1902–1977*. Munich, 1977. P. 39–51.
- Grine F.E., Jungers W.L., Tobias P.V., Pearson O.M. Fossil *Homo* femur from Berg Aukas, northern Namibia // *American Journal of Physical Anthropology*. 1995. Vol. 97. P. 151–185.
- Hershkovitz I., Speirs M.S., Frayer D., Nadel D., Wish-Baratz S., Arensburg B. Ohalo II H2: a 19,000-year-old skeleton from a waterlogged site at the sea of Galilee, Israel // *American Journal of Physical Anthropology*. 1995. Vol. 96. P. 215–234.

- Kolobova K., Roberts R.G., Chabai V.P., Jakobs Z., Kraicarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.V., O’Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *Proceedings of National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117 (6). P. 28–79. DOI: 10.1073/pnas.19180471217
- Krause J., Fu Q., Good J.M., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 464, № 7290. P. 894–897.
- Kuhlwilm M., Gronau I., Hubisz M.J., de Filippo C., Prado-Martinez J., Kircher M., Fu Q., Burbano H.A., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Ž., Gušić I., Marques-Bonet T., Andris A.M., Viola B., Pääbo S., Meyer M., Siepel A., Castellano S. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals // *Nature*. 2016. Vol. 530, № 7591. P. 429–433.
- Kuzmin Y.K., Bondarev A.A., Kosintsev P.A., Higham T., Douka K., Viola B. Supplementary Information 1. The Ust’-Ishim locality: Geology, palaeontology, and radiocarbon dating // *Nature*. 2014. DOI: 10.1038/nature13810
- Leakey R.E.F., Walker A.C. Further hominids from the Plio-Pleistocene of Koobi Fora, Kenya // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. Vol. 67. P. 135–163.
- Leakey R.E., Leakey M.G., Behrensmeyer A.K. The hominid Catalogue // *Koobi Fora Research Project*. Vol. 1. The Fossil Hominids and an Introduction to Their Context. Oxford, 1978.
- Matiegka J. Homo Predmostensis: Fossilní Clovek z Predmostí na Morave II. Ostatní Části Kostrové. Prague, 1938.
- McCown T.D., Keith A. The Stone Age of Mount Carmel, II: The Fossil Human Remains from the Levallois-Mousterian. Oxford, 1939. Vol. 2.
- Mednikova M. A proximal pedal phalanx of a hominid from Denisova Cave, the Altai // *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2011. Vol. 1 (45). P. 129–138.
- Mednikova M. Altai Neanderthals and their morphological diversity // *Proceedings of the European Society of Human Evolution* 4. London, 2015. P. 159.
- Mednikova M.B., Shunkov M.V., Markin S.V. Robusticity of Hand Phalanges: Relevance to the Origin of the Altai Neanderthals // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2017. Vol. 45/3. P. 126–135.
- Pearson O.M. Postcranial morphology and the origin of modern humans: PhD thesis. New York, 1997.
- Poznik G., Xue Y., Mendez F., Willems T.W., Massaia A., Wilson Sayres M.A., Ayub Q., McCarthy S.A., Narechania A., Kashin S., Chen Y., Banerjee R., Rodriguez-Flores R., Cerezo M., Shao H., Gymrek M., Malhotra A., Louzad S., Desalle R., G R Ritchie G.S., Cerveira E., Fitzgerald T.W., Garrison E., Marcketta A., Mittelman D., Romanovitch M., Zhang C., Zheng-Bradley X., Abecasis G., McCarroll S.A., Flicek P., Underhill P., Coin L., Zerbino D.R., Yang F., Lee F., Clark L., Auton A., Erlich Y., Handsaker R., The 1000 Genomes Project Consortium, Bustamante G., Tyler-Smith C. Punctuated bursts in human male demography inferred from 1,244 worldwide Y-chromosome sequences // *Nature Genetics*. 2016. Vol. 48. P. 593–599. DOI: 10.1038/ng.3559
- Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert Ch., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson Ph., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2013. DOI: 10.1038/nature12886

- Pycraft W.P., Elliot Smith G., Yearsley M., Carter J.T., Smith R.A., Hopwood A.T., Bate D.M.A., Swinton W.E., Bather F.A.* Rhodesian Man and Associated Remains. London, 1928.
- Rogers A.R., Harris N.S., Achenbach A.A.* Neanderthal-Denisovan ancestors interbred with a distantly related hominin // *Science Advances*. 2020. Vol. 6. eaay5483. DOI:10.1126/sciadv.aay5483
- Schaafhausen H.* Zur Kenntnis der ältesten Rassenschädel // *Archiv Anat. Phys. Wiss. Medecin*. 1858. P. 453–478.
- Shang H., Trinkaus E.* The early modern human from Tianyuan cave, China. Heuston, 2010.
- Sigmon B.A.* Comparative morphology of the locomotor skeleton of *Homo erectus* and the other fossil hominids, with special reference to the Tautaval innominate and femora // *Congrès International de Paléontologie Humaine. I. Prétirage. Nice, 1982*. P. 422–446.
- Slon V., Mafessoni F., Vernot B., de Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko F.P., Kelso K., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S.* The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. DOI: 10.1038/s41586-018-0455-x
- Suzuki H., Takai F.* The Amud Man and His Cave Site. Tokyo, 1970.
- Svoboda J., Vlcek E.* La nouvelle sépulture de Dolni Vestonice (DV XVI) // *Tchecoslovaquie. L'Anthropologie*. 1991. Vol. 95. P. 323–328.
- Tardieu C., Trinkaus E.* Early ontogeny of the human femoral bicondylar angle // *American Journal of Physical Anthropology*. 1994. Vol. 95. P. 183–195. DOI: 10.1002/ajpa.1330950206
- Trinkaus E.* The evolution of the hominid femoral diaphysis during the Upper Pleistocene in Europe and the Near East // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. 1976. Vol. 67. P. 291–319.
- Trinkaus E.* The Shanidar Neanderthals. New York, 1983.
- Trinkaus E., Hillson S.W., Franciscus R.G., Holliday T.W.* Skeletal and dental paleopathology // *Early Modern Human Evolution in Central Europe: The People of Dolní Věstonice and Pavlov* / eds by E. Trinkaus, J.A. Svoboda. New York: Oxford University Press, 2006. P. 419–458.
- Twisselmann F.* Le fémur néandertalien de Fond-de-Forêt // *Mémoires de l'Institute Royal des Sciences Naturelles de Belgique*. 1961. Vol. 148. P. 1–164.
- Verneau R.* Les Grottes de Grimaldi (Baoussé-Roussé). II(I) // *Anthropologie*. Monaco, 1906.
- Viola B., Mednikova M., Buzhilova A.* Chapter 6. The human remains from Chagyrskaya Cave: An illustrated catalogue and preliminary interpretations // *Multidisciplinary studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai* / ed. by M.V. Shunkov. Novosibirsk, 2018. P. 413–432.
- Viola B., Slepchenko S., Razhev D., Hublin J.-J.* Supplementary Information 3. The morphology of the Ust'-Ishim femur // *Nature*. 2014. DOI: 10.1038/nature13810
- Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J.* New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // *American Journal of Physical Anthropology*. 2012. Vol. 147, suppl. 54. P. 293–294.
- Walker A., Leakey R.* (eds). *The Nariokotome Homo erectus Skeleton*. Cambridge, 1993.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2020 г.

Mednikova Maria B., Slepchenko Sergey M., and Buzhilova Aleksandra P.

MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PALAEOLITHIC UST-ISHIM FEMUR*

DOI: 10.17223/2312461X/28/12

Abstract. In the twenty-first century, evolutionary anthropologists focused on Siberia, the study of which can shed light on the mechanisms of early migrations and the interaction of

different branches of the genus *Homo* in the Pleistocene era. In light of the data on different groups of archaic humanity (Denisovans and Neanderthals) that had actively settled in the Asian part of the continent, the femur of Ust-Ishim found in the Omsk region is unique. According to the previous genetic research results, this left femur belongs to the earliest representative of *Homo sapiens* identified in Eurasia so far. The direct radiocarbon dating and molecular clock estimation showed that Ust-Ishim sapiens lived 46 to 49 thousand years ago. The evolution of the Ust-Ishimian population had diverged from that of modern Western and Eastern Eurasians' ancestors even before the two groups split (Fu et al., 2014). In our article, the morphology of the Ust-Ishim femur is considered against a broad comparative background, taking into account the diversity of early, same-time and later forms of fossil humans (*Homo erectus*, Heidelberg humans, the anatomically modern Skhul-Qafzeh people, Neanderthals, and Cro-Magnons). The fact of the femur belonging to a representative of modern man is confirmed by certain structural features and, above all, by the shape of the central part of the diaphysis and the presence of a well-formed pilaster. Also shown is the great similarity of the Ust-Ishim man to the late Cro-Magnons of western and central Europe. The greatest differences were found between the Ust-Ishim man and *African erectus*, as well as the Skhul-Qafzeh people. Important diagnostic features (a form in the middle of the femoral diaphysis) bring the Ust-Ishim man closer to some "Heidelberg humans" from Africa – possible ancestors of the *Homo sapiens* taxon. The Ust-Ishim find occupies the least undifferentiated position in the field of femur variability among the representatives of the genus *Homo* as a whole. The results of our work confirm the previously made suggestion by geneticists that the Ust-Ishim man is one of the earliest, initial migrations of population from Africa.

Keywords: Ust-Ishim, *Homo*, Pleistocene, Paleolithic, femur, *Early Sapiens*

* The research was commissioned by the Russian government, projects No. AAAA-A18-118011790092-5 and No. AAAA-A17-117050400143-4.

References

- Mednikova M.B. *Postkranial'naiia morfologiia i taksonomiia predstavitelei roda Homo iz peshchery Okladnikova na Altae* [Postcranial morphology and taxonomy of representatives of the genus *Homo* from Okladnikov's cave in Altai]. Novosibirsk, 2011.
- Derevianko A.P., Shun'kov M.V., Agadzhanian A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Ul'ianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoin A.A. *Prirodnaia sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia* [The natural environment and humans in the Paleolithic Age in the Altai Mountains]. Novosibirsk, 2003.
- Silaev V.I., Slepchenko S.M., Bondarev A.A., Smoleva I.V., Kiseleva D.V., Shanina S.N., Martirosian O.V., Tropnikov E.M., Khazov A.F. Ust'-ishimskaia kost': mineralogiko-geokhimicheskie svoistva kak istochnik paleontologicheskoi, paleoantropologicheskoi i paleoekologicheskoi informatsii [The Ust-Ishim bone: Mineralogical and geochemical characteristics as a source of paleontological, paleoecological, and paleoanthropological information], *Vestnik Permskogo universiteta. Geologiya*, 2017, Vol. 16, no. 1, pp. 1-25.
- Arensburg B., Bar-Yosef O. Human remains from Ein Gev I, Jordan Valley, Israel, *Paleorient*, 1973, Vol. 1, pp. 201-206.
- Bonnet R. Die Skelete. In: *Der diluviale Menschenfund von Obercassel bei Bonn*. Weisbaden, 1919, pp. 11-185.
- Buzhilova A.P. The environment and health condition of the Upper Paleolithic Sunghir people of Russia, *Journal of physiological anthropology and applied human science*, 2005, Vol. 24, no. 4, pp. 413-418.
- Buzhilova A., Derevianko A., Shun'kov M. The northern dispersal route: Bioarchaeological data on the late Pleistocene in Altai, Siberia, *Current Anthropology*, 2017, Vol. 58, no. 17, pp. 491-503.

- Crevecoeur I, Villotte S. Atteintes pathologiques de Nazlet Khater 2 et activité minière au début du Paléolithique supérieur en Egypte, *Bull Mém Soc Anthropol Paris*, 2016, Vol. 18(3-4), pp. 165-175.
- Day M.H., Leakey R.E.F. New evidence of the genus *Homo* from East Rudolf, Kenya, *American Journal of Physical Anthropology*, 1973a, Vol. 39, pp. 341-354.
- Day M.H., Leakey R.E.F. New evidence for the genus *Homo* from East Rudolf, Kenya. (III), *American Journal of Physical Anthropology*, 1973b, Vol. 41, pp. 367-380.
- Formicola V. The triplex burial of Barma Grande (Grimaldi, Italy), *Homo*, 1988, Vol. 39, pp. 130-143.
- Formicola V. X-linked hypophosphatemic rickets: A probable Upper Paleolithic case, *American Journal of Physical Anthropology*, 1995, Vol. 98, pp.403-409.
- Formicola V., Frayer D.W., Heller J.A. Bilateral absence of the lesser trochanter in a Late Epigravettian skeleton from Arene Candide (Italy), *American Journal of Physical Anthropology*, 1990, Vol. 83, pp. 425-437.
- Fraipont J., Lohest M. La race humaine de Néanderthal ou de Constadt en Belgique. Recherches ethnographiques sur les ossements humains découvertes dans les dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique, *Archives de Biologie*, 1887, Vol. 7, pp. 587-757.
- Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S.M., Bondarev A.A., Johnson P.L.F., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-Garcia D.C., Kuzmin Y.V., Keates S.G., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Richards M.P., Peristov N.V., Lachmann N., Douka K., Higham T., Slatkin M., Hublin J.-J., Reich D., Kelso J., Viola B., Paabo S. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from Western Siberia, *Nature*, 2014, Vol. 514, pp. 445-450. doi:10.1038/nature13810
- Gieseler W. Das jungpaläolithische Skelett von Neuessing. In: *75 Jahre Anthropologische Staatssammlung München 1902-1977*. Munich, 1977, pp. 39-51
- Grine F.E., Jungers W.L., Tobias P.V., Pearson O.M. Fossil *Homo* femur from Berg Aukas, northern Namibia, *American Journal of Physical Anthropology*, 1995, Vol. 97, pp. 151-185.
- Hershkovitz I., Speirs M. S., Frayer D., Nadel D., Wish-Baratz S., Arensburg B. Ohalo II H2: a 19,000-year-old skeleton from a waterlogged site at the sea of Galilee, Israel, *American Journal of Physical Anthropology*, 1995, Vol. 96, pp. 215-234.
- Kolobova K., Roberts R.G., Chabai V.P., Jakobs Z., Kraiczar M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.V., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into Southern Siberia, *Proceedings of National Academy of Sciences*, 2020, Vol. 117(6), pp. 28-79. DOI:10.1073/pnas.19180471217.
- Krause J., Fu Q., Good J.M., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia, *Nature*, 2010, Vol. 464, no. 7290, pp. 894-897.
- Kuhlwilm M., Gronau I., Hubisz M.J., de Filippo C., Prado-Martinez J., Kircher M., Fu Q., Burbano H.A., Lalueza-Fox C., de la Rasilla M., Rosas A., Rudan P., Brajkovic D., Kucan Ž., Gušić I., Marques-Bonet T., Andris A.M., Viola B., Pääbo S., Meyer M., Siepel A., Castellano S. Ancient gene flow from early modern humans into Eastern Neanderthals, *Nature*, 2016, Vol. 530, no. 7591, pp. 429-433.
- Kuzmin Y.K., Bondarev A.A., Kosintsev P.A., Higham T., Douka K., Viola B. Supplementary information 1. The Ust'-Ishim locality: Geology, palaeontology, and radiocarbon dating, *Nature*, 2014. DOI: 10.1038/nature13810
- Leakey R.E.F., Walker A.C. Further hominids from the Plio-Pleistocene of Koobi Fora, Kenya, *American Journal of Physical Anthropology*, 1985, Vol. 67, pp. 135-163.
- Leakey R.E., Leakey M.G., Behrensmeyer, A. K. The hominid catalogue. In: *Koobi Fora Research Project. Vol. 1. The fossil hominids and an introduction to their context*. Oxford, 1978.

- Matiegka J. *Homo Predmostensis: Fossilní Clovek z Predmostí na Morave II. Ostatní Části Kostrové*. Prague, 1938.
- McCown, T. D., Keith, A. *The Stone Age of Mount Carmel, II: The fossil human remains from the Levallois-Mousterian*. Vol. 2. Oxford, 1939.
- Mednikova M. A proximal pedal phalanx of a hominid from Denisova Cave, Altai, *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2011, Vol. 1 (45), pp. 129-138.
- Mednikova M. Altai Neanderthals and their morphological diversity, *Proceedings of the European Society of Human Evolution*. 2015. Vol. 4. P. 159.
- Mednikova M.B., Shunkov M.V., Markin S.V. Robusticity of hand phalanges: Relevance to the origin of the Altai Neanderthals, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, Vol. 45/3, pp. 126–135
- Pearson O.M. *Postcranial morphology and the origin of modern humans*: PhD thesis. New York, 1997.
- Poznik G., Xue Y., Mendez F., Willems T.W., Massaia A., Wilson Sayres M.A., Ayub Q., McCarthy S.A., Narechania A., Kashin S., Chen Y., Banerjee R., Rodriguez-Flores R., Cerezo M., Shao H., Gymrek M., Malhotra A., Louzad S., Desalle R., G R Ritchie G.S., Cerveira E., Fitzgerald T.W., Garrison E., Marcketta A., Mittelman D., Romanovitch M., Zhang C., Zheng-Bradley X., Abecasis G., McCarroll S.A., Flicek P., Underhill P., Coin L., Zerbino D.R., Yang F., Lee F., Clark L., Auton A., Erlich Y., Handsaker R., The 1000 Genomes Project Consortium, Bustamante G., Tyler-Smith C. Punctuated bursts in human male demography inferred from 1,244 worldwide Y-chromosome sequences, *Nature Genetics*, 2016, Vol. 48, pp. 593–599. <https://doi.org/10.1038/ng.3559>
- Prufer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., de Filippo C., Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert Ch., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson Ph., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains, *Nature*, 2013. doi:10.1038/nature12886
- Pycraft, W. P., Elliot Smith, G., Yearsley, M., Carter, J. T., Smith, R. A., Hopwood, A. T., Bate, D. M. A., Swinton, W. E., Bather, F. A. Rhodesian Man and Associated Remains. London, 1928.
- Rogers A.R., Harris N.S., Achenbach A.A. Neanderthal-Denisovan ancestors interbred with a distantly related hominin, *Science Advances*, 2020, Vol. 6, eaay5483. DOI: 10.1126/sciadv.aay5483
- Schaafhausen H. Zur Kenntnis der ältesten Rassenschädel, *Archiv Anat. Phys. Wiss. Medecin*, 1858, pp. 453-478.
- Shang H., Trinkaus E. *The early modern human from Tianyuan cave, China*. Heuston, 2010.
- Sigmon, B. A. Comparative morphology of the locomotor skeleton of *Homo erectus* and the other fossil hominids, with special reference to the Tautaval innominate and femora. In: *Congrès International de Paléontologie Humaine. I. Pré tirage*. Nice, 1982, pp. 422-446.
- Slon V., Mafessoni F., Vernot B., de Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko F.P., Kelso K., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father, *Nature*, 2018. <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0455-x>
- Suzuki, H., Takai, F. *The Amud man and his cave site*. Tokyo, 1970.
- Svoboda, J. Vlcek, E. La nouvelle sepulture de Dolni Vestonice (DV XVI), *Tchecoslovaquie. L'Anthropologie*, 1991, Vol. 95, pp. 323-328.
- Tardieu C., Trinkaus E. Early ontogeny of the human femoral bicondylar angle. *American Journal of Physical Anthropology*, 1994, Vol. 95, pp. 183-195. DOI: 10.1002/ajpa.1330950206

- Trinkaus E. The evolution of the hominid femoral diaphysis during the Upper Pleistocene in Europe and the Near East, *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, 1976, Vol. 67, pp. 291-319.
- Trinkaus E. *The Shanidar Neanderthals*. New York, 1983.
- Trinkaus E., Hillson S.W., Franciscus R.G., Holliday T.W. Skeletal and dental paleopathology. In: *Early Modern Human Evolution in Central Europe: The People of Dolní Věstonice and Pavlov*, eds Trinkaus E, Svoboda JA. Oxford University Press, New York, 2006, pp. 419-458.
- Twisselmann F. Le fémur néandertalien de Fond-de-Forêt, *Mémoires de l'Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique*, 1961, Vol. 148, pp. 1-164.
- Verneau R. Les Grottes de Grimaldi (Baoussé-Roussé). II(I), *Anthropologie*. Monaco, 1906.
- Viola B., Mednikova M., Buzhilova A. Chapter 6. The human remains from Chagyrskaya Cave: An illustrated catalogue and preliminary interpretations. In: *Multidisciplinary studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic site in Altai*. Ed. by M.V. Shunkov. Novosibirsk, 2018, pp. 413-432.
- Viola B., Slepchenko S., Razhev D., Hublin J.-J. Supplementary Information 3. The morphology of the Ust'-Ishim femur, *Nature*, 2014. doi:10.1038/nature13810
- Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation), *American Journal of Physical Anthropology*, 2012, Vol. 147, Suppl. 54, pp. 293-294.
- Walker A., Leakey R. (Eds.) *The Nariokotome Homo erectus Skeleton*. Cambridge, 1993.

УДК 394

DOI: 10.17223/2312461X/28/13

У КАЖДОГО СВОЯ СИБИРЬ. ИНТЕРВЬЮ С О. МАНДЖИЕВЫМ

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова

Аннотация. Анализируется малоисследованная проблема – повседневная жизнь депортированных в Сибирь калмыков. Предлагаемый текст конструирует автобиографическую историю известного калмыцкого писателя и сценариста Олега Манджиева спустя более чем полвека. Отец рассказчика – Герой Советского Союза. Его взгляд на военную историю XX в. для нас особенно интересен, как интересны и важны подробности повседневной жизни семьи Манджиевых. В спонтанном биографическом интервью с упором на годы депортации калмыков важны не только приведенные факты и рассказанная история «внутренней» жизни (чувства и мысли взрослеющего мальчика), но и такие формы нарратива, как сюжеты, образы, оценки, а также лексика и грамматика. Олег Манджиев относится к поколению калмыцких детей, рожденных в Сибири. В интервью он рассказывает о своем детстве в Новосибирске, выделяя такие сюжеты, как практики исключения в школе, личные стратегии сопротивления, переживание стигматизированной этнической принадлежности и принятие Калмыкии как приписанной родины. Особое внимание уделяется языку травмы. Таким образом травматическая память являет себя в спонтанном нарративе: это и сюжеты о нечистотах, гноящемся ранении, болезнях, сравнения с депривированными историческими социальными группами. Текст интервью будет интересен всем исследователям депортации калмыков, а также историкам региона и урбанистам.

Ключевые слова: депортация, калмыки, устная история, нарратив, репрессии, идентичность, Сибирь, политики памяти

С 2004 г. я собираю устные истории калмыков о том, как они жили в депортации. Олег Манджиев – любимый в Калмыкии писатель, заслуженный деятель искусств Калмыкии. Это интервью было записано в Москве в 2008 г. дома у О. Манджиева и Р. Онкаевой. В 1988 г. по сценарию О. Манджиева на Рижской киностудии режиссером Адой Ниретнице был снят художественный фильм «Гадание по бараньей лопатке» о жизни высланных латышей и калмыков в далекой сибирской деревне. Его премьерные показы в Доме кино в Москве и кинотеатре «Родина»¹ в Элисте собирали аншлаги. Это был первый фильм в СССР о депортациях на этнической основе².

Рассматриваемое интервью примечательно также тем, что оно принадлежит не только уважаемому литератору, но и сыну Лиджи Исмаиловича Манджиева, фронтовика, Героя Советского Союза. Ушедший добровольцем в финскую войну, Л.И. Манджиев получил медаль «Золотая Звезда» в феврале 1944 г. за подвиг, совершенный в сентябре

1943 г. при переправе через Днепр. Указ о награждении вошел в силу, когда уже больше месяца был подписан другой указ – об отзыве всех калмыков с фронтов. Под ложным предлогом формирования национальной части на Урале фронтовики были отозваны с фронта и собраны, чтобы определить их в лагерь принудительного труда «Широклаг» (преимущественно рядовой и сержантский состав) для строительства Широковской ГЭС в Молотовском (Пермском) крае (Максимов 2015: 322).

Калмыки, в российской истории не раз защищавшие интересы империи и охранявшие южные рубежи России, участвовавшие в Северной войне, Персидском походе, Отечественной войне 1812 г. с особенным трепетом и гордостью относятся к землякам – героям Великой Отечественной войны. Именно они своей отвагой и судьбой противостояли ложному обвинению в предательстве всего народа. Эта награда как символический капитал заработала в поздние советские годы. А тогда – после войны ее герой, видимо, получил одну привилегию – возможность проживать в большом городе, что удавалось мало кому из калмыков. В этом были свои плюсы – была доступна медицинская помощь, в том числе специализированная, было больше возможности устроиться на работу по выбору и была возможность учиться заочно. Но калмыки, проживавшие в сибирских деревнях, сильно голодали только первую зиму, когда мерзлая картошка и иногда падаль становились кризисной едой. Они быстро стали выращивать картофель на полученных участках земли. В городе было голоднее. Простой народ, тем более ссыльный, жил скромно, еле сводя концы с концами и голодая в 1947 г. после отмены продуктовых карточек.

Текст интервью расшифрован мной дословно, но разбит на отрывки, которым даны названия.

О.Л. Манджиев: Ново/сибирское детство

Я родился в 1949 г. в послевоенном Новосибирске. Тогда дети взрослели рано. Четко помню себя трехлетним. Мы жили в Дзержинском районе рядом с проспектом Дзержинского. Там был гастроном – огромный, шикарный. Мне было четыре года, когда умер Сталин. Над гастрономом вывесили его портрет с черной окаемкой и под портретом крестом флаги тоже с черными лентами. Народ сразу притих, ходили молча. Кажется, даже шепотом не разговаривали. Даже в самом воздухе было ощущение чего-то тяжелого, давящего. Я тогда ничего не понимал, осталось вот это ощущение – молчащей тяжести. Весь народ как-то сразу надел траурные повязки. Помню, прибежал домой к маме: «Мам, сделай мне повязку на руку. У всех есть. А у меня нет». Мама ничего не сказала, взяла черную и красную тряпочки. Сшила мне тра-

урную повязку, и я, гордый, побежал на улицу. Теперь я был как все. Полноценный человек.

А отец тогда лежал в госпитале. Он пришел с фронта весь израненный, нервный. От ранения в голову часто терял сознание прямо на улице. Упадет, а мы с братом стоим, не знаем, что делать, плачем. Одна рука у него едва двигалась – почти атрофирована была. Возьмет что-нибудь, а пальцев не чувствует. И все падает – то чашка, то вилка, то сетка.

Тогда еще высланных водили почему-то под конвоем на работу. Помню, за мамой приходил солдат и вел ее на работу. А мы с братом оставались дома. У нас была огромная медная кружка. В нее мама насыпала горох – сухой такой, почти каменный. Ставила ведро воды. И вот целый день мы ели этот горох и пили воду.

Фрукты и овощи в Сибири стоили дорого. Нам родители яблоко купят, на дольки нарежут, тоненькие, почти прозрачные на свет. Мама говорила: ты сразу не ешь, за щеку положи и соси. За щеку положишь, а язык-то шершавый. Раз лизнешь, он уже в дырках. Но запах оставался такой ароматный.

Папа выпишется из госпиталя. Придет домой, увидит нас – голодных. Начинает работать в три смены, чтобы нас хоть немного подкормить. А организм-то слабый. Поработает неделю – две, надорвется. И снова в госпиталь на месяца три. Так я и запомнил его по детству – в госпитале. Худой, бледный, пижама на нем болтается.

Отец работал, а учился по ночам. Русский язык он знал плохо и читал вслух, чтобы русский язык лучше усвоить. У нас была лампа ночная, абажур он сделал из газеты, склеил несколько газет. Ночью проснешься, залезешь ему на спину и чувствуешь, как у него соль катается по спине. То есть он настолько напряглся, аж соль выступала. Так он рвался к знаниям, образованию. Он закончил семилетку, потом десятилетку, потом радиотехникум, потом институт.

Школа

В первый класс я пошел в 55-м. Учительница у нас была Таисия Тимофеевна Бродина. Что-то я натворил, и она меня наказала. Я заплакал. И она мне сказала: «Рано ты, Олег, плачешь. Вот когда ты Родине изменишь, как твои родители, тогда будешь плакать». Это учительница мне – первоклашке. Такое отношение было везде и во всем к нам, ссыльным. Мы для них – хуже врагов, мы – предатели. Нелюдь нерусская. С нами и разговаривали-то, ломая язык, вроде как адаптируя речь под наше недочеловеческое сознание: эй ты, моя-твоя понимай? Карош-карош? Бельмес?

В нашем классе я один был калмык, а потом пришел Вася Худжинов, был еще один татарин. Это все по мелочам накапливалось. В пионеры меня приняли, но перед тем как принять, встал вопрос, можно ли

меня принять или нет. Это обсуждалось! А почему нельзя? – потому что калмык. В 4-м классе кто-то сказал: да у него отец Герой Советского Союза. Учительница не поверила – не может такого быть. Может, Герой Соцтруда? Не может он быть Героем Советского Союза. Он ведь калмык. И когда узнали, что это действительно так, для многих это был шок. Как это – калмык и Герой Советского Союза.

Девочки мне нравились, но у меня как-то неудачно получалось. Я помню, как-то подошел в четвертом классе к Оле Косачевой, отличнице и красавице. Что-то ей сказал, а она мне – что ты лезешь, калмык вонючий. И я ее ударил. Каждый день перебарывал в себе вот это постоянное ожидание оскорбления, унижения. Отстаивать себя кулаками, ногами, зубами. Такая ошестинистость была – на 360 градусов.

Социализация

Мы жили в Нахаловке. Так в народе назывался район, где жили ссыльные: крымские татары, поволжские немцы, чеченцы, эстонцы, латыши – такой высланный интернационал. Жили дружно, друг друга защищали. Общая беда объединяет. Нахаловка существовала еще до ссылки. Ее основали каторжане при царе. Им нельзя было селиться в общих местах, а рядом. Помните выражение: «Сослать в места, не столь отдаленные...»? Полная жандармская фраза звучала так: «Сослать в места, не столь отдаленные Сибири». А в Сибири каторжан селили в местах не столь отдаленных сел, деревень, городов. Так образовывались Нахаловки. При советской власти туда селили уголовников, которые отмотали свои сроки, но прописаться в городе им не разрешали. Города росли, и впоследствии Нахаловки соединились с чертой города, но контингент Нахаловки оставался, и слава о ее жителях пугала остальное население города. Оттуда, как с Дона, выдачи не было. В Нахаловках скрывались от милиции. Стоило забежать в Нахаловку, постучаться в любую дверь и сказать, как пароль, фразу «За мной менты гонятся» – и тебе помогут. Укроют, спрячут, помогут уйти через заборы и закоулки.

Я помню, как отец первый раз большую квартальную премию получил, они какой-то заказ военный выполнили, отец купил нам коньки-снегурочки, стальные, блестящие. Они завязывались на веревке. Крайне бандитский. Мы катались с братом во дворе, и какие-то русские ребята подскочили к нам и стали их бритвой с нас срезать. Тогда это ценность была. Мимо шел Хасан, крымский татарин, одноглазый такой, гроза района. Он увидел, что с нас срезают. Он казался нам дядькой, ему лет 16, наверно, было. Он их поймал, избил всех и сказал главарю: кто-нибудь этих калмыков обидит – с тебя спрошу, голову отрежу. Потом, много лет спустя, я понял: он видел в нас братьев по несчастью. Мы были в одинаково униженном положении в стране – бесправные,

как крепостные или рабы. Это вызывало сопротивление у взрослых и объединяло. И это были не слова, это было действительно братство. Негласное, тайное сообщество.

Около нашего дома была стройка и там работали пленные немцы. Естественно вышки, охрана, собаки. Мы с ними перекидывались. Они вырезали игрушки и нам кидали, а мы им хлеб и все, что могли.

Рядом был пятиэтажный дом военных, там жили пять генералов, полковники и майоры. Как я понимаю, это был перевалочный пункт военных, возвращавшихся из Германии, Польши, Венгрии, Китая. Они везли целыми составами все, что могли украсть: мебель, посуду, одежду, естественно, игрушки. Парень там был, и у него был танк, предмет зависти всего двора – танк стрелял искорками. Сын генерала выносил его во двор, заводил пружину, и мы заворожено смотрели, как танк движется и стреляет искорками. Когда у детей военных игрушки ломались, они выбрасывали их на помойку. А мы лазили по этой помойке за игрушками.

Наш двор разделялся не по национальному, а по экономическому признаку. Вот богатые. Мы к Кольке заходили, и я видел пивные хрустальные кружки в серебре и с серебряными крышками. Я помню, сел на какую-то табуретку, а это была тумбочка, меня домработница тут же согнала. У них были немецкие столовые серебряные приборы с вензелями.

Мой друг Валерка Новоселов жил с бабкой без родителей. Бабка была уборщицей, подъезды мыла. Она вязала коврики из тряпочек, чтобы ноги вытирать, и продавала их, носила по богатым домам. А мы ей помогали. Она продаст, они постелят перед квартирой, а мы вечером зайдем в этот подъезд и украдем, ей возвращаем, и она снова продает.

Сибирь-то вся каторжная. Потому среди коренного населения к нам было какое-то мягкое отношение. Все – потомки каторжан. Только в Сибири есть такие полочки у входной двери. Это с царских времен повелось. На такую полочку по вечерам клали хлеб и сало для беглых каторжан. Чтобы беглый каторжанин, выйдя из тайги, взял еду и снова ушел в тайгу, не замеченный никем. Утром жандарм приходил – хозяева говорили, что ничего не видели.

Я помню, во дворе все взрослые ребята сидели – кто в тюрьме, кто в лагере, кто на зоне. Если ты взрослый и не отсидел, с тобой никто разговаривать не будет. Это было так же естественно и обычно, как сейчас школу закончил. И с детства ребята готовились к тому, чтобы сесть. Кто освобождался, приходил, нам лекции читал. Мы блатные песни разучивали, знали, что творится на зонах. Я тоже проходил уличную школу. Я знал, что должен отсидеть в тюрьме, я же нормальный человек.

Перелом произошел в 1957 г. Спутник запустили, международный фестиваль студентов в Москве. Косыночки на шею, рок-н-ролл, джинсы, бобочки. Тогда психология стала меняться от бандитизма к цивили-

ному. Молодежь разделилась на два лагеря: блатники и стилиаги. Блатники – фуфайки на запах, кепки на глаза, папироска в углу рта, фикса, сапоги-хромы в гармошку. Стилиаги: яркая одежда, цветастые рубашки, яркие галстуки, узконосые ботинки на микропорке и так далее.

Я помню, меня обидел один взрослый, водой, что ли, облил. Тогда я схватил кирпич и дал ему по башке. Меня боялись и считали, что я без тормозов. Я боялся жаловаться отцу, я понимал, что он обязательно выйдет меня защищать, а тогда он будет один взрослый против двадцати. Просто его убьют. Когда в таком положении, быстро развиваешься. Я понимал, что жаловаться нельзя, это закончится плохо. Смертью.

После смерти Сталина освободили эзков. А вся Сибирь покрыта лагерями. И они валом повалили, и весь город был заполнен колоннами уголовников. В Новосибирске сразу появились в 53 г. зарешеченные окна до второго этажа. Двери подъездов исчезли, их выдирали, потому что за дверями часто прятались грабители.

Тогда я играл на детской площадке во дворе. Мимо проходили ээки, и они просто так, от нечего делать, взяли меня за ноги и шарахнули головой об асфальт. Я три месяца в сознание не приходил. Тогда мама уволилась с работы и ухаживала за мной. Меня отвезли в село Бугатак к бабке, и она меня вылечила народными методами. Бабку я не помню, но помню деревянную избу, помытые полы пахнут мокрым деревом. Я сижу на табуретке лицом к двери, и на двери распята летучая мышь. Она головой вертит, верещит. А надо мной бабка свинец льет. Что-то шепчет. Несколько раз она свинец отливала, мне показывала. Вначале выходили шипы, потом сглаженное, что-то другое. Постепенно болезнь стала проходить.

В магазин привозили муку, и за ней всегда очередь была. Обычно пацаны зарабатывали по рублю, когда ты свою очередь отстоял, и потом бежишь к какой-нибудь тетке, пристраиваешься. Отстоишь с ней многочасовую очередь, а она тебе рубль за это. На ребенка отпускали дополнительную муку. Всех ребят брали, а меня не берут. Я ж тогда не понимал, что меня за сына не выдашь – я же не русский. И везде так: что-нибудь натворим группой, никого не ловят, а меня всегда. Все русоволосые, а мои черные волосы все запоминали. Черноволосый, значит Олег Манджиев. А они враги народа.

У брата, он на два года старше, наверно тоже были такие проблемы. Но мы это не обсуждали. Это болезненная тема, и никто не хочет расковыривать раны. Я знаю ребят моего поколения, никто не говорит об этом даже в своем кругу. Это как запретная тема. Слишком, наверно, тяжело.

Этничность как стигма

Посмотри, ссыльное поколение, рожденное в сороковые: ведь от постоянного унижения – я не говорю физического, я имею в виду мораль-

ное – мы где-то внутри согнутые. От постоянного чувства не высываться, спрятаться в толпе, чтобы тебя не увидели, пропала инициатива, загублены многие таланты. Если бы не это, многие ребята проявили бы себя, могли бы быть большими людьми. Но от сознания, что не дадут выдвинуться, потому что калмык, пропадала охота что-либо делать, пытаться.

Даже в том, что все имена русские – это уже о многом говорит. В этом какая-то скрытая попытка подладиться под другой народ, под другую ментальность, быт. Мы же не знали ни «Джангара», ни калмыцких сказок, мы – как пыль на ветру. Без роду, без племени. Нам запрещалось знать.

Везде были сказки – русские, армянские. А калмыцких не было. Калмыки – вообще никто. Пустое место. Эта ущемленность ощущалась постоянно в мелочах. Нечем было гордиться. Как-то мне отец рассказал историю о богатыре, который был пленен и находился в Астраханской крепости. Он сказал: последнее желание попрощаться с конем. Скачет по двору, разогрел коня и перепрыгнул на нем крепостную стену, и только задние копыта задели один из зубцов, и он отвалился. Я помню, как во мне что-то всколыхнулось. Впервые национальная гордость появилась. Я по ночам все время представлял себя им, как я скачу на этом коне.

Еще яркое воспоминание школьного времени. В 1956 г., когда вышел Указ о возвращении калмыков, я помню, отец забегает домой, подбегает к радио, включает на полную мощность, а там калмыцкие песни. У него крупные слезы текут. Впервые я его видел плачущим. Он взял отпуск на три дня, нам купили красивые бушлаты, и каждый день мы с утра ходили на вокзал. Я помню, двери товарняка раздвигаются и на перрон высыпает калмыки. Гармошки, домбры. Люди танцуют. Что-то кричат. Отец стоит и плачет, обнимает всех подряд.

А через дня два-три отец встретил на вокзале своих родственников, которых не видел много лет. Они ехали с Сахалина. Их было много, они подняли меня на руки и на руках передавали друг другу. У меня карманы были набиты деньгами. Потому что по калмыцкому обычаю бельг надо было давать – деньги. Тогда деньги были большие, как полотенца: десятки, полсотни – сантиметров 25–30. Я помню: тогда подумал, е-мое, какой же я богатый человек. Сколько же конфет я смогу купить. Для меня тогда самые шикарные конфеты были «Золотой улей», там внутри конфеты был мед. Я тогда впервые сам побежал в магазин и купил один или два килограмма рублей на десять. Честно признаюсь, подлость совершил, с братом не поделился и под кроватью один съел. У меня потом сыпь на теле вышла. Я понял: это наказание за мою жадность. И еще я запомнил: подлость наказуема. Это был для меня урок.

Это сейчас можно говорить, что это страшно. А тогда... это была повседневность, обыденность. Тогда законов не было. Любой человек мог убить калмыка, потому что он высланный, он был вне закона. Кого убили? – А, калмыка. Или: ну зря ты так, надо было хоть живым оставить. Я до сих пор вижу милиционера и мне хочется перейти на другую сторону улицы, хотя я ничего не сделал. Страх, установка не высываться, не лезть, быть не на виду. Наше поколение не пошло ни в политику, ни в большой бизнес. Это Чехов выдавливал из себя раба по капле, а из нас надо было реками пускать. Ты постоянно настороже, на нерве. Тебя могут оскорбить везде: на улице, в школе, магазине.

В Калмыкии

В Калмыкию мы приехали в 1961 г. Папа уехал, а мы остались в Новосибирске, потому что мой старший брат выиграл сибирскую математическую олимпиаду и попал в первую физматшколу в СССР в Академгородке. Это была школа-интернат. Им специальную форму шили, они в журнале мод выбирали – это в те годы! А тогда физика была самой модной наукой. Небожители. И брат к ним попал. Брат очень хотел остаться учиться в Академгородке, в физматшколе. Но мама не решалась оставить его и уехать в Калмыкию. Депортационный страх-то оставался. Засел прочно. Мы долго решались. В конце концов мы забрали брата и поехали.

Я помню, мы доехали поездом до Ставрополя, там нас папа встречал на газике. Мы сошли, сели и едем по Ставрополю. Ставрополь мне показался деревней, каким-то одноэтажным богом забытым местом. Я спрашиваю: это Элиста что ли? Как мы здесь будем жить? После миллионного Новосибирска он мне показался дырой. Папа говорит: это не Элиста, в Элисту мы еще приедем. А когда мы приехали, я помню кинотеатр «Родина», обком партии, красный дом был разрушен. Жара по нашим сибирским понятиям сумасшедшая – 40 градусов, пыль. Мы с братом по очереди в ванной сидели. Дышать нечем. Я помню, вышел на улицу, пять минут постоял и у меня в глазах потемнело от солнца. Я домой забежал, думаю, господи, ну как я здесь буду жить? Ходить некуда. В Новосибирске мы жили подъезд в подъезд с Бакиновым Аликом, они приехали раньше, и мы через него познакомились с ребятами и быстрее адаптировались.

Наши отцы в то время были непробиваемы, их поколение было просто зомбировано. На родину, на родину, на родину. Для них родина – это все. Отец так Элисту в своих письмах расписывал, елки-палки, сейчас я думаю, откуда такая фантазия. Здесь молодежь одевается моднее, чем в Москве. Яблоки на улице растут и груши на голову падают. А в Сибири яблоко на вес золота. Я никак понять не мог, почему эти ябло-

ки растут и почему их не жрут? Ну как это так? Это все равно что банки с черной икрой на улице стоят, и никто не берет. Бери – не хочу. Действительно, когда мы приехали, у роддома росли и яблоки, и груши.

Отец закупил много арбузов, штук десять, и закатил под кровать. Я в первый раз увидел столько арбузов сразу. И главное, они наши. Не магазинные. Чтобы одна семья могла владеть таким количеством арбузов – в моей голове не умещалось. Это такое богатство. Все равно что советская семья десять «Волг» имеет. Мы их ели-ели, ели-ели. Уже и не хочется. Наешься, потом отойдешь немножко, в туалет сходишь и снова ешь уже от жадности.

Новичков всегда бьют, это принято так, как испытание, которое надо пройти. Но с другой стороны, сибирская обида не выветрилась. Многие вернулись, их дома сохранились, но были заселены хохлами. И они не выселялись, им самим было некуда деваться. А многие помнили, как соседи, когда увозили в Сибирь калмыцкие семьи, на их же глазах бросились грабить их дома. Много таких противоречивых узлов было. И вот такая национальная обида вылилась в уродливую форму. Мне тоже приходилось драться... за компанию. Идешь по аллее, вдруг тебе кричат – эй, эй, пошли, хохлы наших бьют. И деваться некуда. Если ты не пойдешь, ты предателем окажешься. Будешь трус. Демаркационная линия была по роддому и Вечному огню: дальше туда – наши не ходили, те – сюда не ходили.

Когда были процессы над корпусниками... Отец реагировал молча. У него была одна фраза, и меня она ошеломила. У него не было ни ненависти, ни злобы на них, он их жалел очень. Смысл слов был таков, что это обстоятельства, в черный момент судьба их схватила и закрутила. Окажись они в другом месте, все было бы иначе. И осуждать их, ну никак.

В Элисте, у нас в доме в День Победы, после парада, собирались три Героя Советского Союза – М.А. Сельгиков, Б.М. Басанов и отец. И я ни разу не слышал, чтобы они вспоминали войну. Даже в этот святой день. Разговаривали обо всем, только не об этом. Это было святое, а о святом молчат. И я тогда для себя уяснил: те, которые кричат на всех перекрестках, бьют себя в грудь, потрясают медалями и взалхлеб рассказывают о своих подвигах – это люди, не до конца хлебнувшие фронта.

Отец только раз вспоминал войну, начал рассказывать страшные вещи и замолк. У меня аж мурашки по спине. Он же войну встретил в первые минуты на границе. Их окружили, и они начали выходить. У него в спине осколок был, и рана стала загнивать. Они шли: шестеро русских и один калмык. Они поклялись выйти к своим. В первой же деревне двое остались, их русские женщины пригрели. Потом двое остались, потом еще двое. Из них один и говорит: я-то русский, тут кругом – русские, а ты иди. Такое ступенчатое предательство... Он пошел в лес, сел и заплакал, и щепкой выковыривал червей из раны, они

были белые, жирные и ватой затыкал. «Выковыряю, день иду, за ночь снова черви появляются. Рану обмыть нечем, перебинтовать – тоже. Потом зашел в село, хлеба попросил. Женщина сказала, сейчас-сейчас вынесу». Отца насторожило, что она как-то засуетилась. Отец быстро спрятался. Женщина выскочила через минуту с двумя немецкими автоматчиками и говорит: он где-то здесь, ищите. Отец закатился в туалет по горло и стоял так до ночи. Ночью только пошел дальше. Он 16 дней выходил из окружения. Это он мельком сказал.

Из рассказанных о депортации историй мне запомнилась такая. Калмыков привезли на какой-то полустанок и выкинули на снег. Подводы за ними не пришли из-за вьюги. И люди трое суток лежали на снегу. Разбежаться нельзя, вьюга. Люди умирали. И монах начинает петь молитву. Он пел, не смолкая, в течение ночи, и буря утихла, началось потепление. К утру монах умер, и пришли подводы. Все, кто спасся, – за счет его голоса и его жизни.

Я в эту историю верю, потому что мне в Лагани рассказывали, что, когда льдину с рыбаками отрывало от берега и невозможно было повернуть, тогда приглашали джангарчи³ и они начинали петь. Они могли силой голоса менять ветер, и льдину возвращало к берегу.

У меня такое ощущение, что все произведения о ссылке, которые были написаны в советское подцензурное время, – это часть правды. А часть правды – это уже не правда, а правдивая ложь. Я это на себе все испытал. Всего, что можно было сказать о депортации, не сказано. Существует внутренняя цензура. От нее никуда не денешься. Какова степень допустимости? Потому что если ты написал правду, не частичную, не приукрашенную, не обрывочную, а ту правду, которая не искажала, не припудрила и не сгладила бы народную трагедию, ты становишься в оппозицию. Ты становишься мини-Солженицыным. Тебя перестают печатать. А за этим кроется: семью надо кормить, то есть ты перекрываешь себе кислород. И хотелось как все, и все-таки... Как-то эту тему пытались обходить.

Однажды мне попадает статья в «Ойратских известиях» за 1937 г. и начинается она так: «До сегодняшнего дня в калмыцкой писательской организации действовала троцкистско-бухаринско-зиновьевская фашистская группа: Санджи Каляев, Хасыр Сян-Белгин, Хара-Даван...». И там полный разнос идет. Автор Кару Манджиев⁴. Потом как-то в разговоре Санджи Каляев говорит: «мы с Кару». Я говорю – как, он же на Вас донос написал и Вас посадили. – Да, посадили, а потом его посадили. И мы 16 суток в камере смертников просидели, ожидая расстрела. Тебе этого не понять».

По молодости лет я удивился, как это так? И только много лет спустя, как мне кажется, я нащупал ответ. В литературе существует такой термин – принцип закрытого чтения: с высоты сегодняшнего дня мы не

можем судить о поступках того времени, мы судим иначе, мы не влезем в ту ситуацию, а значит, не можем судить о ней объективно. В сегодняшнем дне все видится по-другому. И все – другое. В одних обстоятельствах человек поступает так, в других – иначе. Я, когда изучал сибирские материалы, думал: а как бы я повел себя в те времена? Я не нашел ответа.

Нарратив как свидетельство

Олег Лиджиевич родился в 1949 г. Калмыки уже были пять лет как высланы. Первые трудности, самые тяжелые, как помнят многие, остались позади. Уже люди не гибли от голода, не ели падаль, их не дразнили людоедами. Но возникали другие проблемы, другие вызовы – у каждого свои.

Первые воспоминания ребенка связаны с важным событием в СССР – смертью Сталина, рубежным событием для СССР. Из рассказа О. Лиджиева мы узнаем, как люди индивидуально маркировали свой траур для публичного обозрения, что даже четырехлетний ребенок чувствовал в этом необходимость и не успокоился, пока мать не сшила ему траурную повязку. Это будут последние похороны генерального секретаря ЦК ВКП(б), в которых публичное переживание смерти руководителя партии и государства как личного горя было обязательно.

По многим рассказам калмыков мы узнаем, что вернувшиеся с фронта солдаты были больны, были измотаны психически, долго лечились, что фронт, окопы подорвали здоровье надолго, если не навсегда. Но только близкая дистанция показывает, в какой степени отцы не были здоровы.

Мы встречаем в нарративе упоминания людей разных национальностей, причем принадлежность к этнической группе подчеркивается особо, поскольку в это время именно та или иная национальность определяла статус его носителя в обществе. Как правило, если национальность указывалась, то речь шла о низком статусе, о чем-то вербально неуказанном, что стояло в стереотипах о его представителях.

Мы жили в Нахаловке. Так в народе назывался район, где жили ссыльные: крымские татары, поволжские немцы, чеченцы, эстонцы, латыши – такой высланный интернационал. Жили дружно, друг друга защищали. Общая беда объединяет.

Случай, когда местный хулиган, крымский татарин Хасан взял под свое покровительство двух калмыцких мальчиков, остался в памяти рассказчика на всю жизнь. Про эту солидарность с такими же представителями наказанных народов долго помнили и другие калмыки того поколения.

Рассказчик упоминает пленных немцев, с которыми перекидывались, используя бартер втемную: игрушки на еду. И они в рассказе предстают почти как свои, ведь мать Олега также уводили каждый день под конвоем на работу. Видимо, она оказалась в трудовой армии. Мы знаем, как в Новосибирске формировали коллективы трудармейцев по опубликованному интервью С.Э. Нарановой (Гучинова 2019а: 410), в том случае вина у девушки была одна – принадлежность к наказанному народу. Но здесь, казалось, иная история: речь идет о замужней женщине, супруге Героя, матери двоих детей – можно было бы и освободить? Но нет.

Принадлежность к калмыцкому народу, обвиненному в предательстве, делала калмыцких детей, рожденных после войны, также неполноценными гражданами страны. В принадлежности к предателю-народу Олега могла упрекнуть даже первая учительница, советский аналог «доброй феи», а может, матери-родины для малышей.

Стыд за принадлежность к народу-изгою вызывал муки совести перед родственниками, поэтому стигматизированная идентичность была большим вопросом для того поколения, о котором даже родные братья друг другу не говорили.

Каждый день перебарывал в себе вот это постоянное ожидание оскорбления, унижения. Отстаивать себя кулаками, ногами, зубами. Такая ощетинистость была – на 360 градусов... Ты постоянно настороже, на нерве. Тебя могут оскорбить везде: на улице, в школе, магазине.

Именно об этом писал Э. Гоффман: зная, с чем он может столкнуться, стигматизированный индивид порою заранее внутренне съезживается и занимает оборонительную позицию (Goffman 1963: 13). От отсутствия книг о калмыках страдали и другие калмыцкие мальчики.

Когда я кричал, что не татарин, а калмык, они говорили: врешь ты! Нет такой национальности! Я был книжный мальчик, все искал в книгах и не мог найти упоминания о калмыках. У матери я стеснялся спросить в первом и втором классе. Но потом мне попался один сборник уйгурских народных сказок, изданный еще до войны в Казахстане. В одной уйгурской сказке я встретил упоминание о старом злобном калмыке, с которым воевал главный герой, и это тоже не удовлетворило мое любопытство (Гучинова 2019б: 554).

Про стигму идентичности рассказывали мне и другие собеседники, но только здесь было сказано, что чувство второсортности, неуверенности в своей полноценности, незащищенности не прошло с юридическим равноправием. Политический фактор в обвинении и ощущение нерусской этничности как второсортной, поскольку этническое меньшинство – всегда слабее, всегда подчиняется в иерархических отноше-

ниях, явно чувствуются в приведенном тексте. В общественном сознании всего советского народа осталось нечто неопределенное, вроде «что-то было не так во время войны с этими калмыками», что так или иначе оставляло пятна сомнения в надежности. В приобретенном негативном опыте калмыков осталась «согнутость внутри», то, что О. Мандельштам применительно к другому народу называл «египетская марка».

В вопросах идентификации важными остаются вопросы о границах этнической группы. И для калмыков фенотип становится непроницаемой линией, «железной клеткой» (Takaki 1990): монголоидная внешность не просто выделяла Лиджи Манджиева среди других красноармейцев, не давала раствориться среди славянского населения западной части СССР и делала сразу чужаком для тех мест. Это имело значение. Также выходило и для черноволосого Олега, который не мог прикинуться чьим-то сыном в очереди и заработать и который долго был единственным калмыком (азиатом) в классе. Как писал А. Иванов о причинах, по которым жители Тюменской области не хотели селить у себя высланных калмыков, на первом месте была иная внешность (Иванов 2014: 54). Не случайно образцом физической красоты для калмыков в конце XX в., по данным исследования физических антропологов ИЭА, была такая внешность, в которой монголоидные черты были минимальны: с тенденцией включения в идеальный мужской и женский образы антропологически контрастных черт среди калмыков в объеме, заметно превышающую соответствующую реальную частоту в выборке (Халдеева 1999: 204–205). Можно было носить русское имя, свободно говорить по-русски, не говорить по-калмыцки и не молиться, одеваться так как все вокруг – но фенотип становился тем пределом конструктивизма, который нельзя было перешагнуть.

Нарратив о депортации калмыков часто переходит на язык травмы. Положение калмыков сравнивается рассказчиком со статусом известных в истории подчиненных социальных групп: с крепостными и рабами. Это проявлялось и в низком социальном статусе депортированных на основании принадлежности к «народу-предателю» во всем советском обществе (не было паспортов и свидетельств о рождении), соответственно, очень низких стандартах жизни (кружка гороха и ведро воды как дневной рацион для детей), невозможности отлучиться со своего места проживания без разрешения коменданта, необходимости раз в месяц подтверждать свое присутствие в комендатуре и прочих ограничениях, которые отличали калмыков от свободных граждан СССР.

Еще одним признаком языка травмы являются сюжеты с нечистотами. В этом повествовании речь идет не просто об экскрементах, а об их большом количестве – о деревенском туалете. Рассказан сюжет, который довольно трудно представить: [он] «закатился в туалет по горло и

стоял так до вечера». Использован необычный глагол для человека – «закатился», который редко используется применительно к человеку.

Сюжет про то, как человек прячется в дыре туалета, как и про нагноение раны, которую надо было щепой чистить от гноя, – невозможны для воображения. Это травма так помнит: и забыть нельзя, и помнить трудно, и рассказать невозможно.

Мы знаем, что те, кто рассказывают историю, владеют силой и властью, являясь активными агентами формирования коллективных представлений (Рикёр 2014: 619). И когда три героя войны встречаются после парада 9 мая в Элисте за праздничным столом и, избегая военной темы, молчат... Это молчание можно представить как одну из важных стратегий несогласия с советским каноном репрезентации истории калмыков в годы войны. А травма-пункты военной эпохи – история калмыцкого корпуса, заключение красноармейцев калмыцкого происхождения, отозванных с фронта, в лагере принудительного труда «Широклаг», депортация – в советское время были за скобками какого-либо обсуждения. В интервью представлено ценное для нас отношение к калмыцким военным коллаборационистам – без идеологического клише, без коллективных обвинений.

Два коротких, почти фольклорных сюжета о монахе, остановившем силой молитвы пургу, и джангарчи, который своим голосом смог поменять направление ветра, подчеркивают высокую цену дара и права петь носителей духовности за жизнь своих соплеменников. Мой собеседник упоминал А. Солженицына, а я бы скорее назвала В. Шаламова, тоже сказителя колымского эпоса, за право оставить человечеству свою версию истории виденного расплатившийся самой жизнью.

Калмыки, которые относились к сибирским детям, воспринимали как свою малую родину – как мы видим здесь – Новосибирск с ее Нахаловкой, физматшколой и оперным театром. Но вот «зомбированные отцы» едут на свою малую родину и требуют переезда. И как неохотно собираются в дорогу два брата, как они трудно привыкают к своей приписанной родине – много солнца, нечем дышать, некуда пойти. Зимой 1943–1944 г. старшее поколение приехали из Калмыкии в Сибирь и были сражены климатическим отличием – очень холодно, много снега, лес и тундра. В 1959 г. их дети оказываются в Калмыкии и показывают обратные реакции, но находят и плюсы: арбузы – и все наши, яблоки и груши растут прямо на улице.

Собеседник рассказывает, как происходило районирование Элисты в молодежной мужской среде. Я отношусь к следующему поколению элистинцев, и в конце 1970-х гг. мои одноклассники ходили гулять по парку «Дружба» и им тоже приходилось драться, но «сибирская обида» к тому времени выветрилась (или спряталась), и это было уже другое: стычки мальчиков из центра и парней с окраины.

О. Манджиев поднимает важный вопрос – можем ли мы в полной мере понять сталинскую эпоху? Можно ли написать всю правду? Что это такое – вся правда? Вот это интервью – такое искреннее, волнующее, правдивое – это достаточная правда для историка, если мы имеем дело с биографией одного человека? Вся правда о депортации не сказана, считал О. Манджиев в 2008 г. В советские годы мешала цензура, как рассказал редактор Калмыцкого государственного издательства, дававший подписку в том, что не пропустит материалы о том, что бабушка Ленина была калмычкой и о выселении калмыков (Гучинова 2005, 2019в). Но советские времена давно закончились, и цензура канула в Лету, как прошли те тридцать лет, которые позволяют людям примириться с травматическим событием (Ассман 2014: 25; Pennebaker, Vanasik 1997: 11–13). Что мешает рассказать о депортации? Все та же согнутость внутри или это вопрос о свидетеле, который был сформулирован при анализе воспоминаний людей, переживших Холокост: настоящий свидетель стал пеплом, пережившие Освенцим – не полноценные свидетели. Но в случае калмыков депортация народа при всей своей жестокости не была нацелена на уничтожение. В случае калмыков каждый переживший депортацию – свидетель, в том числе все дети, рожденные за Уралом. И этот рассказ Олега Манджиева – тому подтверждение.

Примечания

¹ Этот кинотеатр был одним из мест сбора калмыков в Элисте 28 декабря 1943 г. Но примечательно название кинотеатра – «Родина». Как пронизательно заметили Г. Шагоян и Л. Абрамян (См. Абрамян, Шагоян 2002), структура, прежде чем распасться, являет себя в виде гиперструктуры. В данном случае прежде чем калмыки потеряли родину, их собрали в «Родине».

² Позже будут сняты художественные фильмы «И вечно возвращаться» (2003 г., реж. С. Мартыанов), «Агитбригада “Бей врага!”» (2007. Ленфильм, реж. В. Мельников), «Февраль» (2014. реж. Р. Магомадов), «Приказано забыть» (2014. Грозный фильм, реж. Х. Эркенов), «Хайтарма» (2015, реж. А. Сейтаблаев, Украина).

³ Рапсод, сказитель эпоса «Джангар».

⁴ Все перечисленные имена – калмыцкие поэты и литераторы.

Литература

Абрамян Л.А., Шагоян Г.А. Динамика праздника: структура, гиперструктура, антиструктура // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 37–47.

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.

Иванов А.С. «Изъять как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959). М.: Научный совет при Президиуме РАН по военной истории, 2014.

Максимов К.Н. Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX в.). Элиста: Джангар, 2015.

- Гучинова Э.-Б.М. Две истории о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.
- Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь. Интервью с С.М. Ивановым и С.Э. Нарановой // *Oriental Studies*. 2019а. № 3. С. 397–492.
- Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь. Интервью с В.П. Санчировым // Монголоведение. 2019б. № (3). С. 543–563.
- Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с Е.А. Буджаловым // Монголоведение. 2019в. № 3. С. 222–269.
- Рикёр П. Память, история, забвение. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004.
- Халдеева Н.И. Антропозстетические исследования в теории и практике // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / отв. ред. А.Н. Седловская, И.М. Семашко. М.: ИЭА РАН, 1999. Т. 1.
- Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N.J. Prentice Hall, 1963.
- Pennebaker James W., Banasik Becky L. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology // James W. Pennebaker et al. (Hg), *Collective Memory of Political Events. Social Psychological Perspectives*. Mahwah, New Jersey, 1997.
- Takaki R. *Iron cages: race and culture in nineteenth-century America*. Oxford University Press; Reprint edition (May 10, 1990).

Статья поступила в редакцию 21 января 2020 г.

Guchinova Elza-Bair M.

EVERYONE HAS THEIR OWN SIBERIA: INTERVIEW WITH OLEG MANDZHEV

DOI: 10.17223/2312461X/28/13

Abstract. The article deals with an understudied issue, that of the daily life of Kalmyks deported to Siberia (1943–1956), and includes an introduction, an interview with the famous Kalmyk writer and screenwriter Oleg Mandzhiev, and an analysis of the discursive strategies he uses in his narrative. The text constructs an autobiographical story more than half a century after the actual events, making the daily life of Mandzhiev’s family all the more interesting and important, particularly given that the narrator’s father had received the title of ‘Hero of the Soviet Union’ and his view of the twentieth-century military history is of special value. In an unplanned biographical interview focused on the years of the deportation of Kalmyks, important aspects are not only the mentioned facts and the growing boy’s feelings and thoughts, but also the narrative forms, such as plot, images, judgements, lexical composition, and grammatical structures. Oleg Mandzhiev belongs to the generation of Kalmyk children born in Siberia after World War II. In the interview, he talks about his childhood in Novosibirsk, highlighting topics such as practices of exclusion in school, personal resistance strategies, experiencing stigmatized ethnicity, and accepting Kalmykia as an attributed homeland. Particular attention is paid to the language of trauma, through which traumatic memory manifests itself in a spontaneous narrative: these are stories about feces, festering wounds, and diseases, with parallels drawn with deprived, historical social groups. The article will be of interest to all researchers of the Kalmyk deportation, to historians of the region and urbanists alike.

Keywords: deportation, Kalmyks, oral story, narrative, repressions, identity, Siberia, politics of memory

References

- Abramian L.A., Shagoyan G.A. Dinamika prazdnika: struktura, giperstruktura, antistruktura [The dynamics of feast: structure, hyperstructure, and antistructure], *Etнографическое обозрение*, 2002, no. 2, pp. 37-47.
- Assmann A. *Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: NLO, 2014.

- Ivanov A.S. «*Iz"iat' kak antisovetskii element...*»: *kalmyki v gosudarstvennoi politike (1943–1959)* [“To confiscate as an anti-Soviet element...”: Kalmyks and the state policy (1943–1959)]. Moscow: Nauchnyi soviet pri Prezidiume RAN po voennoi istorii, 2014.
- Maksimov K.N. *Kalmykiia i kalmyki na zashchite Otechestva (pervaia polovina XX v.)* [Kalmykia and Kalmyks defending Homeland (the first half of the 20th century)]. Elista: ZAO «Dzhangar». 2015.
- Guchinova E.-B.M. Dve istorii o deportatsii kalmykov [Everyone has their own Siberia: Two stories of the Kalmyk deportation], *Antropologicheskii forum*, 2005, no. 3, pp. 400–442.
- Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoia Sibir'. Interv'iu s S.M. Ivanovym i S.E. Naranovoi [‘Everyone has their own Siberia’: Two stories of the Kalmyk deportation (Interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova)], *Oriental Studies*, 2019a, no. 3, pp. 397–492.
- Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoia Sibir'. Interv'iu s V.P. Sanchirovym [‘Everyone has their own Siberia’: A biographical interview with Vladimir P. Sanchirov], *Mongolovedenie*, 2019b, no. (3), pp. 543–563.
- Guchinova E.-B.M. U kazhdogo svoia Sibir'. Biograficheskoe interv'iu s E.A. Budzhalovym [‘Everyone has their own Siberia’: A biographical interview with Yegor A. Budzhalov], *Mongolovedenie*, 2019v, no. 3, pp. 222–269.
- Ricœur P. *Pamiat', istoriia, zabvenie* [La Mémoire, L'histoire, L'oubli]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004.
- Khaldeeva N.I. Antropoesteticheskie issledovaniia v teorii i praktike [Anthropo-aesthetic research in theory and practice]. In: *Muzhchina i zhenshchina v sovremennom mire: meniaiushchiesia roli i obrazy* [Man and woman in the contemporary world: changing roles and profiles]. Eds. A.N. Sedlovskaia, I.M. Semashko. Vol. 1. Moscow: IEA RAN, 1999.
- Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. N.J. Prentice Hall, 1963.
- Pennebaker James W., Banasik Becky L. On the creation and maintenance of collective memories: History as social psychology. In: James W. Pennebaker et al. (Hg), *Collective memory of political events. Social Psychological Perspectives*. Mahwah, New Jersey 1997.
- Takaki R. *Iron cages: race and culture in nineteenth-century America*. Oxford University Press; Reprint edition (May 10, 1990).

УДК 398.4

DOI: 10.17223/2312461X/28/14

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧУДЕСАХ И КАМЛЕНИЯХ ЭСКИМОССКОГО ШАМАНА: СОВРЕМЕННАЯ АТОМИЗАЦИЯ РИТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ПОСТСОВЕТСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ*

Дмитрий Анатольевич Опарин

Аннотация. В первой половине 1970-х гг. в преимущественно эскимосском прибрежном селе Новое Чаплино (Чукотка) умер шаман по имени Аг'лю, о котором у его современников сохранилось множество воспоминаний. Аг'лю является, с одной стороны, героем современного мифа, а с другой – героем относительно недавнего советского прошлого. Он уважаемый шаман, воплощение традиции и чудесного дара, свойственного отдельным эскимосам, и одновременно фокусник, шулер, обманщик, любивший выпить и всегда нуждавшийся в деньгах для того, чтобы опохмелиться. Собранные зимой 2020 г. воспоминания о подпольных шаманских камланиях послевоенного времени и анекдотических чудесах, творимых Аг'лю, рассматриваются в контексте современной рефлексии о «старой жизни» и постсоветской ностальгии по чувству общности и ритуальной насыщенности, имевших место в тот период. Почему Аг'лю называли «сильнейшим шаманом», а живших позже *знающих* эскимосов шаманами не называли? Что нам говорят мемораты о шаманах о ритуальной динамике в прибрежной Чукотке? Можем ли мы писать об исчезновении шаманизма у азиатских эскимосов, или похороны этой традиции преждевременны?

Ключевые слова: шаманизм, Чукотка, эскимосы, советский период, мемораты о шаманах, анимизм, духи, ностальгия

«...я помню, бабушка у меня немножко была шаманка. Я помню, в нулевом или первом классе мне зуб вырвали. Я ревела страшно, больно было, а она начала молиться монотонно. Я так поняла: “Морж нырнул под воду и начал вытаскивать себе корм, иманак’ [эск., моллюски, которыми питается морж]”. И вот она мне [издает всасывающий звук], и я прям чувствовала, как она мне тянет.

– Боль вытаскивает.

– И вот прошло. Потом нашего отчима собаки раскушали. Свора собак, которые на нартах ездят, бортовые собаки. Всю спину, аж куски мяса висели. А он был в кухлянке [верхняя меховая одежда]. И бабушка моя его так языком [слизывает]. Он [когда] умер – шрама не было. Хороший у нее был язык. Я постоянно спрашивала: кем ты вернулась, кем ты была? Я с любопытством, вот поэтому я запоминала.

* Исследование осуществлено при поддержке Российского научного фонда, проект «Частная история и ритуальная динамика в прибрежной Чукотке», № 19-78-00070.

– *А бабушка немного шаманила?*

– *Она немножко шаманила, то только для своих. Бывают такие люди, которые для всех, а она в основном для своих. Для родных, для нас. Втихаря».*

Это отрывок из разговора, состоявшегося в феврале 2020 г. в селе Новое Чаплино (Чукотка) с местной жительницей 1953 г. рождения. Она вспоминает о способах лечения, которые применяла ее бабушка в случае заболевания кого-нибудь из членов семьи. Излечение через «высасывание» болезни – далеко не самая распространенная ритуальная форма избавления от физического недуга среди азиатских эскимосов. Однако сейчас повсеместно встречаются другие практики исцеления – лечение старыми документами и фотографиями умерших родственников, отдельными старыми предметами, обладающими своей биографией и силой, связанной с помощью предков. Эти практики актуальны практически для каждой аборигенной семьи региона.

Современная ритуальная повседневность прибрежной Чукотки вариативна. Каждый эскимос и чукча имеет местное имя, данное ему в честь чаще всего умершего родственника – так новорожденный возвращается кем-то из своих предков (Вахтин 2001; Опарин 2015). Люди продолжают интерпретировать сны и общаться во снах с ушедшими близкими, местные жители просят у духов летной погоды или удачи в том или ином деле, бросают бусинки на дорогу. Во многих домах висят «охранники», как местные жители сами их называют, – старые колотушки для выбивания снега из меховой одежды, сделанные из рога оленя, защищающие дом и его обитателей от злого влияния. Некоторые помнят наизусть заговоры, переданные им предками, у других хранятся тетради, в которых заговоры записаны от руки на эскимосском языке. Кормление духов (умерших людей, в том числе и предков) – разнообразная ритуальная практика, широко распространенная среди всех коренных жителей Нового Чаплино, за исключением отдельных христиан (Опарин 2012; Опарин 2013). Люди отламывают от еды небольшие кусочки и бросают их в окно, кидают в доме или высыпают в специально разведенный для ритуала костер. Многообразны поводы, места и материальные объекты кормления (часто люди кормят предметы, символизирующие умерших и обладающие их силой). Поминки по всем предкам и умершим родственникам сразу, известным участникам церемонии лично и тем, которых они не застали, чаще всего проходящие ежегодно ранней осенью или поздней весной, являются наиболее организованным и ритуализированным видом кормления. Однако в течение года совершается множество других менее упорядоченных актов кормления духов.

Ритуал присутствует в той или иной степени и с разной частотой в повседневной жизни каждого аборигенного жителя региона. В основе

религиозных представлений современных эскимосов лежит вера в возможность коммуникации, в том числе и прямого диалога, с умершими. Эта, иногда каждодневная коммуникация проявляется в разнообразных индивидуальных ритуальных практиках. За то время, что я общаюсь с местными жителями, а впервые я поехал на Чукотку в 2011 г., никто из них ни разу не ответил утвердительно на мой вопрос о существовании сейчас эскимосских шаманов. Однако многие говорили так: «есть те, кто по-женски шаманит», «шаманов нет, но каждый сам себя лечит», «шаманов нет, но он / она, я знаю, шаманил / а раньше», «у нас шаманов нет, а в Чукотском районе [соседний район с преобладающим чукотским населением] должны быть». Одна эскимоска из Нового Чаплино в 2012 г. показала мне копыто снежного барана, обтянутое оленьими жилами, на которые были нанизаны старые бусинки. Это копыто досталось ей от матери, а ей в свою очередь – от ее предков. Копыто используется в лечении; его следует немного опалить и стряхнуть с его помощью с человека болезни, а потом «отблагодарить» копыто бусинкой, нанизанной на оленью жилу. Мать этой эскимосской женщины перед смертью говорила: «Я не шаманка, не могу вас молитвам учить. У меня осталось только вот это копыто». В данном случае *молитвами* женщина называла эскимосские заговоры (*к'анымсюк*), которые обладают большой силой. Так, женщина, умеющая лечить копытом и сохранившая этот сакральный предмет, не называла себя шаманкой, в том числе потому, что она не знала заговоры. Какие смыслы закладывают люди в такое действие, как шаманить? Почему отдельный человек может шаманить, однако, шаманом или шаманкой его / ее не называют? Что значит «каждый сам себя лечит», и почему ритуальные целительские практики, ограниченные семейным кругом, люди не называют шаманством или шаманизмом?

Исследователи шаманизма в Сибири разделяют такие понятия, как *шаманство* (*бытовое шаманство*) и *шаманизм*. Под *шаманством* понимается «четко оформленная и широко распространенная в конкретных этно-культурных вариантах *система представлений*» (здесь и далее курсив мой. – Д.О.) (Функ, Харитоновна 2012: 121), тогда как шаманизм определяется как «феномен, сформированный шаманом как *личностью*» (121–122). В настоящее время в селе Новое Чаплино с подавляющим эскимосским населением, если пользоваться данной классификацией, речь может идти о *бытовом шаманстве*, которое характеризуется как «магико-мистическая и ритуально-практическая сторона жизни социума, определяемая системой верований и представлений, сформировавшихся на основе сведений о шаманском знании и практике с включением в эту вторичную (по отношению к шаманизму) систему собственных и заимствованных верований и представлений» (122). В определенные периоды и в определенных обществах мы можем говорить о сложной системе под названием *шаманизм*, в центре которой

стоит личность одного или нескольких шаманов, наделенных исключительным талантом и обладающих социальным капиталом. Тогда как в других случаях, в том числе и в современной ситуации в эскимосских селах Чукотки ритуальный повседневный фон, наполненный целительскими практиками, анимистическими представлениями и микроритуалами, связанными с коммуникацией с духами умерших, может именоваться *бытовым шаманством*, в котором нет ни фигуры шамана, ни соответственно шаманских камланий.

Истории о сильных эскимосских и чукотских шаманах в регионе вокруг крупнейшего поселения азиатских эскимосов Ун'азик', или Старое Чаплино (закрыто в 1958 г., все жители были переселены в только что основанное Новое Чаплино), встречаются, в частности, в довоенной советской периодике (Богораз-Тан 1932; Сергеева 1935), в воспоминаниях, записанных И.И. Крупником и М.А. Членовым (Крупник 2000; Krupnik, Chlenov 2013). Многие из исследователей обществ и культуры азиатских эскимосов, касавшихся темы шаманизма, солидарны с тем, что, несмотря на сведения о крупных и харизматичных шаманах среди этого народа, мы не можем говорить об эскимосских религиозных авторитетах прошлого как об определенной дифференцированной группе ритуальных экспертов (Богораз-Тан 1932: 153–154; Теин 1981; Krupnik, Chlenov 2013: 230), как о «жреческом классе». Крупные эскимосские шаманы, известные по историческим документам и воспоминаниям, записанным в первую очередь И.И. Крупником в 1970-е гг., предстают как обычные жители села, включенные в социальные и экономические отношения наравне со всеми, однако, отличающиеся целительскими навыками и особенными чудесными способностями. Этот дар не передавался по наследству и не давал шаманам каких-то определенных предпочтений. Шаманы не были кулаками или привилегированными специалистами. Известная Богоразу и некоторым информантам И.И. Крупника история о том, как чукотский шаман Ак'ыр с 1915 г. «окупировал» моржовое лежбище на острове Аракамчечен и брал с местных дань за охоту, угрожая им проклятием, а потом в 1928 г. был выгнан председателем исполнительного комитета недавно созданного Эскимосского туземного района Матлю (Богораз-Тан 1932: 156; Крупник 2000: 488–490; Krupnik, Chlenov 2013: 232–234), является, скорее всего, своеобразным смешением традиционных рассказов о шаманах и ранней советской колониальной мифологии, иллюстрацией ситуативной победы одной онтологии над другой.

Воспоминания о шамане Аг'лю

В данной статье я хотел бы представить воспоминания местных жителей о самом известном на нынешний момент эскимосском шамане – Аг'лю (1920 (1916?) – первая половина 1970-х гг.) (рис. 1).

Рис. 1. Шаман Аг'лю (справа). 1960-е гг. Из личного архива Ирины Атаку

В ходе полевой работы я записывал истории и о других шаманах, но они были гораздо старше Аг'лю, и воспоминания о них незначительны, основаны чаще всего не на собственном опыте информантов, а на рассказах старших, уже ушедших родственников. Некоторые из жителей Нового Чаплино, родившиеся до переселения 1958 г., кое-что помнят о слепом шамане Айвых'ак'е. Одна жительница 1950 г. рождения рассказывала, что Айвых'ак' вошел в транс, чтобы найти пропавшие у кого-то тогда американские часы, и не смог выйти. В другой семье сохранилась история о том, что он повесился, и старшая сестра вернулась самим

шаманом Айвых'ак'ом (была названа именем этого шамана), а средняя – веревкой, на которой он повесился. Известным шаманом считался эскимос по имени Галмугйи, умерший в середине 1950-х гг. Он был дедом эскимосского танцора второй половины XX в. Владимира Насалика, основателя местного танцевального ансамбля «Солнышко». По рассказу вдовы Насалика, когда жена Галмугйи была беременна, тот отправился на птичий базар и обнаружил там мертвого мужчину с туго завязанным капюшоном (по-эскимосски капюшон – *насяк'*). И Галмугйи с женой назвали родившегося сына, отца Владимира, Насилком (дословно – «в капюшоне»).

Аг'лю – один из любимых героев историй местных жителей. Его практически все знают, кто-то помнит лично. В селе сейчас живут племянники и племянницы Аг'лю, его единственный сын Владимир Умкаугье умер. Рассказы, записанные мною об Аг'лю, можно разделить на две группы – детские смутные воспоминания о закрытых ночных камланиях и анекдотические истории, в которых Аг'лю чаще всего выступает не в роли целителя или сказителя, а оказывается скорее фокусником и даже хулиганом. Воспоминания о шаманах – отдельный жанр полевых источников по бытовому шаманству или шаманизму (Доронин 2019: 101). Е.П. Батьянова, собиравшая рассказы о телеутских шаманах, считает, что бытование таких рассказов поддерживает в обществе «определенный уровень шаманской идеологии, способствует ее межпоколенной трансляции, влияет на формирование исторической и генеалогической памяти» (Батьянова 1995: 24). Фольклорист Е.С. Новик отмечает особенное разнообразие таких нарративов, которые сложно классифицировать: «...это и шаманские мифы, и предания о легендарных шаманах прошлого, и истории шаманских посвящений, и рассказы о состязаниях шаманов, шаманских путешествиях, фокусах, чудесах и т.д. Собиратели именуют их то сказками, то мифами, то бытовыми рассказами, генеалогическими или историческими преданиями, легендами, быличками и т.д.» (Новик 2004: 229). Д.Ю. Доронин, работающий на Алтае, выделяет две группы современных локальных нарративов о шаманах, которые записывают исследователи в Сибири: рассказы о ныне живущих шаманах и воспоминания о преследовании шаманов в советское время и их взаимодействии с властью (Доронин 2019: 101–102). Следует отметить, что встречи шаманов с представителями советской власти не всегда имели, казалось бы, предсказуемый репрессивный характер (Доронин 2013). Д.А. Функ, работающий среди шорцев и телеутов в Южной Сибири, призывает с осторожностью относиться к такого рода нарративам и не смешивать их с рассказами самих шаманов (Функ 2005: 34). Е.В. Ревуненкова в статье, посвященной шаманизму у теленгитов, пишет об особенной ценности воспоминаний о шаманах, которые могут свидетельствовать о том, «насколько сильна память по-

колений и прочность традиций» (Ревуненкова 1995: 66). Е.Н. Романова, специалист по якутскому шаманизму, склонна рассматривать такие рассказы, как «'культурный текст' общей памяти коллектива» (Романова 2008: 325). Исследователь считает, что старый коллективный текст генерирует новый: так, воспоминания об одной легендарной якутской шаманки начинают конструировать биографию ныне живущей другой шаманки. Вопрос о социальной жизни воспоминаний в ходе передачи и интерпретации в аборигенных обществах сибирской Арктики уже задавался (Stammler, Ivanova, Sidorova 2017: 2). Исследователей интересовала в первую очередь, как и когда серия личных историй становится историей коллективной и как это соотносится с локальной памятью, официальной или национальной, почему один личный опыт забывается, а другой становится общим камертоном.

Я не могу с полной уверенностью назвать записанные мною послевоенные воспоминания об эскимосском шамане Аг'лю «культурным текстом общей памяти коллектива». Одни рассказы индивидуализированы, повествуют о личных отношениях с шаманом, другие – вариативны (одна и та же история рассказывается разными людьми по-разному, с разными деталями и даже сюжетом). В данном случае речь идет о «памяти в группе, а не о памяти группы» (Bartlett 1995: 294; Stammler, Ivanova, Sidorova 2017: 4). Аг'лю является, с одной стороны, героем мифа, а с другой – героем относительно недавнего советского прошлого. Он – уважаемый шаман, воплощение традиции и чудесного дара, свойственного отдельным эскимосам, и одновременно фокусник, шулер, обманщик, любивший выпить и всегда нуждавшийся в деньгах, для того чтобы опохмелиться. Отдельные воспоминания об Аг'лю записал И.И. Крупник еще в 1970-е годы (Крупник 2000: 484–487; Крупник, Chlenov 2013: 264–265). Аг'лю, как любитель пострелять по столбам из китовых челюстей у заброшенного поселения Сиклюк, упоминается в исследовании «Китовая аллея» (Арутюнов, Крупник, Членов 1982: 98).

Первый рассказ об Аг'лю, который я собираюсь привести, был записан мною в феврале 2020 г. от женщины 1953 г. рождения, вдовы уже упоминавшегося эскимосского танцора Владимира Насалика (1938–2005). Ей же принадлежит и высказывание, которое я привел в начале статьи.

Воспоминание 1.

«– Аг'лю каким был? Вы говорите, бабушка только для своих шаманила, а Аг'лю – всему селу?»

– Всему селу.

– Откуда у него силы?»

– Не знаю. Володя рассказывал, что когда он, Аг'лю, был мальчишкой, дядя его убил нерпу. В Старом Чаплино, что ли. И Аг'лю побежал

помочь ему. А нерпа была мерзлая совсем. И дядя ему дал веревку и вперед сам пошел. Шел-шел и что-то назад резко повернулся, смотрит – Аг'лю идет спокойно, а нерпа мерзлая за ним. И когда он повернулся, нерпа опять замерзла, и Аг'лю пришлось тащить. Вот, наверное, он тогда еще, мальчишкой, был шаманом. Шаманил. Бывает же у некоторых талант. А мы тупые вообще».

Второе воспоминание рассказала мне в январе 2020 г. внучатая племянница Аг'лю 1965 г. рождения.

Воспоминание 2.

«Ну вот она [бабушка] говорила, что он фокусник, что много что мог. Я дома иногда вспоминаю и невестке своей рассказываю <...> Сейчас смотришь, по телевизору показывают иллюзионистов, фокусников знаменитых. Мне кажется, он был на их уровне, наравне с ними был бы такой знаменитый. Что-то умел такое делать, но выпивал, конечно, выпивал! Был такой грешок за ним. И его посадили за решетку – в вытрезвитель, в милицию. Закрыли на ключ, а он, Аг'лю, говорит милиционеру: 'ты лучше выпусти меня, я пойду домой, в Чаплино'. В Провидении [районный центр в 20 километрах от Нового Чаплино] это было. Нет уж, сиди, тот говорит, и закрыл его. И идет себе куда-то милиционер, поворачивается, а он за ним идет, рядом с ним! Тот в недоумении: как это, я ж его закрыл на ключ? А он за ним идет, сзади. Он опять, и несколько раз так. Он сам рассказывал бабушке, смеялся: он меня закроет, а я за ним иду.

Третья история повторялась несколькими жителями села Новое Чаплино в разных вариациях. Записал я ее от местной эскимоски 1950 г. рождения.

Воспоминание 3.

«Раньше, когда мы были детьми, у нас ездил автобус. Старинный автобус. И там водил Кирилыч. Такой высокий старик. А раньше верхней дороги не было – только нижняя. Дебоширил Аг'лю – такой вот был, deboширил. А водитель ему говорит: хватит deboширить, успокойся! Надоело ему, остановил автобус и выгнал его. Выходи! Тот вышел и говорит водителю, Кирилычу: ну пока! Тот вошел, дверь закрыл, включает и не может уехать. Потом психанул и позвал его: иди! Этот сел, и они уехали. Вот такое я знаю. И его спрашивали. Он всегда стоял возле магазина, выпрашивал по 50 копеек, по 20 копеек. Раньше одеколон продавали, и он просил, и они, старики, пили. А потом его кто-то спросил: почему ты в магазине не берешь, ты же можешь? Он говорит: такое нельзя. Не то что честный, а нельзя. Дар пропадет.

– Обмануть в магазине нельзя?

– Да. Обмануть в магазине, говорит, я не могу. Не положено. Он никого не обманывал, просто он был такой сам по себе».

Последнее воспоминание включает два анекдотических случая. Записано от упоминавшейся вдовы Владимира Насалика.

Воспоминание 4.

«– А Аглю вы помните?»

– Этот вообще был! Я сама помню: мама водку купила, уголь привезли в кладовку. Она мне водку дает, говорит: спрячь. Это была суббота. Я пошла в угольник положила, засунула, а рано утром слышу – стучится Аг'лю. – Кто это? – Это я, Аг'лю. – Я опохмелиться пришел. Только он по-эскимосски. А мне любопытно. – Нету у меня опохмелиться! – Не ври: у тебя есть. – Я не вру, у меня нету. – Не ври: есть, есть! Вот послушай. И вдруг я слышу: комната у нас была и через стенку – угольник, а там бутылка вот так: ыыы!

– Перекачивается?

– Перекачивается. Мама тихонько мне: где ты спрятала? Я говорю: в угольнике. – Придется ему открыть. Он знал, а ведь я прятала! А потом Володя мой рассказывал: кто-то из его детей сильно упу [асцидия] хотел. Это было летом, что ли, тогда не было лодок. И Аг'лю зашел: а чего он плачет? – Да вот, упу хочет, а где взять! Он говорит: кружку дайте, простую такую. Не железная, а такая алюминиевая. – Воды наберите! Он что-то поговорил, накрыл платочком, засовывает руку, вытаскивает – упа! Аж с камнем и еще течет. – Еще надо? Еще вторую из этой кружки. Аж Володя с Кларой удивились. Вот он был сильнейший шаман!».

В 2011–2020 гг. я слышал и другие истории про Аг'лю – как он достал со дна винт от мотора лодки, постоянно находил у людей разные пропавшие вещи. И.И. Крупник записал в 1970-е гг. истории о том, как однажды Аглю нашел потерянные портфель и деньги председателя сельского совета соседнего села, «оживил» скелет чайки, а также купил три бутылки водки и колбасу на 1 рубль. Тема обмана в магазине вошла в местный шаманский фольклор и проявилась в разных вариациях – от установки не обманывать до анекдота про обман. В 1981 г. Крупник записал историю про винт, которую мне через почти 40 лет рассказала внучка информанта Крупника (Крупник 2000: 487).

Отдельную группу нарративов о шамане Аг'лю составляют рассказы о закрытых ночных камланиях. Что объединяет эти детские воспоминания (все рассказчики родились в середине – конце 1950-х гг. и воспоминания относятся к первой половине 1960-х гг.), так это то, что

камлания проходили ночью в пустой темной комнате в атмосфере секретности и при относительно большом скоплении людей, в том числе детей, которые не приходились шаману родственниками. Камлания сопровождались пением, игрой на бубне, и в ходе этих сеансов происходили чудеса, например, неожиданно мог заиграть патефон, к которому никто не подходил.

Камлание 1.

«Собирались все родственники близкие. Из комнаты всю мебель выносили. Ну какая раньше мебель была? Железные кровати, конечно, легко было убрать. Во всяком случае, так оставляли пустое. С этой стороны вот так вот дверь в комнату. Матрасы, одеяла, и мы все сидим <...> все сидят, лежат, кому как удобно. А он в центре комнаты, там тоже ничего. И он в крошечной темноте шаманил себе <...>. Ничего не увидишь, крошечная темнота. Во-первых, вечером, окна закрыты. Хоть у него и свечка, но он гасит потом. Вот это я помню хорошо. Звуки хорошо разносились, дом пустой, раньше и ковров-то не было, и всю мебель вынесут. Крошечная тишина, темнота, даже если заходят – не увидят ничего. Вот это я помню».

Камлание 2.

«Кстати, дядя Аглю. Я его плоховато помню. Я в младших классах [была], когда его не стало. Я помню, маленькая, в садик еще ходила, и вот эта бабушка, которая меня воспитала, говорит: сегодня мы пойдем на вечеринку. Хорошо, я уже жду этого вечера. И вот вечер, идем к ним. Рядышком буквально они жили. Приходим – пение, бубен, свет они выключат, кому-то что-то показалось, я прислушивалась. Я слушала, как он поет. Поет постоянно и в бубен играет. Я сижу рядом с бабушкой, которая меня растила. Она меня почему-то сильно хотела то ли прикрыть, даже ушки закрывала. А потом свет зажгут, и какие-то изменения были, но я плохо помню. Только как ходили на эти вот пения».

Камлание 3.

«– Например, когда отец утонул, я помню хорошо <...> А мы пошли к соседям. Я помню, по снегу, потому что хрустел снег. Рядышком – крылечко к крылечку. Зашли, разделись. Ни кроватей, ничего не было, только вот эти вот на полу шкуры. Заходим – холодно, с правой стороны печка. Стенка, и вот здесь вот печка. Где греешься все время. И там стоял граммофон. Не граммофон, а патефон, и сверху пластиночки. Когда мы вошли, он уже сидел напротив. Ни шкафов, ничего у стенки. На чем-то таком, весь был голый. Ой, прости меня, что я рассказываю! Просто был закрыт тряпкой или чем-то. Сидел по-турецки, и рядом бубен лежал. Ужас, конечно, было страшно, но мы не плакали,

не кричали, ничего. Обычно дети же от страха плачут. Сколько мне было? Три-четыре года. Я закрываю глаза и помню отчетливо.

– **И что он делал?**

– Шаманил. Он начинал петь: ыыы, и как будто бы собаки пищали, то ли чайки кричали. Будто бы кто-то пищал, кричал. Он бил в бубен и пел: аыыыы! Как будто по-чукотски пел. Вот закрою глаза, и прямо вспоминаю. Вот этот дом и все это отчетливо вижу. Коридор. Как заходишь, коридор и кладовочка. Где угольник. И он начинал петь. Мы с Людой как будто не верили в это, но, наверное, поглядывали. Не знаю, как. И Люда даже помнит...

– **Люда – это ваиа...**

– Старшая сестра. Здесь жила которая. Патефон стоял, все закрыто, он в бубен бьет, и прям слышно бубен в полной кромешной темноте. Темно, света нет, темнотища полная, хоть глаз коли! И он бьет: ыыы! И вдруг заиграла музыка.

– **Патефона?**

– Патефонная. А в двенадцать свет гасили. И вот пока он играл, жена его подошла, свет включила, а патефон закрыт и пластинки сверху. И когда она включила свет, музыка прекратилась. Люда говорит – у нее не то что волосы [зашевелились], а по спине холодок, а у меня как будто вот здесь что-то, как будто голова зачесалась. Наверное, мурашки или что-то типа того».

Атомизация vs публичность ритуала

Современная ритуальная повседневность Нового Чаплино отличается особенной закрытостью – ритуальные практики эскимосов ограничиваются узким семейным кругом, сакральное знание не распространяется широко и транслируется исключительно внутри семьи. Люди стараются не показывать ритуальные предметы и амулеты, которые они используют как связующее звено между ныне живущими и умершими предками, на чью помощь в кризисных ситуациях эскимосы надеются. Жители села пытаются не рассказывать о ритуальных способах лечения, никогда не распространяются о заговорах, семейных праздниках, если такие в отдельных семьях еще проводятся. Люди могут поделиться рассказами о том, как они кормят духов предков или как справляют поминки, однако за этими широко распространенными практиками скрывается богатый и насыщенный репертуар, включающий другие формы взаимодействия с умершими родственниками, остающийся чаще всего семейной тайной. «Секрет должен быть», как сказала мне одна эскимоска средних лет, которую я знаю почти десять лет – с ее семьей я наиболее тесно общался. Она считается одной из самых *знающих* в селе. Мы с ней провели много времени в разговорах о ритуальном,

скрытом и сакральном. Я понимал, что эта женщина видит мою заинтересованность и хотела бы рассказать больше, с ее точки зрения, дозволенного. Однажды она мне показала спрятанный за шкаф камень, обмотанный жилами оленя. Камень, который ей достался от матери, она время от времени «кормит» – крошит на него кусочки еды или мажет капельками напитков. Много дней после того, как эта женщина показала мне свой камень, она с улыбкой сожалела о сделанном. Однако я помню, что несколько лет назад, также борясь со своей скрытностью, она разложила передо мной содержимое стеклянной банки – старые бусинки, билетики, шкурки, пуговицы. Такие, казалось бы, не ценные вещи, доставшиеся от предков, эскимосы называют *paq'utak'* – драгоценные, семейные, старые предметы, обладающие силой исцеления.

Неготовность людей рассказывать о ритуальном и сакральном и демонстрировать *paq'utak'* не означает, что они не показывают и не объясняют. Такая скрытность является нормой, но в определенных ситуациях норма может быть нарушена, однако нарушение нормы, т.е. денормализация привычного обращения с ритуальным и сакральным, должно быть нивелировано. При демонстрации чего-то тайного, связанного с силой предков, происходит частичная десакрализация знания или предмета. Однако за десакрализацией должна последовать обратная сакрализация, нормализация отношений между хозяином предмета / знания и предками, с которыми как раз и происходит коммуникация через этот предмет или посредством тайного знания и которые, скорее всего, являются «дарителями» этого предмета или знания. В определенной степени это напоминает описанную норвежским антропологом Рэне Виллерслевом, работавшим с юкагирами, дегуманизацию мужчины перед охотой на лося (превращение в лося) и следующую после добычи зверя гуманизацию охотника посредством разговора с другими людьми по возвращении в таежную хижину (Willerslev 2011).

Это отрывок из интервью с одной эскимоской, в котором она подробно описывает, как ей и членам ее семьи помогает старый блокнот ее отца, куда он записывал в советское время добычу местных охотников. Также она рассказывает о десакрализации и обратной сакрализации своего семейного *paq'utak'*:

«Я тебе показывала в свое время лекарство. Папин. Ты пролистал.

– Папин что?

– Папин блокнот. Ты пролистал. Я его сейчас после тебя уберу. Я с ним посплю: это наше, мое. Я тебе показала, ты пролистал – наверное, улетело вот это вот все. Надо, чтобы оно было всегда закрыто. Сейчас я вечером с ним посплю. Вот когда заболеешь, я отрываю листок. Никому от этом не рассказываю, потому что может потеряться сила блокнота. Но она такая действенная, помогает. Ляля моя

заболела, я листочек оторвала и вот так вот рву надо ним, говоря, чтобы папа помог, мама помогла. Ляля поспит. А потом, утром, умылся. Вот это – самое наудейственное!»

Скрывание ритуальной повседневности, знаний и практик, может иметь и другие мотивации. Например, незнание или сомнение в ритуальной сфере, страх перед совершением ошибки. В ходе своей полевой работы я часто встречался с досадой о потере ритуала, нежеланием делиться знанием ввиду отсутствия уверенности в достоверности этого знания и собственной ритуальной силе. Иногда семьи сталкиваются с тем, что не могут понять, как называть ребенка, – нет никаких знаков, указывающих на то, кем из умерших вернулся новорожденный. Тогда семья может прибегнуть к помощи кого-нибудь из *знающих* в селе, кого-нибудь, кто обладает опытом взаимодействия с духами. И в данной ситуации ищущая семья может получить отказ из-за страха *знающего* ошибиться или неуверенности в своей компетентности вмешиваться в ритуальную повседневность чужой семьи.

«Кто-то ко мне пришел: а, кем вернулся ее сын или внук. Я начала спрашивать, она говорила-говорила, я говорю: я вас не знаю, тем более не знаю твоих родных. Вдруг я неправильно сделаю, и мне и моим хуже будет, так что я не буду. Она обиделась».

«У каждого свои правила. Это сейчас мы немножко обрусели, поэтому рассказываем, а так свое не сказали бы.

– А почему считается, что нельзя рассказать?

– Я же говорю – частичку себя теряешь».

Я хотел бы вернуться к отрывку из интервью, опубликованному в самом начале статьи. Он заканчивается ответом на вопрос о специфике шаманства бабушки моей собеседницы: *«Она немножко шаманила, то только для своих. Бывают такие люди, которые для всех, а она в основном для своих. Для родных, для нас. Втихаря».* Почему она не называет свою бабушку шаманкой, а лишь употребляет однокоренной глагол в отношении нее? Однако она же называет современника своей бабушки Аг'лю «сильнейшим шаманом» (воспоминание 4). Мне кажется, что ответ кроется не только в поразительных чудесах, творимых Аг'лю, не только в его легендарной силе, но и в том, что его камлания были открыты практически для всего села (за исключением приезжих), а свидетелем его чудес и соответственно клиентом мог стать каждый эскимос, вне зависимости от того, находился он с шаманом в родстве или нет. Аг'лю был шаманом всего села, тогда как остальные предпочитали ограничивать свои знания и ритуальные практики семейным кругом.

Современная атомизация ритуальной активности и экспертизы среди аборигенного населения контрастирует с публичностью и открытостью шамана советской эпохи. Об атомизации села местные жители говорят не только применительно к ритуальной сфере. Это касается и публичного пространства. Многие сетуют, что сейчас все сидят в своих канадских коттеджах – в 2000-е гг. в период губернаторства Романа Абрамовича практически весь советский жилой фонд был снесен, на месте старых домов появились новые коттеджи, рассчитанные на одну семью. Старшее поколение с ностальгией вспоминает «старый поселок»: тогда у домов на лавочках сидели старики и говорили на эскимосском языке, в доме культуры регулярно показывали кино и проводили массовые мероприятия.

Публичность чудес и камланий Аг'лю была относительной. Сеансы, сопровождаемые игрой на бубне и песнопениями, скрывались от приезжих. Таким образом, с одной стороны, характерной чертой этих камланий была открытость, наличие большой аудитории, а с другой стороны, сеанс являлся подпольным. После смерти Аг'лю в первой половине 1970-х гг. эскимосский ритуал практически больше не выходил за пределы семьи, за исключением трехдневного прощания с умершим, на которое в дом к семье покойника обычно приходит каждый житель села.

Шаманизм как один из маркеров советской эпохи и «ироничная внеаходимость» Аг'лю

В советское время на Чукотке существовало многокомпонентное и динамичное религиозное поле, которое никак нельзя назвать атеистическим. Я соглашаюсь с подходом Н.В. Ссорина-Чайкова, рассматривающего традиционные верования сибирских народов в рамках советского периода не через призму забвения и уничтожения, а представляющего ритуальное пространство того времени в его историческом контексте (Ssorin-Chaikov 2001: 2). Советские социальные реалии в разное время оказывали различное влияние на сибирский шаманизм и анимизм, не только и не просто уничтожали ритуальные практики, но и трансформировали их, заставляли их адаптироваться к новой жизни, инициировали рефлексию приверженцев традиционных верований и выступали даже в роли конструктивного, новообразующего начала в аборигенной ритуальной сфере.

Новое Чаплино находится в 20 километрах от районного центра поселка городского типа Провидения, т.е. в нескольких километрах от морского порта и аэропорта. В 1960–1970-е гг. местное население уже активно контактировало с приезжими учителями и врачами, военными и партработниками, образовывались смешанные семьи, дети и молодежь свободно говорили на русском языке, некоторые из них возвра-

щались домой после получения высшего образования «на материке». Наряду с модернизационными явлениями и русификацией, перестройкой социальной структуры, распространением новой идеологии подпольно транслировалась совершенно иная понятийная система, существовала иная символическая реальность, основанная на вариативных отношениях с духами. Ритуал не проходит в вакууме, он совершается конкретными людьми в конкретное время в определенных социальном и политическом контекстах. Ритуальную жизнь в советское время в Новом Чаплино нельзя было назвать бедной и «умирающей», и одно из самых ярких ее проявлений – шаманские камлания Аг'лю.

Все чудеса и камлания, отраженные в рассказах об Аг'лю, имели место в 1960–1970-е гг. Эти воспоминания о шамане оказываются неотъемлемой частью современной памяти о советском прошлом наряду с воспоминаниями о звероферме, интернатах, пионерии и комсомоле, учебе в Магадане или Ленинграде, пошивочном цехе и танцах в клубе. Советская эпоха, в частности период позднего социализма, ассоциируется не только с модернизацией и идеологией, но и с определенным историческим периодом в аборигенной культуре. Та языковая и ритуальная повседневность Нового Чаплино 1960–1970-х гг., которая сохранилась в воспоминаниях среднего и старшего поколений, отличается от нынешней ситуации.

Люди склонны вспоминать советское прошлое с ностальгией, которая направлена на потерянное, как многие считают, чувство общности. Местные жители скучают по социальной насыщенности, проявлявшейся в собраниях, митингах, парадах и голосованиях, советских праздниках, кинопоказах, школьных походах в тундру и в заброшенные поселения, а также в единении села, в настоящее время, по мнению многих, утраченном. С ностальгией вспоминают уровень владения эскимосским языком, который еще сохранялся в то время. Многие росли у бабушек и дедушек, которые зачастую совсем не говорили на русском языке. Применимость эскимосского языка была намного более широкой тогда – его можно было услышать практически в каждом доме, на улице и в магазине, на охоте, в школе, где на уроки родного языка выделяли больше часов, чем сейчас. Отрывок из разговора о советском прошлом с бывшей учительницей эскимосского языка 1959 г. рождения:

«Были большие у кого завалинки. Или просто две полубочки поставят, дощечку и сидят. На всю улицу могли громко разговаривать. Например, вот здесь две бабушки могли разговаривать – возле магазина было слышно, как они разговаривали. Летом особенно, когда эхо, тишина.

– По-эскимосски?

– Все по-эскимосски. Мы все понимали <...> в выходные дни, праздники, на улице прям ой. Народу было много. На завалинках старички

сидят с палочками, разговаривают, танцы. Здорово было, весело, друг к другу в гости. Праздники классные были».

Дар Аг'лю свидетельствовал о преемственности со старой жизнью, ассоциировавшейся тогда для большей части жителей Нового Чаплино с ритуальной и социальной повседневностью закрытого властями в 1958 г. Старого Чаплино. В 1960–1970-е гг. еще отчетливо ощущалась, по сравнению с настоящим времени, инерция «старой жизни», или, пользуясь терминологией И.И. Крупника, «контактно-традиционного периода» (Krupnik, Chlenov 2013). Проявлениями той инерции были сохранявшиеся ритуальные практики и социальные знания (например, знания об эскимосских родах), широкое бытование эскимосского языка, и не в последнюю очередь камлания Аг'лю. Если для людей среднего и старшего поколений, живших в Новом Чаплино, в 1960–1970-е гг. «старая жизнь» ассоциировалась со Старым Чаплино, то для современных эскимосов Нового Чаплино понятие «старая жизнь» распространяется и на эпоху позднего социализма, отличительными чертами которой был «старый поселок» с его советской инфраструктурой, эскимосский язык повседневного общения, интернаты и шаманские камлания Аг'лю.

Можем ли мы говорить о шаманских практиках Аг'лю и реакции на них со стороны местного окружения как о советском явлении? Мне представляется, что такая мысль может иметь под собой почву. Многие мои собеседники называли Аг'лю не только «сильнейшим шаманом», но и фокусником, хулиганом, дебоширом. Его шутки и чудеса, часто мотивированные желанием выпить, были частью сложного социального и материального ландшафта арктического советского села, где в районный центр ходил рейсовый автобус, за проезд на котором надо было платить, милиция задерживала пьяных и отправляла их в вытрезвитель, а водку надо было покупать в магазине. Аг'лю своеобразным образом «подрывал» выстроенную советскую реальность, избегал нормативного поведения. Его хулиганский шаманизм и дар, о котором не написала бы местная газета и который нельзя было бы продемонстрировать в сельском доме культуры, являлись, используя терминологию Алексея Юрчака, проявлениями «иронии вненаходимости» (Юрчак 2017: 490–491). Его практики и представления не были советскими, но они оказывались в том или ином неизбежном диалоге с советской реальностью. Отрицание и игнорирование советского, своеобразный эскапизм в мир шаманизма, связанный очевидными нитями с миром мертвых и ушедшим миром старых поселений, был одной из форм существования в то время. Чудеса, творимые Аг'лю, вызывали у местных смех и восхищение, могли они вызывать страх и уважение, а его пьяные выходки – жалость и понимание. Однако, безусловно, можно утверждать, что сейчас очевидцами тех событий Аг'лю воспринимается как «советский шаман» (Доронин 2013), как фигура ушедшей советской

реальности. В памяти людей он вписан в тот несуществующий уже социальный ландшафт, в котором находилось место звероферме, пошивочному цеху, пионерской линейке, плану по добыче моржей, широкому бытованию эскимосского языка и намного более болезненной, чем сейчас, тоске по практически только что закрытым селам предков.

Заключение

Я ни разу не назвал Аг'лю «последним шаманом», хотя местные жители говорят о нем как о последнем большом эскимосском шамане. Это известный не столько академический, сколько журналистский и кинематографический штамп (Харитоновна 2006; Функ 2013), который свидетельствует скорее о романтизации и экзотизации автором того или иного произведения той действительности, которую он / она наблюдали в поле. Действительно, после смерти Аг'лю в первой половине 1970-х гг. в Новом Чаплино и Сирениках (два крупнейших эскимосских села Чукотки) не было выдающихся фигур, обладавших подобным социальным капиталом и признанным даром. На мои вопросы о шаманском даре других известных мне эскимосов, живших в конце XX – начала XXI в. и имеющих репутацию *знающих*, тех, кто мог «делать» погоду или лечить людей, местные жители отвечали отрицательно – они подвергали сомнению их исключительность («все так делают») и не могли назвать их шаманами. Почему, несмотря на характеристику Аг'лю местными жителями как «последнего шамана», я все равно не склонен называть его «последним»?

С одной стороны, это связано с неопределенностью самого понятия «шаман». Если исследователи, работающие в таких регионах с развитым шаманизмом, как Тува, Якутия, Бурятия или Алтай, могут предложить развитую классификацию и дать развернутые дефиниции разным религиозным лидерам и экспертам из числа аборигенных народов, то Чукотка, как и многие другие циркумполярные и сибирские регионы, не предоставляет подобной возможности. Это связано с еще Богоразом отмеченной семейной спецификой шаманизма у чукчей и эскимосов (Богораз 2011; Богораз-Тан 1932). Кого можно считать шаманом, а кого нельзя? Я отталкивался в первую очередь от мнения моих респондентов, которые, как один называли Аг'лю шаманом, тогда как в отношении других *шаманствующих* такого слова принципиально не использовали. Однако можем ли мы исключить предположение о существовании непризнанного шамана или шаманки? Как быть с теми, кто «шаманит по-женски» или «немного шаманит»?

С другой стороны, мое сомнение в правомочности определения Аг'лю как «последнего шамана» связано с наблюдаемой мною насыщенной ритуальной жизнью в селе. В.И. Харитоновна, основываясь на

полевом материале из «шаманских» регионов, пишет о том, что шаманские знания и практики «не-шаманов» никуда не исчезли, не пропал и «мировоззренческий комплекс шаманистского общества» (Харитоновна 2009: 152), а значит, и есть предпосылки для появления фигуры шамана или неошамана. Е.В. Ревуненкова пишет о шаманизме как о живучем, постоянно повторяющемся неподвластном времени явлению (Ревуненкова 1995). В Новом Чаплино живут *знающие* люди, до сих пор используются «эскимосские» формы лечения, в ходу у них заговоры на эскимосском языке, и в целом каждый из моих информантов самостоятельно, основываясь на собственных представлениях о традиции, выстраивает взаимоотношения с умершими.

О.Б. Христофорова в статье, посвященной причинам исчезновения шаманов у нганасан, отмечает, что «разрушение хозяйственно-бытового уклада арктических охотников» привело к «разрушению традиционной духовной культуры» (Христофорова 2019: 50). В селах прибрежной Чукотки до сих пор сохраняются различные формы традиционного природопользования – в первую очередь, охота на морского зверя, а также рыболовство и собирательство. «Традиционная духовная культура» не разрушается, а трансформируется, в том числе атомизируется и «доместизируется», о чем речь шла выше. На мой взгляд, шаманом местные жители могли бы опять назвать того магического специалиста, который применил бы свой дар, экспертизу и знания вне семейного круга. Я предполагаю, что в первую очередь именно публичность (хоть и ограниченная, как в советское время) делает из *шаманствующего* шамана. Однако тут должны быть и другие условия, в том числе реализация дара в рамках сложной и вариативной традиции, основанной на различных формах взаимодействия с духами посредством определенных ритуалов и материальных объектов. И, наконец, шаман всегда является героем своего времени. Он реализует свой дар в конкретный исторический период, находится в своеобразном диалоге с эпохой наравне, как и в диалоге с миром духов. Шамана как раз и отличает особенное чувствование времени, в котором он живет, и общества, с которым он коммуницирует и которое его признает как шамана. Новый эскимосский шаман может обойтись без бубна и костюма, а также без знания эскимосского языка, однако он не сможет обойтись без относительной публичности и признания, которое основывается, с одной стороны, на вере остальных в его дар, а с другой стороны, на его контекстуализации в рамках существующей сакральной традиции, или, скорее, определенного исторического этапа этой традиции.

Литература

Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982.

- Батьянова Е.П.* Телеуты рассказывают о шаманах // Шаманизм и ранние религиозные представления: сб. ст. / отв. ред. Д. Функ. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 48–62.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Религия. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Богораз-Тан В.Г.* Религия как тормоз соцстроительства среди малых народностей Севера // Советский Север. 1932. № 1–2. С. 5–13.
- Вахтин Н.Б.* Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири // Канун. Вып. «Чужое имя», № 6. СПб., 2001. С. 216–231.
- Доронин Д.Ю.* Конструируя шаманизм: новые значения для алтайской фольклористики // Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева: сб. ст. / сост. К. Сагалаев; отв. ред. А. Деревянко, А. Элерт. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 92–105.
- Доронин Д.Ю.* Советский шаман: между властью карающей и властью-клиентом // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. ст. / сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 81–91.
- Крупник И.И.* Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. М.: Институт Наследия, 2000.
- Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.: «Восточная литература» РАН, 2004.
- Опарин Д.А.* Поминальный обряд азиатских эскимосов и современное ритуальное пространство Нового Чаплино и Сиреников // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 53–69.
- Опарин Д.А.* Современные ономастические представления азиатских эскимосов // Сибирские исторические исследования. 2015. № 4. С. 30–46.
- Ревуненкова Е.В.* Заметки о современной терминологии, связанной с шаманизмом, у теленгитов // Шаманизм и ранние религиозные представления: К 90-летию д-ра ист. наук, профессора Л.П. Потапова: сб. ст. / отв. ред. Д. Функ. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 64–73.
- Романова Е.Н.* Мифология современного шаманства. К интерпретации феномена «поминающая культура» // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири: сб. ст. / сост. С. Неклюдов. М.: РГГУ, 2008. С. 309–326.
- Сережева К.* В Уреликском нацсовете // Советский Север. 1935. № 1. С. 95–101.
- Теин Т.С.* Шаманы сибирских эскимосов // Проблемы истории и общественного сознания аборигенов Сибири: сб. ст. / отв. ред. И. Вдовин. Л.: Наука, 1981. С. 218–232.
- Функ Д.А.* Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005.
- Функ Д.А.* Очерк современного состояния эпической традиции у шорцев (частные материалы и общетеоретические проблемы) // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 91–108.
- Функ Д.А., Харитонова В.И.* Шаманство или шаманизм? // Избравшие духов: Традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Басилова (1937–1998): сб. ст. / отв. ред. В.И. Харитонова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2012. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 17.)
- Харитонова В.И.* «Возрожденный шаманизм» в России: контексты функционирования // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: сб. ст. / отв. ред. В.И. Харитонова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 238–258.
- Харитонова В.И.* «Шаманизм» в современной России: к проблеме возрождения // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 148–164.
- Харитонова В.И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006.
- Христофорова О.Б.* Почему исчезли шаманы у нганасан? Герменевтические возможности мифо-ритуальных систем народов Сибири и вызовы времени // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 4. С. 40–54.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2017.

- Bartlett K.* Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Krupnik I., Chlenov M.* Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Oparin D.* The commemoration of the dead in contemporary Asiatic Yupik ritual space // *Inuit Studies*. 2012. № 36 (2). P. 187–207.
- Ssorin-Chaikov N.* Evenki Shamanistic Practices in Soviet Present and Ethnographic Present Perfect // *Anthropology of Consciousness*. 2001. № 12 (1). P. 1–18.
- Stammler F., Ivanova A., Sidorova L.* The Ethnography of Memory in East Siberia: Do Life Histories from the Arctic Coast Matter? // *Arctic Anthropology*. 2017. Vol. 54, № 2. P. 1–23.
- Willerslev R.* Seeing with Others' Eyes: Hunting and 'Idle Talk' in the Landscape of the Siberian Iukagir // *Landscape and Culture in Norther Eurasia* / ed. by P. Jordan. Walnut Creek: Left Coast Press, 2011. P. 49–70.

Статья поступила в редакцию 6 апреля 2020 г.

Oparin Dmitriy A.

MEMORIES OF THE MIRACLES AND ECSTATIC SÉANCES OF THE SIBERIAN YUPIK SHAMAN: CONTEMPORARY ATOMIZATION OF RITUAL LIFE AND POST-SOVIET NOSTALGIA*

DOI: 10.17223/2312461X/28/14

Abstract. In the first half of the 1970s, in the predominantly Yupik coastal village of Novoe Chaplino (Chukotka), a shaman named Aglu died, and his contemporaries have many memories about his death. On the one hand, Aglu is the hero of the nowadays myth; on the other, he is the hero of the relatively recent Soviet past. He is a respected shaman, the embodiment of tradition and a wonderful gift; at the same time, he is a magician, a cheater who loved to drink and always needed money for more alcohol to ease his hangover. The memories, collected in the winter of 2020, of the underground shamanistic ecstatic séances in the post-war period and the anecdotal miracles performed by Aglu are considered here in the context of modern perception about the “old life” and post-Soviet nostalgia for the sense of community and ritual saturation. Why was Aglu called the “strongest shaman”, and *knowledgeable* Yupik who lived after him were not? What do memories of shamans tell us about ritual dynamics in coastal Chukotka? Can we write about the disappearance of shamanism among the Siberian Yupik, or is the funeral of this tradition premature?

Keywords: shamanism, Chukotka, Siberian Yupik, Soviet period, memories of shamans, animism, spirits, nostalgia

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF) under the project No. 19-78-00070, titled ‘Private history and ritual dynamics in coastal Chukotka’.

References

- Arutiunov S.A., Krupnik I.I. Chlenov M.A. «*Kitovaia alleia*». *Drevnosti ostrovov proлива Seniavina* [The ‘Whale Alley’. Ancient objects on the islands in the Senyavin Strait]. Moscow: Nauka, 1982.
- Bat'ianova E.P. Teleuty rasskazyvaiut o shamanakh [The Teleuts tell about shamans]. In: *Shamanizm i rannie religioznye predstavleniia. K 90-letiiu d.i.n., professora L.P. Potapova: Sb. statei* [Shamanism and early religious ideas. A collection of papers dedicated to the 90th Anniversary of Professor L.P. Potapov]. Ed. by D. Funk. Moscow: IEA RAN, 1995, pp. 48–62.

- Bogoraz V.G. *Chukchi. Religiiia* [The Chukchi. Religion]. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2011.
- Bogoraz-Tan V.G. Religiiia, kak tormoz sotsstroitel'stva sredi malykh narodnostei Severa [Religion as a hindering factor in the building of socialism among the small-numbered peoples of the North], *Sovetskii Sever*, 1932, no. 1-2, pp. 5-13.
- Vakhtin N.B. Vozvrashchenie umerskhikh i narechenie imen na Severo-vostoke Sibiri [The return of the dead and name-giving in the north-east of Siberia]. In: *Al'manakh Kanun, vypusk «Chuzhoe imia»* [Almanac *Kanun*, Issue 'Foreign Name']. no. 6. St. Petersburg, 2001, pp. 216-231.
- Doronin D.Iu. Konstruiruia shamanizm: novye znacheniiia dlia altaiskoi fol'kloristiki [Constructing shamanism: new meanings for Altai Folklore Studies]. In: *Zerkala kul'tur: Pamiati A.M. Sagalaeva. Sb. statei* [Mirrors of cultures: In memory of A.M. Sagalae: a collection of papers]. Compiled by K. Sagalae; eds. A. Derevianko, A. Elert. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2019, pp. 92-105.
- Doronin D.Iu. Sovetskii shaman: mezhdru vlast'iu karaiushchei i vlast'iu-klientom [The Soviet shaman: between power as a punisher and power as a customer]. In: *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: Sb. statei* [Mythological models and ritual behaviour in the Soviet and post-Soviet space: a collection of papers]. Compiled by A. Arkhipova. Moscow: RGGU, 2013, pp. 81-91.
- Krupnik I.I. *Pust' govoriat nashi stariki. Rasskazy aziatskikh eskimosov-iupik. Zapisi 1975-1987 gg.* [Let our grandfathers speak. Stories of the Asian Yupik Eskimo, documented between 1975 and 1987]. Moscow: Institut Naslediiia, 2000.
- Novik E.S. *Obriad i fol'klor v sibirskom shamanizme* [Rite and folklore in Siberian shamanism]. Moscow: «Vostochnaia literatura» RAN, 2004.
- Oparin D.A. Pominal'nyi obriad aziatskikh eskimosov i sovremennoe ritual'noe prostranstvo Novogo Chaplino i Sirenikov [Commemoration of the dead among Asiatic Yupik and the contemporary ritual space of Novoye Chaplino and Sireniki], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 53-69.
- Oparin D.A. Sovremennye onomasticheskie predstavleniia aziatskikh eskimosov [Contemporary onomastic perceptions of the Asian Eskimo], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2015, no. 4, pp. 30-46.
- Revunenkovna E.V. Zametki o sovremennoi terminologii, sviazannoi s shamanizmom, u telengitov [Notes on Teleut contemporary shamanism-related words]. In: *Shamanizm i rannie religioznye predstavleniia: K 90-letiiu d.i.n., professora L.P. Potapova: Sb. statei* [Shamanism and early religious ideas: A collection of papers dedicated to the 90th Anniversary of Professor L.P. Potapov]. Ed. by D. Funk. Moscow: IEA RAN, 1995, pp. 64-73.
- Romanova E.N. Mifologiiia sovremennogo shamanstva. K interpretatsii fenomena «pomniashchaia kul'tura» [The mythology of contemporary shamanism. Toward an interpretation of the 'culture that remembers']. In: *Mif, simvol, ritual. Narody Sibiri: Sb. Statei* [Myth, symbol, and ritual. The peoples of Siberia: A collection of papers]. Compiled by S. Nekliudov. Moscow: RGGU, 2008, pp. 309-326.
- Sergeeva K. V Ureliskom natssoвете [In the Ureliki National Council], *Sovetskii Sever*, 1935, no. 1, pp. 95-101.
- Tein T.S. Shamany sibirskikh eskimosov [Siberian Eskimo shamans]. In: *Problemy istorii i obshchestvennogo soznaniia aborigenov Sibiri: Sb. Statei* [Issues of history and social consciousness of the indigenous population of Siberia: A collection of papers]. Ed. by I. Vdovin. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 218-232.
- Funk D.A. *Miry shamanov i skazitelei: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of shamans and storytellers: A comprehensive study of the Teleut and Shor material]. Moscow: Nauka, 2005.
- Funk D.A. Ocherk sovremennogo sostoiianiia epicheskoi traditsii u shortsev (chastnye materialy i obshcheteoreticheskie problemy) [A survey of the present state of epic tradition

- among the Shors (specific materials and general problems)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 91–108.
- Funk D.A., Kharitonova V.I. Shamanstvo ili shamanizm? [Shamanism or not?]. In: *Izbravshie dukhov: Traditsionnoe shamanstvo i neoshamanizm. Pamiati V.N. Basilova (1937–1998): Sb. statei* [The ones that have chosen the spirits: Traditional shamanic practices and neoshamanism. In memory of V.N. Basilov (1937–1998)]. Ed. by V.I. Kharitonova. 2nd ed., revised. Moscow: IEA RAN, 2012.
- Kharitonova V.I. «Vozrozhdeniyi shamanizm» v Rossii: konteksty funktsionirovaniia [‘Revived shamanism’ in Russia: contexts of functioning]. In: *Epicheskoe nasledie i dukhovnye praktiki v proshlom i nastoiashchem: sb. statei* [Epic legacy and spiritual practices: past and present. A collection of papers]. Ed. by V.I. Kharitonova. Moscow: IEA RAN, 2013, pp. 238–258.
- Kharitonova V.I. «Shamanizm» v sovremennoi Rossii: k probleme vozrozhdeniia [‘Shamanism’ in the present day Russia: Toward the issue of revivalism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, no. 6, pp. 148–164.
- Kharitonova V.I. *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysiacheletii* [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of millennia]. Moscow: Nauka, 2006.
- Khriforova O.B. Pochemu ischezli shamany u nganasan? Germenevticheskie vozmozhnosti mifo-ritual'nykh sistem narodov Sibiri i vyzovy vremeni [Why did Nganasan shamans disappear? Hermeneutic possibilities of their Siberian religious systems and modern challenges], *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia"*, 2019, no. 4, pp. 40–54.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: NLO, 2017.
- Bartlett K. *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press. 1995.
- Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900-1960*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Oparin D. The commemoration of the dead in contemporary Asiatic Yupik ritual space, *Inuit Studies*, 2012, no. 36(2), pp. 187–207.
- Ssorin-Chaikov N. Evenki Shamanistic Practices in Soviet Present and Ethnographic Present Perfect, *Anthropology of Consciousness*, 2001, no. 12 (1), pp. 1–18.
- Stammler F., Ivanova A., Sidorova L. The Ethnography of Memory in East Siberia: Do Life Histories from the Arctic Coast Matter?, *Arctic Anthropology*, 2017, Vol. 54, no. 2, pp. 1–23.
- Willerslev R. Seeing with Others’ Eyes: Hunting and ‘Idle Talk’ in the Landscape of the Siberian Iukagir. In: *Landscape and Culture in Norther Eurasia*. Ed. by P. Jordan. Walnut Creek: Left Coast Press, 2011, pp. 49–70.

УДК 398.4

DOI: 10.17223/2312461X/28/15

ТРАНСФОРМАЦИИ ШАМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ, или КУДА ИДЕМ МЫ С ЧУДАЧКОМ?*

Валентина Ивановна Харитонова

Аннотация. Рассмотрены проблемы трансформации современного (нео)шаманизма и явления, связываемые с термином «шаманизм». Обращается внимание на тенденции в изменении деятельности шаманских религиозных организаций в последние годы, попытки сформировать единую конфессию и структурировать вертикаль религиозной власти, а также связывать с шаманизмом действия политического характера. Рассматриваются отдельные, наиболее яркие эпизоды (принесение в жертву пяти верблюдов) и люди, считающие собственную деятельность шаманизмом, называющие себя шаманами (А.П. Габышев). Поставлен вопрос, насколько правомерно соотносить с шаманизмом, даже с неошаманизмом, трансформации, выходящие за границы традиционных представлений о данном феномене культуры и религии.

Ключевые слова: Сибирь, шаманизм, неошаманизм, жертвоприношение, изгнание духов, духовные практики, местные религиозные организации шаманов, централизованные религиозные организации шаманов, шаманский храм, съезд шаманов, политические протесты, карательная психиатрия

Страшные кадры обошли вчера некоторые социальные сети Латинской Америки. Маленький человек-факел, бегущий по гватемальской деревне под улюлюканье толпы. Потом он падает... сожгли колдуна. Погибший известен многим как дедушка Доминго (или тата Минго), он был одним из популярнейших в стране и мире мудрецов и ученых майя, хранителем древних знаний своего народа.

Из сообщения на Facebook

Введение

Судьбы традиционного шаманизма в России, если оглянуться на начало периода культурного возрождения, теперь видятся совсем не столь радужно, как это было в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Тогда специалисты, хлынувшие в Сибирь изучать шаманов, были в восторге от того, что обнаруживали здесь не «реликты» религиозного сознания и

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00744 «Современные сакральные практики освоения социальных ландшафтов на Южном Алтае».

практик шаманизма, а активный интерес к традициям и попытки – на первый взгляд – возродить их в свете тяги коренных народов к своей культуре и истории.

Изучать Сибирь приехали люди, которые не знали языков местных жителей (это было, к сожалению, характерно и для большинства советских исследователей); иностранцы часто не знали даже русского. Не представляли себе они и советского образа жизни, ментальности советских людей, стертости у них представлений о национальном в результате политики интернационализма в СССР и т.д. До этого момента только единицы зарубежных специалистов имели возможность вести полевую работу в Сибири – огромной многоэтничной и поликонфессиональной зоне с различными культурными традициями. Единичные примеры: великолепный венгерский этнограф Вильмош Диосеги, работавший в 1950-е гг. в Южной Сибири (*Shamanism...* 1978); современная американская исследователь Маржори Балзер Мандельштам, которая впервые приехала в Сибирь в 1970-е гг. и сохраняет интерес к сибирскому шаманизму до сих пор (Balzer 2013; Balzer at al. 2016); немного позже здесь работала известная британская антрополог К. Хамфри (Хамфри 2010).

С началом перестройки ситуация изменилась. В последние годы на Алтае, в Туве, Бурятии, в ХМАО и других регионах все чаще появляются российские и зарубежные профессионалы, которые владеют и русским языком, и языками изучаемых народов (некоторые иностранные специалисты имеют российских жен/мужей, что в значительной степени облегчает им исследовательскую работу и понимание изучаемой культуры). Они реалистично оценивают происходящее в сфере (нео)шаманизма, современного язычества, духовных практик наших дней.

Сейчас шамановедам стало уже очевидно, что «возрождение» обернулось более чем серьезными трансформациями (см. например: Rimenova 2013), которые в это понятие не совсем вписываются. В данной статье будут рассмотрены отдельные, наиболее яркие события последних лет, привлечшие внимание не только населения России, но и комментировавшиеся в зарубежных СМИ. Полагаю, что сейчас важно очертить границы реальных трансформаций (нео)шаманизма как явления культурно-религиозного, активно развивающегося и ставшего даже для некоторых народов одним из опорных элементов их самоидентификации, отделив эти процессы от того, что им сопутствует.

Религиозные обряды МРОШ

Специалистам и «пастве» (модное у неошаманов, объединенных в религиозные организации, слово) хорошо известно, что нынешние «продолжатели традиций» крайне редко работают в одиночку. Боль-

шинство их образовали местные религиозные организации шаманов (МРОШ) еще в те времена, когда трансформировалось законодательство, чтобы войти в списки религиозных организаций, не облагавшихся налогами, а порой даже получавших помощь от государства (подробно: Харитоновна 2006). Приспосабливаясь к современным реалиям, они занимаются не только целительской, но и религиозной деятельностью, проводя различные обряды и частного, и семейного, и общественного характера, которые, как они считают, восстановлены ими в соответствии с традициями предков (это – отдельная тема, требующая специального подробного рассмотрения).

Специфика деятельности организаций формировалась по заказу времени. В 1980-е гг., когда такие компании начинали создаваться, они имели в качестве примеров целительские центры и ассоциации, распространенные к тому моменту в крупных городах. В них и начинающие «шаманы» порой проходили свое обучение, получая удостоверения целителей: так, можно было получать образование в Киеве, Ленинграде/Санкт-Петербурге или Москве, а чуть позже и в своих краях, например в Якутске у В. Кондакова (Харитоновна 1995), в Кызыле у С.И. Канчыыр-оола или М.Б. Кенин-Лопсана (в последнем случае речь должна идти не об обучении/образовании, а о шаманском посвящении и продаже удостоверений). Далее это позволяло вести частную практику или работать в организации (что было предпочтительнее, так как для успешной частной практики надо было иметь хорошо развитые «шаманские способности» и обладать известностью, иметь репутацию высококлассного специалиста).

Создаваемые МРОШ по всей Сибири формировались по единому типу, что было задано законодательством, обязывающим доказывать «традиционность исповедуемой религии» (не менее 15 лет существования, что подтверждалось «справкой», которую могла написать, например, я как специалист по шамановедению), провести организационное собрание с утверждением типового Устава и т.д. Вся эта канцелярщина изначально не только заорганизовывала «возрождающийся шаманизм», но и направляла деятельность образуемых групп в определенное русло – с проведением регулярных собраний, выборами руководства, оформлением документов и отчетами перед республиканскими правительственными органами. Одновременно было очевидно, что «религиозная организация» должна была отправлять коллективные религиозные обряды, иметь – по образу и подобию крупных конфессий – как минимум свои места работы (Дома шаманизма), а как максимум (к этой идее неошаманы пришли довольно быстро) – и свои рукотворные культурные площадки со священными местами, и собственные храмы.

Исследователи иногда указывали на то, что все это «шаманское строительство» удивительным образом напоминает советские партий-

ные и профсоюзные структуры. В чем-то это было отдаленно схоже, особенно если учесть, что такие МРОШ периодически проводили собрания, а позже перешли к «съездам» и конференциям (правда, считали их научными). Они пытались походить на крупные конфессии, используя артефакты буддизма или копируя лексикон православия.

Итак, «паства» должна была собираться на «богослужение». Разумеется, любому исследователю понятно, что такая терминология представляет собой форму общения с чужими и воспроизводится, как правило, для чужих, ассоциируемых с христианством, православием. Разговаривая на родном языке, те же шаманы употребляют принятую в их культуре лексику: буряты, например, для «своих» *тайлаган* не будут именовать молебном.

Сами возрожденные тайлаганы претерпели некоторые изменения: если речь идет о крупном массовом мероприятии, то такие будут проводиться чаще всего в обновленном варианте. Основа этих действий известна новым шаманам по воспоминаниям (обычно не собственным, а третьих лиц) или по печатным этнографическим и литературным источникам. Иногда это воспроизведение тех ритуалов, с которыми их новые отправители знакомились в процессе собственных посвящений (так происходило у некоторых бурят Агинского автономного округа, которые ездили посвящаться к своим родственникам и знакомым шаманам, проживающим в настоящее время на территории Монголии).

Об этом феномене многим авторам не единожды приходилось писать, фиксируя этнографию новых шаманских практик. Такие яркие и красочные действия снимались не раз (например, тайлаганы на о. Ольхон на Байкале) – найти видеofilm или просто чью-то видеосъемку в интернете не составит труда. Я хочу обратить внимание на обновленный формат целостных композиций ритуалов, на то, что структурирование таких молений формировалось, видимо, отчасти под влиянием привычных для советского времени празднеств, которые можно было наблюдать в самых разных регионах. Логика обновления оказывается единой в очень разных случаях.

Например, я в детстве много раз была свидетельницей любимого русскими празднования Масленицы, что в советское время часто приурочивалось к выборам. В деревнях и селах это было праздником, куда приходили все красиво одетые сельчане. Они шли на голосование, а перед этим могло быть и небольшое торжественное собрание. Действо в целом включало такие обязательные элементы, как традиционные состязания и игры (молодежь соревновалась в попытках подняться на гладко оструганный столб, чтобы достать висевшие на самом верху «призы»; катались на каруселях, которые устанавливались на площадях перед клубами, недалеко от столба; парни могли соревноваться в парной борьбе; от клуба отъезжали запряженные тройки – катание на ло-

шадях было обязательным на Масленицу; и, конечно же, тут сжигали ритуальное чучело Масленицы – провожали зиму); вечером обязательно был концерт художественной самодеятельности, позже демонстрировались художественные фильмы и были танцы для молодежи, а где-то, естественно, все заканчивалось большим столованием и гульбой.

Этот слишком далекий вариант сельского советского праздника, сформированного на основе традиционного, парадоксальным образом напоминает происходящее на тайлаганах, организуемых некоторыми МРОШ. Например, ежегодные ритуалы, проводимые на о. Ольхон на Байкале приезжающими из Улан-Удэ шаманами, входящими в организацию «Тэнгэри», и их коллегами из других мест, а также приглашаемыми гостями (в том числе и из зарубежья), включают как обязательные несколько частей: официальное открытие с речами почетных гостей и рассказом руководства МРОШ о деятельности организации, о сути тайлагана; представление всех шаманов, которые примут участие в большом коллективном ритуале; вызывание духов путем коллективного камлания за многочисленными столиками с угощением и обращением в сторону поставленных ритуальных украшенных берез; приготовление ритуального жертвенного барана и преподнесение его духам; вселение духов и божеств шаманами, в том числе работа шаманов с людьми, обращающимися со своими просьбами к вселенным духам; ритуальное сжигание берез; очищение (через омовение) присутствующих; традиционные состязания, которые могут включать разные виды, но чаще бывает борьба; а поздно вечером шаманы в своем кругу с приглашенными гостями организуют трапезу; иногда и там продолжают какие-то традиционные состязания, например стрельба из лука.

Это сочетание официального, напоминающее о жизни в советское время, и более старых традиций в их по-новому группируемом варианте и удобном для современных шаманов виде, естественно, варьируется, наполняясь конкретикой в различных МРОШ. Но сама идея общего сбора по традиционному поводу оформляется не без привычных реалий людям тех поколений, которые сформировались и прожили большую часть жизни в огромной стране СССР. Особенно ярко это проявляется, видимо, в ситуациях присутствия на ритуалах сторонних гостей. В моей практике (ПМА-2001) наиболее показательным был ритуал вызывания дождя, проведенный тувинским шаманом С.И. Канчыыр-оолом вместе с двумя его московскими учениками в местечке Шивилиг (Пий-Хемский кожуун) в Туве – славится радоновыми источниками, куда стихийно приезжают многочисленных паломники. К проведению этого ритуала подключились местные жители и районные власти; запрос на него был со стороны местных властей и правительства Республика Тыва (РТ), действо приурочили к приезду в республику большой группы

ученых, участвующих в проведении Международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания» в июле 2001 г. (Материалы... 2001).

Организаторы, разумеется, частично формировали структуру мероприятия с учетом конкретных обстоятельств; этому способствовало и то, что к событию подключились как паломники, так и местные жители. В итоге на священном месте (как и во время тайлаганов «Тэнгэри») прошло сначала официальное открытие с представлением присутствующих и приветствиями разного уровня, а вслед за этим шаманы (к троим названным подключились еще три ученицы шаманской школы С.И. Канчьероола из Кызыла) начали ритуальное действие с очищения всех присутствующих и собственно обращения к духам с основной просьбой, что в финале сопровождалось гаданием об исходе ритуала (бросание ложки-девятиглазки). Параллельно происходившему на основной площадке был зарезан «жертвенный» баран, использованный в том числе для послеритуальной трапезы присутствовавших. Но до начала трапезы участникам был предложен небольшой концерт художественной самодеятельности, организованный с помощью детей местного интерната.

Думаю, не стоит множить примеры. Их сейчас можно видеть на многочисленных видео в интернете (см., напр.: Форум шаманов 2016). Понятно, что современный большой массовый ритуал перерастает в некое многоактное действие, в котором на первом – почетном – месте оказываются светско-административные элементы: представители местной власти произносят приветственные речи, другие присутствующие гости и известные люди также обращаются к собравшимся; далее следует обязательное знакомство с шаманами, каждого из которых характеризует глава религиозной организации. В завершении многоактного действия будут культурно-развлекательные и спортивные мероприятия, позже – гастрономические. Это стимулируется наличием сторонней публики и приглашенных гостей (как отдаленно чужих, теперь часто иностранных, так и местного административного и иного руководства), а также установкой на привлечение молодежи и населения в целом, жаждущего «хлеба и зрелищ». В традиции было несколько по-иному: «Программа тайлаганов западных бурят или *обоо тахилга* восточных бурят состоит из трех частей: подношение духам и молитвы, пир и увеселения» (Дугарова 2019).

Специалисты знают, что работа МРОШ, как и многих современных духовных практиков-индивидуалов, относящих себя к шаманам и объединяющихся в стихийные группы для проведения совместных ритуалов либо многодневных тренингов на основе шаманских практик, сама по себе уже есть отклонение от традиции. Трансформация же традиционных практик вполне естественно должна была включать опыт жизни людей, которые к этим практикам обратили свои взоры – в данном случае даже не особенно важно, ради чего они это сделали.

Современные неошаманы включены в нынешнюю жизнь со всеми ее проблемами. Они воспринимают и понимают происходящее сообразно опыту своих поколений. Через этот опыт они пропускают те феномены, с которыми знакомятся, обращаясь к традиционному знанию. И, конечно же, они пытаются вписывать в нынешний этический и политический контекст свои новые навыки. В результате эти традиционные по своей исходной сути знания и навыки, трансформированные через систему представлений, конкретное мировоззрение определенного человека (группы людей), могут реализоваться в некоем необычном факте, который может удивить не только приобщенных к шаманскому знанию и практикам.

Горят костры жертвоприношений...

Использование традиционных ритуальных действий, даже если они воспроизведены сообразно конкретной традиции, но не в том месте и не в то время, может вызвать (с точки зрения их осуществившего) неадекватные реакции. В качестве примера обращу внимание на состоявшийся несколько лет назад вояж в Норвегию тувинского шамана К.Т. Допчун-оола (Pimenova 2012: 78), который тогда был главой МРОШ «Адык Ээрен», позже стал Верховным шаманом Тувы, а ныне считается Верховным шаманом России (В России выбран Верховный шаман 2018).

В начале 2000-х гг. во время поездки на фестиваль «Ридду Ридду»¹ (с.-саамск. Riddu Riddu) К.Т. Допчун-оол провел один из традиционных ритуалов, который требовал жертвоприношения. Умерщвленный по этому поводу баран стал камнем преткновения в оценке произошедшего: защитники животных не могли смириться с такой «варварской» традицией... И хотя сам Кара-оол Тюлюшевич рассказывает журналистам в своем интервью о том, что он «первый колдун мира» чье награждение (получено, по его словам, 40 тыс. долл.) «проходило во дворе короля Норвегии Харальда V» (орфография источника сохранена. – В.Х.) (Сандан 2020), результаты поездки были не столь радужны.

Очевидно, что разница культурных традиций и этических установок часто вызывает конфликты. Иногда это конфликты традиционных установок и обновленного мировоззрения. Но порой к ним приводит «модификация» традиции или ее «возрождение» в усовершенствованном виде – по незнанию сути проблем либо устремленности в творческое решение вопросов. Практика кровавых жертвоприношений, которая продолжает существовать в тех регионах, где была нормой шаманской деятельности в ритуалах определенного назначения, как выяснилось, может в наши дни модифицироваться, хотя, казалось бы, она должна исчезнуть под воздействием работы экологов или защитников

животных, не говоря уже о советском воспитании и борьбе с религиозными воззрениями на протяжении нескольких десятков лет.

Иногда это становится серьезной проблемой, влекущей за собой определенные последствия. Один из таких сравнительно недавних примеров – эпизод с сожжением пяти верблюдов, который был осуществлен неошаманами в г. Ангарске (вполне атеистическом и промышленно развитом месте) под руководством «заместителя Верховного шамана России» Артура Цыбикова. Как пишет «Комсомольская правда», «он же – организатор действия. По его словам, ритуал “Жэнтэнгэрияба” направлен якобы на укрепление России и ее народов.

– У бурят верблюд считается наивысшим в подношении богам, – объяснил Артур Цыбиков. – А цифра пять в наших гаданиях, как и в школе, считается отличным результатом. Поэтому в жертву принесли пять особей» (Синьков, Федоров 2019).

Придется сразу прокомментировать наименование ритуала из трех слов, написанных в одно, с помощью коллеги-этнолога Р.Д. Дугаровой: «...“жэн тэнгэри яба”. Название это является бессмысленным набором слов, буквально означающим: “караван небо уходи”. Эта фраза построена грамматически неправильно и стоит в одном ряду со “снег башка попадет” или “моя твоя не понимай”. Нигде, кроме как в видео “байкальских шаманов”, такой обряд не зафиксирован, а бурятский шаманизм изучен достаточно хорошо, с XVIII века и до наших дней» (Дугарова 2019).

Надо сказать, что сам А. Цыбиков дал интервью с объяснением проведенного ритуала (Сожгли 5 верблюдов... 2019), сообщив, что шаманы стремились помочь не только возродить традиции, но и способствовали борьбе за укрепление государственности, силы семьи и общества и т.д. Речь в духе вполне современных пропагандистов была произнесена для записи, с указанием, что «молебен» был произведен исключительно с благими намерениями – поддержать государство в его важнейших устремлениях с позиции верующих людей. В заботе «сделать нашу Родину сильной, красивой, мощной» бывший спецназовец пошел по пути «возрождения традиций».

Отмечу, что едва ли не первыми по поводу этого странного акта борьбы «за укрепление России и ее народов» возмутились бурятские шаманы, на традиции которых и ссылается титулованный в Туве неошаман. «Сейчас не Средние века, – считает руководитель пресс-службы шаманской организации “Тэнгэри” Оксана Ким. – Да и верблюдов вообще не приносят в жертву. По преданию, на нем передвигается белое божество всех целителей» (Синьков, Федоров 2019).

Кстати, не поддержал сожжение верблюдов и патрон А. Цыбикова, «Верховный шаман России» К.Т. Допчун-оол: «Однако непосредственный начальник Цыбикова – Допчун-оол Кара-оол, выбранный на съезде шаманов в июне 2018 года Верховным шаманом России, сожжение

верблюдов тоже осудил. 71-летний глава кызыльской местной религиозной организации шаманов (МРОШ) “Адыг-Ээрен” (“Дух Медведя”) заявил, что никогда не слышал, чтобы священных для бурят животных приносили в жертву, а также объяснил, что никогда не являлся учителем для Цыбикова, впервые познакомившись с ним прошлым летом.

– Артур Цыбиков принизил всех шаманов и извратил шаманство», – подчеркнул он (Чернова 2019).

Мало того, А. Цыбикову грозит разбирательство дела о сожжении на 3-м съезде шаманов, который «Верховный шаман России» назначал на 10 июня, но в свете известных обстоятельств перенес на 10 августа: ситуация настолько серьезна, что А. Цыбиков может лишиться своего поста как представитель «Верховного шамана России по Иркутской области»: «Жертвоприношение верблюдов – это личная инициатива Артура Цыбикова, – рассказал “Комсомольской правде” в Иркутске Верховный шаман России. – Он хочет придумать что-то новое, а шаманизм – это традиционное верование, и такого обряда у нас нет» (Федоров 2019).

В наши дни, когда идет обсуждение поправок к Конституции и среди них предусмотрена поправка о животных, особенно важным выглядит вот такой комментарий к проведенному ритуалу: «Сам факт сожжения не является основанием для возбуждения уголовного или административного дела, – считает правозащитник Вячеслав Иванец. – Животное не является субъектом права и не обладает сознанием. Но не так давно Верховный Суд России признал, что у животных есть чувства и они могут ощущать боль. Их нельзя мучить и убивать варварским способом, за это предусмотрена уголовная ответственность. Нет оснований признавать факт жестокого обращения, если животных убили цивилизованным способом, а потом сожгли их туши» (Синьков, Федоров 2019).

Надо полагать, что в ближайшем будущем ситуация с отношением к животным (по крайней мере, на официальном уровне) изменится. И тогда варварский акт, о котором идет речь, будет восприниматься еще более остро, чем сразу после его осуществления. Обратим внимание на предлагаемый вариант поправки: «Согласно поправкам, которые предлагается внести в статью 114 Основного закона, Правительство РФ:

– осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду;

– создает условия для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры» (Государственная Дума... 2020).

Но пока борцы за светлое будущее не очень пострадали: «Иркутские шаманы отделались штрафом в три тысячи рублей за возмутившее многих ритуальное сожжение пяти верблюдов в небольшом сибирском городе Ангарске. Оштрафовали религиозную организацию “Вечно Си-

нее Небо” за то, что они привезли животных из Бурятии без разрешения ветеринарной службы. При этом лидер организации Артур Цыби-ков объясняет нарушение ветеринарных требований спешкой – “вер-блюды для ритуала нужны были срочно”. В правильности самого обря-да он не сомневается, а его «паства» сегодня насчитывает уже несколь-ких тысяч человек» (Чернова 2019).

Кстати, еще один комментарий специалиста о «правильности» обря-да: «...в описании ролика утверждается, что на бурятских родовых тай-лаганах наряду с домашним скотом (бараном, реже конем) буряты жертвовали птицу. Судя по всему, у ангарских новаторов больше обще-го со жрецами вуду или сантерии, чем с бурятскими шаманами. Начнем с того, что домашняя птица и кочевой быт несовместимы. Что касается диких птиц – в их отношении действовали строгие табу. Так, например, буряты особо почитали лебедя, орла, коршуна, также запрещалось уби-вать гусей, сорок, воронов, сов» (Дугарова 2019). И – самое главное: «Упомянутые в описании тайлаганы – родовые обряды, проводились и проводятся с поздней весны до осени. Причем в былое время шаманы на этих обрядах могли присутствовать лишь как рядовые участники. Глав-ным распорядителем на тайлагане был жрец племенного культа – сага-ани боо (белый шаман) или просто старейшина рода. И уж, конечно, не мог проводить такого рода обряды черный кузнец-дархан, каковым себя называет Артур Цыби-ков, демонстрируя в одном из видеороликов на сайте организации свои шаманские доспехи для схождения в Нижний Мир» (Дугарова 2019).

Раждана Дугарова прекрасно комментирует и суть дела с нашими уж слишком многочисленными знатоками от шаманизма, взлетевшими неожиданно до высшего чина *заарин боо* и начавшими массово посвя-щать всех подряд: в жестком анализе произошедшего и ситуации с не-ошаманизмов в Сибири в целом этнограф назвала вещи своими имена-ми: «При взгляде на величину заработков нынешних неошаманов, даже необремененному дипломом экономиста человеку становится понятно, где нынче водятся шальные деньги. Думаю, если бы Остап Бендер жил в наше время, то пошел бы в экстрасенсы, а не в управдомы». «На видео из Ангарска мы видим людей в шаманских масках восточных бурят, одетых в дэгэлы (верхнюю одежду) также восточных, а не западных бурят, кото-рые молча, безо всяких призываний, бьют в бубны. Нельзя не отметить европеоидную внешность многих (если не большинства) “байкальских шаманов”, что объясняется, прежде всего, местоположением шаманского центра Артура Цыби-кова. Ангарск – молодой промышленный город на юге Иркутской области был основан в 1945 году, отсюда его эпитет “го-род, рожденный Победой”. Другое неофициальное название Ангарска – “город нефтехимиков”. Каким ветром занесло сюда организатора скан-дального ритуала?» (Дугарова 2019).

Но сам А.В. Цыбиков считает себя не просто правым в содеянном – вот его «политический комментарий»: «Сейчас Байкал наш мелеет, плюс санкции, плюс общее состояние моральное, духовное, волевое состояние людей, увеличение смертей детских, болезни. Тот факт, что Иркутская область – первая по СПИДу, первая по раку, это статистика. Мы первые по криминалитету, по убийствам – в интернете есть все эти социальные выкладки, статистика. В моем понимании этот накопительный эффект длится последние 18 лет: с двухтысячного, когда начинали взрываться дома. Еще статистика – 90% бурят не знают бурятского языка и родной культуры, где родился, кто были его предки. Приношение в жертву пяти верблюдов имеет и политическую подоплеку: мы были на Ольхоне, где китайский гид рассказывает китайцам на китайском языке, что озеро Байкал – это китайское озеро, что китайцы здесь были раньше, и что русские здесь временно, и вообще, что китайская территория – от Байкала до Владивостока. Говорит, что русские скоро вымрут, а мы это все тихой экспансией заберем назад себе. Надо знать такие вещи: если мы не будем оберегать и сохранять свои традиции, бороться за свои территории и перестанем держаться за свои родовые и племенные корни, то нас просто сотрут, проассемилируют, и просто прогеноцидят (здесь сохранена лексика Цыбикова. – С.Р.)» (Чернова 2019).

Однако известные в Республике Бурятия и за ее пределами шаманы, в частности Б.Ж. Цырендоржиев – глава централизованной религиозной организации, осуждают этот странный акт, основываясь на традиционных знаниях, и заявляют о нарушении традиций: «Бурят-монгольский шаманизм – Боо Мургэл – древнейшая религия, передающаяся из поколения в поколение. Она несет в себе заветы пращуров о духовных ценностях и ратует за их сохранение – во благо будущих поколений. Благодаря этому в обществе сохранялась высокая нравственность, миролюбие, добрые взаимоотношения. А организация, лидером которой является Артур Цыбиков, позиционирующая себя служителями и последователями традиционного бурят-монгольского шаманизма, провела немыслимый для нашей религии кошунственный ритуал. Судя по видео, действие совершается группой лиц, одетых в шаманское одеяние и бьющих в бубны и, очевидно, не осознающих происходящее, поскольку не слышны камлания, воспевания богов и обращения к ним. Для человека, обладающего знаниями о традициях боо мургэл, очевидно незнание канонов шаманизма и абсолютная извращенность обрядовых действий. Кроме того, на видео видно, что на почетной стене (хоймор), где должны находиться изображения почитаемых божеств или же их рукодельные онгоны, располагается портрет лидера этой организации в ханском одеянии, что наводит на мысль о том, что именно для почитания его лично, как бога, в этом месте совершаются такие не-

мыслимые действия. Налицо проявление богозначимости, сектантства, обман верующих» (Чернова 2019).

Разумеется, сам «заместитель Верховного шамана России» с этим никогда не согласится: «И то, что другие шаманы осуждают это жертвоприношение верблюдов, я считаю, это ангажированность и личный фактор. Поскольку я служил в спецназе, знаю, что значит самопожертвование для достижения поставленной цели, для меня это не пустой звук. После этих верблюдов я теперь каждому горло перегрызу, кто скажет, что я шарлатан или отсебятину какую-то гоню. То, что я сделал, ни один шаман не дерзнул бы такое сделать. Новаторы всегда люди рискованные, – утверждает Цыбиков» (Чернова 2019).

Кстати, вот как представляется корреспондентам новатор от шаманизма, физкультурник и экономист по образованию: «Артур Владимирович Цыбиков. Шаман, председатель религиозной организации города Ангарска. Я заарин, высший шаман. Если интерпретировать с точки зрения преподавательской практики, я профессор. А как багша – ректор...» (Чернова 2019).

Понятно, что «профессору» и «ректору» все можно, он не боится брать на себя ответственность и решать вопросы государственного масштаба – на то он и «заместитель Верховного шамана России»: «...тот негатив, который накопился в нашем народе и в нашем регионе, и вообще в Российской Федерации – вот это все сорвать, сдернуть, сдвинуть и вот это все перетащить, перелопатить, баранами, конями и быками, мы потратим колоссальное количество времени. Поэтому я как председатель, шаман заарин, на себя взял ответственность, спросил разрешение у своих предков, богов – и мне дали добро» (Чернова 2019).

Печально не только то, что «духи», как известно ученым, «разрешают» своим подопечным все то, что им нужно или (если речь идет о настоящих шаманах, людях с особенностями работы сознания) все то, что программирует их мозг под воздействием целого ряда факторов. Гораздо более грустно, что сформировавшийся в наши дни тип неошамана отличается особыми качествами. И «паства» у него специфическая, как и соратники, готовые на жертвоприношения во имя помощи государству, которых А. Цыбиков насчитал не менее пятисот. Кстати, тут же пишущим корреспондентом было указано, что их, последователь, в целом не менее тысячи... А вот и свидетельство о множющихся последователях от одного из них: «Один из шаманов “Вечно Синего Неба” Евгений (фамилию свою он просил не называть), представившийся “белым шаманом славянских кровей”, рассказывает:

– Насколько я знаю, только в Ангарске около 3 000 человек, посвященных в шаманы. В год не знаю, сколько посвящают. Но вижу, что посвященных, у кого открываются глаза, год от года все больше и больше» (Чернова 2019).

Сам А.В. Цыбиков тоже рассказывает о числе посвящаемых: «Постоянно рядом со мной около 100 человек, которые готовятся стать шаманами. За 9 лет я подготовил более двух тысяч родовых шаманов – они выполняют обряды только для своих родных и близких. Те, кто собираются стать общественными шаманами, принимать и лечить людей, постоянно приезжают совершенствовать знания – их около 500 человек» (Мамонтова 2018).

Но множатся не только новоявленные шаманы. Расширяется и организация: «Эта местность за официальными границами города, известная среди ангарчан как Шаманское поле, занята последователями Цыбикова уже почти 9 лет. Еще 6 лет назад на территории примерно в гектар, не огороженной заборами, а просто отделенной от проселочной дороги воротами, находилось всего три небольшие постройки. Сейчас хозяйство религиозной организации разрослось до 19 капитальных зданий, а “паства” – с сотни человек до нескольких тысяч. В одном из залов самого большого здания примерно в сотню квадратов Артур Цыбиков ведет приемы, по соседству располагается столовая для гостей, приехавших на обряды. Большая часть остальных зданий построена в форме юрты примерно по 30 квадратных метров каждая. С виду – жилые помещения. Адепты “Вечно Синего Неба” подтверждают, что некоторые из них живут или жили здесь какое-то время» (Чернова 2019).

Надо заметить, что не А.В. Цыбиков изобрел такой вариант обитания и места службы: значительно раньше появились таковые в виде домов шаманизма у ранних МРОШ в Туве (см. подробно: Харитоновна 2006, 2018). Со временем организации улучшали свои территории и постройки. Кстати, если изначально Дома шаманизма представляли собой небольшие здания: в Туве, например, первый подаренный М.Б. Кенин-Лопсану Правительством РТ домик – почти крошечный (позже он перешел в собственность С.И. Канчыыр-оола и его шаманской школы). Другие организации ютились в пятистенных избах, да и шаманов в те времена на тысячи еще не считали. А вот позже правительства республик под давлением шаманов, указывающих на шикарные храмы и прилегающие к ним большие территории у православных или буддистов, стали добиваться того же. Теперь считается нормой иметь большие площадки для проведения ритуалов и различные постройки на них, в том числе «храмовые комплексы» со священными местами. Именно там проводятся посвящения.

Надо сказать, что посвящают в массовом порядке тех, у кого «открываются глаза», не только в Ангарске. Этот конвейер работает очень активно во многих организациях; не особо отстают и некоторые неошаманы-одиночки. Чтобы не исказить общую картину, напомним, что в других странах мира в «шаманские путешествия» массово отправляют-

ся последователи и новых шаманов, открывших для себя этот вид общения с реальностью (например, последователи М. Харнера или К. Кастанеды), и тех, кто едет за посвящениями в разные страны мира, где сохраняется в некоторой степени шаманская практика. У многих из ныне посвященных есть благое стремление исправить мир и облагородить род людской: они проводят «круги силы», которые направлены на объединение всех шаманов мира в благих порывах спасти планету и человечество.

Итак, «молебен» во имя народов и государства. И, судя по текстам, в поддержку правительства. С этим у шаманов тоже все в порядке – вот как, например, отвечает на вопрос «Кого вы уважаете?» сам «Верховный шаман России»: «Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана, Сергея Кужугетовича Шойгу, потомка великого полководца Эжен-Хаана (Субедея), Шолбана Валерьевича Кара-оола, который принял республику после разрухи, поднимает ее, а это очень трудное дело, народу надо его поддерживать» (Сандан 2020).

Про «Верховных шаманов» и «дорожную карту» неошаманизма

К.Т. Допчун-оол стал «Верховным шаманом России» на основе выборов, состоявшихся в Туве в июне 2018 г. в присутствии зарубежных гостей и участников собрания «из всех уголков России», как пишут некоторые приглашенные журналисты. Обратим внимание на такие акценты: «Выборы здесь называют историческим событием. Конечная цель – не только выбрать верховного представителя всех шаманов, но и признать шаманизм в России религией... Шаманы направят письмо президенту, чтобы шаманизм признали одной из религий России. Сейчас же шаманы готовятся к большому выездному обряду на священном месте во имя дружбы, единения и мира» (В России выбран Верховный шаман 2018). Сам дважды «Верховный шаман» (Тувы и России) сообщает в одном из интервью: «Шаманизм пока не признан официально религией, но мой статус, говорят, равен статусу Патриарха России Кирилла» (Сандан 2020).

Одним словом, личные амбиции зашкаливают, а оценка произошедшего слишком далека от реальности. Понятно, что Россия не знает, кто такой К.Т. Допчун-оол, однако в самой Туве, особенно в Кызыле, его значимость возросла. Сам он ведет себя теперь сообразно титулу: то даты шагаа предлагает поменять, то начинает бороться с ковидной инфекцией на «мировом уровне» (образец первоисточника приводится в оригинале. – В.Х.): «Дорогие Шаманы Тувы и России. Я Верховный Шаман Тувы и России призываю и прошу Вас утром 6 часов 21-го марта в день Весеннее равноденствие. Проводите обряды с жертвенными кострами на холмиках или на горах. Камлание с бубнами. Пусть каж-

дый шаман просит Отца Небо и Мать Земли и Духов Гор и Духов Воды и Духов Деревья и самое главное у Духов Предков. Чтобы от нас от Россиян Они помогли отводить и защитить Кара-Бурус Черный-Черт или коронавируса. И брызгайте молоко во все стороны Света. И мистическими заговоренными словами защищайте наших ваших детей и молодых и пожилых и старых земляков. Мы Шаманы Великой России все в месте дружно можем отогнать или уничтожить черного черта коронавируса. Здесь реч идет не только Шаманов Волхвов Баксы Камов Хамов и одаренных людей. Всех Вас призываю на защиту наших граждан. Каждый шаман в своем деревнях городах Регионах помогите своим землякам. Я желаю народам России здоровье благополучие и счастье» Кара-Оолтюлюшевич Допчун-Оол 16 мар 2020 в 13:47 (Управление Верховного шамана 2020).

Итак, шофер с многолетним стажем «фулит» шаманизмом, как ему кажется, в России. Но ни в стране в целом, ни даже в сибирских регионах его не собираются признавать «вагоновожатым». Кстати, свой «первый съезд шаманов» он организовал, опережая другую тувино-московскую международную команду – «Зов 13-ти шаманов», которые собирались в 2018-м уже не первый раз и, кажется, готовы были к подобным действиям. Однако К.Т. Допчун-оол даже записал небольшой видеоролик на русском языке с разъяснением, что лидер съезда «Зов 13-ти шаманов» широко известный певец-горловик Н.М. Ооржак и народный целитель (имеет удостоверение московской Ассоциации, возглавляемой В.В. Егоровым), автор собственной целительской системы, с которой он объездил многие страны мира, якобы не считает себя шаманом. «Верховный шаман» называет и Н.М. Ооржака, и всех собирающихся под его руководством, артистами (Верховный шаман России о «Зове 13-ти шаманов» 2020); впрочем, сами сподвижники Международного фестиваля в Республике Тыва «Зов 13-ти шаманов» (Управление Верховного шамана), который проводится с 2014 года, так не считают; для них это – собрание шаманов из разных стран мира, т.е. там уже – планетарный масштаб деятельности (Зов 13 шаманов). «С 26 по 30 июня, во время Большого космического цикла, в центре материка соберутся 13 сильнейших шаманов планеты, которые в ходе многодневных шаманских мистерий призовут духов девяти миров. Совместные духовные практики направлены на очищение Матери-Земли, всеобщего благоденствия и развития» (Зов 13 шаманов).

Впрочем, в 2020-м фестиваль сделал установку на творческую составляющую шаманизма. Это регулярное мероприятие существует само по себе и не пытается сейчас противостоять работе «Управления Верховного Шамана». И если планетарная деятельность «13-ти шаманов» направлена на духовное объединение всех и вся, то Управление делами работает с реальность: «...организаторы съезда в Кызыле не скрывают: они целенаправленно подталкивают шаманское движение к созданию

платформы, которая могла бы объединить локальные традиции. Централизованная религиозная организация и компетентный координатор у ее руля – для них насущная необходимость» (Скрыльников 2018).

Однако далеко не все шаманы признают легитимность такой деятельности и даже самих выборов. Большинство из них, живущих в своих улусах и селах, разумеется, не только не слышали «верховного шамана», но даже предположить такое не могли. Шаманизм считается одной из традиционных религий в Республике Тыва, Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия). Но даже в республиках о централизации шаманизма как конфессии речь практически не идет. Например, в Бурятии Б.Ж. Цырендоржиев создал централизованную организацию и считает себя главным шаманом, но на Россию не претендует. «За провозглашенной на съезде целью добиваться признания шаманизма государственной религией в России, – пишет Р.Д. Дугарова, – выглядят непомерные амбиции его организаторов. Перефразируя Черномырдина, хотели построить неошаманизм как мировую религию, а получилась все равно КПСС» (Дугарова 2019).

Надо сказать, что до Допчун-оола был еще один ускоритель процессов централизации шаманизма – О.А. Паршин, работающий под псевдонимом Эльвиль Олард Диксон. В 2009 г. им и его супругой был создан анекдотичный прецедент выборов Верховного шамана РФ. Выбирали в интернете из опубликованного им списка, где значились вместе с реальными желающими (вроде самого Паршина) примерить такой титул, покойники и тяжело больные люди, которые имели когда-то отношение к традиционному шаманизму или были шаманами без бубнов. Он резко и иронично отозвался о произошедшем: «Как и предполагалось, на подобных “выборах” побеждает тот, кто их устраивает, – Кароол Допчун-оол теперь верховный шаман Тувы и всея Руси. Ну, теперь заживем с его святейшеством! Думаю, на следующий год “Адыг-Ээрену” нужно проводить уже выборы верховного шамана планеты», – написал он на своей странице в Facebook» (Скрыльников 2018).

Одним словом, дорожная карта была намечена давно (до О.А. Паршина некоторые сибирские «шаманские» лидеры тоже тихо мечтали о таком развитии неошаманизма в России), однако воплощает ее в жизнь именно Допчун-оол, отправляющий письма президенту страны.

И все же: куда идем?..

«Верховный шаман», решающий проблемы государства и народов, полагает, что знает, куда и – главное – зачем он идет; видимо, это хорошо видно из окна кабинета. Однако у нас появляются и иные персонажи, которые вдруг становятся шаманами и решают вершить дела государственного уровня, отправляясь куда-то. Но куда идти, а особенно, зачем – иногда решают по дороге.

Вот «горячий» пример. Жил в Якутске мало кому известный человек – Александр Прокопьевич Габышев, 1968 года рождения. Работал то дворником, то еще кем-то; пытался учиться – в университете на историческом факультете, но не задалось с учебой. Да и в жизни было много проблем. Тяжело пришлось в последние годы: с детьми не получилось; долго болела жена, за которой ухаживал в одиночку, но она умерла. Остался один. Ситуация вполне естественная для размышлений и духовных поисков. В современном Якутске для думающего и ищущего пути в жизни человека, особенно обратившегося к истории культуры, есть хорошая подсказка, куда идти: в шаманы. Изоляция, как известно, хороший способ для развития интуитивных способностей. Габышева и до этого воспринимали как чудаковатого двоеверца: «Жизнь Александра, по его словам, перевернула смерть супруги. Потеряв жену, он оказался на грани психического расстройства, но мать не допустила его госпитализации в больницу. Три года Габышев жил в тайге, где строил часовню в память о жене. Мужчина утверждает, что за время уединения победил свой недуг... С высшими силами у Габышева все тоже непросто – он одновременно называет себя и шаманом, и христианином» (Сидорчик 2019).

Скорее всего, именно якутяне более всего недоумевали, когда разразилась странная история, в которую он оказался втянут. Даже после всей шумихи в сетях по его поводу в Якутске о нем обычно говорят, что он «наивный человек с небольшим свихом; идеи в голову пришли смутные», «может и шаман – одухотворен, по крайней мере» (ПМА-2020). Неустроенность, отсутствие близких людей и серьезного дела сподвигли к тому, что человек решил мир посмотреть. В 2018-м собрался и ушел из Якутска. Никто и не заметил. Но вернулся, когда в дороге погибла его единственная собака. Потом отправился во второй поход, в 2019-м. Надо сказать, никаких «последователей» у него на родине не было. Ушел куда-то человек – и ладно: сам волен своей судьбой и жизнью распоряжаться. Однако через некоторое время земляки – как и другие люди, обратившие внимание на эту новость, были ошарашены: о Габышеве стали говорить и писать в соцсетях, а потом и СМИ как о... «шамане-воине». Эта невидаль в отечественном шаманизме ранее не встречалась. Более грамотные люди тут же вспомнили смутное время 1990-х, когда все зачитывались беллетристикой Карлоса Кастанеды. Захватывающее чтение о далеких землях и фантастических персонажах вдруг таинственным образом переместилось в нашу реальность. Да еще как! С хорошо сформулированным посылом, вписанным в современные политические дразги: иду на Москву, буду в Кремле проводить обряд, чтобы выгнать злых духов из Путина (по другим вариантам – самого президента, отождествленного со злым духом).

Сам додумался? Вряд ли: направление и цель обозначились после того, как Габышев встретил свое нынешнее окружение. Земляки его

подчеркивают, что все началось именно тогда, когда «вокруг уже сформировались группы разношерстных людей, в том числе националистов» (ПМА-2020), о чем появляются сообщения и в журналистских расследованиях: «При этом к мужчине начинают присоединяться единомышленники, чья биография не менее туманна, чем у вождя этого странного похода. А вот у 32-летнего уроженца Оренбурга Евгения Ростюкина по кличке “Ворон” она, наоборот, чисто конкретная – по данным журналистов “МК в Бурятии”, у него целых девять судимостей. Сподвижник “воина-шамана” у женщин срывал с шеи золотые цепочки, у мужчин открыто похищал машины» (Сидорчик 2019).

Надо сказать, что в СМИ были разные публикации про «Сашу-шамана»: от резко политизированных до вполне адекватно рассматривающих странную историю дворника и недоучившегося историка Габышева. Упомянутый выше А. Сидорчик, например, подробно проанализировал появление мессианских идей у новоявленного «шамана-воина», начиная с похода 2018 г.: «При этом ни о какой миссии по “изгнанию” кого-либо Александр не говорит. А вот в июле 2019 года “воин-шаман” начинает заявлять в интервью, что голос Бога приказал ему идти в Москву, чтобы “изгнать Путина из Кремля”».

«Раньше я сумасшедшим был, вся деревня знает, – пояснял Габышев, – теперь-то я нормальный».

То, что с мужчиной кто-то поработал, составив ему политическую программу, не вызывает никаких сомнений. 4 июля 2019 года интервью с Габышевым выпускает портал «Сибирь. Реалии», являющийся проектом небезызвестного ресурса «Радио Свобода» (Сидорчик 2019).

Я не буду описывать этот культпоход под девизом «Изгнать темные силы из Кремля!» – любопытствующие могут все посмотреть сами: многочисленные видео выложены в интернете, как и материалы о дальнейших действиях А.П. Габышева и реакции якутских властей на происшедшее с ним. Организованная его окружением («последователями», подталкивающими его в нужном им направлении) пиар-компания позволяет даже в прямом эфире отсматривать, как «полиция штурмует» жилище новоявленного «воина» и т.д. Интересно, что недавно фигура, которую кто-то пытается делать культовой, умело используя не самые грамотные действия полиции и властей, проявилась уже в Википедии, где значится: «Александр Прокопьевич Габышев. Российский общественный деятель, оппозиционер, называющий себя шаманом-воином. В 2019 году организовал публичную общественную акцию протеста в форме пешего марша по маршруту от Якутска до Москвы...». И вот тут все стало на свои места: «общественный деятель», которого уже и с Махатмой Ганди сравнивают, вспоминая соляной поход и мирную революцию.

Не будем уходить в политическую антропологию или политологию, рассматривать участие историка-недоучки в митингах в Чите и Улан-Удэ

со странными выступлениями «политического деятеля» и резюме: «Отныне Путин вам не указ – живите свободно!», однако задержимся на эксплуатации шаманских идей от нешаманского окружения А.П. Габышева, но в его исполнении, хотя и здесь без политики не обойтись.

А.П. Габышев собирался – согласно его заявлениям после обретения своих кукловодов – проводить ритуал то ли в Кремле, то ли у стен Кремля, чтобы изгнать злых духов (из ?) Путина. Но вот в финале похода 2019 г. появляется уже совсем иная риторика: «Я все знал наперед. Знал, что я не буду один и со мной в конце концов будет армия. Для этого я и пошел, для этого я – шаман-воин... Армию не остановят!» «На вопрос журналиста, как будет выглядеть процедура изгнания, шаман ответил: «Не знаете, что ли, что такое армия?» Когда репортер уточнил, идет ли речь о штурме Москвы, Габышев ответил: «Без комментариев. Одно слово все скажет само – армия» (Сидорчик 2019).

При этом шаманские концепты и даже атрибуты (бубен) двоеверец «Саша-шаман» использует активно. Он не только говорит о злых духах и их изгнании из Путина. Вписываясь в реалии 2020 г., Габышев (то ли сам придумал, то ли кукловоды подсказали) пытается камлать на камеру, а главный наставник Ворон поддерживает беседу, получая от «шамана-воина» нужные комментарии: «общественный деятель» и «оппозиционер» сообщает под стук бубна, что эпидемия не закончится – это же он ее наслал, его духи это сделали: пока власти не освободят шамана-воина, будут все болеть, они уже болеют; а как только оставят его в покое, он проведет особое камлание и злой дух болезни уйдет. Понятно, что все «показательные выступления» этого несчастного человека записываются, иногда идет прямая трансляция видео. Не отстает и сопутствующая пресса, сообщающая о том, что после действенной магии шамана на него начались новые гонения: «И вот теперь Габышев опять подвергся гонениям. Именно в тот день, когда СМИ сообщили, что вслед за двумя министрами и премьером Михаилом Мишустинным с коронавирусом слег пресс-секретарь президента Дмитрий Песков» (Иванов 2020). Естественно, что затяжные гастроли в конце концов заканчиваются отправкой Александра в психиатрическую клинику.

Интересно в этой трехчастной эпопее, что образ ее основного героя менялся как минимум трижды: в 2018-м вышел из дому погулять по свету человек, желающий всем добра; в 2019-м ушел с тем же, но, благодаря встреченным кукловодам, на свет явился Саша-шаман, шаман-воин, психоментальный статус которого значимо трансформировался на протяжении полугода; поход 2020-го г. не состоялся – коронавирус помешал шаману-воину, занявшему оборону в родной Якутии, двинуться на Москву, куда он собирался явиться в 2021-м. Но интересно, что «сподвижники» А.П. Габышева ближе к финалу его эпопеи стали видеть в нем вместо «шамана-воина» юродивого, блаженного, эдакого шута или чудачка, который должен изрекать людям правду.

А что же шаманы?

Шаманы отреагировали на появление Саши. Правда, к сожалению, не якутские хранители народного знания, которые очень сердечно и осторожно отнеслись в итоге к своему земляку, признавая в человеке наличие духовного кризиса. Например, известнейший в Якутии алгысчит Афанасий Семенович Федоров говорит о Габышеве, что «у него есть связь с верхними божествами, и он делает то, что они говорят» (Откровения шамана 2020). На бурятской земле навстречу А.П. Габышеву, бредущему в окружении весьма пестрой компании, вышли представители МРОШ «Тэнгери» во главе со своим руководителем, претендующим на роль Верховного шамана Бурятии, Б.Ж. Цырендоржиевым. Они пытались задать ему вполне разумные вопросы и услышать от него самого, считает ли он себя шаманом, заодно уточнить, кто такой шаман-воин, которых отродясь в Сибири не бывало. Но вразумительного ответа не получили.

Понятно, что шаманские сообщества, занятые своими делами и проблемами тихого передела власти (и впрямь, на каком основании тувинец объявил себя Верховным шаманом России?), не хотят вмешиваться в очевидно политическую грязь. Этим должны заниматься представители администрации. Кое-кто из них комментирует происходящее, но, разумеется, событием шаманской жизни его не считает. Однако пиарщики феномена Саши-шамана усиленно связывают его эпопею именно с шаманизмом, а это не украшает древнейшего явления культуры многих народов.

Интересно, что против применения к А.П. Габышеву по суду принудительного лечения в психиатрической клинике выступили официальные лица Якутии: «Депутат Госдумы от Республики Саха (Якутия) Федот Тумусов просит генпрокурора РФ Игоря Краснова вмешаться в дело Александра Габышева, называющего себя шаманом, готовым “изгнать Путина” с помощью обрядов. Господин Тумусов заявил “Ъ”, что направил депутатский запрос с требованием проверки компетенции медиков, вынесших заключение о необходимости принудительной госпитализации шамана в связи с “переоценкой личности”. Глава Якутска Сардана Авксентьева публично поддержала господина Габышева, назвав принуждение его к госпитализации “избирательной карательностью”. На вменяемости шамана настаивают и в Госсобрании Якутии» (Старикова, Литвинова, Галин 2020). Теперь осталось выяснить, кто более компетентен в вопросах психиатрии – профессиональные врачи или статусные лидеры нации. Человек с чужинкой, который «от полученных переживаний ушел в шаманизм» (Откровения шамана 2020), между тем пытается настаивать на наличии у него собственной программы переустройства государства после ликвидации злого духа –

Путина или злых духов из Путина: естественно, они исчезнут после обряда, который он должен провести рядом с Кремлем. Он ее даже подробно излагает в одном из видеосюжетов.

Шаманы-практики не воспринимают новоявленного «шамана-воина» всерьез. Откровенно говорят, что это не дело шаманов – заниматься политикой...

Заключение

Не буду напоминать, что хорошо бы было новым лидерам уточнить, кто такие шаманы и чем они занимались. Попытки современных неошаманов идти в ногу со временем приводят их не только к формированию шаманской конфессии в России или идее мирного свержения власти, но и пересмотру истории человечества, что называется, «от Адама». Например, «Верховный шаман Тувы недоумевает, почему историки упорно игнорируют предания тувинцев о Всемирном потопе. Похоже, осторожно предполагает он, они боятся оспорить устоявшуюся на Западе интерпретацию библейской истории о Ное, корабль которого остановился якобы у горы Арарат. Кара-оол Допчун-оол утверждает, что библейский Арарат – это Саянские хребты, которые в древности называли «Ар хребты, где находится Ар-арт (северный перевал)», потому что далее на север от этих хребтов, вплоть до арктических морей, нет больше перевалов. Но если бы только неошаманы занимались пересмотром истории и археологии – кажется, это пошло уже и дальше: «Настоящей сенсацией стала изданная в минувшем году книга верховного шамана Тувы Кара-оола Допчун-оола «Адыг Тулуш» («Дух медведя»). На страницах республиканских СМИ развернулась нешуточная дискуссия, к которой наряду с праздными обывателями подключились известные тувинские ученые» (Филатенко 2015).

Одним словом, что будет, «коль пироги начнет печь сапожник, / А сапоги тачать пирожник»? Есть подозрение, что ничего хорошего. Сейчас уже очевидно, что складывается новая «шаманская ментальность», благодаря образованию МРОШ и их централизации, появлению «верховных шаманов», которые стремятся к выстраиванию вертикали правления и созданию конфессии, которая должна быть не менее значима, чем православие и буддизм. В этот контекст пока не вовлекаются те шаманы, которые практикуют самостоятельно в отдаленных местах или просто не хотят иметь ничего общего с теми, кто настойчиво стремится к власти и оформлению шаманизма «по образу и подобию». В целом ситуация еще более осложняется наличием немалого числа различных «духовных практиков» и приверженцев разнообразных направлений деятельности, которые также ассоциируют себя с «шаманизмом», трактуя его весьма вольно. Мирное сосуществование различ-

ных групп и практиков-одиночек пока нарушается только словесными выяснениями отношений. И – я очень надеюсь – многочисленные и многообразные «шаманы» не придут к выяснению отношений иными путями, что у нас никогда не случится того, что произошло (см. эпиграф) в Гватемале.

Современные трансформации неошаманизма, конечно же, в чем-то идут «в ногу со временем». Люди, пришедшие в шаманизм «от полученных переживаний» или «шаманской болезни» в виде насморка и ОРЗ, а также от безысходности в лихие 1990-е, когда всем надо было выживать и детей чем-то кормить, пытаются встраиваться в существующие реалии, заодно реформируя их под себя. Но такие «реформы» порой плохо ассоциируются с настоящими шаманами и традиционным шаманизмом. И как тут не поддержать Раджану Дугарову, которая пишет после скандала с «жертвоприношением» верблюдов, «...не могу молчать сейчас, когда против всех шаманов поднимается волна неприятия, когда всех их без разбора клянут и называют дикарями и живодерами. Это нужно прежде всего мне. А шаманизм, он, конечно, переживет этот скандал... И настоящие шаманы будут продолжать рождаться и передавать свой дар из поколения в поколение. Как и тысячи лет назад» (Дугарова 2019).

Примечания

¹ «Ридду Ридду» – ежегодный фестиваль культуры, проходящий в Северной Норвегии. Изначально это был фестиваль саамской культуры, позже стал главным международным мультикультурным фестивалем коренных народов. ПМА-2001, ПМА-2002 – полевые материалы автора.

Литература

- Материалы международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания». Москва – Абакан – Кызыл, 9–21 июля 2001 г. ИЭА РАН. М., 2001. Ч. 1–2. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 7)
- Монгуш М.В. Эволюция шаманской традиции в Республике Тыва // Культурологический журнал. 2014. № 1 (15).
- Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: НАТАЛИС, 2010.
- Харитонова В.И. Эттении – обряд рассечения тела // ВИТА. Традиции. Медицина. Здоровье. 1995. № 2. С. 2–5.
- Харитонова В.И. Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. 2018. № 4.
- Харитонова В.И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006.
- Balzer M.M. Interrelating Politics, Ecology and Spirituality in Siberia's Far East: Sakha, Buryatia and Tuva, 2013.
- Balzer M.M., Bremer J., Ginzburg C. Horizons of Shamanism. Stockholm, 2016.

- Pimenova K.* Les sources de savoirs. Renouveau du chamanisme et du bouddhisme chez les Touvas de la Sibérie du Sud: дис. ... д-ра социологии. Paris: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2012.
- Pimenova K.* The “vertical of shamanic power”: the use of political discourse in post-soviet Tuvan shamanism // *Laboratorium*. 2013. № 5 (1). С. 118–140.
- Shamanism in Siberia / eds by V. Diószegi, M. Hoppál. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1978.

Интернет-источники

- В России выбран Верховный шаман // *Азия*. 13.06.18. URL: <https://www.infpol.ru/93676-vybran-verkhovnyu-shaman-rossii-video/> (дата обращения: 15.06.2018).
- Верховный шаман России о «Зове 13-ти шаманов» // Управление Верховного шамана. Группа в социальной сети «ВКонтакте». 06.03.2020. URL: https://vk.com/video-69632504_456239109?list=1bb37a5f9fe004a775%2Fpl_post_-69632504_1020; см. о Н.М. Оржаке: Монгуш 2014 и др. (дата обращения: 15.03.2020).
- Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации «Как поправки в Конституцию защитят экологию и животных». URL: <http://duma.gov.ru/news/48735/> (дата обращения: 05.06.2020).
- Дугарова Раджана.* О шаманах настоящих и фейковых // *Сибирь. Реалии* 25 февраля 2019 г. URL: https://www.sibreal.org/a/29789166.html?fbclid=IwAR3GkL_MmKMunOAF1_MtjDerYZPGi0F-CiV9accHsEacsZynz_3IMhNAY (дата обращения: 27.02.2019).
- Зов 13 шаманов. Международный этнический фестиваль. URL: <https://www.facebook.com/callofshamans/> (дата обращения: 8.06.2020).
- Иванов Андрей.* Кремль в панике: Проклятия якутского шамана начали сбываться // *Свободная пресса*. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/265264/> (дата обращения: 14.05.2020).
- Мамонтова Анастасия.* «Стучим в бубен, молимся»: Шаман – о стоимости обрядов и кармических диагнозах // *The Village*. 5 июля 2018 г. URL: <https://www.the-village.ru/village/people/howtobe/317401-shaman> (дата обращения: 17.09.2018).
- Сандан Роланда.* Кара-Оол Допчун-Оол. Великий Шаман из Рода Медведей // *Тувиночка*. Февраль 2020. Вып. 02 (53). URL: https://vk.com/@smi_tuvinotchka-kara-ool-dorchun-ool-velikii-shaman-iz-roda-medvedei (дата обращения: 6.04.2020).
- Сидорчик Андрей.* Операция «Шаман». Кто и зачем «раскручивал» Александра Габышева? // *Аргументы и факты*. 19.09.2019. URL: https://aif.ru/society/people/operaciya_shaman_kto_i_zachem_raskruchival_aleksandra_gabysheva (дата обращения: 05.03.2020).
- Синьков Андрей, Федоров Олег.* Пять верблюдов сожгли в Ангарске: мистический обряд проверит прокуратура // *Комсомольская правда*. 21 июля 2019. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26945/3997076/> (дата обращения: 7.04.2020).
- Скрыльников Павел.* «Дух Медведя» выбрал Верховного шамана // *НГ Религии*. 20.06.2018. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-06-20/11_444_tuva.html (дата обращения: 23.06.2018).
- Сожгли 5 верблюдов: в Бурятии осудили ритуал байкальских шаманов. Видео канала «Восточная Азия». Шаманы Сибири «Вечно Синее Небо». 20.02.2019. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/26945.4/3996124/> (дата обращения: 23.02.2019).
- Старикова Мария, Литвинова Мария, Галин Тимур.* Шаману удостоверяют переоценку личности // *Газета Коммерсант*. 21 июня 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366186> (дата обращения: 21.06.2020).
- Откровения шамана. Якутский шаман Александр Габышев о себе и своем новом походе // *You-Tube*. Якутск-ТВ. 28 января 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-0Gf71QbwZE>
- Управление Верховного шамана. Группа в социальной сети «ВКонтакте». 17.03.2020. URL: https://vk.com/shamans_of_tuva (дата обращения: 30.05.2020).

- Федоров Олег. Верховный шаман России о жертвоприношении верблюдов: такого обряда у нас нет // Комсомольская правда. 25.02.2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/26946.5/3997973/> (дата обращения: 27.02.2019)
- Филатенко Александр. Ноев ковчег в Сибири. Верховный шаман Сибири выдвигает свою версию всемирного потопа // Версия. № 23. Опубликовано: 14.01.2015. URL: <https://versia.ru/verhovnyj-shaman-tuvy-vydvigaet-svoyu-versiyu-vsemirnogo-potopa> (дата обращения: 05.03.2020).
- Форум шаманов, Тува, озеро Чедер, 1.08.2016 URL: https://vk.com/wall-69632504?offset=20&own=1&z=video-69632504_456239039 (дата обращения: 21.08.2019).
- Чернова Мария. «Я каждому горло перегрызу, кто скажет, что я шарлатан» // «Сибирь. Реалии» 18 марта 2019 г. URL: <https://www.sibreal.org/a/29826340.html> (дата обращения: 05.03.2020).

Статья поступила в редакцию 5 июня 2020 г.

Kharitonova Valentina I.

TRANSFORMATIONS OF SHAMANISM IN CONTEMPORARY RUSSIA, OR WHERE ARE WE HEADING WITH THE FREAK?

DOI: 10.17223/2312461X/28/15

Abstract. The article discusses transformations of contemporary (neo)shamanism and phenomena associated with shamanism, drawing attention to the changes in activities of religious shamanic organisations over the past years, including attempts to establish a single religion and a hierarchy of religious power and to engage in political activities. In this regard, the article analyses most prominent events (such as the ritual killing of five camels in Angarsk (Irkutsk region, Russia)) and figures who consider themselves shamans (e.g., Aleksandr P. Gabyshhev). The question is raised of how legitimate is it to associate with shamanism, and even with its new forms (neoshamanism), those transformations that go beyond the traditional understanding of shamanism as religion and culture.

Keywords: Siberia, shamanism, neoshamanism, animal sacrifice, exorcism, spiritual practices, local religious organisations of shamans, centralised religious organisations of shamans, shamanic temple, congress of shamans, political protests, punitive psychiatry

* This work is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project "Contemporary practices of sacral assignments of social landscapes in the Southern Altai", № 18-09-00744.

References

- Balzer M.M. *Interrelating politics, ecology and spirituality in Siberia's Far East: Sakha, Buryatia and Tuva*. 2013.
- Balzer M.M., Bremer J., Ginzburg C. *Horizons of shamanism*. Stockholm, 2016.
- Diószegi V. & Hoppál M. (Eds.). *Shamanism in Siberia*. Budapest. Akadémiai Kiadó, 1978.
- Humphrey K. *Postsovietские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки)* [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays)]. Moscow: Izdatel'stvo «NATALIS», 2010.
- Materialy mezhdunarodnogo interdistsiplinarnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma «Ekologiya i traditsionnye religiozno-magicheskie znaniia»*. [Proceedings of the International interdisciplinary symposium 'Ecology and traditional religious and magic-based knowledge' (Moscow, Abakan, Kyzyl, 9 to 21 July 2001)]. Moskva – Abakan – Kyzyl, 9 – 21 iulia 2001 g. IEA RAN. Moscow: 2001. Book 1-2. (Etnologicheskie issledovaniia po shamanstvu i nym traditsionnym verovaniiam i praktikam. T. 7)

- Mongush M.V. Evoliutsiia shamanskoi traditsii v Respublike Tyva [The evolution of shamanic tradition in the Republic of Tyva], *Kul'turologicheskii zhurnal*, 2014, no. 1(15).
- Kharitonova V.I. Ettenii – obriad rassecheniia tela [Ettenii, the rite of dissection of the body], *VITA. Traditsii. Meditsina. Zdorov'e*, 1995, no. 2, pp. 2-5.
- Kharitonova V.I. *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysiacheletii* [Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of millennia]. Moscow: Nauka, 2006.
- Kharitonova V.I. Tuvinskii (neo)shamanizm kak kul'tovaia i tselitel'skaia praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo)shamanism as a religious and healing practice in the contemporary world], *Novye issledovaniia Tuvy*, 2018, no. 4.
- Pimenova K. The “vertical of shamanic power”: The use of political discourse in post-Soviet Tuvan shamanism, *Laboratorium*, 2013, no. 5(1), pp. 118-140.
- Shamanism in Siberia*. V. Diószegi, M. Hoppál (eds). Budapest. Akadémiai Kiadó, 1978.

УДК 39.393

DOI: 10.17223/2312461X/28/16

«КЛЮЧ ОТ ДОМА ДЕДУШКИ»: ПРЕДМЕТНЫЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ*

Игорь Алексеевич Морозов,
Ирина Семеновна Слепцова (Кызласова)

Аннотация. Авторы статьи обращаются к малоисследованной проблеме трансляции семейной памяти в экспозициях семейных (домашних) музеев. С этой целью проанализированы принципы использования предметных и визуальных нарративов различного типа при коммуникации в музейном пространстве с учетом ролевой структуры, модусов общения, компетенции участников в рамках обозначенной темы. Дискурс памяти возникает в процессе проблематизации музейного пространства, когда появляется потребность в экспликации скрытых в нем смыслов. Важную роль при этом играют принципы организации пространства и предметного наполнения экспозиций, способы их фреймирования и символизации, параметры ситуаций, в которых осуществляется трансляция нарративов о памяти, строящихся как на шаблонных схемах (скриптах), так и на мультимодальных схемах с гибкими сценариями. При этом удельный вес предметных и визуальных нарративов и их соотношение с вербальными нарративами существенно варьируются в зависимости от исходного смысла (мета-пропозиции) музейного пространства и способов его фреймирования. Интерпретация экспозиции зависит как от характера взаимодействия участников, так и от степени их вовлеченности, когда лежащие за вещью факты эпизодической памяти каждого из участников акта коммуникации образуют общее коммуникативное поле – коммуникативную память. Эксплицированные значения, которые принадлежат индивидуальной памяти каждого из участников коммуникации, порождают новые коннотации в семантике данной вещи, актуализируя их общую культурную память на основе совместного эмоционального переживания и развертываемых нарративов. Проанализированные в статье музейные нарративы сосредоточены на определенной эпохе, периоде или событии. История семьи или биография используется в них как знак принадлежности к локальной или большой истории. Специфика отечественных музеев заключается в том, что они опираются на советское прошлое, которое, в зависимости от выбранной оптики, предстает в них как история СССР или быт советского человека в хронологической перспективе.

Ключевые слова: семейные музеи; семейная память; культурная память; предметный нарратив; визуальный нарратив; коммуникация в музейном пространстве

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Над патефоном в рамке висит ключ. Он – «точка отсчета» семейного музея. Первый экспонат родом из того 1959 года. Этот ключ Валерий хранит с детства.

(Альперина 2015)

Семейные музеи являются «местом сборки» семьи, где семейная или локальная история оказываются связанными с автобиографической и семейной памятью. В существующих официальных реестрах музейных учреждений они включаются в категорию *частных музеев* (Равикович 2001: 273) и не являются исключительно отечественным феноменом. Однако наблюдается существенное отличие в их таксономии в разных национальных традициях. Так, в англоязычном дискурсе подобные музеи принято обозначать не как «семейные» (*family*) или «домашние» (*home*), а как «личные» (*personal*) или «малые» (*mini, little*). Вместе с тем в настоящее время существуют и специальные издания, посвященные принципам организации домашних музеев, в которых они также называются «семейные» (*family, «mom and pop» museum*) (см., например: Goesel 2017).

Обычно музеи такого типа основываются на личных коллекциях, в том числе этнографических (Частные музеи России 2020). Это могут быть, например, различные экзотические артефакты, собранные во время путешествий, как в музее Уилбура Д. Мея (Рено, штат Невада) (Wilbur 2019), или коллекция вещей, относящихся к определенному историческому периоду, как в «музее страусиных перьев» (CP Nel Museum, Оудсхорн, Южная Африка), где представлены предметы, собранные полковником Ч.П. Нелем (The CP Nel Museum 2019), или коллекция подарков, охотничьих трофеев и личных вещей, как в личном музее губернатора и сенатора Ю. Неелова (Салехард) (Бывшему губернатору 2019). Некоторые музеи такого типа устроены по образцу дома-музея (Музей Л.Н. Бенуа... 2020) и поддерживаются как муниципальными властями, так и различными региональными общественными организациями.

Для музеев разного формата и разной направленности характерна привязка к фактам семейной истории, которая может осуществляться при помощи нарративов о создании семейного бизнеса или о знаменательных событиях прошлого, основываться на личных коллекциях, являющихся репрезентацией биографии того или иного члена семьи и подчеркивающих значимость семьи благодаря наличию в ее составе выдающейся личности. Потребность в сохранении семейной памяти демонстрируют люди разного культурного уровня, религиозной принадлежности, возраста и пола.

Предметное наполнение экспозиций может быть разного типа. В одних случаях они отражают пристрастия и увлечения хозяев. Это отно-

сится, например, к музеям индустриального типа, которые являются хранителями исторического наследия в сфере техники. К таковым относится частный музей сельскохозяйственной техники в Нижней Баварии (Миттеррорбах), получивший название Музей Ланца в честь своего основателя, коллекционера сельскохозяйственной техники Леонарда Шпеера, по прозвищу «Ланц-Лео». В центре коллекции Музея паровые двигатели, построенные в период с 1882 по 1955 г. и сельскохозяйственные трактора Lanz Bulldog (Бульдоги) компании Heinrich Lanz AG, а также машины других производителей. Поддержание работы Музея является семейным делом, поскольку после смерти Лео Шпеера в 2016 г. им управляют его вдова и сын (Lanzmuseum Leo Speer 2020).

В других случаях производится трансляция профессиональных интересов и знаний, особенно когда подобные музеи возникают на основе собраний промышленного оборудования и машин, начало которым положили представители семейства, а их потомки продолжают поддерживать их как дань памяти своим предкам, как, например, в случае с Музеем карьеров в Бретани. Согласно аннотации на сайте, этот «частный и семейный музей был создан благодаря человеку, увлеченному своей профессией и камнем, Роберту Кудрей. Его дочь, Катрин Кудрей, предлагает Вам экскурсии с гидом, чтобы Вы могли открыть для себя мир ее отца, мир местных карьеров и, шире, мир карьеров Морбиана и Бретани» (Musée des carrières de Bretagne 2020). Часть такого рода музеев представляет собой своеобразную мемориализацию семейных традиций, отраженную в семейном бизнесе. Так, Музей 200-летней сельскохозяйственной истории своей семьи (*le musée familial*) в Кесвик-Ридж, штат Нью-Брансуик (Канада), устроенный в 2018 г. Дэвидом Кобурном в небольшом доме на территории его фермы, призван сохранить память «о десяти предках, которые предшествовали ему» и, как и он, занимались производством куриных яиц (Un musée familial racontant 2018).

Трансляция памяти в пространстве семейного музея

Для интерпретации экспозиций подобного рода музеев важно различение способов трансляции *эпизодической (ситуационной)* и *семантической (социальной) памяти* (ван Дейк 2000: 162–163), их можно соотносить с понятиями индивидуальной и коллективной памяти (критический разбор соотношения этих понятий см.: Рикёр 2004: 133–185). *Ситуационная память* основана на личном опыте и знании о конкретных событиях или ситуациях и позволяет выстраивать субъективные модели интерпретации семейной и локальной истории. *Социальная память*, включающая в себя и семейную (как историю семьи), основывается на более абстрактных сценариях, определяющих способы фреймирования

музейного пространства. Рассмотрим несколько примеров того, как эти виды памяти проявляются в пространстве семейного музея. Музей памятных вещей семьи Стоффель, организованный в 1995 г. Эдом и Рэйчел Стоффель и расположенный в отремонтированной бревенчатой хозяйственной постройке, посвящен жизни Генри и Розы Стоффель и тех, кто жил в районе Пайн-Сити в начале XX в. Коллекция включает в себя старые фотографии, старинную сельскохозяйственную технику и одежду, которую надевали родители Эда на свадьбу в 1917 г. (Johnson 2014: 113). Эд и Рэйчел чувствуют, что очень важно передать наследие не только потомкам семьи Стоффель, но и дать возможность «совершить образовательное и сентиментальное путешествие» всем желающим. Этому способствуют сотни предметов семейных коллекций, исторические документы, письма, бытовые и сельскохозяйственные принадлежности, а также машины, инструменты и предметы молочной промышленности начала XX в., накопленные за 80 лет (Музей семьи Стоффель 2020). Как видно из этого описания, этнографическая экспозиция, отражающая локальную историю района Пайн-Сити, является материальной презентацией социальной памяти, причем отдельные предметы (одежда родителей, семейные фотографии, письма) соотносятся с памятью семейной. При проведении экскурсий члены семьи Стоффель используют собственную интерпретацию данной экспозиции, опираясь на личный опыт и знание, т.е. на ситуационную память. Эти интерпретации могут вступать во взаимодействие с интерпретацией посетителей, у которых есть собственный опыт восприятия старого быта. Это отражается в отношении к посещению музея как к «образовательному и сентиментальному путешествию». Пересечение разных интерпретативных подходов позволяет создать в процессе коммуникации многомерную картину локальной и семейной истории.

В отличие от кейса семейства Стоффель, где семейная история – только отправная точка в развернутом повествовании о жизни фермеров Пайн-Сити, в музее канадского фермера Дэвида Кобурна основной акцент сделан на том, как его предки основали свой бизнес в штате Нью-Брансуик. В экспозиции музея история начинается с прибытия первого Дэвида Кобурна в Кесвик-Ридж в 1803 г., где в 1806 г. он купил землю, которая с тех пор принадлежала семье Кобурнов, и в том же году построил дом, который существует и поныне. По словам основателя музея, патриарх оставил после себя замечательное наследие, наполненное историями, достойными фильма из серии «Индиана Джонс». Наряду с этим музеем содержит коллекцию различных предметов (утвари и орудий труда), помогающих представить картину развития сельского хозяйства в штате Нью-Брансуик, а также Канады в целом сквозь призму истории одной семьи (Un musée familial racontant... 2018). В данном случае семейная память (как компонент памяти социальной) фреймирует экспозицию, в которой составляющими

элементами (слотами) являются отдельные события локальной истории. Для их интерпретации используются нарративы, основанные на ситуационной памяти, связанной с личным опытом.

В некоторых случаях структура семейного музея организована по принципу матрешки; каждый ее уровень связан с определенным типом памяти и дискурса. В качестве примера рассмотрим семейный музей «Сказка» художников Фоминых (рис. 1), расположенный в с. Макарьево Нижегородской области рядом со знаменитым Макарьевским монастырем. Название музея задает рамку внешнего восприятия, ориентированную на привлечение широкого круга туристов, посещающих монастырь, и апеллирует к их культурной памяти. О том, что этот маркетинговый ход достаточно эффективен, свидетельствуют многочисленные отзывы на сайте музея и на туристических порталах. Название связано с работами художника Бориса Федоровича Фомина: деревянная скульптура по мотивам сказок, а также «кружева из проволоки», – которые фреймируют это музейное пространство, образуя верхнюю оболочку «матрешки». Не менее важной частью экспозиции являются фотоработы отца художника – Федора Афанасьевича Фомина. Они представляют собой второй уровень музейной экспозиции, тесно связанный с историей семьи и репрезентирующей социальную память данного общества. В качестве следующего уровня можно рассматривать локальную историю, которую хозяйка музея, внучка Федора Афанасьевича, транслирует сквозь призму жизненной истории своего деда. «Это мой дедушка, Федор Афанасьевич Фомин, – показывает Нонна Борисовна старый снимок. – Он был фотографом, учеником известного на всю Россию Андрея Осиповича Карелина. <...> Здесь есть альбом фотографий людей, которые приходили к нему 100–120 лет назад. Это и лысковские жители, и васьурские. Фотографии сохранились потому, что фотографы того времени состояли на учете в тайной полиции и должны были оставлять один экземпляр фотографий у себя. А вот какой народ жил в Макарьево – выходцы из лесов, старообрядцы. Дед фотографирует, а все стоят по стойке “смирно”. А посмотрите на эту бабулю. Она общаться не хочет, не показывает лица. Хорошие фотографии пытались – и ничего не смогли сделать. На месте лица – светлое пятно. Она или шевельнулась во время съемки, или... какая-то тайна в ней! <...> Жили здесь мещане, которые не очень-то любили работать, – говорит наш экскурсовод. – Приучила ярмарка к торговле. И моя прабабушка торговала, была своя лавочка. А вот Макарьевский монастырь... К счастью, это тоже уже история: разрушающиеся башни, зернохранилище, устроенное в Троицком соборе... – Нонна Борисовна вспоминает, как всем миром восстанавливали монастырь, зачастую, за неимением крыши над головой, ночевали у нее в музее» (Матросова 2013).

Рис. 1. Фрагмент экспозиции музея «Сказка». Пос. Макарьево Нижегородской области.
Фото И.А. Морозова, 2015 г.

Анализ этого сложного конструкта показывает, что для дочери художника, ведущей экскурсии, рассказ о его жизни и творчестве основан

на индивидуальной автобиографической памяти и опирается на ее личные воспоминания. Поэтому он эмоционально окрашен и сопровождается автобиографическими нарративами (например, о говорящей кукле, которую отец привез ей с войны). Демонстрируя фотографии деда, она использует другой тип дискурса, связанный с комментированием представленных на них сюжетов локальной истории и в гораздо меньшей степени – с жизненной историей деда, известной ей по рассказам. Здесь мы имеем дело с феноменом, который П. Рикёр описывает следующим образом: «От роли свидетельства других в вызывании воспоминаний мы постепенно переходим к роли воспоминаний, которые мы имеем как члены группы» (Рикёр: 2004: 170). Это можно охарактеризовать в рамках ролевых структур, выделяемых В.В. Нурковой для описания отношения носителя исторической памяти к тому или иному историческому событию (Нуркова 2009: 8–13). Н.Б. Фомину можно рассматривать как «Наследника», который «...выступает в качестве реципиента готовых формул – схем исторических событий. Причем если информация об отдаленных во времени событиях поступает обычно из стороннего источника, то знания о более близких периодах черпаются также из семейных преданий. За счет переживания идентичности с семейной общностью Наследник способен трансформировать свою позицию в позицию Современника, а порой и Очевидца события, о котором рассказывает предок. В данном случае мы сталкиваемся с явлением партиципации («Я часть моего предка – значит, и события, произошедшие с ним, отчасти произошли и со мной»))» (Нуркова 2009: 12).

Предметные и визуальные нарративы: к проблеме экспликации смыслов

Как видно из приведенных выше примеров, помимо вербальных нарративов в пространстве семейных музеев представлены нарративы предметные и визуальные. Первый из них использует вещи, предметные ряды, семейные реликвии, которые для устроителя музея связаны со знаковыми событиями в личной и семейной истории и являются частью его автобиографической памяти, поскольку «у вещи всегда есть смысл, который не покрывается ее применением» (Барт 2003: 418). К ним привязаны вербальные нарративы, в том числе семейные предания и легенды, которые транслируются для посторонних посетителей. Ближнему кругу родственников и друзей эти истории могут быть хорошо известны и не воспроизводиться каждый раз. Визуальный нарратив, в отличие от предметного, рассчитан в первую очередь на «быстрое» восприятие («впечатление») и обеспечивается при помощи как отдельных элементов экспозиции – ценных вещей, фотографий, рисунков, документов, так и ее общего художественного оформления. С точки зрения визуального восприятия экспози-

ция или ее части могут интерпретироваться как «моментальные снимки», своеобразные фотографии прошлого, где в качестве «фотографа» выступает их создатель. И в этом смысле их можно рассматривать в одном ряду с объектами визуальной антропологии (Визуальная антропология... 2007).

Различие между этими двумя типами нарративов можно описать и другим способом. Предметный нарратив, в котором преобладает когнитивная составляющая, предполагает дискретное восприятие и возможность передачи содержания при помощи описания конкретных функций тех или иных вещей. В то время как визуальный нарратив рассчитан прежде всего на эстетическое, эмоциональное, континуальное восприятие. Понятно, что у любого предмета, даже у промышленных агрегатов из коллекции Кудрей, может быть эстетическая составляющая. Однако, увидев коллекцию предметов традиционного быта, посетитель в первую очередь задается вопросом: «Что это?» То есть пытается выяснить каковы *орудийные функции* данного предмета, его предназначение, и лишь во вторую очередь обращает внимание на качество изготовления, на эстетические свойства предмета, например прялки. Таким образом, предметный нарратив будет относиться в первую очередь к той части содержания, которая описывает, как данная вещь использовалась в повседневном быту, а также какое отношение она имеет к конкретным событиям в жизни человека и его семьи.

Визуальный нарратив призван вызывать узнавание и эмоциональный отклик, взаимную эмпатию у тех, кто видит экспозицию, с нарратором. При этом эмоции могут быть и негативными (ужас, страх, отвращение), например при рассматривании фотографий жертв войны. Напомним, что оба этих типа нарративов способны взаимно дополнять друг друга и сопровождаться вербальными нарративами. В тех случаях, когда авторы экспозиции хотят подчеркнуть художественные достоинства выставленных вещей, например расписных или резных прялок, представляющих какую-либо локальную традицию, на первом плане оказывается визуальный нарратив. Хотя это, конечно, не исключает рассказа об их орудийных функциях. Однако в этом случае в первую очередь рассчитывают на эмоциональное восприятие («Какая красота!»). Если же прялка в экспозиции расположена в ряду прочих бытовых предметов, это, как правило, выводит на первый план ее орудийные функции и включает ее в предметный нарратив с возможными комментариями: «Это прялка моей бабушки» или «Вот так у нас раньше пряли».

Чтобы продемонстрировать, как функционируют разные типы нарративов, рассмотрим несколько примеров. Наиболее очевидный вариант использования предметного нарратива в качестве базового представлен в домашнем музее Багдыковых (Ростов-на-Дону) (Багдыков 2018). Его основал М.Г. Багдыков, заслуженный врач России, отец ны-

нешнего хозяина музея. В экспозиции музея представлены личные вещи нескольких поколений семьи, и именно они маркируют основные вехи семейной истории и связаны с повествованиями о жизни ее членов. «Многие вещи в нашей семье передавались из поколения в поколение. Например, большой медный таз попал на Дон вместе с моими предками, армянами-переселенцами из Крыма, в 1779 году. Светильник XIX века – свидетель той далекой поры, когда в моей родной Нахичевани полицейские с такими “приборами ночного видения” охраняли линии-улицы. У нас хранятся и старинные стетоскопы, которыми пользовалась моя бабушка, врач-терапевт Надежда Григорьевна Кристостурян. Она до глубокой старости консультировала больных. <...> Не менее дорог сердцу самовар прабабушки Розалии Георгиевны. Это часть ее приданого – как и старинная ступа, и приспособление для колки сахара, и чугунные утюги. <...> В нашем домашнем музее есть и новые экспонаты. Это памятные медали “Дети войны”. Решение о награждении моих родителей этими медалями принималось на заседании ЦК КПРФ и лично председателем ЦК КПРФ Геннадием Андреевичем Зюгановым» (Багдыков 2018). Очевидно, что музей Багдыковых, начавшись с коллекции семейных реликвий (медный таз, светильник, бабушкин самовар), продолжает свое развитие за счет расширения предметного ряда, который и создает культурный и исторический фон (*мета-пропозицию*), служащий основой для конструирования дискурса памяти, разворачивающегося в виде повествований о конкретных членах семьи. Эта история дискретна, поскольку может начинаться с рассказа о любом из экспонатов, и она предметна, так как немыслима вне этих материальных свидетельств. Визуальный нарратив в данной экспозиции вторичен.

Рассмотрим теперь специфический случай, когда музей возникает на основе сложившейся стихийно коллекции предметов. Человеку случайно попадет интересный предмет, потом к нему добавляются другие, и так формируется коллекция, которая кажется ценной не только с точки зрения отдельной вещи, но и как цельное собрание. Хорошим примером может послужить история музея дяди Акима (Гиясова) из Старого Крыма, который описывает в своем блоге Н. Быстрицкая: «Лет 20 назад он как-то был связан со сбором металлолома, а время это было в Крыму такое, что на металл сдавали все, что под руку попадет, даже если это у соседа на дворе лежало. Но не таков был Аким! На многие вещи, отданные в переплавку, у него не поднималась рука. Собралась коллекция, люди стали отдавать ему и другие старинные вещи, которые не нужны, и из этого вырос музей. Какое-то время назад он стал называться “Усадьба Солхат” – по древнему названию Старого Крыма. И когда гости начинают ахать над моей амфорой и прочими раритетами в сарае, я говорю: “Да это что! Пойдем-ка к Акиму!”» (Надежда Быстрицкая...

2015). Представленные далее фотографии и описание музея позволяют сделать вывод, что экспозиция не связана напрямую с личной или семейной историей. Ее предметный нарратив повествует о культурной и локальной истории Старого Крыма, в том числе крымских татар. В данном случае, несмотря на потенциальную возможность рассказа о каждом конкретном предмете, его функциях и истории (Н. Быстрицкая замечает, что подписей к экспонатам нет), правильнее рассматривать весь предметный ряд музейной экспозиции как визуальный образ местной культуры. Визуальное и предметное находится здесь в состоянии равновесия (Asya Karapetyan 2013).

Показательна и эволюция спонтанно возникшей коллекции случайных предметов в ясно осознаваемое свидетельство культурной истории, собрание вещей, которое имеет смысл и культурную ценность. Данный мотив представлен в рассказе одного из членов семьи староверов часовенного согласия. «Для выходца из староверов, как и для всех староверов, память о прошлом свята! Все живо, все нам дорого! Бережем все, что успела захватить наша память. Я решил собрать вещи, предметы моих предков, моего детства. Конкретных тех вещей мне почти не досталось. Так, пара икон, этажерка, немного документов моего деда по матери, документов и фотографий времен Первой мировой. Самовар, часы да поварешка. Это мало, но достаточно, чтобы собирать музей. Осталось восполнить недостающие звенья. А этих звеньев немало. Но что ради памяти не сделаешь! И вот пошло. <...> Вот так вот по кусочкам, по барахолкам сейчас и собирается эта память. Пусть уже чужая! Но ведь и эти вещи хранят тепло тех людей. Сейчас ведь и те люди, которых уже давно нет, не кажутся чужими, далекими. Они были такие, как и наши родители – жили, выживали, любили, страдали, работали» (Истомина 2015: 584).

Подобные проекты могут реализоваться и в более сложных формах. Так, семейный музей супругов Мерзлых в селе Карпогоры Пинежского района Архангельской области начинался в 2012 г. со сбора семейных реликвий для их детей. По мере накопления экспонатов экспозиция расширялась, дополняясь тематическими выставками («Рукомойник в быту крестьянина», «Бытовая посуда», «История утюга», «Чаепитие на Пинеге», «Прялки пинежан» и др.), которые увеличивали удельный вес этнографической тематики за счет расширения диапазона предметных нарративов. В конечном счете это привело к трансформации целевой установки: «Показать традиционную и самобытную культуру Пинежья, историю района, жизнь своей семьи, рода, где дом не только сруб, строение и жилище со всеми его компонентами, а что-то большее – хранитель истории рода человеческого» (Краеведческо-этнографи-Оческий семейный музей... 2020). Такая оптика позволила сместить акцент на концепт «дом», при помощи которого фреймируется пространство музея. В его рамках

функционируют слоты, связанные как с семейной, так и с локальной историей («История Пинежья от древности до нынешнего дня», «Гражданская война на Пинеге» и др.), в значительно большей степени опирающиеся на визуальный контент. Интерактивность пространства музея предполагает презентацию основных проблематик сквозь призму семейных традиций, в ходе чего, например, посетители могут наблюдать за изготовлением полотенец, половичков и старинных нарядов и при желании сами поучаствовать в этом процессе. Этот кейс демонстрирует как в ходе расширения экспозиции *история конкретной семьи* трансформируется в *историю семейных традиций данного региона*. Локальная история, размещенная внутри фрейма «дом», оказывается контейнером для семейной. При этом важным компонентом в таких случаях часто оказывается этническая специфика (ср.: Музей А.К. и Т.П. Бардиных... 2020; Этно-парк на Телецком... 2020; Маслов 2017: 36 и др.).

Музейные нарративы и дискурсы памяти: к проблеме внутреннего и внешнего восприятия

Разберем теперь два случая, когда дискурс семейной памяти возникает в диалоге с внешним наблюдателем (корреспондентом или интервьюером) и отчасти транслируется в его интерпретации. Хорошим примером может послужить семейный музей Агишевых, описанный корреспондентом «Российской газеты» С. Альпериной (Альперина 2015). Газетный формат, используемый Альпериной, предполагает публичный дискурс и по определению содержит в себе существенные элементы интерпретационных искажений, основанных на ее восприятии музейного пространства и адресованных другому внешнему наблюдателю – читателю газеты. Этот формат допускает включение в газетный нарратив различных элементов, которые позволяют с достаточной степенью достоверности судить об исходном тексте памяти данного музея. Для этого С. Альпериной используется несколько приемов. Один из них – коммуникативная встреча. «Только начав осматривать семейный музей в этом доме, я ахнула. Потому что стала считать вещи и предметы, которые были и в моей семье. Точно такой же светильник – я выбросила его лишь в прошлом году, заменив на новый: надоел! Круглая вертикальная стиральная машинка – с подобной мы распрощались еще в 90-е, купив модную тогда “Малютку” (какой ужасной была эта “Малютка”, не умеющая отжимать белье, в сравнении с суперсовременными стиральными машинами). Графин розовый с узором – выпуклыми виноградными гроздьями до сих пор где-то хранится и у нас, как и самовар. Сахарницу и щипчики у нас в доме также сохранили. Похожий примус я помню из детства – такой же был у моей бабушки, она готовила еду на нем на даче. Как и электроплитка со спи-

ралью... Помню, как эту спираль разбирали-чинили, и она казалась мне похожей на металлическую гусеницу. Керосиновая лампа – пойдешь сейчас современным детям объясни, что это такое» (2015). Актуализация коммуникативной памяти при контакте с экспонатами происходит и у других посетителей музея: «Строитель-таджик, увидев в спальне на стуле серый платок, не смог сдерживать слез – такой же был у его бабушки» (Альперина 2015). Соотнесение фрагментов чужой семейной памяти с собственной индивидуальной памятью на основе воспоминаний позволяет транслировать читателям газеты «чужое» как «присвоенное свое» в формате дискурса о памяти.

Второй используемый прием – включение в текст газетной публикации транскриптов или близких к тексту пересказов интервью с хозяином музея. Эти вкрапления позволяют читателю почувствовать свою сопричастность к обсуждаемым событиям. «Валерий, которому сейчас 65 лет, хранил по жизни дорогие ему вещи. Хранил сумбурно, в разных местах, пока однажды в Тольятти не отвез их на дачу. И там они нашли свои места, “задышали”, и душа успокоилась. Но впереди был переезд в Москву, где Валерий живет уже четверть века, а семья – 15 лет. Как же быть с таким количеством вещей и вещей? Перевозили!» (Альперина 2015).

Третий прием – подробное описание истории семьи Агишевых в пересказе С. Альпериной, в котором она использует приемы художественного текста. Пересказ может не передавать в точности все возможные нюансы оригинального транскрипта, т.е. подвергаться интерпретационному искажению, однако все это в совокупности позволяет читателю соприкоснуться с дискурсом семейной памяти Агишевых.

В данном музейном пространстве представлено несколько индикаторов, призванных эксплицировать наиболее важные смыслы, заложенные в макропропозиции музея. Первый из них можно рассматривать как фрейм, он предьявлен на табличке с названием музея: «Музей. Быт 50-х годов. Тукурян, Агишевых, Ивановых. Основан 9 января 1959 года». Как видим, фрейм очерчивает две тематические зоны – быт 1950-х годов и принадлежность музейного пространства большому семейству. Еще одна рамка, обозначенная этим названием, связана с хронологией, а именно указанием на дату, с которой начинается исчисление семейной истории.

Вторым важным индикатором, выделяемым самим основателем музея, является ключ – «точка отсчета семейного музея». Это действительно очень емкий символ с мультимодальной проекцией, имеющий большой интерпретационный потенциал. Ключ от дома бабушки, захваченный с собой В. Агишевым, еще восьмилетним мальчиком, при отъезде из Чарджоу, – не только экспонат, что «открывает экспозицию», т.е. семейную историю на фоне быта 1950-х гг., но и своеобразный ключ к семейной памяти, которая символически воплощается в

«доме дедушки». В этом символе осуществляется сборка всей макро-пропозиции: предмет, открывающий «доступ к семейной памяти», связанной с домом дедушки и с датой создания музея, которая, в свою очередь, отсылает к фрейму «Быт 50-х годов» (рис. 2).

Рис. 2. В.И. Агишев в интерьере своего музея. На вставках: ключ от дома дедушки и фрагмент лопаты с автографом. Фото И.А. Морозова, 2020 г.

Третий индикатор – рубанок – выделяется С. Альпериной на основании нарратива В. Агишева о том, как в детстве пленный немец подарил ему сделанный собственноручно рубанок в благодарность за то, что Валерий позволил ему поиграть на скрипке. Четвертый индикатор, как и второй, связан с автобиографической памятью В. Агишева. Это обыкновенная лопата с подписями известных людей, которые бывали у него в гостях в то время, когда он работал директором Парка культуры и отдыха в Тольятти. Подобные индикаторы помогают выделять в пространстве музея слоты, связанные с семейной и личной историей, и при осмотре экспозиции могут быть якорными точками, к которым привязываются различные нарративы.

Важно, что создатель музея ориентируется на интерактивность экспозиции, которая рассчитана прежде всего на следующее поколение, создавая возможность ролевых игр в прошлое. «В гостиной – старый приемник, патефон, транзисторы, черный громоздкий телефон. Все работает. По телефону можно позвонить, приборы – включить. Мы заводим на патефоне виниловую пластинку Клавдии Шульженко и под “Синий платочек” продолжаем осматривать музей. “Вот как я объясню своим внукам, что такое патефон. Как он играет, заводится, скрипит. А так придут и увидят сами”, – говорит Валерий» (Альперина 2015). О том, как это работает, можно судить по реакции самой С. Альпериной на различные предметы женского гардероба и туалета 1950-х гг.: шелковое женское белье, железные бигуди, салфетки, старинные щипцы для завивки волос и др., – а также предметы быта того времени, в совокупности представляющие собой визуальный нарратив. «Сундук, гобелен над ним, круглый стол в центре и венские стулья (такие же были и у моего деда), швейная машинка “Зингер”, а на ней шкатулочка из морских камешков. Все живое, все – “дышит”, стучат ходики, бьют часы с кукушкой, даже вода в графине на столе свежая. Так что когда садишься на кожаный диван с подушечками, наволочки на которых вышиты крестиком, вставать не хочется. Чувствуешь себя частью другого времени, и в нем – уютно и по-домашнему» (2015). В этой реакции отражается специфика женского взгляда на советское прошлое, который характеризуется повышенной эмоциональностью, способностью к «вчувствованию», эмпатии. Это хороший пример того, как семейная память может переинтерпретироваться и «оживать» в эмоциональном прочтении стороннего посетителя.

Описание музея Агишевых позволяет сделать предварительное заключение о том, как устроена процедура распознавания внешним наблюдателем имплицитных значений в ходе дискурса и какое место в этом занимают предметный и визуальный нарративы. Очевидно, что на первом этапе в большинстве случаев более важным оказывается «впечатление», т.е. считывание на визуальном уровне универсальных для

данной культуры смыслов. Как отмечает Т.А. ван Дейк, «текст как таковой не “обладает” какой-либо макроструктурой; она приписывается ему автором или читателем. <...> Это означает, что знания, убеждения, установки и идеологические принципы могут “работать” в когнитивном построении и репрезентации макроструктур» (ван Дейк 2000: 240), которые, в свою очередь, «являются структурами самого дискурса и часто единственны в своем роде» (49).

В целом это очень напоминает процесс распознавания малознакомых или воспринимаемых в условиях помех языковых высказываний, когда адресат пытается восполнить недостающие или утраченные фрагменты в рамках своих компетенций и понимания уместности тех или иных значений в конкретной ситуации. Посетитель музея, являясь носителем данной культурной традиции, при первом «прочтении» улавливает в экспозиции смыслы, наиболее соответствующие его жизненному опыту. И этот первый взгляд, конечно, подчиняется законам визуального нарратива, поскольку отдельные предметы или предметные ряды музейной экспозиции в этот момент могут «безмолвствовать», и основывается на эстетических критериях, оценивая увиденное с точки зрения того, насколько это «красиво» или «некрасиво». Эта оценка будет относиться к экспозиционному ряду в целом.

Вторым этапом может стать распознавание отдельных элементов экспозиции или вещей, которые будут рассматриваться с точки зрения того, существует ли что-либо подобное в автобиографической памяти данного человека. Отсюда и возможность ситуации «коммуникативной встречи», когда среди выставленных предметов он обнаруживает те, которые ему уже были знакомы ранее. В этот момент визуальный нарратив плавно перетекает в предметный, когда эстетические свойства вещи отходят на второй план, а фокус внимания сдвигается на обсуждение связанных с ней ассоциаций и воспоминаний. Хотя в реакции на этот предмет могут присутствовать и эмоциональные оценки, которые являются элементами визуального нарратива («впечатления» и «узнавания»). Наррация переходит от эмоциональной оценки («красиво») к предметной («таким уютгом пользовалась моя бабушка»), и возникает возможность развертывания собственной истории данного предмета. В процессе узнавания предметный нарратив хозяина коллекции накладывается на соответствующие воспоминания посетителя, т.е. создается не только общее коммуникативное поле, но и общая коммуникативная память.

Понятно, что такая вероятность возрастает, когда у «внешнего» и «внутреннего» нарратора есть общая основа для диалога (Макаров 2003: 146–147), то, что можно назвать макропропозицией. В российских семейных музеях этим общим коммуникативным полем может быть советское прошлое. При этом создатели музея очень по-разному

выделяют основные темы (фреймы) при оформлении музейных экспозиций. Иногда на первый план выходит *история семьи в советский период*, транслируемая при помощи предметного нарратива, как это, например, происходит в Звенигородском музее «Назад в СССР» (рис. 3) (Музей «Назад в СССР»... 2020). Этот частный музей был основан в 2017 г. по инициативе Светланы Устюговой под впечатлением советской экспозиции в сельском краеведческом музее в Кировской области (Саков 2019). Макропропозицией в музее является советское прошлое, в котором выделяется фрейм «Быт советской семьи», выстроенный по хронологии с условными слотами «прихожая», «бабушкина комната», «дедушкина комната», «столовая», «комната папы», «комната мамы», «комната дяди», «детская». Каждая из «комнат» представляет собой развернутый и тщательно выстроенный предметный нарратив из вещей определенного периода, принадлежавших кому-то из членов семьи.

Реконструкция комнаты военнослужащего 1960-х годов («комната папы») в музее «Назад в СССР». Г. Звенигород Московской области. Фото И.А. Морозова, 2020 г.

С. Устюгова так описывает основные принципы устройства музея: «Мы называем себя музеем положительных эмоций и приятных воспоминаний. О политике речь у нас не идет, но о достижениях советского времени, конечно, говорим, потому что об этом нельзя не сказать. Начинаем рассказ с послевоенного времени. У нас так называемый

предметно-интерьерно-атмосферный музей. Мы воссоздали в одном помещении интерьеры 40-х, 50-х и 70-х годов. Можно увидеть разную советскую аппаратуру: радиолы, телевизоры, магнитофоны, радиоприемники, фотоаппараты, телефоны. Рассказываем о советской моде, о детских игрушках, о том, как праздновали Новый год, о советской школе, дворовых играх и о многом другом. <...> У нас великая страна с великой историей. И, конечно, нужно попытаться что-то сделать еще, потому что главное – это счастье, дом, семья и Родина. Мы акцентируем внимание на замечательных для нашей страны моментах» (Саков 2019).

О типичной реакции посетителей музея можно судить по такому комментарию: «Из прихожей мы попадаем в как будто в “бабушкину комнату”. На стене – ковер с оленями – куда же без него! Подушки горкой, кружевные накидки, граммофон и пластинки из шеллака, и старый роман. Я, конечно, пока еще не бабушка, но в этом музее я обнаружила стотыщ вещей из своей прошлой жизни))) А знаете, некоторые люди даже плачут, когда попадают сюда. И я в какой-то степени их тоже понимаю» (Музей «Назад в СССР»... 2020).

Другой принцип фреймирования применяется в новосибирском Музее СССР. Музей расположен в старинном двухэтажном деревянном купеческом доме, построенном в 1917 г. в традиционном русском стиле с резным декором, и был открыт 12 апреля 2009 г. – в годовщину полета в космос Юрия Гагарина. В советское время в особняке располагалась коммунальная квартира – типичное место жительства значительного числа горожан в тот период. То есть в самом здании музея заключена вся сложная конфигурация исторических и социальных процессов советского периода, что само по себе делает его символом советской эпохи. «В музее собрано более 100 исторических объектов, которые показывают жизнь советских граждан на протяжении 70 лет, начиная со старинной деревянной прялки и заканчивая современными автомобильными журналами и технологиями» (Еремина 2019).

Инициатором организации музея стала одна из жительниц дома с очень советским именем – Идея Тимофеевна Ложкина, «которая решила создать из бывшей коммуналки место с атмосферой социалистической эпохи. Многие из экспонатов музея принадлежат основательнице. Если раньше ненужные вещи покрывались пылью на даче, то теперь они являются настоящим раритетом и жемчужинами коллекции. Идея Тимофеевна считает, что благодаря музею СССР она сможет сохранить советское наследие, а также познакомить современное поколение с культурой того времени» (Еремина 2019). В музее используется совсем другой принцип организации пространства, чем в Звенигороде, с опорой на фрейм «Повседневность советского времени» и слотами «подвал и контора НКВД», «советская коммуналка», «ленинский уголок», «Великая Отечественная война». То есть центр внимания перемещен на

наиболее важные локусы социальной и политической активности советского времени. Конечно, среди экспонатов есть и предметы повседневного быта вроде фотоаппаратов, грампластинок, кухонной техники, посуды, пудры и духов «Красная Москва», а также оборудованное рабочее место советского чиновника с дисковыми телефонами, счетами и печатной машинкой «Прогресс». В музее предусмотрено место для фотосессий, где можно примерить военную форму советского времени.

В отличие от экспозиций звенигородского музея, где в каждой «комнате» предполагается виртуальный жилец, член семейства, состоящего из нескольких поколений, в новосибирском музее, судя по отзывам посетителей (Музей СССР 2020), основным впечатлением оказывается «атмосфера советского», т.е. при восприятии доминирует визуальный нарратив. Здесь гораздо меньшее значение имеют конкретные вещи, на первый план выходит обобщенный образ эпохи. Интерактивность экспозиции допускает тактильное взаимодействие с вещами, что дает возможность конкретным посетителям создавать при помощи механизмов воспоминания и воображения индивидуальные истории вещей, которые вне этих взаимодействий являются обезличенными и «немыми».

* * *

Рассмотренные нами примеры позволяют определить основные топики и способы трансляции памяти и наррации в семейных музеях, а также проанализировать разворачивающиеся в их пространстве дискурсивные практики. Каждый из музеев имеет определенную специфику как с точки зрения выбора способов фреймирования и выделения индикаторов, так и интерактивности экспозиции, что обуславливает характерные для них типы дискурсов памяти. Дискурс памяти возникает в процессе проблематизации музейного пространства, когда появляется потребность в его экспликации с использованием нарративов различного типа, которые могут быть встроены в экспозицию в виде табличек-легенд или подписей-экспликаций либо разворачиваться в ходе дискурса. Доминирующим в дискурсе является вербальный нарратив, который помимо речевых практик разного типа может быть представлен в виде надписей, аннотаций, документов. Вместе с тем в музейном пространстве важную роль играют предметный и визуальный нарративы, которые репрезентируют замысел создателей музея при помощи невербальных средств. Они, как правило, встроены в музейное пространство, представляя собой заложенную авторами метапропозицию или отдельные экспозиционные фреймы и предполагают определенную свободу интерпретации в зависимости от культурных компетенций посетителей. Разница между ними состоит в способе трансляции связан-

ных с ними смыслов. Визуальный нарратив рассчитан на мгновенное считывание, узнавание, эмоциональную реакцию, эмпатию (континуальность), предметный опирается на когнитивную составляющую и не предполагает связности смыслов, стоящих за отдельными экспонатами, т.е., по сути, дискретен. В семейных музеях эти типы нарративов представлены в разных соотношениях. Нарративы о семейной памяти строятся как на шаблонных схемах (скриптах), так и на мультимодальных схемах с гибкими сценариями. При этом важное значение имеют ролевая структура дискурса, модус общения, компетенции участников коммуникации в рамках обозначенной темы. В тех случаях, когда лежащие за данной конкретной вещью факты эпизодической памяти каждого из участников акта коммуникации образуют общее коммуникативное поле – коммуникативную память, эксплицированные значения, принадлежащие индивидуальной памяти каждого из акторов, фактически порождают новые коннотации в семантике данной вещи, актуализируя их общую культурную память на основе совместного эмоционального переживания и развертываемых нарративов. Музейные нарративы могут быть сосредоточены на какой-либо эпохе, или периоде, или событии, история семьи или биография используется в них как способ партиципации («мы или наши родители там были, мы тогда жили»). Советское прошлое в них предстает как история повседневности на фоне большой истории. Анализ семейных музеев разного типа позволяет проследить, как в процессе собирания предметов формируется культурная память индивида и социума, увидеть, как культурная история возникает из практики, формируется из знаний, получаемых в процессе создания музейного пространства и осуществления в нем дискурсивных практик разного типа.

Литература

- Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
- Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007.
- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
- Маслов Д.В.* Локальные музеи и репрезентации этнической культуры алтайцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Нуркова В.В.* История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
- Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004.

Источники

- Альперина С. Хранитель. Семейный музей Валерий Агишев создал в одиночку в подвале загородного дома // Российская газета – Неделя. № 17 (6588). URL: <http://www.rg.ru/2015/01/29/muzei.html> (дата публикации: 29.01.2015).

- Багдыков Г. Семейные реликвии в домашнем музее Багдыковых // Ростовский словарь. URL: <http://rslovar.com/content/семейные-реликвии-в-домашнем-музее-багдыковых> (дата публикации: 29.04.2018).
- Бывшему губернатору и сенатору при жизни открыли личный музей // Информационное агентство «Znak». Картина дня. URL: https://www.znak.com/2019-03-28/byvshemu_gubernatoru_i_senatoru_pri_zhizni_otkryli_lichnyu_muzeu (дата публикации: 28.03.2019).
- Еремина Г. Музей СССР в Новосибирске // Туристер. URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/novosibirsk/museum/31402> (дата публикации: 15.11.2019).
- Истомина И.А. Домашний музей старовера: окно в прошлое // Рябининские чтения – 2015. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2015.
- Краеведческо-этнографический семейный музей Виктора и Галины Мёрзлых // Открытый Север. Туристический портал Архангельской области. URL: https://www.pomogland.travel/what-to-see/semeynyu-muzej-myerzlykh/?fbclid=IwAR1uPx8uzR9-bEI_woXXBzR40PzuSVM-InjrPZmZTgwzwnv1AOczk6iccsx (дата обращения: 12.02.2020).
- Матросова Е. Колодец живой воды // Земля нижегородская. URL: <https://zemn.ru/?p=7521> (дата публикации: 26.09.2013).
- Музей «Назад в СССР». Звенигород // Мария Текун. Картины и книги URL: <https://maryatekun.ru/muzej-nazad-v-sssr-zvenigorod/> (дата обращения: 06.02.2020).
- Музей А.К. и Т.П. Бардиных. с. Чамал. Республика Алтай Частные музеи России. География проекта. URL: <https://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya> (дата обращения: 20.02.2020).
- Музей Л.Н. Бенуа на Васильевском // Частные музеи России. URL: <https://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya/sankt-peterburg/muzej-l-n-benua-na-vasilevskom> (дата обращения: 23.01.2020).
- Музей семьи Стоффель. URL: <https://www.gluseum.com/US/Pine-City/169967749746857/Stoffel-Family-Museum> (дата обращения: 12.01.2020).
- Музей СССР // Flamp. Отзывы о компаниях вашего города. URL: https://novosibirsk.flamp.ru/firm/muzejj_sssr-141265769838460 (дата обращения: 06.03.2020).
- Надежда Быстрицкая (petrovna_n). Про железяку и Домашний Музей. URL: <https://petrovna-n.livejournal.com/688551.html> (дата публикации: 02.03.2015).
- Равикович Д.А. Классификация музеев // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. Т. 1.
- Саков А. Светлана Устюгова: «Предлагаем вспомнить лучшее из советского времени» // Подмосковье сегодня. URL: <https://mosregtoday.ru/geroi-podmoskov-ya/svetlanaustyugova-predlagaem-vspomnit-luchshee-iz-sovetskogo-vremeni> (дата публикации: 16.01.2019).
- Частные музеи России. География проекта. URL: <https://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya> (дата обращения: 20.02.2020).
- Этно-парк на Телецком. с. Артыбаш Турочанский р-н. Республика Алтай // Частные музеи России. География проекта. URL: <https://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya> (дата обращения: 20.02.2020).
- Asya Karapetyan. (starkasya). Дом-усадьба «Солхат». URL: https://starkasya.livejournal.com/20301.html?fbclid=IwAR0IDzp-egHJuc5_Q1ab7zfOiJAELLwCUiMOWOwNY43-r5eFzvl_d3c4bY (дата публикации: 13.09.2013).
- Goesel E. Create a family museum and save your history: how to find space, create, organize, preserve and display family heirlooms, treasures and memories. Berwyn Heights, MD: Heritage Books, 2017.
- Johnson N. Legendary Locals of Pine City, Minnesota. Charleston, South Carolina: Legendary Locals, 2014.
- Lanzmuseum Leo Speer. URL: <http://www.lanz-leo.de/41930.html> (дата обращения: 10.02.2020).

Musée des carrières de Bretagne. URL: <https://www.musee-des-carrieres.fr> (дата обращения: 15.02.2020).

The CP Nel Museum. URL: <https://www.cpnelmuseum.co.za> (дата обращения: 03.11.2019).

Un musée familial racontant 200 ans d'histoire agricole // Les Producteurs d'œufs du Canada. URL: <https://www.producteursdoeufs.ca/2018/12/200-ans-dhistoire-agricole> (дата публикации: 10.12.2018).

Wilbur D. May Museum (Reno, Nevada). An eccentric millionaire's personal curio collection includes at least one shrunken head // Atlas Obscura. URL: <https://www.atlas-obscura.com/places/wilbur-d-may-museum> (дата обращения: 03.11.2019).

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2020 г.

Morozov Igor A. and Sleptsova (Kyzlasova) Irina S.

“GRANDFATHER’S HOUSE KEY”*: SUBJECT-BASED AND VISUAL NARRATIVES IN THE SPACE OF FAMILY MEMORY*

DOI: 10.17223/2312461X/28/16

Abstract. The authors look into the little studied issue of communicating family memory via family (home) museum expositions. The principles of using various subject-based and visual narratives as part of communication in the museum space are analyzed, taking into account the role structure, modes of communication, and participants’ competence in the topic. The discourse of memory arises when the museum space is problematized, when there is a need to explicate whatever meanings hidden within it. Important here are the principles of organizing space and the content of expositions, the ways of framing expositions and their symbolization, the parameters of situations in which memory narratives are communicated, built both on template schemes (scripts) and on multimodal schemes with flexible scenarios. At the same time, the specific gravity of subject-based and visual narratives and their relationship with verbal narratives varies significantly depending on the initial meaning (metaposition) of the museum space and the method of its framing. Interpretation of an exposition depends both on the nature of participants’ interaction and on the degree of their involvement, when the facts of each participant’s episodic memory underlying a given thing form a common communicative space – communicative memory. The explicated values that belong to the individual memory of each of the participants in communication generate new connotations in the semantics of this thing, updating their common cultural memory on the basis of shared emotional experience and deployable narratives. The museum narratives analyzed in the article focus on a specific era, period, or event. A family history or biography is used in them as a sign of belonging to a local or large history. The distinctness of the museums studied is that they rely on the Soviet past, which, depending on the chosen optics, appears in them as the history of the USSR or the life of Soviet people in a chronological perspective.

Keywords: family museums, family memory, cultural memory, subject-based narrative, visual narrative, communication in museum space

*The article is written as part of implementation of the research programme at the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences).

References

Barthes R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Le système de la mode. Essais de sémiologie de la culture]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003.

Vizual'naya antropologiya: novyye vzglyady na sotsial'nyu real'nost' [Visual anthropology: New perspectives on social reality]. Eds. E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov, V. Krutkin. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007.

-
- Dijk van T.A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000.
- Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [The fundamentals of discourse theory]. Moscow: ITDGK «Gnozis», 2003.
- Maslov D.V. *Lokal'nyye muzei i reprezentatsii etnicheskoy kul'tury altaytsev*. Avtoref. diss. ... k.i.n. [Local museums and representations of the ethnic culture of Altaians. Summary of Cand.Sc. (History) dissertation]. Moscow: IEA RAN, 2017.
- Nurkova V.V. *Istoriya kak lichnyy opyt* [History as personal experience], *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2009, no. 1, pp. 5–27.
- Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе* [La Mémoire, L'histoire, L'oubli]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.4

DOI: 10.17223/2312461X/28/17

КАК ГОВОРИТЬ О НЕМАТЕРИАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ?

Valdimar Tr. Hafstein. Making
Intangible Heritage: El Condor Pasa
and Other Stories from UNESCO.
Indiana University Press, 2018. 212 p.
ISBN 978-0-253-03793-0

За последние 60–70 лет использование концепции культурного наследия в качестве теоретической рамки, а также деятельность различных специалистов, направленная на изучение, сохранение и популяризацию объектов наследия, превратились из элитного увлечения в масштабный и популярный «культ» или «крестовый поход», по выражению Д. Ловенталя, вовлекающий в свой водоворот новых игроков (Lowenthal 1996: 3). В социальных и исторических науках критическое осмысление концепции наследия в последние десятилетия вышло на новый уровень рефлексии, когда в фокусе находится не только сам процесс изучения некоторого объекта, представляющего ценность по общеизвестным критериям (например, древность или эстетическая красота), но и то, почему эти критерии актуальны и применимы, и как меняется их интерпретация в зависимости от времени и локации (Kirshenblatt-Gimblett 1998: 144).

Рецензируемая работа фольклориста и делегата ЮНЕСКО от Исландии В. Хафштайна *Making Intangible Heritage* в центр исследования помещает взаимодействие по поводу объектов наследия между сотрудниками департамента нематериального культурного наследия ЮНЕСКО и представителями государств или локальных сообществ, которые выступают в роли «хранителей» этих объектов. Хафштайн представляет свою книгу как собрание историй о работе над различными формулировками и концепциями в упомянутом департаменте ЮНЕСКО, дополненное кейсами исследований различных объектов наследия.

Сама концепция нематериального культурного наследия (НКН) на международном уровне формировалась в рамках работы ЮНЕСКО начиная с 80-х гг. XX в. как альтернатива списку Всемирного наследия этой организации, включающему только материальные объекты. Таким образом организация предложила миру обратить внимание на все те проявления культуры, которые не вписываются в рамки уже имеющегося списка, но представляют особую ценность для народов и их репрезентации. В списке НКН ЮНЕСКО имеют полное право находиться любые нематериальные объекты культуры: устная эпическая традиция (например, якутские *Олонхо*), технология сооружения культовой постройки (например, храма *Хорю-Дзи* в Японии), практика или рецепт приготовления национального блюда (например, корейское блюдо *кимчи* и пивная культура Бельгии). Итогами разработки концепции стали Конвенция об охране НКН (2003 г.), два списка – *Представительный* и *Объектов, нуждающихся в охране*, а также национальные списки-инвентари, составляемые на государственном уровне странами, присоединившимися к Конвенции. В списки включаются «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, передаваемые общинами из поколения в поколение» (р. 6).

За последнее два десятилетия европейские и американские историки, антропологи и фольклористы, задействованные в проектах ЮНЕСКО, представляли различные исследования в теоретическом фрейме *heritage studies*, которые также рассматривали кейсы локальных сообществ (Di Giovine 2009; Eriksen 2014). На этом фоне работа В. Хафштайна выделяется тем, что содержит не только исследование локальных этнических групп и их практик в сфере охраны объектов НКН, но также своеобразную этнографию (и в некоторой степени автоэтнографию) сообщества департамента ЮНЕСКО. Автор открыто и подробно описывает традиции делегатов департамента, среду и сам процесс обсуждения вопросов, приводит высказывания относительно ряда национальных кейсов объектов НКН и анализирует обсуждения и диалоги как ученый-фольклорист. Таким образом, перед читателем предстают два сообщества: тех, чье культурное наследие является объектом изучения и неких манипуляций, и тех, кто принимает решения о

проведении этих действий. Повествование В. Хафштайна смещает привычный фокус читателя с этнических групп, чьи объекты культуры рассматриваются как наследие, на тех, кто производит сам дискурс наследия, вводит в использование новые термины и решает, что является наследием, а что нет.

Подход В. Хафштайна в целом выносит его работу за рамки так называемого авторизованного дискурса наследия (АДН), который рассматривает наследие как *вещь*, охраняемую различными институтами, представляющую ценность своей древностью и уже хотя бы поэтому нуждающуюся в особом внимании. Вслед за Лораджиной Смит, критически осмыслившей этот дискурс, В. Хафштайн говорит о наследии как о *процессе* взаимодействия агентов трех уровней: институционального (например, политики), уровня сообщества (и профессионального, и этнического) и индивидуального (например, посетители музеев) (Smith 2012). При таком подходе наследие фактически не может быть разделено на материальное и нематериальное, так как оно не существует как вещь вне смыслов, которыми наделяет его сообщество. Собственно, информантами В. Хафштайна являются агенты упомянутых Л. Смит трех уровней, а критику АДН он дополняет понятием «патримониальный режим» (р. 10). По мнению автора, этот режим действует сегодня в *heritage studies* и представляет собой институциональную сеть, поддерживающую традиционные идеи и методы работы с древностями, направленные главным образом на защиту и сохранение объектов. Именно ЮНЕСКО помещает В. Хафштайна на позицию лидера в формировании национальных дискурсов культурного наследия в рамках АДН.

Книга В. Хафштайна состоит из пяти глав, а также включает вступление (prelude), завершение (postlude), заключение, благодарности и список цитируемых работ. В первой главе, призванной очертить ряд исследовательских задач автора и озаглавленной, как и сама работа, «Создавая наследие» («Making heritage»), ставится главный вопрос книги: «Если культурное наследие – это решение, то что является проблемой?» (р. 2, 161). В. Хафштайн пересматривает конвенциональные утверждения, в плену которых, по его мнению, порой оказывается исследователь в сфере изучения наследия. Меняя местами проблему и задачи, автор деконструирует характерный для фольклористики и других дисциплин подход к сбору и сохранению элементов культуры, задавая риторический, на первый взгляд, вопрос: зачем нужна сегодня сама концепция культурного наследия и почему его нужно сохранять? Ответ на этот вопрос дается в последующих четырех главах, рассматривающих каждая на своем кейсе определенные проблемы дискурса наследия. Последние отражены в названиях глав: «Создавая угрозу», «Создавая списки», «Создавая сообщества» и «Создавая фестивали».

Центральным кейсом книги, вынесенным в название и рассмотренным в первой главе, является работа В. Хафштайна с мелодией *El Condor Pasa* («Полет Кондора»). Это музыкальное произведение прошло путь через государственные границы Боливии, Чили и Перу, пропагандистские проекты лидеров перечисленных государств, сцены многотысячных концертов американской фолк-рок-группы *Simon & Garfunkel* и других исполнителей и, наконец, оказалось в кабинетах главного офиса ЮНЕСКО в Париже благодаря трогательному и просящему защиты для данного объекта наследия письму министра иностранных дел Республики Боливия, направленному генеральному директору всемирной организации. Этот кейс лег в основу одноименного с рецензируемой книгой документального фильма¹ В. Хафштайна. Одна из основных задач проекта заключалась в атрибуции мелодии *El Condor Pasa* и установлении ее авторства для того, чтобы «закрепить» этот объект НКН за определенной этнической общностью и разрешить тем самым многолетние споры.

В главе «Создавая списки» критике подвергается «доктрина аутентичности» – политика ЮНЕСКО, согласно которой «аутентичность» – ключевой критерий ценности и фундаментальная категория научного исследования культурного наследия. Автор, как и большинство современных исследователей фольклора, опирающихся на идеи Регины Бендикс, признает проблемность понятия «аутентичность» и невозможность говорить о «подлинности» объекта наследия с опорой на этот «фольклористский конструкт» (Bendix 1997). На ряде кейсов В. Хафштайн доказывает, что «аутентичность» контекстуальна, однако при «патримониальном режиме» в сфере культурного наследия этот термин используется как инструмент подчинения, навязывающий строго определенный образец «подлинного наследия». Яркой иллюстрацией такой контекстуальности и подчинения служит кейс Исэ-Дзингу – главного синтоистского храмового комплекса в Японии. Этот культурный объект несмотря на многовековую историю сегодня не включен ни в один из списков наследия ЮНЕСКО по причине несоответствия «доктрине аутентичности» ни самих храмовых построек, ни техник строительства. Храмовый комплекс подвергался (на протяжении 1 300 лет) и продолжает подвергаться регулярной перестройке с использованием современных материалов, потому что в нем обитают духи-ками, которые любят все новое и чистое (р. 63). Именно поэтому, по выражению В. Хафштайна, этот культурный объект не проходит тест на аутентичность.

Процесс производства нематериального наследия включает в себя *отбор* и *фиксирование* или *описание* практики или устной традиции, а также дальнейший процесс презентации, направленный на привлечение внимания к культурному объекту, его популяризации. В следующих двух главах («Создавая сообщества» и «Создавая фестивали»)

В. Хафштайн представляет свою дальнейшую деконструкцию этого процесса производства, которая заключается в подробном разборе мотиваций и действий делегатов ЮНЕСКО, ученых, представителей этнических групп и политиков, ставших информантами автора, направляющих свое внимание на одни, а не на другие объекты наследия.

Вынесенные в названия четырех глав-кейсов проблемы работы с объектами НКН знакомы, пожалуй, всем исследователям того, что в отечественной науке называется «фольклор»: это угроза исчезновения некой традиции, проблема составления списков и реестров традиций, проблема сообщества – обладателя традиции и «фестивальность», связанная с популяризацией традиции. Такое деление позволяет ознакомиться с работой проблемно ориентированно и детально рассмотреть каждый из четырех вопросов через исследовательскую позицию делегата ЮНЕСКО – организации, являющейся одним из главных «игроков» сегодняшнего поля *heritage studies*.

В рамках деятельности ЮНЕСКО нематериальное наследие всегда политизировано и закреплено за определенным государством, что зафиксировано в Списках НКН. В заключении своей работы автор говорит о политической природе происхождения всей концепции наследия. Хафштайн называет концепцию НКН ЮНЕСКО нормативной, а не аналитической, поскольку именно нормативным актом, фактом включения в Список, объект наследия закрепляется за «обладателями» определенной этнической идентичности. Автор признает, что «голосом» в дискурсе наследия обладает та этническая общность, которая является «видимой» и на политической арене.

Главная отличительная черта книги В. Хафштайна – это описание процесса «производства наследия» на стороне ЮНЕСКО. В этом «сообществе» наследие так или иначе закрепляется за определенными этническими группами или государствами, на которые возлагаются задачи по защите и репрезентации культурных объектов под неустанным контролем всемирной организации. Так, по мнению автора, осуществляется менеджмент, поддерживающий мультикультурализм и «видимость» различных этнических сообществ, необходимые в сфере *heritage studies* (р. 164). Несмотря на то, что В. Хафштайн оставляет читателя без точного ответа на вопрос, решением какой именно проблемы является концепция наследия, из заключения книги создается впечатление, что именно исполнение задач по сохранению и популяризации объектов наследия ставится автором на первые позиции.

Таким образом, можно отметить, что в целом данное исследование не привносит в теорию *heritage studies* новшеств и критического осмысления имеющихся положений о незыблемой связи любого наследия с музеефикацией и национальной репрезентацией. Работа В. Хафштайна представляется прекрасной этнографической зарисов-

кой, практическая ценность которой заключается в лучшем понимании того, как происходит производство наследия в кулуарах одного из главных «игроков» в этом поле.

В целом рецензируемая книга может быть интересна исследователям наследия в его широком понимании. Хочется порекомендовать работу В. Хафштайна всем, кто задавался вопросом, как определяют понятие «культурное наследие» в различных контекстах и сообществах. Подход В. Хафштайна будет особенно интересен фольклористам, как высказывание о нематериальном культурном наследии, которое смещает угол зрения «фиксатора» и «спасателя» традиции на то, как работают (или не работают) привычные для науки способы сохранения, изучения традиции, а также сами люди, стоящие за данными практиками.

Примечания

¹ The Flight of Condor: a Letter, a Song and a Story of Intangible Cultural Heritage by Valdimar Tr. Hafstein. URL: <https://flightofthecondorfilm.com/>

Литература

- Bendix R.* In search of authenticity: The formation of Folklore Studies. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.
- Di Giovine M.* The heritage scape, UNESCO, World Heritage, and Tourism. Lanham, MD: Lexington Books, 2009.
- Eriksen A.* From Antiquities to Heritage: Transformations of Cultural Memory. New York: Berghahn Books, 2014.
- Kirshenblatt-Gimblett B.* Destination Culture: Tourism, Museums, and Heritage. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Smith L.* All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums. Amsterdam: Reinwardt Academy, Amsterdam School of the Arts, 2012.

Мочалова Мария Алексеевна
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 19 февраля 2020 г.

Mochalova Maria A.

HOW CAN ONE SPEAK OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE?

Review of Hafstein V. Tr. *Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO*. Indiana University Press, 2018. 212 p. ISBN 978-0-253-03793-0

DOI: 10.17223/2312461X/28/17

References

Bendix R. *In search of authenticity: The formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.

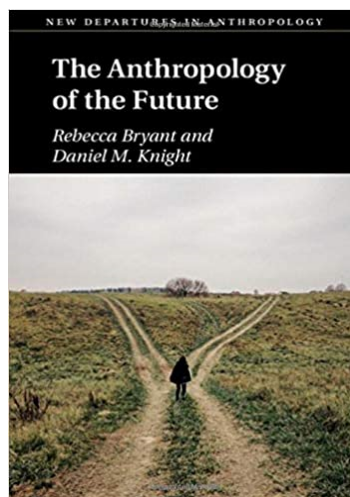
-
- Di Giovine M. *The heritage scape, UNESCO, World Heritage, and Tourism*. Lanham, MD: Lexington Books, 2009.
- Eriksen A. *From Antiquities to Heritage: Transformations of Cultural Memory*. New York: Berghahn Books, 2014.
- Kirshenblatt-Gimblett B. *Destination Culture: Tourism, Museums, and Heritage*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Lowenthal D. *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Smith L. *All Heritage is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums*. Amsterdam: Reinwardt Academy, Amsterdam School of the Arts, 2012.

УДК 316.4

DOI: 10.17223/2312461X/28/18

АНТРОПОЛОГИЯ БУДУЩЕГО. ОРИЕНТАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Bryant R., Knight D.M. The Anthropology of the Future. Cambridge University Press, 2019. 275 p. ISBN: 9781108378277

Книга «Антропология будущего» вышла в серии «Новые направления антропологии» издательства Cambridge University Press в 2019 г. Ее авторов, Ребекку Брайант и Дэниела Найта, объединяют академические интересы к политике, кризисам (как миграционным, так и финансовым), а также к Средиземноморью (Греции, Кипру, Турции).

Тема будущего, которой посвящена работа, не так широко представлена в антропологии, что обусловило выход книги именно в серии «Новых направлений». Авторы отмечают, что даже с учетом новой волны работ, посвященных темпоральности (ср. работы А. Аппадурай, С. Коллинза, Н. Скорина-Чайкова, Л. Бэар, С. Далсгаарда и М. Нельсона, Дж. Салазара), в них недостаточно внимания уделяется будущему и фактически не предлагаются методы его исследования для антропологии, хотя эта тема критически важна в связи с глобальными вызовами в сферах экологии, технологий и финансов. Цель рецензируемой книги – исправить сложившийся порядок и предложить методологические и

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46043).

аналитические инструменты для исследований будущего (р. 16). Авторы считают, что изучать будущее можно через практики настоящего (*futuralizing the present*) и что именно будущее делает настоящее настоящим, в чем они следуют за идеями Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Т. Шацкого.

Для того, чтобы перенести эти идеи в антропологию и иметь возможность исследовать связь будущего и настоящего, Р. Брайант и Д. Найт предлагают изучать «ориентации» людей. К сожалению, они не предлагают концептуального определения «ориентаций», хотя и представляют их как такой аспект в действиях и в понимании людей, который дает возможность связать их с будущим (р. 16–20). При этом ориентации бывают как личные, так и коллективные, что подробно иллюстрируется в каждой главе.

Авторы выделяют шесть таких темпоральных ориентаций: предвосхищение (*anticipation*), ожидание (*expectation*), спекуляцию (*speculation*), потенциальность (*potentiality*), надежду (*hope*) и судьбу (*destiny*). Р. Брайант и Д. Найт отмечают, что этот список нельзя назвать исчерпывающим, что он основан на эвристических различиях и что на экспериментальном уровне может быть сложно провести границы между предложенными ориентациями, но, по их мнению, он может стать отправной точкой для более детального изучения того, как темпоральные ориентации формируют действия в настоящем. Каждой из этих ориентаций посвящена отдельная глава.

Все главы имеют похожую структуру: в начале идет теоретическая часть с обращениями к (преимущественно) философским и антропологическим текстам и идеям; далее авторы вписывают ориентации в различные социальные контексты (известные им по полевой работе или общеизвестные политические). Каждая последующая глава дополняет предыдущую, внося смысловые оттенки в представленные ориентации.

Первые две главы посвящены ориентациям предвосхищения и ожидания, различие между которыми зависит от того, проживает ли сообщество кризис и период неопределенности или же спокойное время. Предвосхищение связано с периодами нестабильности, когда прошлое, настоящее и будущее как будто бы сливаются в одной точке, будущее стремительно приближается к настоящему, а настоящее, как и прошлое, объясняется через представления о будущем (р. 32). «Нормальные» и предсказуемые периоды связаны с ориентацией ожидания. У ожидания есть «горизонт» будущего, будущее возможно представлять потому, что у сообщества уже был такой опыт ожидания в прошлом. Все три времени довольно четко «разнесены» по своим местам.

Спекуляцию авторы представляют как ориентацию, как будто заполняющую «пробел» между ожиданием и предвосхищением. Последний образуется в поворотные моменты жизни сообщества. В качестве

примера исследователи обращаются к брекситу: у сообщества сложилось понимание того, что больше нет ожидаемого и понятного развития событий, но альтернативные сценарии будущего еще не представлены (с. 104). Если предвосхищение предполагает опору на опыт прошлого, то спекуляция появляется в момент, когда такого опыта нет.

Ориентация потенциальности предполагает взгляд на будущее через возможности, заключенные в настоящем (р. 107). Авторы используют метафору беременности: настоящее беременно возможностями, которые могут актуализироваться в будущем (р. 62).

Наиболее часто встречающейся ориентацией (и в то же время наиболее абстрактной) Р. Брайант и Д. Найт называют надежду, которая приближает к реальности то, что еще не произошло, и мотивирует к действию, тем самым подталкивая потенциальность к актуализации. Как правило, надежда – позитивно заряженная ориентация, которая связана с работой воображения и часто встречается в политике (здесь авторы среди прочего обращаются к М.Л. Кингу и его знаменитой речи).

Судьба как темпоральная ориентация относится к будущему, которое лежит «за горизонтом», к будущему, которое невозможно ни увидеть, ни предположить, но которое, тем не менее, внутренне присуще настоящему (р. 160). Она связана с идеей, что необходим какой-то главный смысл, который служит ориентиром на протяжении всей жизни. От остальных ориентаций судьбу отличает то, что она выходит за темпоральный предел / горизонт.

Р. Брайант и Д. Найт не проводили специального полевого исследования при подготовке «Антропологии будущего», что, на мой взгляд, несколько отдаляет книгу от привычных антропологических текстов. С учетом того что заявленная цель книги – создание методологической базы для антропологических исследований, я ожидала увидеть больше этнографических примеров. Вместо этого авторы вписывают предлагаемые ориентации в широкие политико-экономические контексты и не так часто «приближаются» к интерпретации действий и событий в конкретных сообществах. Также по ходу чтения у меня не сложилось общего представления о том, как авторы выбрали ориентации и почему именно такие. Р. Брайант и Д. Найт только отмечают, что устанавливали между ориентациями различия эвристически и предлагают коллегам дальше развивать эти аналитические инструменты.

Тем не менее я считаю, что авторам удалось повысить «видимость» будущего в антропологии и предложить оригинальную методологию анализа связей между настоящим и будущим.

*Рожкова Юлия Владимировна,
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Rozhkova Yulia V.

THE ANTHROPOLOGY OF THE FUTURE. RESEARCH DIRECTIONS*

Review of Bryant R., Knight D.M. *The Anthropology of the Future*. Cambridge University Press, 2019. 275 p. ISBN: 9781108378277

DOI: 10.17223/2312461X/28/18

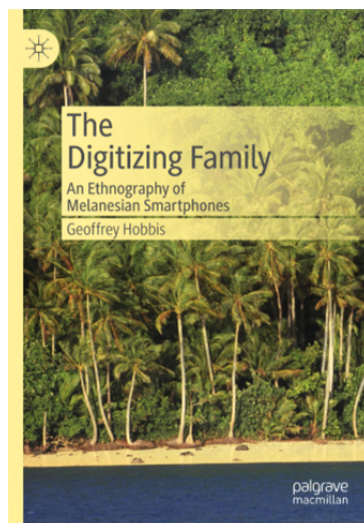
*The review is written under the research project No. 20-68-46043, supported by the Russian Science Foundation (RNF).

УДК 392.3

DOI: 10.17223/2312461X/28/19

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Geoffrey Hobbis. The Digitizing Family. An Ethnography of Melanesian Smartphones. Switzerland, 2020. XI+225p. ISBN 978-3-030-34928-8

Рецензируемая работа («Оцифровывая» семью: этнография меланезийских смартфонов») подводит итог полевого исследования, проведенного антропологом Джеффри Хоббисом на Соломоновых Островах, в северо-восточной части провинции Малаита, в деревне Гвуулу (Gwou`ulu). Тематика книги Хоббиса включена в проблемную область цифровой антропологии и касается повседневных практик использования цифровых технологий и их (взаимо)влияния на социальную структуру и социальные связи. Несмотря на сравнительную новизну этого научного направления, уже издано немало работ, тематически близких рецензируемой (например, Horst, Miller 2006; Chayko 2008; Chan 2013).

Основные вопросы, поднимаемые автором, таковы: как технологии влияют на социальные и особенно родственные связи – укрепляют или разрушают их? Как, в более широком контексте, использование смартфонов соотносится со стремлением жителей Соломоновых Островов сохранить устоявшиеся родственные отношения, противостоя модерности с ее преобладающим индивидуализмом? Автор проводит исследование в рамках «технографического» подхода, или «этнографии техно-

логий», описывающей и анализирующей использование технологий в повседневной жизни и их включенность в социальную и культурную среды (р. 17). Смартфон является системообразующим элементом исследования и повествования. Анализируя использование данного технического средства, автор поднимает несколько основных проблем, связанных с соотношением модерности и традиционности, локальными особенностями потребления глобальных цифровых технологий и трансформации родственных связей под воздействием последних. Эти сюжеты раскрываются благодаря изучению повседневной жизни деревни Гвуулу и фиксации обыденных и постоянно повторяемых манипуляций, совершаемых жителями деревни со смартфонами.

Книга состоит из десяти глав, в которых представлены: основной исследовательский вопрос, дизайн исследования, общие вопросы проблематики и методологии цифровой антропологии, организация собственно полевой работы и, наконец, внешние факторы, определяющие взаимодействие с технологиями: качество мобильной связи на Соломоновых Островах (и конкретно в Гвуулу), природные условия, влияющие на срок жизни смартфонов, и функционал доступных местным жителям аппаратов. После решения основных методологических вопросов и определения рамок исследования Хоббис анализирует воздействие цифровых (мобильных) технологий на повседневные практики, родственные связи и на моральные и социальные нормы, регулирующие общественные отношения.

Автор вслед за Брайаном Фейганом (Fagan 2010) использует метафору швейцарского ножа, понимая смартфон как многофункциональный инструмент, предоставляющий доступ к разнообразной информации, позволяющий преодолевать огромные расстояния и расширять пространство частной жизни. Во многом именно в многофункциональности заложена способность влиять на повседневные практики и преобразовывать социальные связи.

Как следует из текста монографии, огромные возможности, появляющиеся благодаря цифровым технологиям, двойственно влияют на изучаемое сообщество. С одной стороны, они дают свободу и открывают перспективы, с другой стороны, их использование сопряжено с рисками, отмечаемыми самими пользователями (р. 101). Смартфон позволяет информировать широкий круг родственников о значимых семейных событиях, помогает занять детей в то время, когда родители работают, и т.п. Риски же, по мнению жителей Гвуулу, связаны с тем, что смартфоны способствуют распространению добрачных и внебрачных сексуальных отношений, а также делают человека уязвимым перед магическим воздействием.

Влияние смартфона на родственные связи также двойственно. Смартфон помогает сохранить их, поддерживая контакт с далеко жи-

вущими родственниками (р. 98). В то же время пользователь смартфона может ограничить нежелательные контакты, тем самым ослабляя и даже прерывая их. Хоббис приводит пример: жители деревни, часто приезжающие в город по делам (или проводящие там много времени), нередко игнорируют звонки деревенских родственников или вовсе приобретают отдельный телефонный номер для использования в городе, который не сообщают им, зная, что эти звонки будут связаны с просьбами купить продукты, пополнить счет мобильного телефона и проч. (р. 115).

Смартфон изменяет социальные отношения и повседневные практики. Так, до массового появления смартфонов жители Гвуулу смотрели фильмы в импровизированных кинотеатрах (*muvi haos*), и перечень фильмов, приемлемых по определенным параметрам (в первую очередь моральным), определялся людьми, имеющими авторитет в деревенском сообществе. Теперь же, когда смартфон есть почти у каждого взрослого человека, сообщество не может контролировать объем и содержание потребляемого контента, доступ к фильмам нежелательного характера (т.е. содержащим эротические сцены или сцены грубого насилия) практически не ограничен, что порождает общественную дискуссию (р. 145–158).

Некоторые утверждения автора могут стать поводом для дискуссии. Так, автор экстраполирует свои выводы на культуру цифровой повседневности Меланезии в целом. Несмотря на то что результаты исследования Хоббис подкрепляет наблюдениями предшественников, работавших в Меланезии, на мой взгляд, эмпирический материал, накопленный автором монографии, недостаточен для масштабных обобщений. Также не вполне оправданным видится акцент на частностях, например детальном описании *sim*-карт или *sd*-карт (вмещающих список необходимых респондентам телефонных номеров и весь потребляемый респондентом аудио- и видеоконтент соответственно) как значимых материальных объектов цифровой культуры; или фиксации банальных актов повседневности вроде использования базовых функций мобильного телефона, например калькулятора или фонаря (pp. 12–15, 85–90). Подробное описание комплектующих смартфона и его функционала недостаточно связано с основными вопросами исследования, и потому осложняет восприятие текста, отвлекая от основной линии.

Несмотря на неуместную экстраполяцию и слабую связь некоторых смысловых фрагментов книги с основным ее содержанием, книга Хоббиса интересна и своей многослойностью, и тем, как органично и непротиворечиво традиционная антропологическая проблематика в ней сочетается с трендовой. Эта книга может восприниматься как качественная научно-популярная работа, предназначенная для широкого круга читателей, и в то же время она способна быть ориентиром для

молодого специалиста, задумавшего многоплановое и / или междисциплинарное исследование.

Литература

- Chan A.* Networking peripheries: Technological futures and the myth of digital universalism. MIT Press, 2013.
- Chayko M.* Portable Communities: The Social Dynamics of Online and Mobile Connectedness. Albany: State University of New York Press, 2008.
- Fagan B.M.* Cro-Magnon: How the Ice Age Gave Birth to the First Modern Humans. New York: Bloomsbury Press, 2010.
- Horst H.A., Miller D.* The cell phone: an anthropology of communication. Oxford, New York: Berg Publishers, 2006.

*В.В. Илизарова,
Институт этнологии и антропологии РАН*

Рецензия поступила в редакцию 7 мая 2020 г.

Ilizarova Valeria V.

KINSHIP AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Review of Hobbis G. *The Digitizing Family. An Ethnography of Melanesian Smartphones.* Switzerland, 2020. XI+225p. ISBN 978-3-030-34928-8

DOI: 10.17223/2312461X/28/19

References

- Chan, A. *Networking peripheries: Technological futures and the myth of digital universalism.* MIT Press, 2013.
- Chayko, M. *Portable Communities: The Social Dynamics of Online and Mobile Connectedness.* Albany: State University of New York Press, 2008.
- Fagan, B.M. *Cro-Magnon: How the Ice Age Gave Birth to the First Modern Humans.* New York: Bloomsbury Press, 2010.
- Horst, H.A. & Miller D. *The cell phone: an anthropology of communication.* Oxford, New York: Berg Publishers, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМЗОН Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: abramzon-m@mail.ru

АСОЧАКОВА Евгения Михайловна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, кафедра минералогии и геохимии, инженер-исследователь, ЦКП «Аналитический центр геохимии природных систем», геолого-географический факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия).

E-mail: ev.asochakova@gmail.com

БУЖИЛОВА Александра Петровна – доктор исторических наук, академик РАН, директор Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Институт археологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: albu_pa@mail.ru

БУРКОВА Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН; преподаватель, Международный центр антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва (Россия).

E-mail: burkovav@gmail.com

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия).

E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГОЛОВНЕВ Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста; ассоциированный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: bairjan@mail.ru

ЗАВЬЯЛОВ Владимир Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: v_zavyalov@list.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой антропологии и этнологии, факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия).

E-mail: snori76@mail.ru

ИЛИЗАРОВА Валерия Владимировна – кандидат исторических наук, исполнительный директор Ассоциации антропологов и этнологов России, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: v.ilizarova@gmail.com

МЕДНИКОВА Мария Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: medma_pa@mail.ru

МОРОЗОВ Игорь Алексеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: mianov@rambler.ru

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна – аспирант, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: mashagrimi11@gmail.com

НИКИТИН Максим Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: proisel@gmail.com

НОВИЧИХИН Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Анапский археологический музей, г. Анапа (Россия).

E-mail: yazamat10@yandex.ru

ОПАРИН Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра этнологии, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).

E-mail: dimaoparin@hotmail.com

РОЖКОВА Юлия Владимировна – аспирант, кафедра этнологии, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).

E-mail: konovalova-msu@yandex.ru

САПРЫКИНА Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь (Россия), Институт археологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: dolmen200@mail.ru

СКЛЕЗ Варвара Михайловна – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН; преподаватель, Московская высшая школа социальных и экономических наук, г. Москва (Россия); аспирант Университета Уорика, г. Ковентри (Великобритания).

E-mail: varvar.sk@gmail.com

СЛЕПЦОВА (КЫЗЛАСОВА) Ирина Семеновна – старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: i_kyzlasova@iea.ras.ru

СЛЕПЧЕНКО Сергей Михайлович – кандидат биологических наук, заместитель руководителя по науке, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень (Россия).

E-mail: s_slepchenko@list.ru

СМЕКАЛОВА Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующая отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма, НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского г. Симферополь (Россия); Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», г. Москва (Россия).

E-mail: tsmek@mail.ru

ТЕРЕХОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: v_zavyalov@list.ru

ФЕДЕНОК Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центр кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: fedenok.julia@gmail.com

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, руководитель Центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН; президент Ассоциации медицинских антропологов, г. Москва (Россия).

E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

ЧУГАЕВ Андрей Владимирович – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: vassachav@mail.ru

ШИРИН Юрий Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория междисциплинарных археологических исследований «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия); доцент, Новокузнецкий филиал-институт Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк (Россия).

E-mail: shirin_a@mail.ru

ЭРИКСЕН Томас Хюлланд – профессор антропологии, Университет Осло; член Норвежской академии наук, г. Осло (Норвегия).

E-mail: t.h.eriksen@sai.uio.no

ABOUT THE AUTHORS

ABRAMZON Mikhail Grigorievich – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: abramzon-m@mail.ru

ASOCHAKOVA Evgenia Mikhailovna – Cand.Sc. (Geological and Mineralogical Sciences), Associate Professor, Research Engineer, Collective Use Centre ‘Analytical Centre of Geochemistry of Natural Systems’, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: ev.asochakova@gmail.com

BURKOVA Valentina Nikolaevna – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow (Russia).

E-mail: burkovav@gmail.com

BUZHILOVA Aleksandra Petrovna – Dr.Sc. (History), Academician of the Russia Academy of Sciences, Head of Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University; Institute of Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: albu_pa@mail.ru

CHUGAEV Andrey Vladimirovich – Cand.Sc. (Geological and Mineralogical Sciences), Senior Research Fellow, Institute of Ore Deposit Geology, Petrography, Mineralogy and Geochemistry, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: vassachav@mail.ru

ERIKSEN Thomas Hylland – Professor of Social Anthropology at the University of Oslo, Member of the Norwegian Academy of Science and Letters, Oslo (Norway).

E-mail: t.h.eriksen@sai.uio.no

FEDENOK Julia Nikolaevna – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow (Russia).

E-mail: fedenok.julia@gmail.com

GOLOVNEV Andrei Vladimirovich – Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History); Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg (Russia).

E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

GUCHINOVA Elza-Bair Matsakovna – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences, Elista (Russia); Associate Fellow, European University at Saint Petersburg (Russia).

E-mail: bairjan@mail.ru

ILIZAROVA Valeria Vladimirovna – Cand.Sc. (History), Executive Director of the Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: v.ilizarova@gmail.com

KHARITONOVA Valentina Ivanovna – Dr.Sc. (History), Head of the Medical Anthropology Group, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; President of Association of Medical Anthropologists, Moscow (Russia).

E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

MEDNIKOVA Maria Borisovna – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: medma_pa@mail.ru

MOCHALOVA Maria Alekseevna – PhD student, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: mashagrimi11@gmail.com

MOROZOV Igor Alekseevich – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: mianov@rambler.ru

NIKITIN Maksim Aleksandrovich – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: proisel@gmail.com

NOVICHIKHIN Andrey Mikhailovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Anapa Archaeological Museum, Anapa (Russia).

E-mail: yazamat10@yandex.ru

OPARIN Dmitriy Anatolievich – Cand.Sc. (History), Senior Lecturer, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: dimaoparin@hotmail.com

ROZHKOVA Yulia Vladimirovna – PhD student, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: konovalova-msu@yandex.ru

SAPRYKINA Irina Anatolievna – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol (Russia), Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: dolmen200@mail.ru

SHIRIN Yuriy Viktorovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Archaeological Research ‘Artefact’, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia); Associate Professor, Novokuznetsk Institute of the Kemerovo State University, Novokuznetsk (Russia).

E-mail: shirin_a@mail.ru

SKLEZ Varvara Mikhailovna – Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Lecturer, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow (Russia); PhD Student, University of Warwick, Coventry (UK).

E-mail: varvar.sk@gmail.com

SLEPTSOVA (KYZLASOVA) Irina Semenovna – Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: i_kyzlasova@iea.ras.ru

SLEPCHENKO Sergey Mikhailovich – Cand.Sc. (Biology), Deputy Head (Research) at the Institute of the Problems of Northern Development (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), Tyumen (Russia).

E-mail: s_slepchenko@list.ru

SMEKALOVA Tatiana Nikolaevna – Dr.Sc. (History), Head of Department of Natural Science Methods in the Archaeology of Crimea at the Research Centre for the History and Archaeology of Crimea, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol (Russia); National Research Center ‘Kurchatov Institute’, Moscow (Russia).

E-mail: tnsmek@mail.ru

TEREKHOVA Natalia Nikolaevna – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: v_zavyalov@list.ru

VODYASOV Evgeniy Vyacheslavovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow at the Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ZAITCEVA Olga Viktorovna – Cand.Sc. (History), Chair of the Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).

E-mail: snori76@mail.ru

ZAVYALOV Vladimir Igorevich – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: v_zavyalov@list.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.docor *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2020. № 2

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 30.06.2020 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 20,3. Усл. печ. л. 26,5. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4350. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.07.2020 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru